

768

Отъ красныхъ лапъ въ неизвѣстную даль

(ПОХОДЪ УРАЛЬЦЕВЪ).

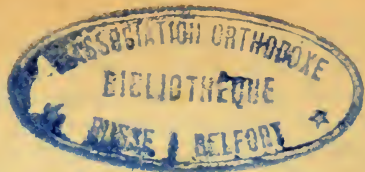
Иллюстраціи исполнены художн. Александромъ
Козминымъ по наброскамъ съ натуры участника
похода прaporщика Леонида Масянова.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

Типографія Изд. Т-ва „Пресса“, Асмали-Месджидъ, 35

1921.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Начинаю свою повѣсть не съ первыхъ своихъ походовъ въ неизвѣстность, а только съ прибытія въ Фортъ-Александровскъ: съ этого времени мы становимся „уходцами“—людьми, если не навсегда, то на долгое время сознательно покинувшими свой родной край.

Что толкнуло насъ въ неизвѣстную даль?—Каждому честному русскому человѣку,—оставшемуся въ живыхъ отъ „безкровной революціи“ не могутъ быть непонятны причины этого: коммунизмъ намъ не по душѣ и новымъ паразитамъ не хотѣлось отдавать ни труда своихъ рукъ, ни своей крови.

Тяжелъ былъ нашъ путь, но онъ не законченъ. Куда насъ бросить вновь судьба?—неизвѣстно.

Теперь же мы какъ и большинство русскихъ, только существуемъ, на что то надѣемся и вполнѣ сознаемъ, что дальнѣйшее меньше всего зависитъ отъ насъ самихъ.

Въ предыдущемъ, страшномъ зимнемъ походѣ была хоть борьба со стихіей. Много, бессмысленно много тамъ погибло. Кто остался живъ, тотъ едва ли чувствуетъ себя вполнѣ здоровымъ человекомъ. Теперь же что скрываютъ въ себѣ наши странствованія?

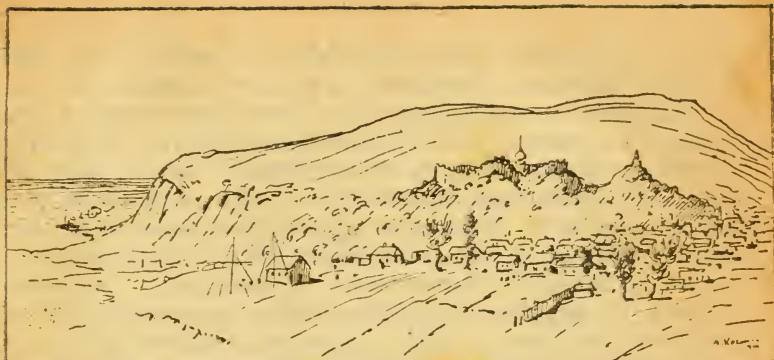
Вспоминается фраза одного изъ участниковъ похода, сожителя по кошару: „Прихватили на свой вѣкъ Майнъ-Рида, теперь суждено жить и по Джекъ Лондону“. И это пережито! Что будетъ дальше?

Мы тогда не блѣднѣли передъ ужасами, и, будучи на грани жизни и смерти, могли даже отъ души смѣяться надъ остроумнымъ словомъ.

Какъ то разъ въ одинъ изъ жуткихъ дней тотъ же участникъ похода по поводу поблѣвшаго отъ мороза носа у походнаго „Аверченко“ глубокомысленно замѣтилъ: „Первый разъ вижу, чтобы молодые люди начинали блѣднѣть съ носа“. Смѣхъ, послѣдовавшій за этой фразой, отвлекъ вниманіе отъ свиста вѣтра и отъ упорной, но спокойной у всѣхъ мысли—здѣсь ли придется кончать свое существованіе, или тамъ, дальше, въ пути? Теперь же приходится блѣднѣть не отъ мороза, а отъ мысли—что будетъ съ Россіей, а значитъ, и съ нами? и ни какой смѣхъ не въ состояніи разогнать печальныхъ думъ!

Какъ бы хотѣлось конца такихъ переживаній и смерти не въ пути, а тамъ,—на Родинѣ.

Городъ Фортъ-Александровскъ находится на самомъ западномъ концѣ Мангишлагскаго полуострова. Фортеція отъ которой городъ и позаимствовалъ свое названіе, какъ всѣ фортеціи добраго стараго времени, возвышалась надъ всей близлежащей мѣстностью. Изъ нея великолѣпно видны всѣ спуски съ облигающихъ кругомъ плоскогорій и отлично наблюдаются подходящія долины; и съ суши и съ моря ее видно, какъ на ладони.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава I.

Прибытіе въ Фортъ.—Навѣянные городомъ воспоминанія.—Встрѣча съ семьей и вездѣсущимъ поручикомъ.—Дз.—Дз.—Въ семейной обстановкѣ.

2—15 февраля 1920 года. Было что-то около четырехъ часовъ вечера, когда я со своимъ адъютантомъ, есауломъ Борисомъ Петровичемъ Митрясовымъ, въ плетушкѣ, запряженной парой лошадокъ, въѣхали въ Фортъ Александровскъ.

Городокъ этотъ почти цѣлымъ поколѣніемъ Уральцевъ былъ забытъ. Онъ до революціи жилъ только въ памяти стариковъ, помнившихъ рассказы своихъ отцовъ о гибели возлѣ него весной 1870 г. отъ вѣроломства киргизъ полусотни Уральцевъ, которая конвоировала Мангишлагскаго пристава подполковника Рукина, да вспоминался старыми моряками на нашемъ крейсерѣ «Уральцѣ»: „Какъ они ходили туда зъ пер-

вый разъ по курсу, проложенному на картѣ“. Это было лѣтъ двадцать—двадцать пять тому назадъ.

Съ моимъ прибытіемъ съ западнаго фронта въ Гурьевъ въ мартѣ 1918 г. и съ выборомъ меня атаманомъ дружины, Фортъ притягиваетъ мои и казачьи взоры возможностью раздобыться тамъ, или на островахъ возлѣ него, оружіемъ и огнестрѣльными припасами, каковыхъ у насъ въ войскѣ было весьма ограниченное количество. Астрахань, сдѣлавшаяся нашимъ врагомъ со времени большевистскаго переворота была слишкомъ сильна, чтобы казакамъ, почти безоружнымъ, можно было поискать таковое въ ея окрестностяхъ.

Въ октябрѣ же мѣсяцѣ того года у насъ съ Формомъ заводятся торговыя сношенія: оттуда привозили намъ табакъ, мануфактуру—сукно, бязь, персидскій ситецъ, мы же разрѣшали пріѣзжавшимъ купцамъ закупать хлѣбъ у себя въ области.

Въ апрѣлѣ 1919 г., когда я былъ уже атаманомъ войска и Командующимъ Уральской Отдѣльной Арміей, Фортъ и станица Николаевская становятся свидѣтелями побѣды англійскихъ моряковъ съ доблестнымъ адмираломъ Нориссъ во главѣ надъ флотиліей красныхъ, превышающей англичанъ какъ количествомъ судовъ и орудій, такъ и дальностью послѣднихъ. Эпизодъ этотъ запечатлѣлся и въ дѣтскихъ мозгахъ будущихъ гражданъ Форта пѣсенкой:

Ерлапаны летятъ,
Бомбы катятся,
Комунисты бѣгутъ,
Въ лодки прячутся.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года я счелъ долгомъ встрѣтить доблестнаго адмирала въ Гурьевѣ. Отъ него я узналъ, что флотъ англичанами сдается русскимъ морякамъ. Такое сообщеніе меня не порадовало. Доблестное поведеніе англійскаго командованія вселяло въ меня вѣру въ благополучіе далекаго тыла моей арміи, упиравшагося своей главной базой—городомъ Гурьевымъ—въ море. Что за люди, которымъ сдается флотъ, и почему имъ сдается?— для меня было тайной.

Теперь же это становится совершенно яснымъ: слишкомъ много было праздно-шатающагося элемента въ тылу добровольческой арміи, богатаго всевозможными заручками въ верхахъ и желавшаго работать не покладая рукъ тамъ, гдѣ менѣе всего опасно. Этотъ элементъ объявилъ и доказалъ кому-то, что безъ него Каспійское море погибнетъ. Какъ ему могли не дать послѣ такого серьезнаго заявленія цѣлаго Каспія.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ я на всякій случай ставлю въ Фортѣ сотню казаковъ. Итакъ, Фортъ не имѣвшій въ своемъ гарнизонѣ сорокъ—сорокъ пять лѣтъ Уральскихъ казаковъ, снова ихъ увидѣлъ.

Станица Н. колаевская со своей бухточкой расположена въ трехъ верстахъ сѣверо-западнѣе Форта. Бухта эта защищенная слѣва большой песчаной косой, на которой и расположена станица Г. Николаевская, справа круто поднимающимся высокимъ плоского-риемъ, само собой разумѣется, также отлично видна изъ Фортеціи.

Проѣхавъ мимо крѣпости по широкой улицѣ, названія которой я сейчасъ не помню, мы остановились на площади съ мечетью, гдѣ и стали спрашивать квартиру туркмена Бекъ-Назарова. Намъ ее скоро указали.

Туркмены, къ которымъ мы обращались въ свою очередь задавали намъ вопросъ: „Скоро ли пріѣдетъ Атаманъ?“

Я улыбался и отвѣчалъ что-то въ отрицательномъ смыслѣ, поражаясь тѣмъ обстоятельствомъ, —откуда они могли знать о скоромъ моемъ пріѣздѣ.

„Сюрпризомъ быть для своей семьи не удастся“, —подумалъ, я отворяя дверь въ указанномъ мнѣ домѣ. Встрѣчаетъ насъ моя жена, и на лицѣ ея кромѣ улыбки я ничего не замѣчаю. Мы здороваемся. Я вижу, что она меня ожидала, но все же задаю вопросъ:

— Ждала ли меня сегодня?

— Да, но только позднѣе.

— Кто же могъ сказать тебѣ?—удивляюсь я и тутъ же догадываюсь, что дѣло не обошлось безъ „вездѣсущаго“ поручика Дз.-Дз.

Дѣйствительно, такъ оно и было. Жена, не вспомнивъ мудреную фамилію поручика, назвала его по должности.

— Дз.-Дз.!—вырывается у меня.

— Вотъ, вотъ, именно онъ! Онъ каждый день навѣщаетъ насъ и сообщаетъ, гдѣ и при какихъ условіяхъ ты находишься, и проситъ за тебя не беспокоиться. Часа не прошло, какъ поручикъ былъ здѣсь и сказалъ, что ты долженъ пріѣхать сегодня, въ 6 или 7 час. вечера.

— Поразительный нюхъ у человѣка!—дѣлюсь я съ женой впечатлѣніями объ этомъ поручикѣ,—поразительная осведомленность и въ томъ, что до него касается, и въ томъ, что къ нему совсѣмъ не относится.

Д.-Дз. меня всегда поражалъ своей способностью втереться вездѣ да такъ, что иной разъ пожалѣешь, не имѣя его подъ руками. Усердіе, проявляемое имъ въ порученныхъ ему задачахъ, порою кажется граничащимъ съ провокаторской дѣятельностью. Отъ него отъ перваго всегда узнаешь о какомънибудь событіи, о которомъ еще нѣтъ телеграфныхъ и воинскихъ донесеній. Онъ первый, возвращаясь съ Куспы, приноситъ въ концѣ декабря 1919 года извѣ-

стіе обѣ измѣнѣ намѣ нашей союзницы противъ красныхъ «Алашъ-Орды» и о вырѣзѣ ея больныхъ и здоровыхъ въ тылу Илецкаго Корпуса. Типъ этотъ, должно быть, порожденіе времени, въ немъ я и сейчасъ не разберусь. Изворотливъ же, изворотливъ, какъ бѣсъ!

Борисъ Петровичъ, простившись съ нами ушелъ къ себѣ на квартиру. Я, не прерывая своихъ вопросовъ и разговора съ женой, вмѣстѣ вхожу въ комнаты.

— Вчерашній ночлегъ былъ въ верстахъ 56—60 отсюда. Не рѣши мы выѣхать сегодня, рано утромъ на таратайкѣ, а иди вмѣстѣ съ отрядомъ, мы могли быть въ Фортѣ или завтра ночью, или послѣ завтра утромъ, поэтому для того, кто могъ сообщить „вездѣсущему“ о нашемъ приѣздѣ сегодня, необходимо было съ послѣдней остановки выѣхать одновременно съ нами, или же, чортъ возьми, брать на себя слишкомъ многое, читая мысли на разстояніи. На промежуточномъ этапѣ, гдѣ мы останавливались погрѣться, никакихъ лошадей не было видно, что бы можно было заключить о нахожденіи линіи летучей почты, также не видно было никакого поста на мѣстѣ нашего ночлега. Ты какъ будто сказала, что онъ опредѣлилъ и разстояніе до него?

— Да, онъ сказалъ шестьдесятъ верстъ.
Я совсѣмъ былъ пораженъ.

Вдругъ раздается стукъ въ дверь и знакомый голосъ, голосъ поручика Дз.-Дз. спрашиваетъ:

— Ваше Превосходительство, разрѣшите войти!
Легокъ на поминѣ, думаю я, и отвѣчаю:—Можно.

Отворяется дверь, въ нее появляется сначала голова съ медленно обводящими комнату глазами, потомъ появилось и туловище. Поручикъ подошелъ ко мнѣ съ почтительно наклоненной головой, благодаря чему я могъ хорошо ознакомиться съ проборомъ на ней.

— Какъ изволили доѣхать, Ваше Превосходительство, благополучно ли?

— Благодарю, вполне благополучно. Какимъ об-

разомъ вы могли сказать женѣ часъ моего приѣзда?— нетерпится мнѣ.

— У меня, Ваше П-во, организованы изъ киргизъ посты летучей почты.

— Чортъ возьми, гдѣ же они были? я ни одного коннаго на этапахъ не видѣлъ.

— По линіи ауловъ, параллельныхъ этапамъ. Вы, Ваше П-во, ѣхали такъ быстро, что я ошибся на цѣлыхъ два часа.

— Какъ вспоминаю, — прерываю я его, — вблизи дороги незамѣтно было никакихъ ауловъ.

— Никакъ нѣтъ, Ваше П-во, аулы были, но вдалекѣ. Киргизы изъ ближнихъ ауловъ снялись, такъ какъ боялись непріятностей отъ проходившихъ частей.

Распросивши его о томъ, когда онъ самъ приѣхалъ со своимъ отрядомъ, какимъ путемъ шелъ, испыталъ ли все то, что мы испытали, задаю ему наболѣвшій вопросъ о порядкахъ въ Фортѣ, навѣянный рассказами, какъ прапорщика Пономарева, рискнувшего съ однимъ офицеромъ и проводчикомъ киргизомъ выѣхать далеко впередъ, за послѣдній этапъ, для встрѣчи моего отряда, такъ и казака Азарія Киселева, встрѣченнаго нами между первымъ этапомъ и Фортъ-то, о грабежахъ моряками имущества Уральской Арміи и разбояхъ ихъ по берегамъ Мангишлагскаго полуострова.

Слова Киселева ярко запечатлѣлись у меня въ памяти:

— Хуже въ сто разъ красныхъ. Что с... д... сдѣлали, всѣхъ киргизовъ угнали съ побережья. Не знаешь теперь, куда и ѣхать за баранами.

— А какъ къ намъ здѣшніе киргизы относятся? — задалъ я тогда ему вопросъ.

— Хорошо!—отвѣтилъ казакъ.

То, что они втроемъ, имѣя при себѣ огромныя суммы денегъ, рискуютъ ѣхать куда-то, въ глубь полуострова, послужило мнѣ доказательствомъ правдивости отвѣта Азарія.

Дз.-Дз. какъ то передернуло отъ моего вопроса.

Фонтанъ цѣлой обвинительной рѣчи полился изъ устъ поручика. Со свойственными, кажется, только ему одному жестами, напоминающими манеру усыплять, или гладить, со способностью говорить обо всемъ съ одинаковымъ увлеченіемъ и авторитетомъ, онъ такъ мнѣ обрисовалъ порядки, что я возымѣлъ намѣреніе, какъ можно скорѣе, ознакомиться съ обстановкой и сгладить всѣ шероховатости вызванныя черезъ мѣру исполнительнымъ поручикомъ. Я былъ уже не радъ, что затронулъ этотъ вопросъ, оказавшійся больнымъ не только для меня.

Доносившійся изъ сосѣдней комнаты страшный кашель дѣтей, которыхъ я успѣлъ только перецѣловать, усилившійся теперь до небывалыхъ размѣровъ, заставилъ меня пожелать „всего лучшаго“ и до „слѣдующаго раза“ словоохотливому поручику.

* * *

Я вошелъ въ комнату, гдѣ бѣдные ребятики задохались отъ душившаго ихъ кашля и совмѣстно съ женой и тещей началъ давать имъ успокаивающія средства. Въ промежуткахъ между кашлемъ дѣтей, заботами о самоварѣ и столѣ жена познакомила меня съ причинами свалившейся на дѣтей напасти.

— Ты не можешь, Владиміръ, представить себѣ, — говорила она, — какъ пришлось намъ ѣхать и какое выносить, чисто скотское, обращеніе. Когда мы съ крейсера „Уралецъ“ перешли на шхуну, сначала всѣ — твои старики, моя мама, жена генерала Мартынова съ дочерьми помѣстились въ общей каюгѣ-столовой. Въ скоромъ времени входитъ туда комендантъ парохода и, увидя насъ, заявляетъ: «Вы не особенно много сюда наталкивайтесь, вамъ все равно придется отсюда убраться». Генеральша Мартынова, повидимому, уже не разъ дававшая ему отпоръ, спрашиваетъ: „Куда?“ — „Хотя бы на палубу“ — слѣдуетъ отвѣтъ.

— Какъ же это такъ! — прерываю я жену. — Должны же они были видѣть, что здѣсь сидитъ генералъ, по одному виду прослужившій не менѣе пятидесяти лѣтъ Матушкѣ-Россіи.

— Конечно видѣли и знали: папа былъ, какъ всегда, въ погонахъ.

Я замолчалъ.

— Послѣ такого заявленія,—продолжаетъ жена, мы всѣ поспѣшили перекочезать въ трюмъ, чтобы занять тамъ мѣста до прибытія новыхъ пассажировъ, за которыми пошелъ „Уралецъ“. Въ трюмѣ было страшно холодно: кругомъ желѣзо, отопленія нѣтъ, кошемъ оказалось мало даже для подстилки на полъ. Усилившійся вѣтеръ и холодъ заставляютъ меня снова перебраться въ каюту-столовую. Въ это время въ ней сидѣли господа офицеры и играли въ карты. На переходъ мой, какъ будто-бы, никто не обратилъ вниманія. Какъ на грѣхъ сильная качка сдѣлала свое дѣло: ребятъ вырвало. Это возмутило коменданта и, обращаясь ко мнѣ, онъ съ презрительнымъ жестомъ иронически произнесъ: „Мадамъ Мартынова хотѣла меня чуть ли не повѣсить, когда я не пускалъ васъ сюда, а намъ, вотъ, пріятно смотрѣть на такую пакость?! Знайте, у насъ нѣтъ прислуги убирать за вами“. Я отвѣтила: „Успокойтесь, за своими ребятами я и сама приберу“. Подошедшаго своего брата попросила принести ведро воды и вымыла полъ. Этимъ дѣло и кончилось. Твои же старики и всѣ остальные такъ все время и были въ трюмѣ.

— Скоты!—вырывается у меня, и я чувствую, что придется вновь себя брать въ руки, дабы заглушить начинающую разрывать грудь злобу. Знакомое состояніе и не разъ испытанное, когда видишь и знаешь, какая подлость творится тыловыми мерзавцами доброй арміи, но молчишь, боясь напортить общему дѣлу и, быть можетъ, погубить людей, почему-то избравшихъ меня своимъ Атаманомъ. И въ данный моментъ немного успокоенный этимъ сознаніемъ я, отпуская по временамъ эпитеты по адресу различныхъ дѣйствующихъ лицъ, продолжалъ слушать рассказъ жены о ихъ злоключеніяхъ безъ меня.

Когда жена въ своемъ рассказѣ касается распоряженій морского коменданта Форта, бывшаго ранѣе Гурьевскимъ, передо мною вновь встаетъ фигура съ

жирной, оплывшей физиономіей съ нахальнымъ выраженіемъ, ртомъ, готовымъ все сожрать, что бы ни попало, съ глазами, выражающими все, что угодно, кромѣ порядочности.

— Морской комендантъ взялъ на себя обязанность вытряхивать изъ Форта всѣхъ бѣженцевъ,—продолжаю слушать я какъ нѣчто уже обыкновенное, не удивляясь ни выраженію, ни возмущенію жены.—Я какъ то имѣла возможность спросить его: какъ я поѣду съ больными дѣтьми въ такую стужу, да еще въ трюмъ? И получила въ отвѣтъ: «Какъ же это я могъ плавать въ Ледовитомъ Океанѣ, находясь все время на палубѣ?» Увидя, что съ этимъ богомъ не разговоришься, я обратилась къ капитану Михайлову за совѣтомъ. Этотъ мнѣ посовѣтовалъ не обращать на него совсѣмъ вниманія, и, въ случаѣ чего, не ѣхать—и дѣлу конецъ. Я такъ и рѣшила поступить.

Самоваръ поспѣлъ, и мы усѣлись за столъ. Вокругъ его размѣстились цѣлыхъ три семьи: я съ женой и тещей, братъ жены съ своей супругой и сыномъ, и чета Майоровыхъ.

Всѣ три семьи живутъ въ двухъ комнатахъ: въ столовой, гдѣ мы пьемъ чай, помѣщается Майоровъ со своей супругой и племянникомъ, въ другой комнатѣ—моя жена, дѣти, теща, семья Георгія Миновича, брата моей жены. Для меня спальней и кабинетомъ отведена зала. Ее начали протапливать только дня два-три тому назадъ, и оттуда, когда открывалась дверь, несло по ногамъ сыростью.

Больше мѣсяца, какъ я не пилъ этого напитка по культурному: изъ стакана, безъ папахи и зимней татарки, подъ самой настоящей крышей, въ теплѣ и безъ кошмарнаго дыма.

Наслаждаясь чаемъ, какъ можетъ наслаждаться полуголодное, уставшее отъ походовъ тѣло, я все же принялъ участіе въ общемъ разговорѣ и помогалъ Федору Степановичу парировать нападки на него всей женской половины нашего общежитія изъ-за оставленныхъ нами, мною и имъ, необходимыхъ вещей въ Гурьевѣ.

— Пооди,—говорить жена,—и тебѣ попадетъ за это отъ стариковъ.

— Слава Богу, что сами-то остались живы. Богъ съ ними, съ вещами и тряпками. Если будетъ суждено намъ жить, то и онѣ появятся на свѣтъ—заканчиваю я, прощаюсь и ухожу къ себѣ въ залу, чтобы, наконецъ то, раздѣться, переменить бѣлье, закрыться потеплѣе и заснуть.

Все было выполнено быстро по этой программѣ, кромѣ послѣдняго: заснуть мнѣ долго не удавалось. Припоминаніе различныхъ мѣстъ изъ разговора съ Дз.-Дз., сопоставленіе ихъ со слышаннымъ въ пути и съ полученными тамъ же отъ полк. Кабанова официальными свѣдѣніями о занятіи Красноводска красными 7 февраля, о благополучіи Каспійской Флотиліи въ настоящее время, объ отпавшей поэтому необходимости ставить на суда свой конвой—все привело отдохнувшій за походъ мозгъ въ движеніе, и онъ одинъ не пожелалъ отдаться усталости, охватившей все тѣло.

Съ воспоминаній работа его перескакиваетъ на оцѣнку дѣятельности нашихъ представителей на Кавказѣ и на Югѣ Россіи, раздобывшихъ для арміи почти все необходимое. Машинально вспоминаются цифровыя данныя и машинально же дѣлаются изъ нихъ выводы: въ Петровскѣ муки: 27 вагоновъ. Достаточное количество находится и въ Фортѣ: не вина нашихъ представителей, думаю я, что трудами ихъ добытое обмундированіе не попало къ намъ. Видимо, они были безсильны что-либо предпринять противъ начавшагося официального и неофициального грабежа. Огнеприпасовъ въ Петровскѣ также много для насъ, и... больше уже ничего не помню.

Когда проснулся, на улицѣ было совсѣмъ свѣтло. Страшный вѣтеръ перенесъ мое воображеніе въ степь. Я искренно пожалѣлъ находящихся тамъ. Дрожь проняла согрѣвшееся тѣло и заставила меня залѣзть снова съ головой подъ одеяло, чтобы вновь почувствовать благодать теплоты.

Согрѣвшись, я, какъ сурокъ, выглядываю изъ

своего убѣжища и осматриваю помѣщеніе. Чувствова-
лась сырость и тѣлу не хотѣлось вылѣзть изъ подъ
одѣяла. Хотя на улицу и выходили изъ этой комнаты
три большихъ окна съ матовыми нижними звеньями,
но въ комнатѣ не было особенно свѣтло. Въ одномъ
углу помѣщенъ мягкій диванъ со столикомъ; нѣсколь-
ко мягкихъ креселъ, разставленныхъ въ промежут-
кахъ между окнами, заканчивали меблировку ея. Что
то въ родѣ органа, стоявшаго у двери, выходящей въ
корридоръ, показывало, что хозяинъ любитъ музыку.
При этой же двери, но у другой стѣны, вижу малень-
кій письменный столикъ съ этажерками, чернильни-
цей и листомъ промокательной бумаги. Онъ, какъ бы
опредѣляя мои здѣсь занятія, показывалъ мѣсто для
подписи резолюцій на бумагахъ и наводилъ на меня
тоску.

Всѣ напились чаю, когда я соблаговолилъ оста-
вить свою теплую кровать. Умыванье доставило, вмѣ-
стѣ съ невольной дрожью и пріятную свѣжесть осво-
бодившимся отъ накопленной за многіе дни грязи шеѣ,
ушамъ и лицу. Въ походѣ въ ежедневной чистотѣ со-
держались только глаза и руки, вѣрнѣе, кисти рукъ.

Послѣ процедуры умыванія я съ неменьшимъ
удовольствіемъ принялся пить чай подѣ кашель ре-
бятъ и хлопоты по хозяйству всей женской половины
нашего общежитія.

Начавшіеся визиты различныхъ служебныхъ лицъ
прервали мое наблюденіе за утренней дѣятельностью
въ домѣ.

Глава II.

Визитеры.

Первымъ пришелъ Начальникъ Гарнизона Нико-
лаевской станицы полковникъ Кабановъ.

Это—ясно выраженный типъ стараго казачьяго
офицера, формации промежутка времени отъ Турецкой
кампаніи до Германской войны, продуктъ чисто мир-
ной и хозяйственной обстановки. О, Боже, мой, какъ

много было такихъ лицъ, за Германскую войну! Довольно умный, дѣятельный тамъ, гдѣ только есть для себя польза, онъ считался въ мирное время, какъ и цѣлая плеяда таковыхъ, хорошимъ администраторомъ и хорошимъ хозяиномъ, такъ какъ обладалъ драгоценнѣйшими качествами, цѣнными высшимъ начальствомъ во времена покоя Россіи выше всѣхъ другихъ въ офицерѣ — тонко дѣлать свои дѣла со способностью показывать всегда товаръ лицомъ. Последнее время, сдѣлавшее изъ подобныхъ людей, быть можетъ, и вполне честныхъ гражданъ, но вырвавшее у нихъ возможность опираться всегда и всюду на статьи закона, столь страшныхъ для непосвященной темной массы, — сдѣлало ихъ совершенно бездѣтельными и, я бы сказалъ, безцѣльными.

Вспоминаются обстоятельства, связанные съ назначеніемъ этого полковника на должность Начальника Гарнизона Форта Александровска.

Середина мая 1919 года. Назрѣвала необходимость взять Уральскъ.

Къ этому времени Гурьевскій пѣшій полкъ, потерявшій тяжело раненымъ въ бою подъ Зеленымъ своего любимца — командира Войскового Старшину Петра Ивановича Хорошхина, все еще оставался безъ утвержденнаго приказомъ главы. Вопросъ этотъ не на шутку тревожилъ меня и Начальника Штаба Арміи, полковника Моторнаго. Послѣ долгихъ разборовъ, справокъ, мы останавливаемся, наконецъ, на фамиліи полк. Кабанова, выполнявшаго въ это время какую-то ревизію въ тыловыхъ учрежденіяхъ войсковыхъ частей. Пишется приказаніе явиться ему въ Штабъ первой дивизіи, мѣсто обычнаго моего пребыванія во время славныхъ боевъ то въ Соболевскомъ направленіи, то въ Николаевскомъ, а также и на линіи желѣзной дороги Саратовъ-Уральскъ.

Дня черезъ два я имѣлъ честь его увидѣть. Предлагаю ему принять должность Командира полка.

Казалось, онъ былъ менѣе удивленъ, если бы казаки безъ всякой подготовки переплыли Чуганъ или Уралъ и выбрали красныхъ изъ Уральска, чѣмъ сво-

имъ новымъ назначеніемъ. Господи, какая смѣсь, всевозможныхъ чувствъ отразилась моментально на его фізіономіи! Нашъ полковникъ какъ то сразу опустился, и началъ лепетать о томъ, что онъ никогда не командовалъ пѣхотной частью, что онъ слишкомъ давно не былъ въ строю, да и можетъ ли онъ справиться въ настоящее время съ казаками, а, значить, и съ должностью Командира полка.

Видя, что назначеніемъ подобнаго вождя не только не пособишь боевой дѣятельности, а добьешься одного, что изъ хорошаго полка сдѣлаешь никуда негодный,—я пересталъ съ нимъ говорить. Передалъ сценку разговора Владиміру Ивановичу.

Подходящаго Командира никакъ не находилось и пришлось назначить полковника Чернышева, сыгравшаго такую печальную роль при атакѣ Уральска 24 мая 1919 года.

Непрерывные бои съ этого времени и отходъ нашъ подъ напоромъ освободившихся силъ у противника, какъ съ Сибирскаго направленія, такъ и съ линіи Ташкентской желѣзной дороги, бѣженская волна хлынувшая на линію и вспыхнувшія со страшной силой эпидеміи сыпного, брюшного и возвратнаго тифовъ,—заставляютъ меня больше и больше обращать вниманіе на Фортъ Александровскъ. Бывшій тамъ Начальникомъ Гарнизона генераль-майоръ Желѣзновъ по преклоннымъ лѣтамъ уже оказывался неспособнымъ выполнять всю отвѣтственную роль, какая возлагалась на него развертывающимися событіями.

Кого послать?—Останавливаемся опять на фамиліи полковника Кабанова: быть можетъ, умъ и энергія въ административныхъ дѣлахъ, каковая рекомендація его со стороны Владиміра Ивановича Моторнова уже крѣпко засѣла въ моей головѣ, найдутъ примѣненіе свое у него въ Фортѣ.

Ему приказывается немедленно ѣхать туда на пароходѣ; дается задачей—«принять всевозможныя мѣры къ закрѣпленію за нами этого пункта. „Въ скоромъ времени посылаются туда на его имя одна за другой радіо-телеграммы о принятіи мѣръ къ встрѣчѣ въ

степяхъ бѣженцевъ и устройства для этого по путямъ питательныхъ пунктовъ.

На повѣркѣ оказалось, что мѣры, принятыя имъ, были чисто кабинетнаго свойства. Карта ему сказала одно: что путей, идущихъ въ Фортъ слишкомъ много; людей же онъ видѣлъ у себя подъ руками мало—только одну сотню гурьевцевъ. Если бы не прибылъ въ Фортъ изъ Петровска полковникъ Сидоровнинъ, заставившій Кабанова приняться за работу и показавшій ему собой примѣръ,—ни мнѣ, ни бѣженцамъ, ни войсковымъ частямъ не пришлось бы дойти до этого города.

Въ представшей передо мной фигурѣ я не замѣтилъ почти никакого измѣненія съ тѣхъ поръ, когда я въ первый разъ увидѣлъ ее въ Штабѣ Первой дивизіи. Только одни глаза, теперь болѣе живые, чѣмъ тогда, выдавали неособенно плохое его житіе. Подергиваніе угловъ рта на неестественно кислой фізіономіи съ широкимъ лицомъ и таковымъ же лбомъ давало понять, что и ему приходится претерпѣвать непріятности. Слова его подтвердили мною замѣченное.

На мои вопросы о положеніи больныхъ, о распредѣленіи районовъ для прибывающихъ и прибывшихъ частей, о положеніи дѣлъ на этапахъ, связанныхъ съ доставкою отсюда туда провіанта, онъ отвѣчаетъ, что все обстояло благополучно до прихода въ Фортъ сумасшедшаго пор. Дз.-Дз., который-де всѣхъ возстановилъ противъ себя самочинными распоряженіями и вмѣшательствомъ въ дѣла, совершенно его не касающіяся.

— Вотъ что, полковникъ,—пришлось мнѣ обрѣзать его,—здѣсь образовалось цѣлыхъ три начальника, независимыхъ другъ отъ друга: Вы, которому поручено быть Начальникомъ гарнизона и закрѣпить Фортъ со станицей за нами, капитанъ Михайловъ,—начальникъ гарнизона какихъ-то, уже не существующихъ, частей Закаспійской Арміи, а также и морской Инспекторъ со своимъ комендантомъ,—мудрено ли, что поручикъ, видя, вашу покладистость, объединилъ все въ

своихъ рукахъ? Можно, допускаю,—продолжалъ я,—при настоящихъ обстоятельствахъ считать себя въ правѣ быть уступчивымъ, но не черезъ мѣру: одинъ разъ у Васъ отбираютъ моряки обмундированіе, въ другой разъ вывозятъ въ Петровскъ привезенную отсюда сюда муку, въ третій—морской комендантъ беретъ за дѣло эвакуаціи бѣженцевъ Уральской области и общаетъ вытряхивать ихъ, какъ щенковъ. Это я называю, полковникъ, стараніемъ беречь, во что бы то ни стало, собственное здоровье.

— «Ваше Превосходительство, — лепечетъ онъ, моргая глазами,—у меня такая масса дѣлъ, особенно денежныхъ, въ которыхъ я и кассиромъ и казначеемъ, что голова идетъ кругомъ. Съ приходомъ же частей мнѣ приказано принимать отъ начальниковъ счета въ израсходованіи авансовъ. Нельзя ли будетъ меня освободить хотя бы отъ послѣдняго?

Такое неудачное, не во время, оправданіе меня окончательно выводитъ изъ себя, и я чувствую необходимость оборвать его:

— Вы жаловаться ко мнѣ пришли? Вамъ трудно и, конечно, нѣтъ никакого дѣла до того, что я пріѣхалъ только вчера и, должно быть, вытерпѣлъ больше, чѣмъ Вы здѣсь, сидя подъ крышей и оберегая себя отъ возможныхъ непріятностей. Стыдно Вамъ, полковникъ! Займемся лучше очереднымъ дѣломъ. До меня дошло, что сюда изъ войска прибыло раньше частей много офицеровъ безъ опредѣленныхъ задачъ и инструкцій,—потрудитесь возможно скорѣе доставить списки, а засимъ до свиданья, желаю Вамъ всего наилучшаго.

Вторымъ визитеромъ былъ полковникъ С. начальникъ партизанъ отряда ген. Николаева.

Это былъ субъектъ выше средняго роста, тонкій, съ однимъ живымъ глазомъ, другой—не то съ бѣльмомъ, не то выткнутъ, въ черкескѣ, съ серебряннымъ кинжаломъ на кавказскомъ поясѣ. Онъ почему-то заставилъ меня вспомнить пословицу: „Богъ шельму мѣтитъ“.

Подвижное лицо съ характерными жилками на

носу, быстрая рѣчь съ оттѣнкомъ особой почтительности, выдавали въ немъ отличительныя качества народившагося въ гражданскую войну партизанскаго типа,—отличнаго собесѣдника въ компаніи, великолѣпно заговаривающаго зубы высшему начальству для полученія большихъ авансовъ и занимающагося дѣлами, имѣющими, возможно, очень отдаленное отношеніе къ военному дѣлу, до всевозможныхъ законныхъ и незаконныхъ реквизицій у населенія.

Онъ быстро знакомитъ меня съ послѣдними днями Красноводска. Рисуетъ свой походъ оттуда сюда—въ Фортъ; попутно успѣваетъ удивляться здѣшнему холодищу: ...,Тогда какъ у Киндерли, верстахъ въ трехстахъ отсюда, семь дней тому назадъ было настолько жарко, что мы отлично чувствовали себя въ лѣтнемъ обмундированіи“.

На мой вопросъ, какъ ему удалось такъ быстро пройти такое большое разстояніе, имъ дается вполнѣ обстоятельный отвѣтъ: Въмѣсто того, чтобы огибать Кара-Бугасъ, онъ переправился въ узкомъ проливѣ на паромѣхъ.

Кончивъ свой разсказъ о походѣ, партизанъ обращается ко мнѣ за разрѣшеніемъ послать телеграмму ген. Николаеву, который, по его словамъ, долженъ находится на Кавказѣ: „переправится ли ген. Николаевъ опять на этотъ берегъ и, если нѣтъ, то какія онъ дастъ ему инструкціи?“

Я отвѣчаю, что радіо не находится въ моемъ подчиненіи, а въ вѣдѣніи Морского штаба: ему надо обратиться туда и, думаю, въ просьбѣ не откажутъ.

Онъ встаетъ, благодаритъ и, раскланявшись, уходитъ.

Не успѣли заглохнуть по коридору крадущіеся шаги этого партизана, какъ вошли въ комнату хозяинъ нашего общежитія, туркменъ Бекъ-Назаровъ и его пріятель—гурьевскій татаринъ, купецъ Валій Галіевичъ Ахмировъ.

Валій Галіевичъ хочетъ знакомитъ меня съ Бекъ-Назаровымъ.

Нашъ хозяинъ, одѣтый совершенно по европей-

ски, отвѣчаетъ ему, что онъ уже знакомъ со мной, просто протягиваетъ мнѣ руку и задаетъ вопросъ:

— „Довольны ли Вы, Владиміръ Сергѣевичъ, помещеніемъ, и есть ли у васъ все необходимое?“

Я здороваюсь съ нимъ и, улыбаясь, говорю:

— Такъ и зналъ, что Вы начнете съ этого: жена уже меня предупредила.

Мнѣ почему-то стало весело, и я не хотѣлъ огорчить этого радушнаго человѣка, сказавъ, что совершенно забылъ его. Веселость его меня подкупала. Ни разу въ немъ за мое пребываніе въ Фортѣ я не примѣтилъ ни оха, ни вздоха, свойственныхъ только, должно быть, однимъ захолустнымъ русскимъ купцамъ, особенно когда дѣло касается суммъ въ ихъ крѣпко набитыхъ сундукахъ. Неискреннимъ это веселье хозяина не могло быть,—въ противномъ случаѣ оно обличало бы слишкомъ сильное сценическое искусство въ этомъ симпатичномъ туркменѣ.

Онъ высказалъ мнѣ сожалѣніе о томъ, что я не могъ быть на свадьбѣ его брата Шакира, гдѣ были и мои старики и вся моя семья, было весело, танцевали, ѣли, пили.

— Валій Галіевичъ задаетъ мнѣ постоянно вопросъ,—говоритъ Бекъ-Назаровъ,—почему я такой веселый. Я отвѣчаю: Если меня Богъ такимъ создалъ—то какъ я могу быть другимъ. Вотъ почему ты, Галіевичъ, не веселый? — обращается онъ къ Ахмирову, удивляясь задумчивости своего друга.—Слава Богу, въ Гурьевѣ остался только „хурда-мурда“, всѣ деньги ты сюда привезъ. Не унывай братъ, — хлопаетъ онъ Валію Галіевича по спинѣ,—поѣдемъ въ Баку, Энзели. Народъ тамъ свой, заживемъ опять хорошо, опять торговать будемъ. Ты говоришь, какія это у тебя деньги —однѣ бумажки! Это не бѣда: вездѣ теперь бумажки. Тамъ жить будемъ вмѣстѣ, вмѣстѣ въ рестораны ходить будемъ, опять купцами будемъ. Жену Атамана кассиршей посадимъ.

Юморъ лился изъ каждой складки его симпатичнаго лица. Я невольно захохоталъ.

Жена уже успѣла немного познакомить меня съ

этой отличительной его чертой. Вотъ ея характеристика нашего хозяина: срѣзаетъ у него лодку на морѣ съ товарами на миллионъ рублей, это для него нипочемъ; приходится ему съ начала революціи кормить населеніе Форта и окрестныхъ киргизъ хлѣбомъ, ѣздитъ самому въ такое безпокойное время по этимъ дѣламъ, заѣзжая даже въ Гурьевъ,—тоже ничего. Какой полнѣйшій контрастъ съ нашимъ толстопузымъ купечествомъ, раскошеливающимся только тогда, когда у него чуть ли не сама смерть на носу, да и тогда оно смекаетъ и торгуется во всю, чтобы не уплатить, или не переплатить болѣе, чѣмъ другіе. Сколько крови оно мнѣ перепортило въ Гурьевѣ, когда я былъ Атаманомъ гурьевской дружины, а потомъ и Войсковымъ. Бекъ-Назаровъ, знай, твердитъ одно: „На нашъ вѣкъ денегъ хватить; придется пожить,—заживемъ не хуже другихъ“.

Его другъ Валій Галіевичъ тоже въ высшей степени отзывчивый человѣкъ. Мнѣ пришлось случайно узнать о томъ, что если помощь Ахмирова Войску не развернулась во всю, то виноватыми были русскіе купцы Гурьева, контролировавшіе каждый шагъ Валій Галіевича на пути вспомошествованій какъ бѣднымъ города Гурьева, такъ и области, и частенько останавливавшіе его отъ пожертвованій крупныхъ суммъ. Эта толстопузая братія боялась, какъ бы я не узналъ о ихъ денежной состоятельности и не растрясъ ихъ кошельки.

Кончился этотъ визитъ тѣмъ, что они оба посоветовали мнѣ отложить, какъ нибудь, занятія и навѣстить ихъ.

— «Одинъ шагъ по корридору, другимъ шагомъ въ моей квартирѣ»,—добавляетъ Бекъ-Назаровъ къ общей просьбѣ, и оба проходятъ въ нашу столовую.

Гдѣ то вы теперь, славные люди?

Въ «земномъ раю» мнѣ удалось узнать, что Бекъ-Назаровъ со своей правой рукой—киргизомъ Атурбаемъ принуждены были изъ степей и горъ, куда они убѣжали отъ красныхъ, вернуться опять въ Фортъ: имъ угрожала опасность изъ-за своего богатства быть

вырѣзанными киргизами, быть можетъ, тѣми самыми, которые отъ нихъ кормились. Валію Галіевичу Ахмирову еще при мнѣ удалось выѣхать со всей своей семьей и семьей брата Бекъ-Назарова Шакира изъ Форта въ Баку.

Будучи въ Тегеранѣ въ Августѣ 1920 года я справлялся—нѣтъ ли его, Ахмирова, въ Езели?—Никакого отвѣта на свои запросы не получилъ. Денежныхъ средствъ, какъ и сейчасъ, никакихъ тогда у меня не было, чтобы при современномъ положеніи вещей можно было добиться необходимыхъ справокъ.

Неужели ихъ разстрѣляли, повѣсили, или примѣнили къ нимъ одну изъ тѣхъ пытокъ, которыми занимались въ свое время царь-Давидъ со своими приближенными?

Закончилась эта серія визитовъ появленіемъ «вездѣсущаго» пор. Дз.-Дз., принесшаго испеченные имъ приказы.

Я отпустилъ его со словами: «Съ завтрашняго дня буду знакомиться со всѣми учрежденіями и порядками въ Форту».

— «Слушаю»,—получается отвѣтъ. Онъ поворачивается и уходитъ.

Я вздохнулъ полной грудью отъ сознанія, что никто уже меня сегодня, по всей вѣроятности, не побеспокоитъ: могу на досугъ заняться разборкой литературнаго труда поручика и побыть со своими.

Глава III.

Обходъ учреждений.—Земной адъ.

Утро. Я былъ въ кровати, когда узналъ, что наши всѣ прибыли. Изъ столовой слышались голоса домашняго «Аверченко», иногородца Михаила Модина и ругавшаго ихъ за что-то старика Фаддея Михайловича Заморенова.

Въ 9 час. утра, надѣвъ свою папаху съ шашкой, портупеей которой подпоясалъ свою, служившую мнѣ съ зимы 1914 года походную татарку, испытывшую зимы различныхъ странъ и достаточно потертую всѣми

походами, я вышелъ изъ комнаты, намѣреваясь внезапно появиться въ штабъ вездѣсущаго поручика.

Въ корридорѣ столкнулся съ самимъ Дз.-Дз. и сопровождавшими его двумя офицерами. Видъ поручика въ офицерской, осенней, мирнаго времени шинели, съ пѣхотными пуговицами, съ защитной фуражкой на головѣ, съ отлично вычищенными сапогами со шпорами и съ перекинутой черезъ плечо шашкой съ золотой, хотя и потрепанной портупеей,—ясно показывалъ, что онъ придаетъ нашему обходу особое значеніе.

Втроемъ выходимъ изъ воротъ.

Все тотъ же холодный, сухой, восточный вѣтеръ, такъ много натворившій бѣдъ идущимъ въ Фортъ частямъ, и превратившій не одну тысячу людей въ замороженныя глыбы, съ какой-то сатанинской злобой сталъ бить по отдохнувшему лицу пескомъ, какъ будто этимъ желая сорвать свою досаду на то, что не смогъ вырвать жизнь и у насъ.

Поручикъ, давъ направленіе нашему шествію, шелъ самъ на полшага впереди лицомъ ко мнѣ и защищалъ свои уши и щеки отъ песка поднятіемъ лѣваго плеча съ наклоненіемъ къ нему головы. Съ обычнымъ краснорѣчіемъ онъ сыпалъ о томъ, что имъ сдѣлано здѣсь, въ Фортѣ, и какое безобразіе было до него. Офицеры слѣдовали сзади меня.

При подходѣ къ какому-то бѣлому зданію поручикъ, оставивъ свое возмущеніе, и взявъ руку подвысь, докладываетъ:

— «Столовая Бѣлаго Креста. Начала функционировать только 3—4 дня тому назадъ: до этого абсолютно ничего не было налажено по халатности, какъ обслуживающихъ ее, такъ и полк. Кабанова. Теперь все есть,—заканчиваетъ онъ свой рапортъ и отворяетъ мнѣ дверь.

Попадаемъ въ комнатку, служившую въ прежнія времена передней. Насъ встрѣчаетъ какой-то господинъ. Изъ словъ поручика заключаю, что это управляющій, и здороваюсь съ нимъ. Всѣ гурьбой входимъ въ слѣдующую комнату, гдѣ за столами въ одинъ

рядъ сидить много обвѣтрившихся до послѣдней степени лицъ. На столахъ передъ нѣкоторыми изъ нихъ стоятъ пустыя чашки. Видно, что одни уже попили чайку, а другіе готовятся къ этому. Немногіе думаютъ подняться, но видя жестъ съ моей стороны, приглашающій сидѣть, остаются на своихъ мѣстахъ.

Проходимъ на кухню, гдѣ поручикъ и управляющій знакомятъ меня съ нуждами столовой, а также и съ посѣщающими ее людьми. Оказывается, въ столовую ходитъ не малое количество, среди котораго много однихъ и тѣхъ же лицъ.

На мой вопросъ: какъ это можетъ быть, когда здѣсь есть части, къ которымъ одиночные люди и должны быть прикомандированы?—Дз.-Дз. остроумно объясняетъ такое явленіе своеобразной любовью русскаго человѣка къ свободѣ, а также и царившими порядками въ Фортѣ.

Здѣсь изъ разговоровъ узнаю, что завѣдывающей Отдѣломъ Бѣлаго Креста состоитъ гр. Бобринская, та самая, которая мною и Борисомъ Петровичемъ Митрясовымъ была встрѣчена на одной изъ этапныхъ подставъ далеко отъ Форты.

Она слѣдовала до нашей съ ней встрѣчи съ Фортунатовскимъ отрядомъ. Верблюды у ней въ повозкѣ отказались служить, какъ и большинство таковыхъ у Фортунатова, по причинѣ проклятой спѣшки съ которой онъ мчался къ Фортѣ. Она отстала отъ отряда и обратилась за помощію къ намъ. Мы пристроили ее въ одинъ изъ кошаровъ редутской сотни.

На слѣдующій день мы обогнали фортунатовцевъ, буквально шедшихъ черепашимъ шагомъ, нога за ногу. Къ вечеру останавливаемся на ночлегъ среди непривѣтливой, широкой долины съ обрывистыми, какъ бы вырѣзанными изъ картона скалами, съ чахлой растительностью и, должно быть, вѣчно бушующимъ здѣсь вѣтромъ.

Она приходитъ къ намъ въ кошаръ поблагодарить еще разъ за данный пріютъ. Мы усаживаемъ ее, угощаемъ лепешками на бараньемъ салѣ.

— „Боже мой, какая вкусная вещь“,—восклицаетъ она.

Дѣйствительно, лепешки были великолѣпны. Старикъ Фаддей Михайловичъ, выдавшій виды, благодаря практичности, сметкѣ и расторопности котораго мы не знали многихъ неудобствъ, превзошелъ въ этотъ день самого себя. Нашъ братъ, какъ люди походные, принялись за разговоръ, уже плотно закусивши. Поостривши, какъ водится, надъ нашимъ старикомъ, котораго графиня просила показать ей способы такого приготовленія лепешекъ, мы всѣ пришли къ одному заключенію, что эти вещи хороши только въ походѣ.

Отъ нея узнаемъ, какъ она попала въ Гурьезъ. Туда она залетѣла съ двумя или тремя милосердными сестрами, имѣя цѣлью ознакомиться съ условіями тыловой жизни и положеніемъ Арміи и, волею судьбы, должна теперь дѣлать съ казаками и этотъ походъ.

Изъ нѣкоторыхъ деталей ея разказа я тогда видѣлъ, что передъ нами сидитъ не совсѣмъ заурядная личность.

Странная дальнѣйшая судьба этой славной женщины. Захворавъ по пріѣздѣ въ Фортъ тифомъ, она объ этомъ никому не сказала, и когда почувствовала приближеніе смерти, заперлась у себя въ комнатѣ.

Первые, проникнувшіе въ ея квартиру послѣ ея смерти, теперь не помню кто,—изъ персонала ли ея учрежденія или хозяевъ квартиры,—по словамъ сопровождавшаго ее кавказца, поживились немалымъ добромъ. Обстоятельства абсолютно не позволили мнѣ взяться за разслѣдованіе этого дѣла. Я даже не могъ присутствовать на ея похоронахъ.

Здѣсь же, на кухнѣ, Дз.-Дз., кромѣ ознакомленія съ котлами и другими предметами, успѣваетъ знакомить меня также съ обязанностями своихъ офицеровъ, назначенныхъ по разнымъ учрежденіямъ для порядка и, по любимому его выраженію: „для пользы Уральской Арміи“.

Временами, „для большей вѣскости“ онъ своему изложенію придаетъ форму военного рапорта:

— Въ Городской Комитетъ представителемъ отъ частей назначенъ прапорщикъ Логиновъ.

— Для какой цѣли?—вырывается у меня.

— Онъ потарапливаетъ тамъ сборъ фуръ, верблюдовъ для отправки на этапы и разрѣшаетъ дровяной вопросъ.

Простившись съ завѣдывающимъ, выходимъ опять на воздухъ. Дз. представляетъ мнѣ подвернушагося намъ офицера:

— Хорунжій Ольховскій, завѣдующій расквартированіемъ чиновъ и воинскихъ частей.

Уже на ходу, указывая на проходящаго мимо насъ какого-то офицера, онъ не удерживается и опять рапортуетъ;

— Имѣетъ честь проходить мимо насъ бывший завѣдующій регистраціей бѣженцевъ въ Фортѣ.

Затѣмъ даетъ объясненіе слову „бывшій“ и добавляетъ, что бѣженскій отдѣлъ перенесенъ въ станицу и долженъ находиться въ вѣдѣніи полк. Кабанова. Попутно знакомитъ меня со способами охраны города и нарядами для этой цѣли отъ войсковыхъ частей. Послѣ этого съ необыкновенной виртуозностью перескакиваетъ на другіе, интересующіе меня, предметы. Перечисляетъ мнѣ наизусть пришедшія части и, приблизительно, (но довольно вѣрно) сообщаетъ ихъ составъ. Отъ него узнаю, что въ Фортъ прибыло много отрывковъ частей всевозможныхъ наименованій. Изъ Астраханскаго казачьяго дивизіона прибыло 75 человекъ, изъ Оренбургской пулеметной команды—24 человекъ, изъ партизанскаго отряда кап. Рѣшетникова—44 человекъ, изъ запаснаго баталіона кап. Плѣшищцева—20 человекъ, изъ Оренбургскаго казачьяго дивизіона—42 человекъ.

— Мой отрядъ прибылъ благополучно,—добавляетъ къ перечисленнымъ вездѣсущій поручикъ.

Видя его всезнаніе, я задаю ему вопросъ уже предложенный мною полк. Кабанову,—не можетъ ли онъ мнѣ дать списокъ офицеровъ, прибывшихъ въ Фортъ безъ опредѣленныхъ задачъ и ранѣ частей?

Поручикъ съ мѣста въ карьеръ называетъ чуть ли не каждого по фамиліи, и, упоминувъ полк. Быкова, добавляетъ:

— Объ этомъ офицерѣ я буду имѣть честь сдѣ-

латъ особый докладъ Вашему Превосходительству.

Подобныхъ офицеровъ по подсчету всезнающаго оказалось 40 человекъ.

Незамѣтно, не смотря на тотъ же вѣтеръ, подходимъ опять къ какому-то зданію. У Дз. рука поднимается опять подвысь, и изъ устъ вылетаетъ вновь рапортъ.

— Хлѣбопекарня № 2, организаторъ пор. Коробовъ.

Входимъ во внутрь. Рапортъ продолжается:

— Завѣдуетъ выпечкой чиновникъ Толкачевъ. Этой хлѣбопекарней снабжаются здѣсь два питательныхъ пункта и учрежденія Коменданта Форта. Выпекается въ день 20—21 пудъ хлѣба. Работаютъ по-смѣнно три хлѣбопека.

Все оказалось въ докладѣ правильнымъ, а хлѣбъ очень вкуснымъ.

Проходимъ въ крѣпость къ питательному пункту № 2. Та же отчетливость въ докладѣ у пор. Дз.

Я вижу, что задумано здѣсь слишкомъ широко и говорю объ этомъ поручику.

Обслуживается этотъ пунктъ, по словамъ поручика, людьми Енотаевского полка, но завѣдующій пунктомъ и помощникъ его назначены изъ особаго отряда. Долго здѣсь не задерживаемся: интересуется крѣпостца.

Прямо передъ нами казармы для гарнизона, домъ для начальника и церковь. Гдѣ-то въ уголку, около ретирадныхъ мѣстъ, стоятъ двѣ клиновыя полевые пушки съ вынутыми замками. Въ каменныхъ плитняковыхъ стѣнахъ фортеціи видны бойницы. Любуемся видомъ изъ нея на всѣ четыре стороны.

Узнавъ, что въ крѣпости для этихъ двухъ орудій есть снаряды и заряды, а также имѣются 20 ящичковъ трехлинейныхъ патроновъ, я пожелалъ посмотреть на это богатство. Мы пошли въ помѣщеніе, гдѣ подъ охраной мѣстной команды, все это и находилось. Всѣ огнеприпасы увидѣли сваленными въ одной комнаткѣ, безъ всякихъ мѣръ для предупрежденія несчастныхъ случаевъ. Приказалъ поручику немедленно произвести

разсортировку, а легко воспламеняющіеся предметы перенести въ другое мѣсто.

Изъ крѣпости напрямикъ, по откосу горы, спускаемся на главную улицу для осмотра лазаретовъ.

Первый лазаретъ на нашемъ пути расположенъ въ помѣщеніи одного изъ городскихъ училищъ. Насъ встрѣчаетъ помощникъ завѣдующаго лазаретами Есауль Ширвановъ. Въ помѣщеніи въ высшей степени грязно. Тифозные не отдѣлены отъ обмороженныхъ. Изъ словъ Ширванова вижу, что этому мѣшаетъ не-нахождение зданій.

Меня зоветъ къ себѣ обмороженная женщина. Подхожу. Узнаю, что она вдова по фамиліи Степанова; мужъ умеръ у нея въ дорогѣ; жалуется на ограбленіе дорогой своего мужа партизанами—Волжанами, и добавляетъ, что объ этомъ ею заявлено корнету Фортунатову.

Когда я увидѣлъ Фортунатова, то передалъ ему о слышанномъ и спросилъ—что же онъ предпринялъ противъ грабителей, то, помнится, отвѣтъ его гласилъ, что главные виновники были имъ разстрѣляны.

Прохожу по койкамъ. Страшная вонь разложившагося мяса, смѣшанная съ прокисшимъ запахомъ давно не мытыхъ тѣлъ, видъ отвалившихся ступеней, гноящіяся, изуродованныя конечности,—хорошая иллюстрація гражданской войны. Стоновъ не слышно: мученики считаютъ себя въ хорошихъ условіяхъ и рады тому, что не пришлось имъ лечь мертвыми на плоскогоріи. Больные просятъ лишь о выдачѣ жалованія. Приходится тутъ же дѣлать распоряженія объ этомъ. Та же самая картина и во второмъ лазаретѣ.

Изъ доклада есаула Ширванова и пор. Дз. узнаю, что приходившія сюда шхуны „Полюсъ“ и „Миностанъ“ не забрали ни одного изъ больныхъ. Здѣсь же людямъ суждено только зря мучиться, т. к. въ лазаретахъ большой нехватокъ фельдшеровъ, сестеръ; въ нихъ не имѣется ни постельнаго бѣлья, ни хлороформа, ни другихъ лѣкарствъ.

Для того, чтобы привлечь къ уходу за больными и къ лѣченію ихъ здѣсь же на мѣстѣ, дѣлается распо-

ряженіе объ удовлетвореніи казеннымъ содержаніемъ мѣстныхъ врачей; назначеннымъ же служителями при лазаретахъ чинамъ караульной роты—о выдачѣ кормовыхъ.

Оказывается, людскую жадность заглушить ничѣмъ нельзя: на основаніи этой уступки, привязанные такимъ образомъ къ своему дѣлу люди начали просить себѣ и казенный паекъ и обмундированіе. Не помню теперь, какъ пришлось разрѣшить всѣ ихъ дальнѣйшія просьбы.

Было около двухъ часовъ, когда я пошелъ домой пообѣдать, чтобы потомъ ѣхать для продолженія осмотра въ станицу.

Глава IV.

Одинъ изъ паразитовъ.—Опять въ домашней обстановкѣ.

Въ три часа у крыльца моей квартиры меня уже ожидалъ какой-то шарабанъ съ возсѣдающимъ на немъ вездѣсущимъ поручикомъ. Въ оглобляхъ этой колесницы была какая-то высокая, худая кляча. Рядомъ стояла долгушка, предназначенная поручикомъ для своего конвоя.

Дѣлать нечего, я вышелъ, и наши колесницы двинулись въ станицу.

На улицахъ было такъ же мало народа, какъ и утромъ; только около Городского кооператива толпилось десятка два-три лицъ въ азіатскихъ костюмахъ.

Довольно быстро проѣхали по шоссе, невидавшимъ, по меньшей мѣрѣ, лѣтъ десять починки, и въѣхали шагомъ въ станицу по улочкѣ, ведущей мимо церкви. Колеса врѣзались въ песокъ чуть не на четверть. Приказалъ себя везти въ канцелярію полк. Кабанова.

Хорошій синій домъ на одной изъ широкихъ улицъ, идущихъ, приблизительно, съ юга на сѣверъ. Вошли. Большая комната. Масса народа. За столами съ дѣловыми лицами, сидитъ много неизвѣстныхъ мнѣ лицъ. Кто пишетъ на машинкахъ, кто перелистываетъ бумаги. Надъ всей комнатою стоитъ пчелиный гулъ.

Быстро минуемъ трудящихся и попадаемъ въ маленькую комнатку—кабинетъ полковника.

Онъ встаетъ. Здороваемся съ нимъ, и садимся на предложенные стулья. Полковникъ показываетъ цѣлыя связки различныхъ счетовъ и говорить:

— Вотъ отъ чего можно сойти съ ума!

На этомъ и закончился нашъ разговоръ.

Въ кабинетъ вошелъ, такъ называемый, Морской Инспекторъ, отрекомендовавшійся лейтенантомъ, въ высшій степени прилично одѣтый и оказавшійся впоследствии самымъ неприличнымъ подлецомъ.

Сѣвъ на предложенный ему стулъ и разстегнувши мѣховой воротникъ своей шубы, покрытой отличной черной матеріей, онъ голосомъ, полнымъ компетентности, сразу повелъ рѣчь объ эвакуаціи Форта.

Какъ теперь отдаю себѣ отчетъ, разобраться, хотя бы по лицу, какой шутъ сидитъ передо мною, помѣшали мнѣ его усы, борода и баки. Всѣ эти мужскія, но не мужественныя, принадлежности придавали его каримъ глазамъ, блестящимъ съ вѣтра, видъ дѣловитости и положительности.

Я, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видѣннаго въ лазаретахъ, говорю, что давно надо было бы начать эвакуацію съ тѣхъ несчастныхъ обмороженныхъ и тифозныхъ, которые у насъ не могутъ получить медицинской помощи.

— Какъ мнѣ извѣстно,—продолжаю я,—сюда на дняхъ приходили двѣ шхуны—«Полюсь» и «Мио-станъ», нагрузили даромъ соль, должно быть, для спекуляціи и ушли, не взявши ни одного изъ нашихъ больныхъ. Въ первую голову прошу вывезти всѣхъ больныхъ и обмороженныхъ. Дальнѣйшій же порядокъ эвакуаціи установить легко, такъ какъ я со своими казачьими частями буду эвакуироваться послѣднимъ: значить,—во вторую голову—всѣ части неказачьи, потому казачьи части, но не уральскія.

— Мнѣ только это и надо,—слышу отъ него,—относительно эвакуаціи самаго Форта, его учреждений и различныхъ служащихъ у насъ планъ различно раз-

работанъ. Я сегодня же дамъ инструкціи морскому коменданту прапорщику Филаретову.

Боясь, чтобы эта дѣловая натура не соскочила со своего мѣста, дабы увлечься до самозабвенія своею работой, я приковываю ее къ себѣ вопросомъ:

— Будьте добры сказать, какіе подлцы и съ какихъ кораблей грабили киргизское населеніе по берегамъ Мангишлака и заставили его откочевать куда-то вглубь полуострова?

— По этому дѣлу, Ваше Превосходительство, было строгое разслѣдованіе, и виновные разстрѣляны. Безобразія эти, дѣйствительно, были, но теперь съ ручательствомъ могу сказать, что ничего подобнаго уже не повторится.

— Это хорошо, но почему объ этомъ не объявлено официально мнѣ?—удивляюсь я.

Сантанѣвъ (фамилія инспектора) дипломатически молчитъ.

Я, пользуясь паузой, свертываю разговоръ на наши нужды.

— Когда же будемъ эвакуировать больныхъ?—задаю вопросъ,

— Завтра съ 10 час. утра будетъ погрузка ихъ на шхуну. Въ 2 часа дня, или около этого, шхуна отойдетъ. Объ этомъ уже сдѣлано мною соотвѣтствующее распоряженіе. Намъ давно извѣстно, что въ Вашей Арміи масса больныхъ и обмороженныхъ, а потому въ Петровскѣ приступлено къ оборудованію транспорта-госпиталя. На дняхъ, дня черезъ два-три, онъ будетъ совершенно готовъ.

— Это хорошо, но задержка на два, три дня меня ставитъ въ затруднительное положеніе, такъ какъ и теперь уже съ трудомъ подъ прибывающихъ находятся подходящія зданія.

Сантанѣвъ утѣшаетъ меня словами:

— Кромѣ этого, ихъ будутъ брать всѣ приходящія сюда шхуны, но больные не должны жаловаться на всѣ неудобства неприспособленныхъ къ этому кораблей.

— Это едва ли и будетъ,—отвѣчаю я,—и жало-

ваться-то некому, а потомъ, хуже нашей походной обстановки едва ли что можно и вообразить. Слѣдующіе острые вопросы, которые удовлетворительно безъ Васъ рѣшить не можемъ,—дровянной и сѣнной. Дровъ въ Фортѣ нѣтъ, какъ вамъ извѣстно, но на промыслахъ по берегу, южнѣе Форты, особенно на промыслѣ Киндерли,—масса лѣса, правда, строительнаго, но теперь самой обстановкой предназначеннаго на дрова: необходимо послать какое-нибудь имѣющееся у Васъ подъ руками суденышко. Я бы далъ казаковъ, и вопросъ этотъ былъ бы рѣшенъ быстро и хорошо. Хозяева промысловъ, какъ мнѣ извѣстно, ничего не имѣютъ противъ. Относительно сѣна,—въ Петровскѣ оно заготовлено для насъ: необходимы только суда. Дѣло это Вы можете поторопить. Это—моя къ Вамъ просьба.

Получивъ на это отвѣтъ:—«Постараюсь сдѣлать все возможное»,—я уже ничего не имѣлъ противъ его ухода. Онъ встаетъ, застегиваетъ свою шубу, прощается и уходитъ.

Поговоривъ съ полк. Кабановымъ относительно авансовыхъ счетовъ, которые лишь съ большой тяжестью могутъ считаться таковыми, и о всѣхъ злоупотребленіяхъ связанныхъ съ видомъ ихъ, я отдаю ему приказаніе принимать счета общей суммой безъ просмотра каждаго въ отдѣльности, но всѣ ихъ беречь.

— Мѣръ привлеченія къ отвѣтственности за подобные счета и къ разслѣдованію условій ихъ появленія теперь никакихъ принять нельзя,—поясняю свое приказаніе и, отдавъ распоряженіе о немедленномъ удовлетвореніи готовыхъ къ эвакуаціи денежнымъ содержаніемъ, поднимаюсь со своего мѣста и ухожу: предстоитъ осмотръ лазаретовъ въ станицѣ.

Лазареты эти были размѣщены въ трехъ зданіяхъ. Чистотой и порядкомъ и полнымъ оборудованіемъ могъ похвастаться только одинъ лазаретъ имени Дубскаго, мѣстнаго богача, въ остальныхъ была та же самая картина, какъ и въ фортовскихъ.

Заѣхавъ послѣ осмотра ихъ въ Бѣженскій Отдѣлъ для предупрежденія о возможности бѣженцамъ,

имѣющимъ больныхъ, ѣхать завтра, мы садимся въ свои колесницы и уѣзжаемъ въ Фортъ.

По дорогѣ даю приказаніе поручику наладить хорошенько дѣло по сбору постельнаго и нижняго бѣлья для лазаретовъ.

— Если всѣ принятыя Вами мѣры окажутся не-дѣйствительными, то ничего не буду имѣть противъ произведенной Вами реквизиціи съ хорошимъ обыскомъ по всѣмъ квартирамъ,—говорю я ему.

Въ концѣ концовъ, къ этому средству и пришлось прибѣгнуть.

* * *

Домой пріѣхали уже довольно поздно вечеромъ. Мой походный конекъ, кобылка полковника Сладкова, на которой я ѣхалъ съ Жилой Косы до Форта,—стояла на дворѣ, покрытая кошмой и съ удовольствіемъ жевала клеверъ, доставленный ей заботливымъ нашимъ старикомъ Фаддеемъ Михайловичемъ.

Какая жалость, что она оставлена полков. Сладковымъ, хозяиномъ ея, въ Фортѣ: она, какъ уже втянутая и вытерпѣвшая всѣ ужасы зимняго похода, облегчила бы моимъ ногамъ путь до Персіи. Ея компаньонъ—жеребецъ есаула Митрясова, испытавшій все, какъ и она, дошелъ до Шахруда, гдѣ былъ проданъ хозяиномъ исключительно изъ за неимѣнія средствъ для его прокорма. Такимъ образомъ, онъ своимъ переходомъ въ чужія руки еще разъ выручаетъ своего владѣльца. Всѣ остальные лошади, забираемые нами у киргизъ во второмъ походѣ, скоро отказывались безъ воды отъ службы.

* * *

Къ вечернему чаю собрались всѣ. Артель наша, какъ я уже писалъ, увеличилась тремя: своимъ „Аверченко“ (племянникомъ жены), Михаиломъ Модинымъ и многоуважаемымъ кошарнымъ головой—старикомъ Фаддеемъ Михайловичемъ Замореновымъ.

Разговоры пошли о походѣ. „Аверченкой“ вспомнилась моя фраза про наше путешествіе, которое я называлъ „последнимъ своимъ походомъ на собствен-

ныхъ ногахъ“. Это было вѣрно: будущее передвиженіе я иначе не воображалъ, какъ путешествіемъ на пароходахъ, по желѣзной дорогѣ, а если и на какихъ либо животныхъ, то на короткое разстояніе. Дѣйствительность жестоко подшутила надо мною и заставила разъ на всегда хорошо запомнить пословицу: „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“. Вышло какъ разъ наоборотъ: шли въ дѣло свои ноги, да ноги животныхъ, а на пароходахъ и по желѣзной дорогѣ, что называется, только прокатились.

Не забыть былъ и вездѣсущій поручикъ Дз.-Дз. „Аверченко“ разсказалъ довольно интересное съ нимъ столкновеніе.

Онъ со своимъ товарищемъ Поповымъ попали на Жилую Косу раньше меня. Узнавъ, что здѣсь комендантомъ „самъ поручикъ“, они сочли необходимымъ зарегистрироваться.

— Входимъ въ его канцелярію,—рисуетъ картину „Аверченко“,—народу тамъ толпится много. Вдругъ влетаетъ поручикъ. Все притихло. Градомъ посылилъ его вопросы: «Ты за чѣмъ? Вамъ что надо? Вы по какому дѣлу?» Каждого на короткѣ онъ выслушиваетъ. Проходя мимо насъ и бросивъ на ходу: „А вы за чѣмъ здѣсь?“ тутъ же добавляетъ: „Я васъ арестовываю“. Я на эту фразу не обратилъ вниманія. Меня подталкиваетъ Поповъ и шепчетъ: „Смотри мы арестованы!“ Не можетъ быть, отвѣчаю я также шепотомъ,—не за что! И раскрываю ротъ отъ удивленія: растворяется дверь, выходитъ поручикъ съ людьми и говоритъ имъ, показывая на насъ: „Этихъ арестовать“. У насъ глаза вылѣзаютъ на лобъ. Мы, какъ можно скорѣе, стараемся ему объяснить—кто мы, цѣль нашего пріѣзда и то, что мы пріѣхали съ Войсковымъ Старшиной Буренинымъ.

— Голубчики, что же раньше вы это не сказали?—необычайно нѣжно говоритъ поручикъ, ласково хлопая насъ по плечамъ.—Такъ вы, значитъ, прибыли съ Константиномъ Александровичемъ! Что вамъ надо?

— Мы отвѣчаемъ, что пришли зарегистрироваться и спросить—гдѣ достать сѣна, подковать лошадей

и т. д. Онъ любезно даетъ указанія и вдругъ вновь огорашиваетъ насъ вопросомъ: „Почему вы не записываетесь въ мой отрядъ?“ Не получивъ отъ нашихъ обалдѣвшихъ фигуръ отвѣта, вездѣсущій скрывается къ себѣ въ комнату.

Упомянута была „Аверченкой“ и облава, произведенная самимъ поручикомъ въ Гурьевѣ, возмущившая въ свое время очень многихъ, особенно, скрывающихся отъ фронта, подъ видомъ службы въ различныхъ армейскихъ и правительственныхъ учрежденіяхъ.

Въ свою очередь и мнѣ пришлось рассказать нѣсколько фактовъ изъ дѣятельности „вездѣсущаго“ при штабѣ Арміи, изъ которыхъ одинъ до сихъ поръ не можетъ быть мною забытъ.

Поздно осенью, когда тифы косили людей, и съ фронта въ Калмыковъ прибывали и прибывали партіи больныхъ, мнѣ и Владиміру Ивановичу Моторнову казалось, что для размѣщенія ихъ и мѣста нѣтъ въ Калмыковѣ: не выгонять же изъ послѣднихъ комнатъ самихъ хозяевъ. Оставались квартиры различныхъ членовъ правительства и въ томъ числѣ Войскового Старшины Ивана Ивановича Климова. Выдворять изъ убѣжищъ членовъ правительства мы считали нетактичнымъ. Владиміръ Ивановичъ, находясь въ затрудненіи, ходилъ по комнатамъ и покусывалъ ногти. Обстоятельства вызывали завтра насъ въ Бударинъ. У Владиміра Ивановича заблуждала на лицѣ хитроватая улыбка.

— Знаешь, Владиміръ Сергѣевичъ, обращается онъ ко мнѣ,—мы вывернулись: передъ посадкой на автомобиль я скажу пор. Дз.-Дз., чтобы помѣщенія подъ больныхъ были найдены во что бы то ни стало.

Я согласился. Передъ самымъ отъѣздомъ Дз. получаетъ эту задачу.

Черезъ два дня мы вернулись изъ Бударина. Мыкающихся обзсвѣ съ больными по улицамъ Калмыкова не видно.

— Дз.-Дз., значитъ, устроилъ,—какъ бы отвѣчаетъ на мои мысли Владиміръ Ивановичъ.

Вечеромъ этого дня на докладѣ у меня въ квартирѣ, Вл. Ив. весело говоритъ:

— Ну и с. с. этотъ Дз. Ты представь только себѣ, что онъ натворилъ! Всѣмъ собственникамъ домовъ опредѣлилъ для жилья одну-двѣ комнаты, смотря по количеству семьи, закрылъ канцеляріи у каждаго члена правительства, опредѣливъ каждому изъ нихъ съ канцеляріей по одной комнатѣ. Завтра ты не оберешься жалобъ. Одного члена правительства за то, что тотъ упирался, чуть было не арестовалъ, но все таки добился своего.

Мнѣ оставалось только сказать:

— Что же сдѣлаешь, иначе выхода не было. Члены правительства не малые дѣти и должны понять, что нельзя затягивать свое пребываніе въ районѣ арміи. Съ другими жалобами не время разбираться.

Послѣ этого удачнаго опыта Дз. во всѣхъ случаяхъ, не требующихъ отлагательства, выводится Вл. Ив. на первый планъ. Надо ли гдѣ-нибудь экстренно заготовить фуражъ—Дз. на линію. Правда, жалобъ масса, но дѣло сдѣлано въ свое время, и Дз. оттягивается къ штабу. Необходимо раздобыть экстренно продовольствіе для какой-либо проходящей или уходящей части—Дз. опять на линіи; прекратить безобразный грабежъ на Бухарской сторонѣ или очистить немедленно обозы частей отъ укрывающихся тамъ людей—выпускается Дз., для тѣхъ же операцій въ станцію—опять же Дз. за бока. Поручикъ все пускаетъ въ ходъ: угрозы, аресты, порку. Возстановливаетъ противъ себя очень многихъ, но своего добивается. Человѣкъ онъ безусловно исключительной энергіи, но его, какъ сильно ядовитое средство, надо давать населенію, какъ можно, рѣже и по малой дозѣ, чтобы сумма нежелательныхъ послѣдствій отъ его дѣйствій не превышала пользы. Вотъ и теперь: не вышли его Штабъ Арміи впередъ съ Прорвы, и онъ бы погибъ въ своемъ демисезонномъ пальтишкѣ, и мы бы не досчитались еще, быть можетъ, многихъ изъ насъ.

Въ Фортѣ же, какъ мнѣ ясно, онъ хотя и мало сдѣлалъ, но заставилъ поработать, кому надлежало

все дѣлать. Приказы его несуразны, но какъ хорошо онъ подхлестнулъ ими всѣхъ. Всѣ его нетактичности, Богъ дастъ, сгладимъ: онъ не успѣлъ перевернуть все вверхъ дномъ.

Какъ часто бывало и раньше, разговоры перешли на остроты. Объектомъ ихъ служить Михаилъ Модинъ, который нѣсколько разъ въ пути отчаявался дойти до Форта живымъ и предавался по этому случаю, гдѣ только возможно, сну, не обращая вниманія на такія маленькія неудобства, какъ близость огня или нахожденіе его на горбу верблюда. Такая исключительная способность превратила чью-то доху, имѣвшую несчастье находиться на его плечахъ, въ паразитическую дырявую вещь: въ дыры ея могла бы проскочить адаевская лошадка, а изъ мохровъ, живописно ее украшающихъ, можно было бы сшить себѣ мокасины. Несмотря на такія удобства этой дохи, самъ владѣлецъ шелъ въ прожженныхъ сапогахъ, изъ которыхъ жалобно торчали пальцы. Эта кажущаяся нелѣпость была не безъ причины: доха отъ переменнаго ежедневнаго дѣйствія то пламени, то холода и влажности—по крѣпости была не лучше оберточной бумаги. Уморительна была его фигура, шествующая въ походѣ въ этомъ одѣяніи, особенно, когда она шла на „своихъ двоихъ“ ведя за собой нитку верблюдовъ.

Уже много разъ самоваръ то сходилъ со стола, то вновь появлялся, стараясь напоить всѣхъ насъ и отвлечь разговорами за нимъ отъ того, что дѣлается наружи. Тамъ идетъ свистъ и вой вѣтра.

Услышавъ, что для насъ затопилась сегодня Бекъ-Назаровымъ баня, но что она свое назначеніе можетъ выполнить только послѣ топки въ продолженіи двухъ дней, мы, или, вѣрнѣе, наши тѣла, не пожелали такъ долго ждать и, удовольствовавшись положительнымъ отвѣтомъ на нашъ вопросъ—имѣется ли горячая вода,—пошли туда.

Въ ней было довольно прохладно, если не сказать—холодно. Стоялъ туманъ отъ пара горячей воды, заставлявшій насъ находить все ощупью и ощупью же

чувствовать, что все здѣсь каменное, все подъ рукой и удобно сдѣлано.

Наслаждаться долгимъ омовеніемъ грѣшныхъ тѣлъ въ такомъ холодѣ нельзя. Отмывъ наскоро грязь и согрѣвшись въ это время больше горячей водой чѣмъ движеніемъ, вылетаемъ въ предбанникъ, гдѣ уже совсѣмъ, какъ на дворѣ, только нѣтъ вѣтра. Поспѣшно облачаемся и выходимъ.

На ночь размѣстились всѣ въ страшной тѣснотѣ, но не въ обидѣ.

Глава V.

Какъ понимаетъ „долгъ связи съ сосѣдомъ“ Каспійская Флотилія.—Погрузка раненыхъ и обмороженныхъ.—Ударъ отъ своихъ стариковъ.—Немного изъ психологіи старыхъ людей.

Утромъ за чаемъ мнѣ прислали двѣ радіо-телеграммы. Я тутъ же вышелъ въ кабинетъ и принялся за нихъ.

На клѣтчатыхъ листахъ, вырванныхъ изъ какихъ то специальныхъ торговыхъ журналовъ, написано машинкой: телеграмма получена отъ 3-го февраля ст. ст. Сообщение для печати Штаба Каспійской Флотиліи. У верхняго обрѣза ея рукой надписано: „Командующему Уральской Отдѣльной Арміей“.

Немного недоумѣваю надъ выраженіемъ—„Сообщеніе для печати Штаба Каспійской Флотиліи“: значить, есть какія-то другія сообщенія и, ясное дѣло, для самого Штаба,—такъ почему же меня пичкаютъ сообщеніями предназначенными, для печати? Хорошо, нечего сказать, понимаетъ свой долгъ по отношенію къ Уральской Арміи Каспійская Флотилія,—думаю я и продолжаю читать.

ЧЕЧНЯ: въ селѣ Автуры состоялся съѣздъ представителей плоскостной Чечни, который вынесъ слѣдующую резолюцію:

1) Подчиниться Добрарміи,

2) Проводить въ жизнь всѣ законныя требованія властей Добрарміи,

3) Оказывать вооруженное сопротивленіе (какому-то) Муну-Хаджи и Гикало и всякой бандѣ и всѣмъ шайкамъ въ плоскостной Чечнѣ. Опять недоумѣваю, къ чему мнѣ эти свѣдѣнія и читаю дальше.

СЛУХИ: О переворотѣ въ Москвѣ: (сохраняю всѣ знаки подлинника).

Въ Новороссійскѣ распространились слухи—о переворотѣ въ Москвѣ. Большевики свергнуты, и установлена власть эс.-эровъ. Эс.-эры отправили делегатовъ къ ген. Деникину и адмиралу Колчаку съ предложеніемъ прекращенія войны. (Слава Богу,—думается мнѣ,—передаются не всѣ слухи, а только соль изъ нихъ. Дальнѣйшее чтеніе не оправдываетъ и это).

Красные кавалеристы митингуютъ. Красная конница начала митинговать. (Должно быть этому придаютъ особое значеніе, если одно и то же повторяютъ два раза).

На митингахъ раздаются требованія объ отводѣ въ тылъ, чтобы не быть окруженными казаками. (Конечно не Каспійской Флотиліей,—невольюно проносится въ головѣ).

Въ Астрахани, по рассказамъ плѣннаго красноармейца съ астраханскаго фронта,—настоящій голодъ. Мобилизованные красноармейцы получаютъ по фунту хлѣба черезъ день, а иногда голодаютъ по нѣсколько дней. Окраина города, со стороны села Царева, сильно пострадала, такъ какъ обстрѣливалась красной артиллеріей во время возстанія мѣстныхъ рабочихъ. (Что же это? Выходитъ, что покармливаютъ публику не только сливками изъ услышаннаго, но и давно застарѣвшими слухами. Послѣднее сообщеніе было слышно мѣсяца за три до отступленія насъ изъ родныхъ предѣловъ съ различными варіаціями, но до роскоши полученія мобилизованными красноармейцами фунта хлѣба черезъ день оно ни разу не видоизмѣнялось).

СОЮЗНИКИ ВЪ КРЫМУ: (слухи изъ высшихъ источниковъ,—думаю я).

Англійская и Французская миссиі сообщаютъ: (какими способами добыты эти свѣдѣнія: опять ли по слухамъ, по газетамъ ли, по радіо ли, прямо отъ этихъ миссій—Штабомъ Каспійской Флотиліи умалчивается).

Прибывшіе въ Черное Море суда имѣютъ своимъ назначеніемъ содѣйствіе нашимъ войскамъ въ оборонѣ Крыма. (Что-то не ладное въ Добрарміи, какъ шиломъ колетъ мозгъ. Поможетъ ли, какъ раньше, весна?)

ВИНОВНИКИ МІРОВОЙ ВОЙНЫ: списокъ составленный Союзной Комиссіей содержитъ триста именъ; въ числѣ ихъ, кромѣ Вильгельма,—Кронпринцъ и Рупрехтъ Баварскій. Всѣ лица, находящіеся въ этомъ списокѣ, будутъ преданы суду за нарушеніе международныхъ законовъ.

Подписи внизу: Начальникъ Штаба Каспійской Флотиліи Пышновъ. Съ подлиннымъ вѣрно: Старшій Адъютантъ Фортъ-Александровскаго гарнизона пор. Перковскій.

Послѣдняя подпись мнѣ многое объяснила: это сообщеніе предназначалось—кому угодно, только не мнѣ.

Изъ второй телеграммы съ точно такими же приписками казеннаго образца почерпываю свѣдѣнія о событіяхъ повсюду и о всемъ понемногу: о занятіи доблестными частями ген. Бредова села Константиновки, о правительствѣ Юга Россіи, и о томъ, что его Предсѣдатель сказалъ въ бесѣдѣ съ журналистами о своемъ кабинетѣ, какъ о дѣловомъ и общественномъ. (Слава Богу!—значить, можно еще надѣяться на существованіе какихъ-то дѣловыхъ учрежденій). Узнаю о Грузіи съ ея министромъ Иностранныхъ дѣлъ, приславшемъ Верховному Кругу телеграмму, въ которой онъ что-то категорически опровергаетъ.

Слова „Верховный Кругъ“ приковываютъ мое вниманіе: должно быть,—большія перемѣны на территоріи Доброарміи, разъ появился казачій Кругъ, да еще верховный. Не усиленно ли начали прислушиваться къ общему голосу казачества? Не результатъ ли это конфликта кизачьихъ войскъ, Донского и Кубан-

скаго, по поводу Особаго Совѣщанія ген. Деникина? Чувствую, что никто не сможетъ дать мнѣ въ Фортѣ отвѣта и оставляю вопросы открытыми.

Дальше въ телеграммѣ сообщается о сѣздѣ крестьянъ 37 волостей въ Новочеркасѣ, рѣшившихъ поддерживать Добрѣрмію. (Поддержка, какъ будто, не на столько велика, чтобъ сообщать о ней въ печати).

Изъ этой телеграммы вижу о наступленіи поляковъ; узнаю о существованіи какой-то сѣверной Добрѣрміи, занявшей городъ Кирилловъ и куда-то продвигающейся, а также о какихъ-то архангельскихъ войскахъ. Какая освѣдомленность у Морского Штаба,— есть свѣдѣнія и о СИБИРИ: изъ Владивостока сообщаютъ, что Главнокомандующимъ Сибирской Арміей назначенъ Атаманъ Семеновъ; штабъ и главная квартира Главнокомандующаго находятся въ Читѣ.

Что съ адмираломъ Колчакомъ?—Невольно вырастаетъ передо мною вновь вопросъ. Объ этомъ, навѣрно, преподнесутъ завтра, начинаю подтрунивать самъ надъ собой, глаза же бѣгутъ дальше—къ концу.

Есть въ ней—и о возстаніи на Дону противъ красныхъ, и о томъ что число возставшихъ дошло до 500 тысячъ, имѣются свѣдѣнія и объ Америкѣ.

Штабъ Флотиліи сообщаетъ обо всемъ понемногу, но не пишетъ ни слова о Петровскѣ, о Терскомъ войскѣ и о всемъ томъ, что близко къ намъ, и что надо мнѣ знать, какъ Командующему Арміей.

* * *

Съ неприятнымъ осадкомъ на душѣ, отъ чтенія этихъ телеграммъ облачаюсь въ свою татарку и ѣду въ станицу Николаевскую, главнымъ образомъ, чтобы посмотреть на погрузку больныхъ и ознакомиться съ ихъ размѣщеніемъ на шхунѣ.

Пріѣхалъ на пристань. Ледъ въ бухтѣ у этого берега лежитъ сплошнымъ полемъ, Вдали видна узкая полоса темно-синей воды съ носящимися по ней каруселью огромными льдинами. Вхожу на Шхуну. Спрашиваю у перваго, попавшагося на глаза матроса, —гдѣ расположены больные. Онъ указываетъ на

трюмъ. Спускаюсь по широкой лѣстницѣ во внутрь. Людей тамъ мало: погружены пока больные бѣженцы. Въ трюмѣ нѣтъ ни настила, ни коекъ, ни, даже, сѣна.

Прибывшіе съ какимъ-то помороженнымъ гурьевскимъ купцомъ родственники стараются создать для него сносную обстановку.

Минуть черезъ 5-10 прибываютъ партіи раненыхъ и обмороженныхъ воиновъ. На лѣстницѣ уже сплошное движеніе носилокъ. Ни стоновъ, ни криковъ, не слышно. Порядка по распредѣленію мѣстъ не видно. Первые, попавшіе въ трюмъ, располагаются гдѣ попало, заставляя несущихъ носилки съ другими партіями больныхъ перешагивать черезъ себя. Пришлось вмѣшаться и посовѣтовать класть людей по порядку: сначала заполнять мѣста вдали отъ лѣстницы и при дальнѣйшемъ размѣщеніи оставлять промежутки для прохода между больными, если не между каждымъ рядомъ, то, хотя бы, между группами отъ 5 до 10 чело-
вѣкъ.

Обошелъ больныхъ. Нѣкоторые спрашиваютъ— что они будутъ дѣлать съ сибирскими деньгами на Кавказѣ. Успокаиваю ихъ тѣмъ, что мною послана телеграмма въ Петровскъ Уральскому Представителю о размѣнѣ денегъ, предъявленныхъ ими, на донскія и добровольческія, если, конечно, у Главнаго представителя отъ Войска и Арміи будутъ имѣться таковыя.

Нѣкоторые жалуются на то, что имъ уже нѣсколько дней не дѣлали перевязки: бинты и раны у нихъ страшно завшивѣли.

— Вы сами,—говорю имъ,—убѣдились, какъ все не было здѣсь подготовлено. Да и кто могъ ожидать такой массы больныхъ и обмороженныхъ? Много вы вытерпѣли, осталось потерпѣть не много. Думаю, что въ Петровскѣ и далѣе, куда васъ будутъ эвакуировать, условія вашего содержанія и состояніе госпиталей будутъ хорошія.

Трюмъ уже полонъ, а больныхъ несутъ и несутъ. Чтобы не мѣшать утѣсненію ихъ, я поднимаюсь по лѣстницѣ на верхъ.

Все тотъ же знакомый холодный вѣтеръ обдалъ меня и, распахнувъ полы татарки, ожегъ согрѣвшіеся въ трюмѣ ноги, уже давно страдающія ревматизмомъ. Непріятный осадокъ на душѣ отъ видѣннаго превратился уже въ какую-то тяжесть.

* * *

Въ такомъ состояніи я поѣхалъ навѣстить своихъ родителей. Передо мною маленькій домишка, входъ во внутрь котораго со двора.

Вхожу; попадаю на кухню. Встрѣчаетъ меня отецъ. Черезъ открытую дверь въ другой комнатѣ вижу мать. Поздоровавшись съ отцомъ, пошелъ къ ней, поцѣловалъ и сѣлъ на стулъ. Мнѣ видно было, какъ старикъ отецъ засуетился на кухнѣ у самовара. Мать какъ-то странно молчитъ. Невольно вспоминаются слова жены: «Подожди, и тебѣ попадетъ за оставленные вещи».

„Господи, Боже мой, скорѣй бы начался разносъ, — думаю я—быть можетъ, мнѣ удастся убѣдить, что мы, я и Федоръ Степановичъ, не такъ виноваты, какъ имъ наговорили“. Состояніе у меня совсѣмъ гнетущее. Тутъ же мелькаетъ мысль: быть можетъ, они раздумали говорить со мной на эту тему, не желая отравлять свиданія.

Видя ихъ неестественное состояніе, я началъ вкратцѣ передавать о всѣхъ ужасахъ, которымъ былъ свидѣтелемъ въ дорогѣ и здѣсь въ лазаретахъ, надѣясь смягчить ихъ сердца. Этого достигнуть я не могъ,—вошла генеральша Мартынова. Я поднимаюсь и здороваюсь. Самоваръ уже былъ поставленъ на столъ, и подъ чай я сообщаю генеральшѣ о судьбѣ ея мужа.

— Послѣдній разъ я его видѣлъ,—говорю ей,—подъ Прорвой. Всѣ находившіеся съ нимъ были хорошо вооружены. Потомъ мнѣ было извѣстно, что онъ выступилъ оттуда вслѣдъ за моимъ отрядомъ. На какомъ растояніи онъ былъ отъ насъ во время первыхъ 3-4 дней урагана,—не могу сказать: въ это время я могъ знать только о находившихся назади себя не бо-

лѣе, чѣмъ въ 10-15 верстахъ. Если бы его артель была по близости отъ группы Англійской миссіи,—мнѣ было бы объ ней извѣстно. Во всякомъ случаѣ, не думаю, чтобы онъ погибъ. Обозъ у нихъ, какъ я знаю, оборудованъ былъ не плохо и долженъ былъ бы добраться до этапа. Этапы же многихъ спасли изъ дошедшихъ до нихъ и въ болѣе худшихъ условіяхъ.

— Вы, Владиміръ Сергѣевичъ, занимаетесь утѣшеніемъ, а ихъ, должно быть, давнымъ давно уже нѣтъ на свѣтѣ.

— Почему?—задаю вопросъ. И узнаю обыкновенную исторію о томъ, что она это узнала отъ кого-то, а тотъ услышалъ еще отъ кого-то; первоначальнымъ же источникомъ этихъ слуховъ оказывался киргизъ, который, яко бы, былъ свидѣтелемъ случившейся съ ея мужемъ трагедіи. Киргизъ этотъ сообщилъ, что кромѣ ея мужа съ сыномъ, погибъ и Войсковой Старшина Сергѣй Матвѣевичъ Хохлачевъ, а также и всѣ, находившіеся съ ними. Изъ другихъ генераловъ, по словамъ этого киргиза, погибъ и генераль Савельевъ.

Что я могъ ей сказать, кромѣ того, чтобы она не вѣрила всѣмъ слухамъ.

— Если я не получу никакихъ свѣдѣній, болѣе достовѣрныхъ, чѣмъ киргизскія, то во всякомъ случаѣ, приму мѣры въ самомъ ближайшемъ будущемъ къ выясненію ихъ участи. До сихъ же поръ, кромѣ нихъ я не имѣю свѣдѣній о цѣломъ отдѣлѣ Штаба Арміи во главѣ съ полк. Семеновымъ. О послѣднемъ подъ Прорвой я узналъ только, что онъ отдѣлился отъ ген. Ерѣмина и пристроился къ обозу шт.-кап. Милетія Вас. Брысина. Вотъ и всѣ свѣдѣнія, которыя я имѣю.

Генеральша Мартынова, простившись со всѣми, уходитъ. Я остаюсь, но видя, что разговоръ никакъ не наклеивается, говорю, что мнѣ надо уже быть въ Фортѣ; встаю, прощаюсь и иду одѣваться. Былъ уже совершенно одѣтъ, чтобы выйти наружу, какъ меня останавливаетъ отецъ, и, передавая мнѣ объемистое письмо въ запечатанномъ конвертѣ, говоритъ:

— Прочти, Володя, повнимательнѣе, и ты увидишь, какіе люди окружаютъ тебя.

Я обѣщаль это сдѣлать и, поклонившись, вышелъ изъ комнаты. Сѣлъ на таратайку и въ состояніи приговореннаго къ чему-то ужасному, пріѣхалъ въ Фортъ задолго до заката солнца.

Всѣ изъ дома, кромѣ моей жены, тещи и ребятъ, куда то разбрелись. Бросивъ татарку въ столовой, я вошелъ въ свой кабинетъ. Распечатываю конвертъ. — О, Боже милосердный, сколько грязи кѣмъ-то наговоренной имъ и на меня и на Федора Степановича! Чувствуется, что письмо написано отцомъ подъ диктовку матери. Вся же грязь, передаваемая мнѣ въ письмѣ имѣла подкладкой то, что всѣ цѣнныя вещи, приготовленныя ими для отправки въ Фортъ съ Майоровымъ, остались въ Гурьевѣ; къ нимъ же прибыло только старое бѣлье.

„Лучше бы совсѣмъ ничего не привозить Майорову, чѣмъ привезти всю эту дрянь. У меня же, — какъ бы усугубляя мое съ Майоровымъ преступленіе, пишетъ отецъ, — остались, благодаря твоимъ заботамъ, всѣ принадлежности къ черкескамъ, серебряные гозыри, кинжалы и шашки. Майоровъ, когда мы обратились къ нему за разъясненіемъ, сказалъ, что вещи, пересматривались на предметъ раздѣленія нужныхъ и ненужныхъ съ твоего разрѣшенія, нѣкоторыя — въ твоёмъ присутствіи“.

Въ заключеніе отцомъ въ этомъ письмѣ требовалось производство слѣдствія и преданіе Майорова суду. Тутъ также приписано, что ему извѣстно мое пьянство съ Майоровымъ и, что этимъ, даже, хвалился самъ Майоровъ. Письмо было на нѣсколькихъ почтовыхъ листкахъ. Оно добивало меня.

— Старики, старики, — невольно вырывается изъ груди, — неужели у васъ сердце такъ привязалось къ тряпкамъ и различнымъ дорогимъ вещамъ, что вы, въ досадѣ на потерю ихъ, даже не рады видѣть живымъ своего сына? Неужели вы не вѣрите тому, что семья моя, такъ же какъ и вы, всего лишилась, съ вашими вещами пропали и всѣ наши, кромѣ, тоже,

какого-то трепья? Неужели вы совсѣмъ не можете представить той обстановки, при которой мнѣ пришлось дѣйствовать, что-бы хоть что-нибудь спасти изъ своего и вашего имущества? Неужели вы обвиняете меня въ грабежѣ вашего добра? Что вы достигнете преданіемъ Майорова суду? Да за что?—За то ли, что онъ привезъ хоть часть вашего имущества,—сколько могъ положить на свой обозъ?

Чтобы успокоиться и не написать обидный отвѣтъ, я сажусь за машинку и печатаю, сглаживая своей медленной работой то, что происходитъ въ душѣ. Доходя до отвѣта на преданіе суду Майорова, пишу, что этого не могу сдѣлать по своему внутреннему убѣжденію. Если, по ихъ мнѣнію, подобная необходимость обязательна, то пусть они и на меня и на него подадутъ заявленіе по прибытіи своемъ въ Петровскъ, или —куда судьба ихъ забросить.

Упреки въ пьянствѣ пусть будутъ справедливы, —пишу я,—но если бы вы знали и чувствовали, что пьютъ по разнымъ причинамъ, а иногда пьютъ, чтобъ уйти отъ дѣйствительности и на время забыть-ся отъ окружающаго: пьютъ также потому, что необходимо заставить себя свалиться съ ногъ и подкрѣпиться сномъ; если бы, повторяю, вы знали все это, то вы меня простили бы и не выливали на мою голову столько оскорбленій. Вы лишили меня самого главнаго—личнаго разговора съ вами, прибѣгнувъ для разрѣшенія всего къ письму“.

Съ неподдающейся описанію болью послалъ его къ нимъ. Бѣдные старики не отвѣтили мнѣ ни однимъ словомъ.

Какъ-то разъ, по своемъ переѣздѣ изъ Форты въ станицу, возвращаясь отъ ген. Моторнаго къ себѣ, я сталкиваюсь съ отцомъ. Онъ, увидя меня идущимъ прямо на него, свертываетъ въ ближайшій проулокъ. Что творилось у него на душѣ?—Мнѣ такъ и не удалось узнать.

Теперь, когда прошло много времени и боль смягчилась, я имѣю возможность спокойнѣе разобраться во всемъ происшедшемъ.

Я пришелъ къ такому заключенію, что старые больше привязаны къ жизни и, умудренные многолѣтнемъ, ставя свою привычку выше многого, уже для нихъ непонятнаго по лѣтамъ, находятъ своимъ привязанностямъ всегда твердое и непоколебимое оправданіе, и спорить съ ними становится дѣломъ невозможнымъ. Постараюсь доказать это общими примѣрами.

Каждый, особенно изъ насъ, испытавшій въ полномъ объемѣ гражданскую неурядицу, знаетъ, что главными двигателями въ борьбѣ противъ чего-то новаго являлись главнымъ образомъ старики.

Если хорошо разобраться, двигателемъ у стариковъ была только привычка къ старому, укоренившемуся. За это старое укоренившееся было все: законы, какъ божескіе, такъ и человѣческіе, хоть какая-нибудь обезпеченность въ смыслѣ насущнаго хлѣба и въ смыслѣ избѣжанія ими самими тяготъ военной жизни, съ выпавшей на долю только критикой различныхъ дѣятелей и чрезмѣрнымъ прислушиваніемъ къ нуждамъ, находящихся на фронтѣ, сыновей. Только въ крайнихъ случаяхъ эта привязанность заставляетъ ихъ жертвовать собой. Послѣднее ярко отмѣтилось лѣтомъ 1918 года въ бою подъ Уральскомъ еще во времена съѣзда, когда красные подходили къ нему.

Изъ стариковъ вооруженныхъ, кто чѣмъ попало, отъ пещи до самодѣльной пики, былъ образованъ отрядъ. Отрядъ этихъ конныхъ бородачей сознавалъ конецъ всему старому, если только они не явятъ, соотвѣтствующую ихъ словамъ доблесть, и, подогрѣваемые благословеніемъ другъ друга, рѣшили двинуться съ мѣста во весь опоръ на врага, который былъ не менѣе 7-8 верстъ отъ нихъ.

Голоса начальниковъ и своихъ офицеровъ, гово-

рившихъ, что для атаки должно и можно подойти ближе къ противнику,—сочлись голосами трусости. Вся эта лавина понеслась куда-то впередъ черезъ холмы, долины канавы, пашни; разметала первую цѣпь противника, жестоко съ ней расправилась, но, въ скоромъ времени, потерявъ массу убитыми, принуждена была отхлынуть назадъ. Причиной этому, изъ рассказовъ стариковъ, послужила какая-то самодвижущаяся кибитка съ пулеметами (броневой автомобиль), отъ которой, по выраженію одного старика, никуда не укачешь.

Атака эта, бессмысленная по скачкѣ, все же возымѣла свое дѣйствіе: не допустила обходного движенія противника правымъ флангомъ и выхода его на линію Урала.

Ярыми противниками красныхъ были старики низовой линіи, и они же въ Фортѣ больше всѣхъ сучали о своихъ домахъ и о томъ, что тамъ—въ Гурьевѣ дѣлается. Просили меня связаться по радіо съ Гурьевымъ, дабы что-нибудь оттуда узнать. Просьба, каждый скажетъ, болѣе, чѣмъ глупая, но отклонилъ я ее не доказательствомъ пустоты ихъ заявленія, а тѣмъ, что фортовское радіо находится не въ моемъ вѣдѣніи,—и я никакъ не могу выполнить ихъ желаніе.

Отецъ, сообщая, что онъ остался безъ газырей, кинжаловъ и шашекъ по моей винѣ, какъ бы доказываетъ своей фразой—«какъ можно выходить въ черкескѣ и безъ газырей, тогда, какъ самый бѣднякъ ингушъ не сдѣлаетъ ничего подобного»—свою приверженность къ чему-то старому, непоколебимому. Лѣтъ 20 назадъ, онъ, при такихъ обстоятельствахъ, плюнулъ бы и на шашки и на кинжалы и ни за что не написалъ бы мнѣ подобного письма.

Помилуй Богъ говорить мнѣ вамъ это, дорогіе старики, въ осужденіе: и мы, по всей вѣроятности, будемъ такими же или даже болѣе нетерпимыми къ новому, а можетъ быть, и старому, дореволюционному, непонятному. Такими быть заставляетъ самъ инстинктъ жизни. Не можетъ, въ силу этого, старикъ,

безъ вреда своей жизни, усваивать бурное, молодое, но и стыдно молодому отходить отъ всего, совершающагося кругомъ, считая себя уже вполне приспособившимся къ жизни. Такая [преждевременная] ослѣдность въ понятіяхъ, въ большинствѣ базирующаяся только на матеріальныхъ условіяхъ, развиваетъ въ послѣдствіи однѣ только отрицательныя качества у чловека: тупость, нетерпимость къ другимъ и разрѣшеніе себѣ дѣлать по отношенію къ людямъ всевозможныя подлости.

Глава VI.

Англійская лошадь въ Киргизіи.—Киргизъ—посланникъ отъ Бухарской Миссіи.—Первое свѣдѣніе о моемъ ближайшемъ помощникѣ А. А. Михѣевѣ и о подѣвжающихъ въ Фортѣ.

Утро. Послѣ чая, по приглашенію хозяина, пошелъ во дворъ пошелъ во дворъ посмотрѣть настоящую англійскую лошадь, на которой здѣшній полковникъ киргизъ удиралъ въ прошломъ году отъ большевиковъ въ степь.

Эта лошадь когда-то была по всѣмъ статьямъ очень хороша: огромный ростъ, чуть не въ два раза выше здѣшнихъ киргизскихъ маштачковъ, удивительная пропорціональность всѣхъ частей тѣла, прямая линія переднихъ ногъ съ отличными копытами, все это, несмотря на незатянувшуюся рану на спинѣ и такія же стертости на бокахъ, заставляло любоваться ею, когда она стояла на мѣстѣ. Но вотъ ее повели и оказалось, что у ней параличъ зада. Какъ то сразу стало тяжело смотрѣть на нее. Неповинующійся почти волѣ животного задъ, страшные незажившіе слѣды ранъ на спинѣ и на бокахъ, чуть было не заставили меня спросить хозяина, зачѣмъ онъ давалъ ее такому идиоту, хотя и полковнику.

Разговорились и о томъ, могутъ ли киргизы ее вылѣчить. Положительныхъ отвѣтовъ на это не получалось, больше указывалось на всеисцѣляющее время

и на уходъ. Я высказывалъ сомнѣніе. Такъ какъ лошади эта предназначалась мнѣ, что я могъ вывести изъ нѣкоторыхъ намековъ, то я бросилъ совершенно говорить о ней и перенесся на тему о большевикахъ вообще и Фортъ-Александровскихъ въ частности.

* * *

Вышедшая во дворъ ко мнѣ жена сообщила, что меня кто-то ждетъ. Вхожу въ корридоръ. Здѣсь сталкиваюсь съ какимъ то джентльменомъ въ европейскомъ костюмѣ, но съ типичнымъ киргизскимъ лицомъ. Личность эта спрашиваетъ атамана. Я отвѣчаю, что атаманъ передъ нею, что угодно? Оказывается, она должна сообщить мнѣ что-то очень важное. Дѣлать нечего,—входимъ вмѣстѣ въ кабинетъ.

На мой вопросъ: «Съ кѣмъ имѣю честь разговаривать?»—субъектъ этотъ отрекомендовывается какимъ то лицомъ, состоящимъ при Бухарской миссіи. Узнаю, что передо мною братъ киргизскаго полковника, который въ прошломъ году удиралъ отъ красныхъ. По глазамъ и голосу заключаю, что передо мною пронрыливый гусь.

Предлагаю сѣсть и изложить причину его появленія у меня. Слышу цѣлую исторію.

Онъ пріѣхалъ сюда съ Кавказа съ генераломъ—бухарцемъ, фамилія котораго, помнится, Камековъ.

Я недоумѣваю: на кой дьяволъ Бухарская миссія ѣдетъ съ Кавказа на Мангишлакскій полуостровъ?—Возвращается ли она обратно въ свои родныя мѣста, или подъ этимъ видомъ кто-то куда-то изъ Форты утекаетъ?

Прежде чѣмъ давать отвѣты на мои, переведенные въ вѣжливую форму вопросы, этотъ черномазый субъектъ подаетъ мнѣ письмо. Я уже не помню хорошо содержанія его. Запечатлѣлось дословно одно начало: «Послѣ дружественныхъ привѣтъ и привѣтствій...» дальше, изъ довольно безграмотнаго содержанія явствовало, что для дальнѣйшей поѣздки къ себѣ на родину этой миссіи необходимъ и хлѣбъ, и конвой. Это не разрѣшало моихъ вопросовъ, также не разрѣшали ихъ и дальнѣйшія объясненія посланца.

Старое про Бухару переплеталось у него съ ихъ поѣздкой сначала на Кавказъ и съ Кавказа сюда, потомъ съ выѣздами куда-то въ Кисловодскъ и еще какими-то другими путешествіями. Узналъ, что самъ генераль—представитель миссіи,—значительное лицо при какой-то партіи при дворѣ Эмировъ Бухарскихъ, которые между собой давно начали рѣзаться изъ-за власти. Все, конечно, могло быть правдой.

Къ сожалѣнію, я не могъ вспомнить имя бухарскаго эмира, съ которымъ объединились наши уходцы на Аму-Дарьѣ, для совмѣстной борьбы съ большевиками. Впрочемъ, если бы даже и вспомнилъ, то все равно не могъ бы сдѣлать какого-либо существеннаго вывода: этотъ азіатъ не отвѣчалъ на ясные вопросы прямо, а начиналъ всегда съ предисловіями и страшно издалека.

Узнать все же пришлось про многое, но все было едва ли достовѣрнымъ: будто бы въ Бухарѣ много русскаго золота; яко бы у этого генерала, верстахъ въ 600-700 отсюда, родной братъ состоитъ начальникомъ какой-то огромной кавалерійской туркменской массы.

Въ концѣ концовъ, все, сообщаемое имъ, я счелъ за болтовню и рѣшилъ прервать ее объявленіемъ о тщетности надежды со стороны ихъ получить отъ насъ муку и конвой: запасы муки у насъ у самихъ ограничены, и у меня нѣтъ еще о количествѣ ея свѣдѣній, для конвоя же не набрать здоровыхъ людей. Онъ это понимаетъ и уходитъ.

*
* *

Не успѣла, что называется, закрыться дверь, какъ слышу обычное: разрѣшите войти. Говорю—входите.

Входитъ прапорщикъ Джангаровъ, подаетъ мнѣ письмо отъ А. А. Михѣева и сообщаетъ, что мой помощникъ будетъ скоро въ Фортѣ. Разспрашивая его о дорогѣ, узнаю, что, дѣйствительно, ген. Мартыновъ убитъ. Переданныя имъ тогда мнѣ подробности уже забылись. Въ общихъ чертахъ рассказъ его сводился къ слѣдующему:

Генералъ Мартыновъ съ сыномъ и со всей группой вышли слѣдомъ за моимъ отрядомъ съ Прорвы. Во время урагана, не рискуя оставаться въ степи, вся группа его вернулась обратно въ Прорву, гдѣ была окружена красными и отстрѣливалась до послѣдней возможности. Это было первой вѣстью о гибели близко знакомыхъ людей. Джангаровъ увѣренно заявилъ о смерти только двухъ—генерала Мартынова и его сына. Дальше изъ его разсказа выходило, что если остальные изъ этой группы и не погибли во время перестрѣлки, то не избѣжали этой участи, когда принуждены были идти пѣшимъ порядкомъ обратно въ Гурьевъ.

Какъ я узналъ позднѣе, захваченныхъ на Жилой и на Прорвѣ, гнали обратно пѣшими, предварительно, конечно, оголивъ ихъ въ достаточной степени. Воображаю себѣ, что было съ этими плѣнниками красныхъ во время дьявольскаго мороза и вѣтра.

Михѣевъ въ письмѣ съ дороги изъ «Прорвы» на «Заворотъ» пишетъ, что онъ выбрался благополучно изъ Прорвы, благодаря только гурьевцамъ. Въ Прорвѣ онъ былъ все время въ безпамятствѣ отъ сыпного тифа. Далѣе въ письмѣ сообщаетъ о томъ, что я уже слыхалъ отъ прапор. Джангарова.

За Джангаровымъ пришелъ служащій Яицкаго банка нѣкто Логашкинъ съ неприятымъ извѣстіемъ, что завѣдующій банкомъ Евгенийъ Викторовичъ Вязниковцевъ умеръ на послѣднемъ перегонѣ; семья съ его тѣломъ прибываетъ сегодня въ Фортъ. Я немедленно отдалъ приказаніе объ отводѣ для его семьи квартиры, о подготовкѣ могилы на кладбищѣ и о похоронахъ съ воинскими почестями.

Только что кончился визитъ Логашкина, какъ кто-то вбѣгаетъ и сообщаетъ, что пріѣхалъ ген. Моторновъ. Считаю долгомъ встрѣтить его.

Большая колымага, съ крытымъ кошмой верхомъ, запряженная парой верблюдовъ, показывала, что около него находятся заботливые люди. Сзади нея, какъ будто замерзшіе на ногахъ, стоятъ люди изъ взвода особаго отряда Дз.-Дз. въ оборванныхъ шинелишкахъ,

пѣшіе, съ синими отъ холода лицами и, видимо, съ большимъ воинскимъ духомъ. Поздоровался съ этими молодцами и подошелъ къ колымагѣ. Изъ нея высывается голова сестры милосердія, и сообщаетъ, что Владиміръ Ивановичъ подняться не можетъ, такъ какъ совсѣмъ слабъ.

— Богъ ты мой, зачѣмъ же подниматься,—говорю я—и стараюсь разсмотрѣть Вл. Изв. въ темнотѣ его убѣжища. Это мнѣ не удастся. Здравуюсь съ нимъ только голосомъ и поздравляю съ прїездомъ. Изъ колымаги раздается слабымъ шепотомъ: „Спасибо“.

Задаю вопросъ—доѣхалъ ли къ нему казакъ со свѣчами, какао, спичками? Получаю опять такой же слабый отвѣтъ: „спасибо“.

О томъ, что онъ въ дорогѣ похоронилъ свою жену и послѣдняго ребенка, я зналъ изъ той записки, которую мы получили передъ ураганомъ, и въ которой говорилось о присылкѣ мною ему свѣчей и другихъ необходимыхъ предметовъ. Я указываю куда ему надо двигаться, и гдѣ для него уже приготовлена квартира. Провожая загромыхавшую по улицѣ колымагу и возвращаюсь на квартиру.

Глава VII.

Флотилія обогащаетъ меня свѣдѣніями.—Составители фразъ, имѣющихъ немаловажное значеніе.—Издѣвательства надъ Арміей верховъ «Торговаго Дома»

Дома меня ожидали свѣдѣнія по радіо—телеграммы, написанныя чернилами на синихъ переводныхъ бланкахъ, озаглавленные: «Всѣмъ изъ Петровска». Дальше опять стоитъ «всѣмъ», но уже съ добавленіемъ «радіостанціямъ». Сообщение для печати Штаба Каспійской Военной Флотиліи. Оперативная сводка Вооруженныхъ силъ Юга Россіи».

СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ. Въ Свято-Крестовскомъ районѣ дѣйствія развѣдывательныхъ частей.

Ставропольскій районъ—спокойно.

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ—15 февраля по н. ст. Красные, перейдя въ наступленіе, сбили наши части, но контръ-атакой кубанцевъ отброшены съ большими потерями.

Конница красныхъ тоже переходила въ наступленіе, но опять же была отброшена кубанцами.

Въ районѣ хутора «Казачьяго» красные повели наступленіе на названный хуторъ, но донцами обращены въ бѣгство, при чемъ у красныхъ провалилось подъ ледъ много имущества при переправѣ черезъ Манычъ (жалко, что Штабъ Каспійской Флотиліи не провалился вмѣстѣ съ обозами красныхъ въ преисподнюю).

КРЫМЪ: ничего существеннаго.

Дальше идутъ сообщенія о печати, которыя я выпускаю.

ОБОРОНА КРЫМА: Генералъ Слащевъ, получивъ отъ Главнокомандующаго приказаніе, во что бы то ни стало, удержать Крымъ, издалъ приказъ, въ которомъ заявляетъ, что войскъ въ Крыму болѣе, чѣмъ достаточно, а потому призываетъ населеніе не беспокоиться за свою судьбу.

За этими свѣдѣніями, читаю вновь о казакахъ: о прибытіи кубанскаго корпуса, которому Романовскимъ былъ устроенъ смотръ, и о блестящемъ состояніи частей котораго было доложено Главнокомандующему. Генераломъ Деникинымъ была отправлена кубанскому атаману телеграмма, въ которой онъ поздравилъ кубанцевъ съ честнымъ выполненіемъ своего долга передъ Родиной.

Узнаю изъ этихъ телеграммъ, какъ прибытіе кубанцевъ отразилось на взглядахъ военныхъ круговъ: военные круги рѣшили, что это произведетъ переломъ въ военныхъ дѣйствіяхъ.

* * *

Способъ составленія такихъ сообщеній напоминаетъ мнѣ принятую въ нѣкоторыхъ обществахъ, гдѣ, разумѣется, есть и дамы, одну игру. Безъ нихъ (дамъ) нѣтъ никакой пикантности въ такомъ глупомъ пре-

провожденіи времени. Игра эта сводится къ составленію фразъ. Одинъ изъ гостей пишетъ подлежащее, другой сказуемое, третій дополненіе, четвертый обстоятельство мѣста, времени, пятый—результатъ, шестой—мнѣніе свѣта. Игра остроумная; немало получается пикантныхъ двусмысленностей. Въ заключеніе она вызываетъ или стыдливый румянецъ на лицахъ дамъ, а и иногда и мужчинъ, или гомерическій хохотъ.

Все это, конечно, хорошо, когда есть дамы и полное спокойствіе, хотя бы за завтрашній день, но преступно при рѣшеніи вопроса: отстоимся отъ красивыхъ или нѣтъ. Собирающимъ всѣ слухи для преподнесенія дурацкихъ фразъ не для дамъ и не для свѣтскаго общества должна быть наградой, по меньшей мѣрѣ, петля.

Раньше была мода, да и теперь она сохранилась, называть всѣхъ казаковъ самостійниками. Достаточно было одному какому-нибудь мерзавцу титулованному или нетитулованному, но чувствующему, что и онъ не послѣдняя спица въ колесницѣ при возсозданіи Руси, сказать слова—донецъ, кубанецъ,—другой тутъ же добавляетъ—самостійники; третій, которому на территоріи этихъ земель побили физіономію за грязныя дѣлишки, или у котораго не удалась спекуляція, приплетаетъ здѣсь и „раду“, и „кругъ“; четвертый, быть можетъ, уже изъ высшаго свѣта, услыша составленную сообща мерзавцами фразу, настораживается и, желая пресѣчь зло въ корнѣ, даетъ понять правительству свѣта объ опасности въ тылу, о сепаратизмѣ „рады“ или „круга““. Получается уже злостная фраза: донцы и кубанцы со своими „кругомъ“ и „радой“, оказывается, только и желаютъ одного—во что бы то ни стало отдѣлиться отъ Россіи.

Высшій свѣтъ сначала успокаиваетъ своихъ членовъ: „Погодите примемъ мѣры“. И мѣры, дѣйствительно, принимаются: травятъ казаковъ во всей печати и во всѣхъ обществахъ. Проклятые освѣдомители и сборщики подобной ерунды, выгоды ли ради, или для доказательства, что и они несутъ тяжкое бремя на

своихъ плечахъ, не дремлютъ. Результатъ на лицо: правительство высшаго свѣта рѣшило перевѣшать самостійниковъ.

Слава Богу, что нашъ фронтъ и наша область были далеко отъ этого „высшаго свѣта“:—въ противномъ случаѣ, я кончилъ бы свое существованіе на выборной должности атамана дружины и, если бы не былъ повѣшенъ, то принужденъ былъ бы куда-либо эвакуироваться, а казаки страдали бы и отъ разстрѣловъ слѣва и отъ разстрѣловъ справа.

Не желаю дѣлать секрета изъ того, что одинъ изъ высшаго свѣта, Адмиралъ Сергѣевъ, въ оправданіе своего нежеланія принять честный элементъ—уральцевъ—на свои суда базируется уже на готовой фразѣ о самостійности ихъ съ Атаманомъ вмѣстѣ.

Я понялъ: главнымъ мотивомъ съ его стороны была боязнь преждевременнаго открытія всѣхъ своихъ блудодѣяній. Какимъ другимъ способомъ онъ могъ отвязаться отъ насъ, какъ не назвавъ насъ самостійниками въ глазахъ высшаго свѣта?

Какъ много мнѣ пришлось насмотрѣться на перелетныхъ птицъ высшаго порядка, фланирующихъ то отъ адмирала Колчака къ ген. Деникину, то отъ ген. Деникина къ адм. Колчаку. Они также приняли не малое участіе въ составленіи злостныхъ фразъ.

Убѣгая отъ опасности, одни изъ нихъ гибнутъ во время своихъ перелетовъ тогда, когда совершенно не ожидаютъ этого, какъ напримѣръ, блестящій выхоленный ген. Гришинъ-Алмазовъ со своимъ Штабомъ, состоящимъ изъ трехъ пѣтушкообразныхъ адъютантовъ, и со своими автомобилями, съ которыми они вмѣстѣ переѣзжаютъ моря и океаны. Другіе благополучно проскальзываютъ въ ту или другую сторону, но за свой проѣздъ сдѣлаютъ больше вреда, чѣмъ различные большевистскіе агенты.

Если эту с. . . . быстро провезутъ отъ Гурьева къ Сибирской дорогѣ или обратно оттуда до Гурьева—въ высшемъ свѣтѣ создается пріятное впечатлѣніе отъ тыла уральской Арміи: все-де въ порядкѣ, страхъ въ народѣ есть,—крикнешь—и все готово къ услугамъ.

Заставятъ ихъ подождать гдѣ-нибудь въ станицѣ, сейчасъ же раздаются угрозы: мы самому атаману будемъ жаловаться, а тамъ Колчаку или Деникину.

Къ сожалѣнію, о такихъ дѣяніяхъ и о подобныхъ восклицаніяхъ я узналъ слишкомъ поздно, когда до желѣзной дороги, какъ говорится, не доскачешь, а перелеты по сей простой причинѣ прекратились уже сами собой.

Настоящая перемѣна во мнѣніи высшаго свѣта о кубанцахъ и донцахъ мнѣ ясна. Темныя лица изъ высшаго свѣта, находясь теперь только подъ защитой ихъ, ради спасенія своей шкуры и додѣлыванія своихъ дѣлишекъ, прикинулись доброжелательными. Фразы составляются по этому же шаблону, но тенденція ихъ другая: онѣ черезъ высшія мнѣнія и авторитеты должны вліять на оставшихся единственныхъ защитниковъ своихъ территорій въ самую лучшую сторону и укрѣплять ихъ сознаніе, что на нихъ смотритъ весь свѣтъ. И вновь пекутся фразы: кубанцы, донцы!—Да что они могутъ иначе сдѣлать, какъ не отбросить красныхъ и не порадовать своимъ блестящимъ видомъ глазъ Главнокомандующаго?

Да въ этихъ сообщеніяхъ есть и о помощи со стороны. Это не шутка—не тридцать семь волостей!

ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ получены офіціальные свѣдѣнія, что въ скоромъ времени тамъ произойдетъ высадка болгарскихъ войскъ, идущихъ на поддержку Добрарміи; говорится о доблести англійскихъ летчиковъ; объ исчерпывающихъ данныхъ, представленныхъ Грузинскимъ правительствомъ по поводу сочинскихъ событій, благодаря которымъ и пріостановлены противъ Грузіи военныя дѣйствія. Читаю и о Верховномъ Казачьемъ кругѣ: онъ постановилъ прервать свои занятія до 10 февраля, чтобы конституціонная комиссія могла закончить выработку проекта конституціи.

Подписаны эти двѣ радіотелеграммы кап. 2-го ранга Пышновымъ, удостовѣрены начальникомъ радіо Форть-Александровска пор. Гурскимъ.

Вторая серія извѣстій, на такихъ же бланкахъ, но уже написанныхъ карандашомъ, съ заглавіемъ:

всѣмъ и пр.—сообщеніе Штаба Каспійской Военной Флотиліи—оперативная сводка Вооруженныхъ силъ Юга Россіи. Считаю необходимымъ помѣстить только то, что говорится о казакахъ.

ВЪ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОМЪ РАЙОНѢ всѣ атаки красныхъ отбиваются доблестными кубанцами. (Похоже на то, что ярые самостійники, по первоначальному о нихъ мнѣнію высшаго свѣта, только одни и отбиваютъ вездѣ красныхъ. То же можно сказать и про донцовъ): они, переправившись на сѣверный берегъ Маныча въ районъ хуторовъ—«Веселый» и «Платоновскій» атаковали конницу Думенко, выбили ее изъ такихъ-то и такихъ-то хуторовъ и отбросили къ хуторамъ «Ахиновъ» и «Худановъ». Сообщается о взятыхъ ими трофеяхъ. Результаты этого дѣла—весь лѣвый берегъ Дона очищенъ отъ красныхъ.

КОНЧИНА ГЕН. МАМОНТОВА. Донской герой Мамонтовъ, совершившій со своимъ корпусомъ знаменитый рейдъ по Совдепіи, скончался отъ сыпного тифа. Одно имя ген. Мамонтова наводило ужасъ на красныхъ.

Дальше идетъ опять про наступленіе донцовъ. Наступленіе донцовъ выше всякихъ похвалъ. О дальнѣйшемъ отступленіи донцы не думаютъ: „отойдемъ на Кубань,—говорятъ они,—тогда уже не возвратимся въ родные края“.

Удивительна метаморфоза во мнѣніяхъ „высшаго свѣта“: раньше—заговори-ка казакъ о своихъ краяхъ—мнѣніе свѣта готово: „они самостійники“, теперь же ставить это казакамъ даже въ особую заслугу.

По моему, это, какъ я уже писалъ выше, получается, во первыхъ только потому, что только самостійныя земли свободны отъ красныхъ, а во вторыхъ, всѣ мерзавцы тыла не такъ глупы, чтобы при оставшейся надеждѣ только на казаковъ, рыть себѣ яму прежними фразами о самостійности.

И вотъ, различные освѣтители и освѣдомители, наоборотъ, стараются оттянуть свою гибель черезъ казачьи головы и дать возможность себѣ, или кому это надлежитъ, съ лучшимъ комфортомъ и наимень-

шей потерей изъ своего состоянія, улизнуть во время, куда надо. И тамъ, гдѣ-то на свободѣ, они опять начнутъ ругать казаковъ во всю и опять же не будутъ стѣсняться своими словами—самостійность, сепаратизмъ и пр. и пр.

Дальше въ телеграммахъ идетъ уже ерунда: въ Ингушетіи само населеніе наказываетъ своихъ, перешедшихъ куда-то на сторону; Махно началъ драться противъ красныхъ.

Все это, не давая ничего ни сердцу, ни уму, показываетъ одно—работу освѣдомителей, для которыхъ къ услугамъ даже и военная радіо-станція.

*
* * *

Шифрованные депеши Командующаго Отдѣльной Уральской Арміей въ ставку ген. Деникина не принимаются. Ему приходится посылать нешифрованные, иначе говоря,—приходится быть подъ контролемъ главы Каспійской „торговой лавочки“.

Мнѣ къ этому времени была передана изъ Штаба Арміи грозная депеша отъ Кавказскаго Командованія съ требованіемъ выдачи всѣхъ секретныхъ шифровъ Штаба Уральской Арміи и лично моихъ. Въ случаѣ невыполненія этого съ моей стороны, мои шифрованные телеграммы приниматься не будутъ.

Выдать шифры я не считалъ нужнымъ. Причины такого требованія для меня были слишкомъ ясны: кому-то изъ „торговой лавочки“ необходимо было знать степень моей освѣдомленности о всѣхъ ихъ „торговыхъ“—и другихъ операціяхъ. Союзнымъ торговымъ домамъ не оставалось другого выхода, какъ выполнить свою угрозу.

Чувствуя себя уже въ полной безопасности отъ меня, милые верхи морского учрежденія позволяютъ и издѣваться надо мною, а значить и надъ казаками, съ честью послужившими матушкѣ Святой Руси, такъ: по поводу одной посланной Штабомъ Арміи телеграммы начальникъ связи Флотиліи бар. Фитингофъ соблаговолилъ замѣтить съ рѣдкой нетактичностью, что мы употребляемъ въ ней лишнія слова, которыя, по его мнѣнію, могли бы быть сокращены такимъ-то об-

разомъ, приче́мъ, для примѣра, слѣдовали и образцы необходимыхъ сокращеній. Мѣра такой чрезмѣрной экономіи словъ была объяснена имъ желаніемъ разгрузить всѣ радіостанціи отъ слишкомъ большой работы. Съ моей же стороны это объясняется единственно желаніемъ издѣваться.

Этотъ молодецъ съ нѣмецкой фамиліей набрался нахальства адресовать такую телеграмму мнѣ, пославшему всего на всего по радіо 3-4 телеграммы. Что подобная телеграмма никому болѣе отъ него не посылалась, видно изъ полученныхъ мною въ скоромъ времени различныхъ сообщеній, какъ печатаемыхъ Штабомъ „лавочки“, такъ и передаваемыхъ Фортовскимъ радіо изъ Совѣтской Руси. Въ этихъ телеграммахъ абсолютно не считались съ излишкомъ всевозможныхъ словъ. Объ этомъ будетъ въ своемъ мѣстѣ.

Глава VIII.

Утро 10/23 февраля. — Докладъ ген. Юденича. — Переѣздъ изъ Форта въ станицу и посѣщеніе мною Начальника Штаба Арміи.

Несмотря на раннее сегодняшнее возвращеніе со вчерашняго посѣщенія мною и женой гостепріимнаго хозяина, къ 8 часамъ утра я былъ уже на ногахъ.

Двѣ семьи изъ нашего общежитія—моя и брата жены готовились къ перекочевкѣ на другую квартиру въ станицу. Принять участіе въ сборахъ къ этому мнѣ не пришлось.

Въ 9 час. пришелъ начальникъ бывшаго Астраханскаго отряда ген.-пограничникъ Юденичъ, георгіевскій кавалеръ, человекъ пожилыхъ лѣтъ, очень симпатичный и, по всѣмъ даннымъ, порядочный.

Первый разъ я его увидѣлъ на совѣщаніи въ Сарайчикѣ, передъ отступленіемъ изъ родного Войска, второй разъ—въ Соколкѣ на киргизской территоріи, въ третій разъ—за 2-3 станціи до Форта, и въ четвертый разъ—здѣсь.

Послѣ доклада о состояніи его частей, онъ обращается ко мнѣ съ просьбой о производствѣ въ штабъ

офицерскій чинъ Фортунатова—командира отряда Волжскихъ партизанъ и командира Енотаевского полка—Анохина—въ капитаны.

Я его знакомяю съ тѣми представленіями о этихъ лицахъ, каковыя у меня создались по нѣкоторымъ даннымъ, какъ изъ личнаго наблюденія, такъ и по свѣдѣніямъ со стороны. Про Фортунатова говорю, что дѣлъ съ красными у него по приходѣ въ Войско не было; по слухамъ мнѣ было извѣстно, что онъ состоялъ въ Самарскомъ комитетѣ; въ Войскѣ я его увидѣлъ начальникомъ части, непожелавшей отступить на востокъ совмѣстно съ Южной арміей адм. Колчака, и, всего-на-всего, въ чинѣ корнета.

Юденичъ мнѣ возражаетъ и говоритъ, что сей корнетъ и по выслугѣ и по боевымъ заслугамъ въ настоящее время долженъ быть не ниже ротмистра, какъ гласятъ имѣющіяся у него справки.

Я съ нимъ не соглашаюсь. Счелъ необходимымъ припомнить заявленіе Фортунатова въ Сарайчикѣ о томъ, что его отрядъ совершенно готовъ для похода.

— Какъ онъ былъ подготовленъ, я и Вы убѣдились,—говорю я ген. Юденичу,—изъ потери имъ 400-500 человекъ замерзшими, и изъ того грабежа питательныхъ пунктовъ, на которые онъ приходилъ. Все же я считаю необходимымъ сказать: если Вы находите послѣ нашего разговора, что онъ достоенъ, то пусть будетъ по Вашему,—Вы были ему начальникомъ и должны его знать лучше меня.

Анохину я опредѣленно отказалъ въ производствѣ и далъ генералу прочесть рапортъ Начальника участка транспортной линіи. Ко всему тому, что я зналъ раньше объ Анохинѣ, этотъ рапортъ служить хорошимъ дополненіемъ.

Въ немъ пишется, что Енотаевскій полкъ, проходя черезъ этапъ № 2, разбросалъ своихъ больныхъ и обмороженныхъ и, не оказывая имъ никакой помощи и ухода, занимался дѣлежомъ 23 милліоновъ совѣтскихъ денегъ, захваченныхъ ими въ Ханской ставкѣ, 11 огромныхъ тюковъ бумаги и другого имущества. Съ ген. Юденичемъ я подѣлился свѣдѣніемъ

о принятіи въ этомъ дѣлѣ участія и со стороны са-
мого Анохина.

Какъ я сожалѣлъ потомъ, что рапортъ отъ начальника головного этапа шт.-кап. Гульбина, обрисовывавшій въ достаточной степени Фортунатова, полученъ былъ позже даннаго мною согласія на его производство. Рапортъ этотъ написанъ на имя начальника Особаго отряда и содержитъ слѣдующее:

„Доношу, что при слѣдованіи ввѣреннаго мнѣ головного этапа съ командой, у подножія горы Куень-Кунь, ко мнѣ явился командиръ Волжскаго отряда Фортунатовъ и, послѣ продолжительнаго своего разсказа о состояніи вышедшихъ частей Уральской Арміи, высказалъ свое мнѣніе, что Уральская Армія совершенно дезорганизована: на походѣ жжетъ свои винтовки, ломаетъ пулеметы и топить пушки съ другими боевыми припасами, и что его отрядъ—единственный въ Арміи, который сохранилъ цѣлость, дисциплину и артиллерію, и что ни одна часть Уральской Арміи не можетъ противостоятъ его военной силѣ, и тутъ же предложилъ выдѣлить изъ моего отряда двѣ кибитки и 25 верблюдовъ. Все это носило ультимативный характеръ.

Предложеніе Фортунатова я выполнить не согласился и сказалъ, что все просимое онъ могъ бы получить въ Прорвѣ, гдѣ я былъ этапнымъ комендантомъ и имѣлъ въ своемъ распоряженіи какъ кибитки, такъ и верблюдовъ. Фортунатовъ на это отвѣтилъ: „о прошломъ говорить не стоитъ. Мой отрядъ мерзнетъ и я пожертвую какой угодно цѣной, чтобы спасти его“. Я ему на это возразилъ: „Вы хотите спасти свой отрядъ, пожертвовавъ жизнью моего отряда, имѣя большой перевѣсъ въ силѣ“. Онъ, со словами: „Да, я перехожу къ военной силѣ“,—отдаетъ приказаніе командиру 2-го эскадрона посадить людей на коней и, выставивъ пулеметы на флангъ, двинуться лавой на мой отрядъ, обезоружить его, отобрать 2 кибитки и 25 верблюдовъ. Приказаніе начало приводиться въ исполненіе.

Видя въ этомъ безумный шагъ корнета Форту-

натовъ, я вынужденъ былъ пойти на компромиссъ и предложилъ ему взять одну кибитку и пять верблюдовъ. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, корнетъ Fortunатовъ съ моимъ предложеніемъ согласился и далъ мнѣ взамѣнъ всего взятого пять лошадей, которыя послѣ перваго же перехода пали.

Донося объ этомъ, прошу о всемъ вышеизложенномъ доложить Командующему Уральской Отдѣльной Арміей“.

Шт.-кап. Гульбинъ.

Мнѣ пришлось наложить только такую резолюцію: жаль, что раньше не былъ знакомъ съ содержаніемъ.

Такъ же я слишкомъ поздно узналъ, что самарскій учредиловецъ, загнавъ своихъ верблюдовъ, отбиралъ таковыхъ у проходившихъ мимо него хозяйственныхъ учрежденій Арміи.

Вскорѣ послѣ ухода ген. Юденича узнаю, что членъ правительства А. А. Михѣевъ пріѣхалъ на свою квартиру, которая такъ же находилась въ станицѣ.

Семья моя и семья брата жены уже перекочевали. Бекъ-Назаровъ предложилъ мнѣ легкую таратайку, запряженную сивымъ иноходцемъ. Федоръ Степановичъ поѣхалъ меня отвозить.

Несмотря на свой преклонный возрастъ и разбитыя ноги, иноходецъ помчалъ насъ сначала по улицѣ, потомъ по шоссе. Нехорошо бы отразилась такая быстрая ѣзда по ужаснымъ выбоинамъ дороги на людяхъ „съ вѣсомъ“, но мы были до чрезвычайности въ это время сухи и въ награду получили только пріятное, освѣжающее голову удовольствіе.

* * *

По пріѣздѣ на свою новую квартиру и проводивъ, въ свою очередь, Федора Степановича, я пошелъ навѣстить Вл. Ив. Моторного.

Онъ помѣстился въ домъ фортовскаго богача Дубскаго. Поднимаюсь на галлерею, нахожу какую-то дверь вправо и попадаю удачно: на мой вопросъ—здѣсь ли помѣщается ген. Моторновъ—изъ глубины помѣщенія слышенъ голосъ сестры милосердія —

„здѣсь“. Снимаю татарку, шашку и вхожу въ другую дверь.

Свѣтлая большая зала. Вл. Ив. лежитъ въ кровати въ комнатѣ, отдѣленной отъ зала занавѣсью изъ какой-то плотной, соотвѣтствующей для этой цѣли, ткани. Подхожу къ нему и здороваюсь.

Онъ сразу, по обыкновенію, принялся за дѣло. Находитъ необходимымъ зафиксировать приказомъ исполненіе должности начальника Штаба полковникомъ Сладковымъ, указываетъ срокъ, въ продолженіи котораго надо считать полк. Сладкова исполняющимъ должность начальника Штаба Арміи

Я выражаю полное согласіе. Затѣмъ считаю необходимымъ познакомить его съ положеніемъ нашей связи съ ген. Деникинымъ и Кавказомъ и, чтобы особенно не волновать, утѣшаю, что флотомъ, по всей вѣроятности, мѣры къ нашей эвакуаціи будутъ приняты. Сообщилъ ему свой разговоръ съ Сантанѣевымъ.

Оказывается, Сантанѣевъ чуть ли не одного класса по корпусу съ Вл. Ив., Вл. Ив. его быстро вспомнилъ, и, когда узналъ объ исполненіи имъ должности Марина, воскликнулъ: „Ну, и пройдоха же!“

Изъ его дальнѣйшихъ словъ я заключилъ, что этотъ пройдоха прошелъ и огонь съ водой и мѣдныя трубы. Благодаря связямъ, Сантанѣевъ служилъ чуть не во всѣхъ родахъ оружія и своимъ послѣднимъ мѣстомъ службы поразилъ даже Вл. Ив.

— Онъ с.с.с. такъ же можетъ быть морскимъ инспекторомъ, какъ я начальникомъ всей авіаціи, вырывается у ген. Моторнаго.

Утѣшительными словами про этого гуся со стороны Вл. Ив. были такія: „во всякомъ случаѣ, этотъ парень не будетъ подлецомъ“.

Какъ жестоко онъ ошибся!

Вл. Ив. я рассказалъ всѣ недочеты по санитарной части и тутъ же мы совмѣстно рѣшили назначить инспекторомъ по санитарной части Вл. Ив. Тамбовцева тоже перехворавшаго чуть ли не всѣми видами тифа; также было рѣшено поставленнаго для наблю-

денія за дѣломъ эвакуаціи полк. Антипина, считать завѣдующимъ эвакуаціей Арміи.

Вл. Ив. обратился ко мнѣ съ предложеніемъ возобновить всѣ наградныя представленія, дабы офицерскій составъ не былъ обиженъ.

Какъ я ни убѣждалъ его въ томъ, что теперь необходимо сократить составъ Штаба Арміи: сама судьба указываетъ на это, какъ гибелью отдѣла дежурнаго генерала во главѣ съ полк. Д. С. Семеновымъ, такъ и тѣмъ числомъ оставшихся живыхъ людей которыхъ, дай Богъ, чтобы хватило на формирование бригады: поэтому дѣла о награжденіяхъ и другія, неважныя для настоящаго времени, надо запечатать въ сундукъ и оставить ихъ для болѣе подходящаго времени; штабу же Арміи необходимо приняться за выполненіи функцій штаба отдѣльной дивизіи или бригады.

Вл. Ив. не находитъ это пріемлемымъ, потому что можетъ получиться масса обиженныхъ и обиженныхъ, по его мнѣнію, несправедливо. Кромѣ этого, по выраженію Вл. Ив., получится такая путаница въ дѣлахъ, что впослѣдствіи не хватитъ никакихъ силъ ее распутать.

Такимъ образомъ, мнѣ пришлось оставить свое желаніе о сокращеніи учрежденій Штаба Арміи невыполненнымъ: не хотѣлось, главнымъ образомъ, волновать начальника Штаба, а потомъ, быть можетъ, и мучить несовсѣмъ свойственной для него работой.

Съ любопытствомъ оба выслушиваемъ рассказъ пришедшаго артиллерійскаго офицера Околовича. Имъ, Околовичемъ, съ пути изъ Прорвы въ Фортъ былъ посланъ въ поселокъ Прорву киргизъ, который теперь прибылъ сюда и сообщилъ много интереснаго. Въ Прорвѣ остались и не могли выѣхать по его словамъ, школа юнкеровъ съ полк. Викторомъ Ив. Донсковымъ, генералъ Мартыновъ со своими спутниками, много казаковъ-оренбуржцевъ, немало и енотаевцевъ.

Со стороны ауловъ и Жилой Косы приблизилась небольшая часть красныхъ. Оренбуржцы немедленно перешли на ихъ сторону и убили полк. Донского, ген.

Мартынова и войск. Старш. Хохлачева. Киргизъ подтвердилъ также свѣдѣнія о гибели со всѣми людьми полк. Семенова.

Когда Околовичъ ушелъ, Вл. Ив. предложилъ мнѣ, какъ компромиссъ, пока что, ликвидировать ветеринарный отдѣлъ.

Чтобы скорѣй начать существенное дѣло, я попросилъ его написать приказъ о формированіи полковъ изъ прибывшихъ казаковъ, а также послать приказаніе о доставленіи мнѣ списка всѣхъ прибывшихъ офицеровъ Арміи.

Я уже былъ готовъ къ выходу, какъ съ приходомъ наблюдающаго за эвакуаціей полк. Антипина, принужденъ былъ отложить это намѣреніе, чтобы выслушать его докладъ.

Узнаю, что сегодня эвакуація не будетъ произведена, т. к. транспортъ „Миностанъ“ опять имѣетъ задачей грузить соль для отвоза на Кавказъ; а иногородцевъ остается въ Фортѣ 559 человекъ и когда ихъ будутъ грузить,—полк. Антипину неизвѣстно.

— Видалъ, какіе порядки во Флотѣ,—обращаюсь я къ Вл. Ив.—у нихъ, кажется, одна только и забота—какъ больше вывезти отсюда предметовъ для спекуляціи.

Вслѣдъ за Антипинымъ пришелъ Вл. Ив. Тамбовцевъ. Видно было, что новый санитарный инспекторъ съ трудомъ справляется послѣ тифа со своими ногами.

Узнавъ о своемъ новомъ назначеніи, В. И. Т. пробуетъ отказаться, но, видя, что по обстоятельствамъ этого никакъ нельзя сдѣлать, соглашается на эту должность.

Послѣ служебныхъ разговоровъ пошли мнѣнія и предположенія о причинахъ неудачъ противъ большевиковъ на всѣхъ фронтахъ и въ частности на нашемъ. Бесѣда затянулась надолго, и было поздно, когда я пришелъ домой.

Глава IX.

**Просьба вазаковъ.—Свиданіе со своимъ помощникомъ Ал. Ал. Михѣевымъ разговоръ о дѣлѣ.
— Приѣздъ Англійской Миссіи.**

На другой день, не успѣлъ глазъ открыть отъ сна, какъ жена сообщаетъ, что меня хотятъ видѣть гурьевскіе казаки 3-й особой сотни 2-го Гурьевскаго пѣшаго дивизіона.

Одѣлся, вышелъ на дворъ. Передо мною стоятъ человекъ 6-7 пожилыхъ станичниковъ; среди нихъ вижу знаменитаго Азарія Киселева.

Кѣмъ-то изъ этой братіи подается команда: смирно!. Я здороваюсь и спрашиваю—въ чемъ дѣло?

Оно, оказывается, заключалось въ томъ, что эти бородачи привезли къ себѣ женъ, а нѣкоторые изъ нихъ даже и цѣлыя семьи.

— Такъ что вотъ, нельзя ли будетъ ихъ зачислить на казенный паекъ,—говоритъ одинъ изъ нихъ.

Посвящаютъ они меня и въ причины ихъ просьбы. Раньше, до прихода Арміи, когда здѣсь было все благополучно, они могли содержать свои семьи, имѣя во внѣслужебное время работу, главнымъ образомъ, трудъ грузчиковъ, оплачиваемый очень высоко. Теперь ихъ никто не требуетъ, семей же никакъ нельзя отправить въ Гурьевъ.

Приказываю подать мнѣ списокъ всѣмъ семейнымъ и общаю это сдѣлать, что и выполняю на другой день.

*
* * *

Послѣ чая пошелъ къ Ал. Ал. Михѣеву. Оказалось, что онъ квартируетъ рядомъ со мной. Помѣщеніе, занимаемое имъ, по тѣснотѣ такое же, какъ и у меня.

Его семья находилась вся на кухнѣ. Здороваюсь съ его супругой. Она мнѣ сообщаетъ, что А. А. въ кровати, очень слабъ, но будетъ радъ меня видѣть.

Отворяю дверь и вхожу въ комнату къ Ал. Ал. Онъ лежитъ на койкѣ и, видимо, уже слышалъ о моемъ приходѣ. Пошли разговоры о дорогѣ, о погиб-

шихъ въ пути, посѣтовали и о смерти Е. В. Вязниковцева.

Ал. Ал. началъ возмущаться тѣми сплетнями и пакостями, которыя говорили про меня въ Прорвѣ лица, состоящія при штабахъ, отъ которыхъ онъ ничего подобнаго не ожидалъ. Говорилось ими все свободно въ томъ предположеніи, что Ал. Ал. находится въ бреду; особенно усердствовали присутствовавшія тутъ ихъ жены.

Я его успокоилъ, сказавъ, что иначе и быть не могло послѣ тѣхъ треній, которыя онъ, Ал. Ал., знаетъ, произошли между мною и ген. С. въ Гурьевѣ. Я сожалѣлъ только о томъ, что и самъ Вл. Ив. не отставалъ отъ нихъ.

— Отъ него я меньше всего ожидалъ,—дѣлюсь я съ А. А., какъ съ единственнымъ близкимъ человекомъ и въ единственномъ числѣ оставшимся отъ состава уральскаго правительства, и стараюсь не находить въ поведеніи Вл. Ив. что-то особенное.

Разсказалъ ему всѣ бывшія столкновенія съ Вл. Ив., вызывавшіяся моимъ особымъ мнѣніемъ какъ на причины удачной и стойкой борьбы казаковъ противъ красныхъ, такъ и моимъ взглядомъ на награды и признаніе отдѣльныхъ заслугъ.

— Вамъ, Ал. Ал., великолѣпно извѣстно, что успѣхъ тѣхъ или другихъ операций я всецѣло ставилъ въ зависимость отъ сознанія у строевыхъ частей и казаковъ необходимости борьбы съ красными. Когда это сознаніе было на лицо, казаки вылазили изъ кожи вонъ и дѣлали, иной разъ, невозможное. Въ этомъ дѣлѣ играли огромную роль строевые начальники, запечатлѣвшіе подвиги частей своей массовой гибелью. Отсюда Вамъ станетъ понятнымъ мое отношеніе къ личностямъ, претендующимъ считать себя чуть ли не единственными людьми, которымъ Войско обязано своими побѣдами.

Считаю необходимымъ здѣсь же дать нѣкоторыя поясненія, т. к. изъ высказаннаго мною выходитъ, что и заслуги Начальника Штаба ген. Моторнаго я свожу на нѣтъ. Это не такъ.

Организаціонныя способности Вл. Ив. признавались не только мною, но и всѣми. Большинство удачныхъ операцій были всецѣло результатомъ его вдумчивой работы, которая всегда внушала довѣріе всей нашей строевой казачьей массѣ.

При всемъ этомъ, онъ все же не учитывалъ, или не хотѣлъ это дѣлать, или забывалъ тѣ обстоятельства, при которыхъ ему и мнѣ приходилось дѣйствовать.

Столкновенія, происходившія на почвѣ всевозможныхъ награжденій, часто вызывали у Вл. Ив. фразу, произносимую имъ съ скрытой ироніей: „Побѣждаетъ всегда солдатъ, а полководецъ только проигрываетъ“.

Я горячо стоялъ за это выраженіе и говорилъ:

— Вотъ ты, Вл. Ив., увидишь—масса почувствуетъ невозможность борьбы, и мы не устоимъ и принуждены будемъ куда-то покатиться. Хорошо, если при этой катастрофѣ удастся намъ принять какія-либо мѣры къ сохраненію тѣхъ, кому будетъ грозить отъ большевиковъ вѣрная гибель.

Это и сбылось.

Для доказательства же важности сознанія массы въ дѣлѣ борьбы я счелъ необходимымъ напомнить Ал. Ал. о томъ внутреннемъ состояніи казаковъ, когда они выбирали меня Атаманомъ.

Мы всѣ ясно чувствовали, что желаніе у казаковъ драться съ противникомъ было сильно, но не было того, кто заставилъ бы ихъ бояться оглядываться назадъ, и кто бы могъ принудить ихъ физическую оболочку крѣпко держаться подъ пулями. Вмѣстѣ съ этимъ, у казаковъ ясно сквозило желаніе покончить съ тѣми, кто ихъ нравственно разлагалъ.

Я съ этого сразу и началъ. На другой или на третій послѣ моего избранія, я своимъ пріѣздомъ на фронтъ кончаю съ казакомъ Спиринымъ и пріѣхавшими къ нему тремя агитаторами, съ знаменитымъ Кондэ во главѣ.

Бывало, не разъ, когда я, какъ бы между прочимъ, говорилъ Вл. Ив.: „Удачное отбитіе красныхъ

1-го Апрѣля 1919 г. отъ Мергенева, а затѣмъ занятіе нами съ огромнымъ кровопролитіемъ города Лбищенска, приписывалось себѣ и ген. С. и начальникомъ Штаба 2-ой дивизіи. Неужели, чортъ возьми, и моей заслуги здѣсь нѣтъ“. Никому другому, кромѣ Вл. Ив. я не высказалъ этого, даже и въ шутку.

Склонить меня на признаніе своей заслуги въ этомъ дѣлѣ никто изъ штабовъ не могъ: я все объяснилъ появившейся стойкостью въ частяхъ и пониманіемъ своихъ обязанностей со стороны строевыхъ начальниковъ. Штабы, ясное дѣло, становились мною недовольны, но, въ силу антагонизма между собою, были принуждены работать во всю. Мнѣ же только это и надо было.

— Вы сами, продолжаю я говорить Ал. Ал.,—убѣдились, как ое важное значеніе приписывалъ себѣ ген. С. въ этихъ операціяхъ,—право же, выходило, что только я одинъ ничего никогда не дѣлалъ и болтался, какъ будто гдѣ-то въ воздухѣ. Такъ ли это?—Вамъ, Ал. Ал., виднѣе. По моему же, пусть что угодно говорятъ, но лишь бы дѣлали свое дѣло. Обидно немного отъ услышаннаго, но, во всякомъ случаѣ, я не подамъ и вида, что мнѣ что-то извѣстно.

Подѣлившись впечатлѣніями о слышанномъ и видѣнномъ, Ал. Ал. обращаетъ мое вниманіе на ужасное состояніе пришедшихъ верблюдовъ и на варварское уничтоженіе телѣгъ и фурманокъ строевыхъ частей и учрежденій Войска. Высказываетъ опасеніе въ томъ, какъ бы цѣнное войсковое имущество не исчезло при такой полной безхозяйственности.

Учитывая полную невозможность со стороны пришедшихъ частей и учрежденій заняться приведеніемъ всего въ порядокъ, онъ проситъ создать комиссію для принятія отъ всѣхъ всего казеннаго и войскового имущества. Я поддержалъ его. Высказалъ свое мнѣніе, что, по всей вѣроятности, учрежденія, арміи и Штабы частей займутся работой не съ приведенія въ порядокъ имущества, а съ подвода итоговъ всему случившемуся, съ наградъ, приведенія въ должный видъ денежныхъ отчетностей и т. д.

Познакомивъ его съ невозможностью съ моей стороны освѣдомлять казаковъ съ происходящими въ Россіи событіями, я останавливаю вниманіе А. А. на созданіи малаго Круга, который, кромѣ освѣдომительной работы, несъ бы на себѣ всѣ хозяйственныя функціи и спасъ бы отъ голодной смерти верблюдовъ, а телѣги и фурманки—отъ огня; взялъ бы подъ свое наблюденіе всѣ склады съ продуктами и разогналъ бы изъ нихъ всѣхъ пріютившихся крысъ, какъ четвероногихъ, такъ и двуногихъ. Предсѣдателемъ Круга я просилъ быть Ал. Ал., временно же возлагалъ эту должность на Демида Мокѣевича Котельникова.

— Я и штабъ будемъ дѣлиться съ предсѣдателемъ Круга нашими мнѣніями и предположеніями; самъ я приду въ Кругъ только тогда, когда у меня въ рукахъ будутъ вѣрныя свѣдѣнія,—заканчиваю я свою мысль о кругѣ.

Ал. Ал. просить его не назначать предсѣдателемъ, а назначить Котельникова, т. к. ему придется заняться помимо хозяйственныхъ вопросовъ, эвакуаціей семей и учрежденій Войска на Кавказъ, а тамъ и далѣе, куда укажутъ. Я согласился.

Мы сходимся на мнѣніи, что лучше было бы перекочевать намъ въ Персію на южные берега Каспія: тамъ, по мнѣнію Ал. Ал., явилась бы возможность заняться на имѣющіяся у насъ суммы и средства такимъ дѣломъ, при которомъ и наши послѣдніе ресурсы не изсякли бы, и была бы достаточная помощь семьямъ бѣженцевъ. Онъ высказалъ сожалѣніе, что ранѣе не дѣли онъ по своему здоровью не сможетъ собраться въ путь за море.

* * *

Разговоръ нашъ прервалъ казакъ, пришедшій отъ „вездѣсущаго“ поручика и сообщившій, что Англійская Миссія прибываетъ, если уже не прибыла.

Прошу Ал. Ал., если ему позволить здоровье, разработать все то, о чемъ я съ нимъ говорилъ, и выхожу съ казакѣмъ, считая необходимымъ встрѣтить миссію.

Казакъ ведетъ меня къ назначенной для миссіи квартирѣ.

Передъ крыльцомъ одноэтажнаго дома на набережной стоитъ взводъ казаковъ. Слышится команда: слушай, на караулъ: и начальникъ почетнаго караула подходитъ ко мнѣ съ рапортомъ.

Миссія уже пріѣхала за исключеніемъ майора Обрейна, который почему-то отъ нея отсталъ и прибудетъ часа черезъ два-три.

Церемонія встрѣчи, какъ я узналъ потомъ, была утромъ сегодня, когда я былъ у Ал. Ал. Михѣева, выработана вездѣсущимъ и одобрена Владиміромъ Ивановичемъ.

Вхожу въ квартиру. Въ первой комнатѣ встрѣчаетъ меня полк. Е. Въ скоромъ времени появляются сюда и члены миссіи. Всѣ они благополучно пріѣхали, кромѣ майора Обрейна, который поморозилъ на рукахъ пальцы. Есть надежда, какъ я услышалъ, что пальцы его будутъ сохранены, но съ нихъ должна сойти кожа. Въ дорогѣ у нихъ пропалъ безъ вѣсти сержантъ.

Я рассказалъ имъ о положеніи въ Фортѣ и про нашу связь съ остальными фронтами.

По вопросу, очень скоро мнѣ предложенному, — не знаю ли я когда приходитъ шхуна, рѣшилъ вполнѣ правильно, что миссія готовится насъ покинуть. Тутъ же узнаю и маршрутъ ея — на Баку и Батумъ. Члены миссіи были очень утомлены, и я не хотѣлъ задерживаться для дальнѣйшихъ распросовъ.

Выходъ мой сопровождался словами: Если необходимо будетъ что-либо для Арміи, то мнѣ надо письменно изложить просимое, и они эту мою просьбу передадутъ Главной Англійской Миссіи въ Новоросійскѣ.

Передъ приходомъ домой зашелъ къ своему помощнику Михѣеву и засталъ у него Демида Мокѣевича Котельникова, которому онъ передавалъ о моихъ пожеланіяхъ. Результатомъ такого отношенія къ дѣлу этихъ двухъ лицъ явилось то, что черезъ два-три дня Малый Кругъ уже работалъ.

Нами втроемъ было рѣшено послать представителя отъ Войска на Верховный Казачій Кругъ; для этой цѣли предназначился Войсковой Старшина Добрынинъ.

Глава X.

Свой у меня. — Письмо къ Англійской Миссіи. — Мѣстный смѣльчаеъ. — Совѣтскія телеграммы.

Дома меня ожидалъ полк. Н. Г. Назаровъ, бывшій командиръ пѣшаго Гурьевскаго Дивизіона, раставшаго на пути изъ Гурьева къ Калмыкову во время похода на фронтъ съ 300 человекъ до 50 отъ сыпного тифа. Эти 50 человекъ выдержали бой и продолжали валиться отъ тифа. Послѣднимъ захворавшимъ былъ и полк. Назаровъ.

Съ фронта онъ ѣхалъ въ Гурьевъ, а потомъ и въ Фортъ,—больнымъ. Сюда пріѣхалъ со своими оставшимися офицерами, казаками и частью гурьевскихъ стариковъ, которымъ и обязанъ благополучнымъ пріѣздомъ въ Фортъ. Офицеры его—А. М. Кощечкинъ, И. Ф. Карамышевъ и Г. С. Коноваловъ были также у меня.

Николай Гавриловичъ просится ѣхать на Кавказъ къ своей семьѣ. Я, конечно, разрѣшилъ. У всѣхъ же у нихъ была просьба одна—указать имъ, гдѣ они могутъ достать дрова.

Много фурманокъ погибло, будучи сожжены казаками на дрова. Я ихъ предупредилъ, чтобы и со своимъ обозомъ они не поступили также, и указалъ, что мною сдѣлано приказаніе покупать для этой цѣли старыя парусныя суда. Я къ этому времени пересталъ надѣяться на Марина, т. к. онъ не могъ, вѣрнѣе не хотѣлъ выполнить свое обѣщаніе—послать суденышко на промысла за лѣсомъ.

Узнавъ отъ меня, что надо, они ушли. Я принялся за письмо къ Англійской миссіи.

Писалъ я въ немъ объ извѣстной имъ невозможности борьбы на территоріи Войска и объ испытан-

номъ совмѣстно съ ними въ походѣ. Высказалъ желаніе поставить семьи, цѣнные войсковые документы, матеріалы и не подлежащихъ призыву казаковъ въ условія безопасности переводомъ ихъ на персидскіе берега Каспійскаго моря, и просилъ ее ходатайствовать объ этомъ передъ Главной Англійской Миссіей или передъ кѣмъ она найдетъ необходимымъ. Высказалъ тамъ желаніе: при возможности, перевести и воинскую казачью часть отсюда куда-либо, но только обязательно на восточное побережье Каспія—въ районъ Ашуръ-Ады или Чигишляра. Далъ этому объясненіе: такой переводъ вызывается необходимостью въ отдыхъ отъ всего нами кошмарно пережитаго и возможностью въ этихъ районахъ раздобыться конскимъ составомъ для будущихъ дѣйствій. Полученныя къ этому времени свѣдѣнія, добытыя полк. С. отъ пріѣхавшихъ съ Кавказа и гласящія, что у кавказской Арміи нѣтъ связи со ставкой Деникина, что генералы Эрдели и Покровский гдѣ-то затерялись, и кавказская армія теперь въ распоряженіи ген. Руднева и, что она ликвидируется, —служатъ мнѣ въ письмѣ лишнимъ доказательствомъ основательности желанія быть на восточномъ берегу Каспія.

* * *

Чтобы у меня дома былъ рѣдкій часъ свободы отъ посѣтителей—не помню. Какого только народа не перебываетъ за день въ квартирѣ.

Только кончилъ свое письмо къ Англичанамъ, какъ явился ко мнѣ мѣстный житель Сапожковъ. Приходъ его за мое пребываніе въ станицѣ былъ уже вторымъ. Но это не помѣшало ему въ десятый разъ рассказать при всякихъ удобныхъ и неудобныхъ случаяхъ, что онъ моря не боится, и что онъ былъ самымъ храбрымъ изъ жителей во время весенняго наступленія красной флотиліи на Фортъ.

Сапожковъ былъ хозяинъ той квартиры, куда въ послѣдній разъ перекочевали мои родители. Отъ него я и жена вытягиваемъ свѣдѣнія о старикахъ, о томъ, въ чемъ они имѣютъ нужду и на что надѣются.

Г-на Сапожкова необходимо все время поддерживать на желательной намъ темѣ,—въ противномъ случаѣ можно рисковать въ двадцатый разъ услышать одинъ изъ его подвиговъ за весеннее и послѣднее время.

— Я знаю,—говоритъ онъ обыкновенно,—на меня здѣсь многіе точутъ зубы, но чтобъ меня поймали красные, этому не бывать! Приводимые имъ рассказы ясно свидѣтельствуютъ о трудности и невозможности этого дѣла для красныхъ. Удалось ли ему и въ этотъ разъ ускользнуть? часто вставалъ передо мною вопросъ въ походѣ.

При Сапожковѣ принесли отъ Бекъ-Назарова охотничье трехствольное ружье, у котораго нижній стволъ былъ пулевой. Какъ я ни пытался узнать стоимость ружья отъ Бекъ-Назарова,—никакъ не могъ этого сдѣлать. Онъ отдѣлывался отъ меня словами: „Пользуйтесь во всю, мнѣ оно не нужно“.

Оставалось одно,—принять ружье и поблагодарить.

* * *

День закончился чтеніемъ совѣтскихъ телеграммъ. Изъ нихъ одна особенно меня поразила. Вотъ что написано на переводномъ бланкѣ: перехваченная депеша изъ Астрахани, принята неполностью радіостанціей Фортъ-Александровска.

„Мы, ранѣе отверженныя, снова вступили въ великую семью русскаго пролетаріата. Горимъ страстнымъ желаніемъ съ винтовками въ рукахъ встать подъ красными знаменами, чтобы искупить свою вину. Да здравствуютъ всемірный пролетаріатъ и его вожди товарищи Ленинъ и Троцкій“.

Командиръ полка К.

Секретарь П.

— Ну, зачѣмъ же,—подумалъ я,—выражаться такъ, даже если и по нуждѣ пришлось сдаться краснымъ.

Это сообщеніе навело на меня размышленіе объ оставшейся въ предѣлахъ Войска шестой нашей дивизіи, въ составъ которой входилъ со своими людьми

и командиръ полка, подписавшій эту телеграмму. Гдѣ то теперь шестая дивизія, со своимъ начальникомъ полк. Горшковымъ?

По послѣднимъ свѣдѣніямъ въ Сарайчикѣ передъ уходомъ оттуда, мы знали по даннымъ, полученнымъ изъ Новобогатинска, что шестая дивизія находилась къ этому времени гдѣ-то далеко, въ 150-170 верстахъ сѣверо-западнѣе этого поселка. Пробивался ли полк. Горшковъ на Царицинъ или былъ отжимаемъ къ Новобогатинску изъ своего района?—было для меня загадкой.

Я могъ сдѣлать тогда одинъ только опредѣленный выводъ, что онъ никакъ не поспѣетъ на линію, даже при отсрочкѣ нашего отступленія дня на три, на четыре.

Остальныя сообщенія на какихъ-то иностранныхъ бланкахъ не лишены были интереса. Жаль, что переняты эти свѣдѣнія безъ начала,

,.....12 часовъ ночи будутъ работать для себя и для своего лучшаго будущаго. Эта работа дала свои плоды не черезъ десятки лѣтъ. Сознательно установленъ высшій рабочій день. Товарищи рабочіе сами нашли эту мѣру своевременной. Примѣръ заразилъ всю совѣтскую Россію. Работа до предѣла силъ для созданія совѣтъ-хозяйства будутъ лозунгомъ ближайшихъ дней Совѣтъ-Россіи.

БѢГУТЪ ОТЪ БОЛЬШЕВИКОВЪ: перебѣжчики деникинцы говорятъ, что въ Екатеринодарѣ, Кисловодскѣ, Пятигорскѣ, гдѣ буржуи привыкли отдыхать отъ своихъ трудовъ и лѣчить нажитыя жиромъ болѣзни,—царитъ паника. Тамъ ожидаютъ красную армію. Буржуазія спѣшно покидаетъ города и стремится уѣхать за границу. Екатеринодаръ наканунѣ паденія. Деникинцы спѣшно эвакуируютъ его. Въ этомъ мѣшаетъ имъ вспыхнувшая забастовка. Въ городѣ паника. Движеніе трамваевъ приостановлено. **ПОРЯДОКЪ ДАСТЪ ТОЛЬКО СОВѢТСКАЯ ВЛАСТЬ.**

По эвакуаціи бѣлыми Ростова въ городѣ воцарилась полная анархія. Среди обывателей выросла увѣ-

ренность, что порядокъ можетъ дать только совѣтская власть.

ДЕНИКИНА ГОНЯТЪ СЪ КУБАНИ: Деникинскіе перебѣжчики говорятъ, что Атаманъ Кубанскихъ казачковъ сказалъ Деникину:

— Ты намъ очисти Вольную Кубань,—ты здѣсь не хозяинъ.

СОВѢТСКОЙ ВЛАСТИ ХОЧЕТЪ ВСЯ РОССИЯ: Деникинскіе солдаты говорятъ, что совѣтской власти хочетъ вся Россія. Одному Кавказу не устоять противъ Совѣтъ-Россіи.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ТОВАРИЩЕСТВА: въ Осташковскомъ уѣздѣ увеличилось число сельско-хозяйственныхъ товариществъ. Среди населенія городского и сельскаго укрѣпляется мысль о необходимости вести сообща сельское хозяйство.

БЪЛОГВАРДЕЙЦЫ-ПОДЖИГАТЕЛИ: въ Ростовѣ, послѣ занятія его Красной Арміей, начались пожары. Поджигаютъ дома бѣлогвардейцы, попрятавшіеся въ городъ.

СОВѢТЪ НА УКРАИНѢ: безпартійная крестьянская конференція въ Харьковѣ вынесла постановленіе, что нѣтъ и не можетъ быть на Украинѣ никакой власти, кромѣ совѣтской.

ПОРА ЗА РАБОТУ: владѣльцы копей Донецкаго бассейна попрятались. Рудники брошены. Повсюду запустѣніе. Рабочіе остались безъ одежды и продовольствія. Совѣтская власть въ Харьковѣ возобновляетъ работу рудниковъ и направляетъ ихъ ходъ.

ЗА РУБЕЖЕМЪ: еще все печатаютъ о томъ, что предсѣдатель Венгерской мирной делегаціи ѣдетъ въ Парижъ, чтобы предложить 60.000 венгерскихъ солдатъ для борьбы съ большевиками. Конечно, эту армію онъ будетъ содержать на счетъ Антанты, но едва ли венгерцы могутъ сдѣлать что-либо противъ большевиковъ. Сколько такихъ попытокъ уже сдѣлала Антанта и только зря бросала деньги.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ ВЪ ЧЕХОСЛОВАКІИ: Въ Чехословакіи собираются ввести смертную казнь за незаконную торговлю съѣстными припасами.

ВОЕННЫЙ БУНТЪ ВЪ ЧЕХИИ: Чешскія войска: взбунтовались изъ за того, что ихъ хотѣли отправить въ Словакію. Войска вернулись въ Прагу.

БЕЗЪ МАТУШКИ РОССІИ НЕ ПРОЖИВЕШЬ: Англійскій премьеръ Ллойдъ-Джорджъ сказалъ, что союзники не могутъ возстановить прежнюю Россію. Онъ призналъ, что большевиковъ имъ не побѣдить. Теперь союзники должны разсчитывать на торговлю. Европа нуждается во всемъ, что ей можетъ дать матушка-Русь. Въ Англіи, Франціи, Италіи,—вездѣ голодъ, дороговизна. Въ Россіи продукты есть: союзники мечтаютъ ихъ вывозить отъ насъ.

АМЕРИКАНЦЫ УХОДЯТЪ ИЗЪ СИБИРИ: Американцы, сидѣвшіе по Сибирской жел. дорогѣ, уѣзжаютъ во Владивостокъ. Американская миссія уѣзжаетъ въ Харбинъ.

ГОРЕ-СПАСИТЕЛИ: въ Варшавѣ собрался съѣздъ общественныхъ дѣятелей, желающихъ спасти Польское общество отъ большевиковъ.

НА ПОХОДЪ ПРОТИВЪ БОЛЬШЕВИКОВЪ: въ Америкѣ американскій сенатъ такъ боится большевиковъ, что издалъ особый законъ борьбы съ большевизмомъ. Американскіе торговцы превратили свои торговые дома въ настоящія крѣпости, чтобы защищаться, если начнется рабочее движеніе.

БОРЬБА ЗА МИРЪ: польскіе рабочіе такъ пострадали по миру, что готовы требовать забастовкой отъ своего правительства, чтобы оно заключило миръ съ Совѣтъ-Россіей. На улицахъ собираются толпы народа съ требованіемъ мира. Въ Варшавѣ распространяются прокламаціи съ призывомъ къ однодневной забастовкѣ въ пользу мира съ Совѣтъ-Россіей.

Редакторъ плакатовѣстника Волковъ. № 278.

Изъ телеграммъ изъ Москвы всѣмъ радіо-станціямъ, радіо-вѣстника No 930 почерпываются мною такія свѣдѣнія:

КТО ТАКОЙ ДЕНИКИНЪ И ЕГО ОФИЦЕРЫ.
Ліонъ 11. Корреспонденція Вильямса изъ Новоросійска.

Годъ тому назадъ союзныя державы, Соединенные Штаты рѣшили покончить съ большевиками, но союзники Деникина, смѣнившаго Корнилова, допустили одну ошибку: забыли ознакомиться съ настроеніемъ русскаго народа. Они ожидали взрыва добровольческаго движенія, но оно не осуществилось. Деникинъ преданно служилъ царю, люди, окружавшіе Деникина, также служили царю. Иные изъ нихъ говорили: вѣроятно, кончится избраніемъ новаго Императора. Тысячи изъ нихъ по прежнему остались монархистами. Проводя время за кутежами, они оглашали рестораны криками: да здравствуетъ императоръ. Все это не располагало въ ихъ пользу населеніе. Имъ не довѣряли, и это послужило причиной паденія антибольшевистскаго правительства въ Ростовѣ.

Система Деникина рушилась. Сомнительно, имѣло бы успѣхъ болѣе радикальное правительство?

НАПРАСНЫЯ СТАРАНІЯ: Варшавское Слово сообщаетъ, что въ Вашингтонѣ Сенатъ принялъ законъ борьбы противъ большевиковъ.

АРМІЯ БЕЗРАБОТНЫХЪ: изъ Великихъ Лукъ сообщаютъ—безработные составляютъ цѣлую армію. По сообщеніямъ Варшавскаго Слова къ концу года имѣлось безработныхъ въ Варшавѣ 58.000, въ Лодзи—42.000, въ Ченстоховѣ—7.000, въ Жирардовѣ—нѣтъ и... и..., конца этой серіи телеграммъ тоже нѣтъ.

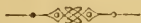
Много бы можно сказать про эти сообщенія „плакатъ“ и „радіо-вѣстника“, какъ про общій ихъ характеръ, такъ и въ частномъ разборѣ каждаго, но думаю, что русскій народъ давно пересталъ имъ вѣрить, и, если они помѣщаются въ моихъ очеркахъ, то лишь только для сравненія съ сообщеніями каспійской „лавочки“ и для вывода необходимыхъ заключеній.

Не правда ли, пріятно, читать: передъ глазами цѣлая газетка—„Копѣйка“, да еще съ добавочными свѣдѣніями.

Бѣдная Фортъ-Александровская станція, не смотря на свою страшную загроможденность въ работѣ, не считаетъ трудомъ и потерей времени пере-

дать такую уйму хорошихъ словъ и быть любезной преподнести ихъ мнѣ.

Читатель видѣлъ уже, что она справляется великолѣпно и съ приѣмомъ сообщеній отъ Флота. Все это ею продѣлывается безъ замедленія. Правила необходимаго сокращенія словъ, преподааннаго мнѣ нѣмчикомъ, для нея не существуетъ, хотя оно и прошло черезъ нее.

Глава XI.

Фразы. — Требованія. — Выводъ.

Дни складываются такъ: побываешь съ утра и въ своей канцеляріи, и у начальника штаба и у своего помощника Михѣева; къ обѣду приходишь къ себѣ на квартиру. Дома занимаешься всевозможными резолюціями, указаніями, разсмотрѣніями или выслушиваніемъ слуховъ, предположеній, — плодовъ и досужей фантазіи, и дѣйствительности. Женская половина занята съ утра до вечера насущнымъ ежедневнымъ дѣломъ. Разныя вечеринки, устраиваемыя бывшими командирами частей, служатъ мнѣ отдыхомъ отъ всѣхъ дневныхъ разговоровъ и заботъ.

Мною былъ сдѣланъ смотръ всѣмъ прибывшимъ казакамъ. Много изъ нихъ было безъ винтовокъ, т. е. деревянные части ихъ служили обезумѣвшимъ отъ холода въ походѣ людямъ топливомъ.

Сказана была громко и, нельзя сказать, чтобы безъ души, съ моей стороны фраза: „Вернуться на Уралъ мы можемъ только съ оружіемъ въ рукахъ“. Я тогда чувствовалъ, что увѣренности все же во мнѣ не было. Еще какихъ-то нѣсколько фразъ, и смотръ этимъ закончился.

* * *

Иногороднія части были, въ концѣ концовъ, переправлены на Кавказъ кромѣ отряда Особого Назначенія. Ихъ начальство перепортило мнѣ немало крови своими требованіями. Причина такого отношенія ко мнѣ ихъ команднаго состава выходила изъ недовольства отъ существованія какихъ-то, якобы, тормазовъ

въ наградахъ ихъ чинами, орденами всевозможными ненужными въ это время вещами.

Эти молодцы, чувствуя за собой немаловажные грѣхи, обратились къ полк. генеральнаго штаба Е., состоявшему представителемъ при моей Арміи отъ Добрарміи, съ просьбой взять ихъ подъ защиту Добрарміи и истребовать все, заслуженное ими въ Уральской Арміи, угрожая въ случаѣ непринятія ими мѣръ давленія на меня могущими произойти нежелательными послѣдствіями.

Полк. Е. въ секретномъ отношеніи своемъ отъ 15/28 февраля 1920 г. пишетъ къ начальнику Штаба Уральской Арміи:

„Въ помѣщеніи Англійской Миссіи мною были собраны командиры прибывшихъ въ Фортъ-Александровскій казацкихъ частей для выясненія ихъ нуждъ и состоянія.

Помимо этого, зная о состояніи антагонизма между казачьими частями и добровольческими и недовольство распоряженіями Командарма Уральской въ средѣ послѣднихъ, я имѣлъ въ виду предупрежденіе всевозможныхъ недоразумѣній на этой почвѣ.

Представленіе протокола задерживается сборомъ цифровыхъ данныхъ о состояніи частей, и таковое будетъ сдѣлано дополнительно.

Излагаю вкратцѣ сущность содержанія протокола, въ виду срочности вопросовъ, въ немъ затронутыхъ.

На совѣщаніи присутствовали: ген. Юденичъ, командиры: Волжскаго отряда—корнетъ Фортунатовъ, Енотаевскаго полка—шт. кап. Анохинъ, Астраханскаго пластунскаго полка пор. Коробейниковъ, Командиръ русско-сербскаго отряда, броневое дивизіона полк. Пульскій, морской инспекторъ кап. 2 ранга Сантанъ-еъ, представитель отъ штаба Уральской Арміи полк. S. (фамилія не написана, предполагаю—С.)

Командиры частей просятъ возбудить передъ Командармомъ Уральской о нижеслѣдующемъ:

1) О выдачѣ, въ виду недостатка денежныхъ знаковъ, мяса въ части войскъ натурой, увеличивъ по причинѣ крайней утомленности войскъ суточную дачу

съ $\frac{1}{2}$ фун. до $\frac{3}{4}$ и вмѣстѣ съ этимъ въ цѣляхъ разрѣшенія наилучшимъ образомъ вопроса о довольствіи мясомъ, сдѣлать распоряженіе о закупкѣ барановъ этапному коменданту.

(Готовъ былъ бы кормить эту ораву и 3 фунтами мяса и 5 фунтами хлѣба, но принятыя мною къ этому мѣры успѣха не имѣли, по причинамъ, изложеннымъ выше).

2) О принятіи возможныхъ мѣръ для ускоренія эвакуаціи больныхъ, а затѣмъ и войсковыхъ частей. Главнымъ тормазомъ эвакуаціи является крайняя задержка нагрузки и разгрузки пароходовъ.

(Неизмученные же одинаково съ ними казаки должны были заниматься этимъ дѣломъ: въ каждой части было достаточно оправившихся солдатъ, и заминка всецѣло лежитъ на начальникахъ этихъ отрядовъ).

3) Объ удовлетвореніи офицеровъ и солдатъ сибирскими денежными знаками и возбужденіи передъ Главнокомандующимъ Вооруженными силами Юга Россіи ходатайства объ обмѣнѣ сибирскихъ денегъ по прибытіи частей на территорію Добрарміи.

(Отъ себя скажу, вмѣсто того, чтобы собираться на митингъ, кто-нибудь изъ этихъ господъ пришелъ и спросилъ бы меня—что мною сдѣлано по всѣмъ этимъ вопросамъ).

4) Объ ускореніи производства и награжденій офицеровъ по сдѣланнымъ въ Штармѣ Уральской представленіямъ.

Если только исполненіе этого ходатайства задерживается недостаткомъ писарей, и офицеровъ, знающихъ эту переписку, то таковые могутъ быть командированы распоряженіемъ ген. Юденича.

(Мое мнѣніе по поводу командированія было бы таково: эта братія сдѣлала бы лучше, назначивъ этихъ офицеровъ санитарамъ и грузчиками для ускоренія погрузки).

Дальше въ этомъ отношеніи я читаю:

Полагаю, что удовлетвореніе изложенныхъ просьбъ неказачьихъ частей исключаетъ возможность

нежелательныхъ недоразумѣній и треній, а потому настоятельно прошу о разрѣшеніи ихъ въ положительномъ смыслѣ.

Протоколъ въ своемъ заключеніи предусматриваетъ обращеніе къ главнокомандующему В. С. Ю. Р. съ просьбой объ отводѣ неказачьихъ частей въ районъ, гдѣ они могли бы спокойно отдохнуть одинъ мѣсяцъ здоровые, полтора-два мѣсяца—легко больные и привести себя въ состояніе полной боеспособности.

Представитель Добрарміи при Штармѣ Урал.

Генеральнаго штаба Полковникъ Е.
Ф.-Александровскъ. № 0162.

Какъ свое заключеніе изъ чтенія этого отношенія, могу пропустить мимо читателя слѣва по одному на дистанціи нѣсколько строкъ всѣхъ участниковъ этого незаконнаго собранія.

Генераль Юденичъ. Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Форта на Кавказъ онъ сказалъ мнѣ, что не имѣлъ возможности хорошо познакомиться съ команднымъ составомъ Астраханскаго отряда, такъ какъ отрядъ этотъ принялъ почти наканунѣ оставленія фронта. Ему все же надо было принять во вниманіе мой съ нимъ разговоръ въ пути и въ Фортѣ.

Корнетъ Фортунатовъ. Самарскій учредиловецъ. Читателю о немъ извѣстно.

Командиръ Русско-Сербскаго отряда. Вѣрнѣе, замѣститель командира. Организаторъ этого отряда, пришедшаго въ Войско, къ намъ, изъ Сибири, воевода Киселевъ въ Сентябрѣ 1919 года уѣхалъ по дѣламъ отряда въ Россію, оставивъ замѣстителемъ своимъ, помнится, штабсъ капитана Ефимова.

Съ этимъ господиномъ въ поселкѣ „Жилая коса“ въ самомъ началѣ 1920 г. у меня было столкновеніе, характеризующее этого субъекта не какъ начальника, а какъ самага негоднаго солдата. Мною въ этомъ поселкѣ было отдано приказаніе—Русско-

Сербскому отряду выдвинуться заслономъ въ сѣверо-восточномъ и восточномъ направленіяхъ отъ „Жилой Косы“ въ цѣляхъ дать возможность и время казачьимъ частямъ лучше подготовиться къ походу.

Вмѣсто немедленнаго выполненія моего приказанія, этотъ молодецъ явился ко мнѣ съ вооруженнымъ солдатомъ и объявилъ, что онъ и его отрядъ готовы къ выступленію, а не къ выполненію какихъ то задачъ. Мнѣ пришлось его осадить и напомнить, что передъ нимъ стоитъ командующій Арміей. Онъ вылетѣлъ отъ меня.

Въ какой степени было выполнено приказаніе мнѣ не удалось узнать.

Поручикъ Коробейниковъ, Личность мнѣ совершенно незнакома.

Полковникъ Піо-Ульскій. Въ зимнемъ походѣ при нападеніи киргизъ на партію оренбуржцевъ отказалъ ей въ помощи, а потомъ и въ розыскахъ разбойниковъ по яснымъ слѣдамъ.

Сантанѣвъ. Къ концу марта именовавшійся уже капитаномъ 2-го ранга. Всесторонній подлецъ.

Представитель отъ Штарма Уральской. Догадываюсь кто. Большой интриганъ.

Итакъ, Владиміръ Ивановичъ былъ правъ, предугадывая недовольство офицерскаго состава, которому подъ различныя нашептыванія не безъ участія и нѣкоторыхъ чиновъ изъ Штаба Арміи, рисовалась возможность остаться безъ наградъ за такой невольный и безпримѣрный походъ. Этому офицерству не довольно было того, что они остались живы и здоровы, ими требовалось отъ меня, какъ можно скорѣе, выложить награды и чины, а то въ противномъ случаѣ могутъ быть осложненія.

Что же при такомъ положеніи можно сдѣлать, когда близкіе къ штабу Арміи люди первые всегда во всѣхъ моихъ цѣлесообразныхъ мѣропріятіяхъ, но грозящихъ для нихъ безпокойствомъ, ставятъ мнѣ ногу

и не останавливаются даже передъ провокаторскими продѣлками. Мнѣ вспоминается характерный случай.

Когда былъ изданъ приказъ о формированіи казачьихъ частей изъ пришедшихъ обрывковъ, мною намѣчалось и формирование офицерской части изъ праздно находящихся въ штабахъ и шатающихся по Фортѣ и станицѣ офицеровъ, и, помнится, предполагалось образовать изъ нихъ пулеметную команду.

Какъ то разъ послѣ этого въ моей канцеляріи подходитъ ко мнѣ В. Ст. М., состоящій при какомъ-то дѣлѣ у ген. квартирмейстера и съ видомъ чего-то очень важнаго сообщаетъ:

— Влад. Сергѣевичъ, я долженъ сказать, что намѣчающееся офицерское формирование вызываетъ крайнее недовольство офицерскаго состава. Идетъ говоръ, что Атаманъ дѣлаетъ это спеціально для своей охраны.

Это была провокація штабнаго элемента, которому удалось какимъ-то путемъ выпытать мои взгляды отъ Вл. Ив. Маторнаго о сокращеніи штаба. Условія нашего пребыванія въ Фортѣ были какъ-то особенно тяжелы, отъ носящихся всевозможныхъ слуховъ о роспускѣ на Кавказѣ Арміи. Я не выдержалъ и въ рѣзкой формѣ заявилъ докладчику:

— Передайте этой бандѣ, что я никогда окарауливаніемъ себя не занимался, а если бы пришлось это сдѣлать, то выбралъ бы часть понадежнѣе. Если офицеры хотятъ оставаться сбродомъ, то могутъ быть имъ!

Послѣ этихъ словъ я бросилъ думать о какомъ либо формированіи.

Теперь вполне спокойно могу изъ пережитаго сдѣлать такой выводъ: палка, петля, розга, пуля должны примѣняться за преступленія вполне пропорціонально умственному развитію человѣка; кому больше дано, съ того и взыскивать надо больше.

Глава XII.

Заморское утѣшеніе. — Военно-морская развѣдка. — Трусость вооруженныхъ коммерсантовъ и отношеніе ихъ въ моимъ мѣрамъ. — Подготовка „торгашиами“ оправдательныхъ документовъ. — Флотъ умнѣе своего вождя.

Къ срединѣ марта Ал. Ал. Михѣевъ успѣлъ съѣздить на Кавказъ въ Петровскъ и вернуться обратно. Привезенныя имъ свѣдѣнія по утѣшительности были „середка на половинѣ“:

Разговоръ съ начальникомъ Штаба кап. 1-го ранга Пышновымъ сводился къ тому, что намъ нечего беспокоиться,—для насъ готовы два транспорта. На одинъ изъ нихъ въ Петровскъ погружено имущество нашей Арміи, находившееся тамъ, другой же всецѣло будетъ представленъ намъ.

Адм. Сергѣевъ въ это время болтался гдѣ-то около Баку, почему Пышновъ могъ бы подъ свою отвѣтственность принять на службу во флотъ не болѣе 200 человекъ. На повѣрку же вышло, что это были только слова для успокоенія насъ, а для Пышнова—для огражденія себя отъ другихъ, связанныхъ съ этимъ дѣломъ вопросовъ.

* * *

Казачи давно начали меня атаковать своимъ желаніемъ проѣхать на развѣдку къ Гурьевскимъ берегамъ.

Я подѣлился этимъ съ морскимъ инспекторомъ Сантанѣевымъ и просилъ его, чтобы, если какое-либо судно пойдетъ въ этомъ направленіи,—посадить на него и казаковъ. Случай представился: былъ полученъ приказъ отъ высшаго Морского Командованія—судну «Опытъ» идти къ гурьевскимъ берегамъ.

Сантанѣевъ въ исполненіи своего обѣщанія уведомляетъ меня и проситъ скорѣе присылать казаковъ. Это немедленно мною выполняется: казаки собраны, удовлетворены довольствіемъ и посланы къ командиру судна, но... тамъ ихъ не принимаютъ по многимъ причинамъ. Сначала говорятъ, что мѣста нѣтъ, но

когда имъ указали на имѣющееся свободное мѣсто, то по закону, оказывается, на немъ или въ немъ нельзя располагать людей. Уладить дѣло я просилъ Вл. Ив. Наконецъ, Вл. Ив. и Маринъ добиваются своего: казакъ принимаютъ; двухъ изъ нихъ размѣщаютъ на палубѣ, а для шести остальныхъ взяли лодку, которую забуксировали къ „Опыту“.

Это было сначала для меня вполне необъяснимымъ, а потомъ я достоверно узналъ причины такого страннаго отношенія: командиръ „Опыта“ боялся, какъ бы казаки не завладѣли его кораблемъ, для чего и разъединилъ ихъ.

Поѣздка эта ничего существеннаго не дала. Командный составъ въ какія-то дальнія морскія трубы узрѣлъ непріятельскіе дымки и рѣшилъ на этомъ закончить свою развѣдку. „Опытъ“ пришелъ обратно въ Фортъ и до послѣднихъ дней продолжалъ быть тамъ.

* * *

Дѣло ли цѣлой группы мерзавцевъ или только морского инспектора съ морскимъ комендантомъ въ систематическомъ укрѣпленіи глупыхъ торговыхъ головъ во флотъ въ близкой и возможной расправѣ нами съ команднымъ составомъ флота,—это я не знаю, но что это было, вывожу изъ одного факта, ярко характеризующаго въ добавокъ къ сказанному и незаурядную трусливость этихъ торгашей.

Какъ-то разъ мною отдается приказъ сформированнымъ къ этому времени полкамъ произвести обыскъ оружія у жителей станицы и Форта. Вызывалась эта мѣра, во-первыхъ, тѣмъ, чтобы во время случайнаго налета большевиковъ намъ не перепало бы отъ жителей, которымъ мы не дѣлали никакого вреда, но симпатіи которыхъ, благодаря поведенію вооруженныхъ спекулянтовъ, въ общемъ, были на сторонѣ большевиковъ; а во-вторыхъ—довооруженіемъ частей. Приказаніе было секретное на имя командировъ полковъ, съ которыми я подробно разработалъ наканунѣ планъ предстоящаго обыска.

Рано утромъ, какъ только полки собрались, якобы, на занятія, одновременно суда „торговой лавочки“ выходятъ на рейдъ, наводятъ пушки на станицу и на Фортъ. Въ такой миролюбивой позѣ они стояли до окончанія полками своихъ операцій.

Достаточно было одному изъ флотскихъ провокаторовъ, а такихъ было тамъ весьма много, крикнуть: „Уральцы вѣшаютъ буржуевъ“, или что-нибудь вродѣ этого, какъ суда стали бы стрѣлять по ни въ чемъ неповиннымъ станицѣ и городу.

Изъ всего оружія, нами собраннаго, было найдено только 30 штукъ трехлинейныхъ винтовокъ, которыя и пошли на вооруженіе частей. Вся остальная огнестрѣльная дребедень была по моему приказанію сложена въ канцеляріи полк. Кабанова для выдачи обратно по удостовѣреніямъ.

Теперь я припоминаю, что Вл. Ив. былъ противъ этого обыска. Мотивовъ своихъ начальникъ штаба тогда мнѣ не высказалъ, но, повидимому, онъ былъ въ курсѣ дѣла и зналъ, что всякій сборъ мною частей будетъ истолковываться кѣмъ-то по своему.

Вл. Ив. былъ также противъ принятыхъ мною мѣръ по наблюденію за бухтой и судами, тамъ находящимися. Я же былъ вынужденъ это дѣлать, т. к. по докладу казаковъ, ознакомившихся чуть ли не съ каждымъ, находящимся въ бухтѣ парусникомъ, выходило, что многія суда ушли куда-то изъ бухты; уходятъ самыя лучшія, на которыхъ можно было бы разсчитывать, если судьба не приведетъ сѣсть на паровыя суда,—попытать плыть къ южнымъ берегамъ Каспія.

Для меня было ясно, что суда выпускали за хорошій бакшишъ. Для морскихъ фортовскихъ кражъ въ парусникахъ не было никакой надобности: они, будучи на берегу въ количествѣ не болѣе 3-4 штукъ, всегда во время незамѣтно отъ насъ могли сѣсть на „Милютинъ“ или „Опытъ“ и раскланяться съ уральцами. Пропускныя же удостовѣренія, выдаваемые властельцамъ парусниковъ, по всей вѣроятности, послѣдними оплачивались и оплачивались очень щедро.

Посадка же самихъ крысь на суда была однимъ изъ пунктовъ разработанной нами эвакуаціей Форта и проведеннаго морскимъ командованіемъ очень блестяще—съ захватомъ отъ нашихъ бѣженскихъ семей и войска всего имущества.

Я вполне уже убѣдился въ томъ: что бы я ни дѣлалъ для пользы казаковъ, какъ бы я не повернулся,—всѣ мои движенія освѣтятся гдѣ-то, и въ такомъ смыслѣ, который былъ бы желателенъ для торговыхъ верховъ.

* * *

Я медленно, но вѣрно убѣждался, что „торговья“ головы заранѣе подготавливали себѣ и оправдательные документы. Безъ всевозможныхъ шифровъ, какъ штаба Уральской Арміи, такъ и лично моихъ, имъ было трудно это сдѣлать. Сношенія мои, какъ со ставкой ген. Деникина, такъ и съ представителями отъ меня на Югѣ Россіи и на Кавказѣ, начатыя еще на территоріи Войска, и перенятыя флотомъ, интриговали ихъ и перемѣшивали имъ карты.

Имъ во что бы то ни стало хотѣлось увѣрить всѣхъ и вся въ моей враждебности къ Добрарміи. Если бы это имъ удалось, то главное ихъ оправданіе, какъ своей бездѣтельности, такъ и быстрой ликвидаціи флота, было бы на лицо.

При такомъ положеніи вещей, т. е., если бы имъ удалось найти оправданіе себѣ въ только что сказанномъ, мы, уральцы, какъ уже неопасный для нихъ элементъ, (кто намъ повѣритъ, когда мы такіе враги Добрарміи) были бы, пожалуй, ими и вывезены куда-либо. Но „торговый домъ“ не могъ докопаться ни до чего преступнаго съ моей стороны и, чувствуя уже возможность для себя быть, въ свою очередь, въ моихъ рукахъ, онъ рѣшаетъ казнить смертью не только меня, но и всѣхъ казаковъ, со мной находящихся, предавъ насъ въ руки красныхъ. Они систематически къ этому и подготавливались. Началь адм. Сергѣевъ, продолжили подчиненные.

Какая бы радость была для нихъ, если бы я въ свое время за всѣ ихъ пакости подвѣсилъ одного или

двухъ изъ этихъ мерзавцевъ. Но Богъ сохранилъ меня отъ такого шага.

И какъ было бы имъ не радоваться! Они на это били: во-первыхъ, у нихъ двумя участниками въ дѣлкахъ всего захваченнаго было бы меньше, а во-вторыхъ, командарма уральскаго съ его уральцами открыто можно было бы назвать передъ всѣмъ свѣтомъ большевикомъ. Послѣдствій же, и самыхъ радостныхъ для нихъ, отъ такого вывода — хотъ, отбавляй.

Дѣйствительно,—главное оправданіе у нихъ всѣмъ своимъ блудодѣяніямъ на лицо. На кой дьяволъ имъ стараться дѣйствовать противъ какой-то Астрахани и минировать какой-то астраханскій рейдъ весной 20-го года, когда одинъ изъ портовъ Каспія еще зимой занятъ большевиками, т. е. Уральской Арміей.

Зачѣмъ имъ жертвовать своими морскими людьми и судами—когда сухопутныя части, по всей видимости, не смогутъ удержать Кавказа и западнаго берега Каспія, при имѣющейся уже наличности занятія красными почти всего восточнаго берега этого моря.

Гибель моя, да да еще съ доказательствомъ передъ всѣмъ свѣтомъ моей красноты, выразившейся въ подвѣшиваніи мерзавцевъ, была бы главнымъ козыремъ у адм. Сергѣева, съ которымъ онъ могъ бы разыграть абсолютно все: великаго провидца, оскорбленную добродѣтель, когда кто-либо усомнится въ истинной подкладкѣ его дѣяній, очень большого дипломата, сумѣвшаго вывернуться изъ всѣхъ, такъ плохо сложившихся для Флота и для него обстоятельствъ.

*
* *
*

Здѣсь, въ зѣмномъ „раю“ я слыхалъ, что флотомъ въ Ензели была получена телеграмма: „Уральскую Армію спасать не стоитъ“. Послана она была какимъ-то сзерхподлеиомъ, фамилію котораго мнѣ не удалось узнать.

Выводами изъ акта заклеяменія меня большевикомъ пользуются уже и подчиненные Сергѣева. Это не с проста. Для нихъ слишкомъ все это выгодно. Принадлежащій Уральской Арміи хлѣбъ и много цѣннаго имущества остается у нихъ въ качествѣ военнаго приза, со всѣми, вытекающими отсюда послѣдствіями, конечно, кромѣ сдачи отнятаго у насъ въ казну.

Проснувшаяся ли совѣсть, или невозможность поступить иначе, заставляетъ морского владыку, сидя въ Баку, отдать приказъ своему флоту—идти изъ Ензели въ Баку, чтобы дать возможность выѣзда оставшимся тамъ добровольческимъ частямъ.

Флотъ, протухнувшій съ головы, рѣшаетъ не выполнять этого приказанія, и какъ-никакъ поступаетъ логичнѣе своего бывшего вождя: одну армію бросили, такъ и вторую можно; разъ начали торговать съ первыхъ шаговъ своихъ на Каспіи, такъ надо это и продолжать гдѣ-бы то ни было. Къ чорту всѣ сантиментальности: приказъ хочеть, чтобы они спасли кого-то,—не лучше ли самимъ спастись, жертвуя другими.

Какъ мнѣ стало извѣстно въ „раю“, масса заключенныхъ на островѣ Наргенъ исключительно обязана въ этомъ доблестному флоту.

Глава XIII.

Весна идетъ. — Встрѣча. — Вліяніе солнца на „вездѣсущаго“. — Во что выливается солнечная энергія у спекулянтовъ и у другихъ, менѣе замѣтныхъ, лицъ. — Соревнованіе. — Мои весеннія думы. — Послѣднее средство.

Наконецъ наступаютъ дни и потеплѣе. Улицы, станицы и города дѣлаются оживленными. Изъ квартиръ вылазятъ поправляющіеся подышать воздухомъ и погрѣться на привѣтливомъ уже солнышкѣ.

Чаше и чаще видно на улицъ-согбенную фигуру Вл. Из. слѣдующую со своимъ посошкомъ, большей частью, всегда по одному и тому же маршруту: отъ своей квартиры къ штабу Арміи, затѣмъ къ полк. Складкову и обратно.

Чаше и чаще видно на улицъ согбенную фигуру Вл. Из. слѣдующую со своимъ посошкомъ, большей частью, всегда по одному и тому же маршруту: отъ своей квартиры къ штабу Арміи, затѣмъ къ полк. Складкову и обратно. Меня, тоже усиленно начинаетъ толкать на воздухъ.

На улицахъ въ сверхъ обычной нормѣ приходится козырять, раскланиваться перекидываться фразами или, даже, вести разговоръ. Встрѣчаешь людей о которыхъ, казалось, совсѣмъ забылъ и невольно удивляешься происшедшей перемѣнѣ въ нихъ.

* * *

Помню, былъ пораженъ похудѣвшей до чрезвычайности одной дамой, напомнившей мнѣ чертами лица одну изъ знакомыхъ. Я остановился и съ недоумѣніемъ смотрю на нее, стараясь припомнить фамилію.

— Что, не узнаете?—опережаетъ она меня вопросомъ.

Голосъ ея заставилъ меня мгновенно вспомнить—кто передъ мною, и я невольно воскликнулъ:

— Софья Эдуардовна, да Вы ли это?

Это была жена полк. В. Н. К. моего сослуживца по 3 Урал. Каз. полку, убитого подъ Уральскомъ. Смотрю на нее и удивляюсь, куда могла дѣться вся дородность и бѣлизна. Передо мной было женское существо страшно обвѣтренное, почти черное, въ костюмѣ, въ который можно было бы помѣстить двѣ такихъ особы. Голосъ ея звучалъ энергіей попрежнему, когда она, по своему обыкновенію, начинаетъ кого-либо ругать.

Она мнѣ рассказала про свое путешествіе съ Англійской миссіей и свои столкновенія съ полк. Е.

— Какъ онъ ни старался меня выставить изъ своего каравана, какъ не пришедшуюся ему по душѣ, но сдѣлать со мною ничего не могъ.

— Да,—говорю я,—многое Вы потеряли, Софья Эдуард., но, повидимому, не энергію.

Она обратилась съ просьбой—устроить ее въ одномъ изъ лазаретовъ. Причины были вѣскія: половина того что было на ней,—не ея собственность и взято на время, чтобы только сходить по дѣламъ. Я обѣщаю это сдѣлать, зная, что она была въ Войскѣ одной изъ энергичнѣйшихъ сестеръ милосердія.

Всѣ поправляющіеся отъ тифа, и плетущіеся по улицамъ, кто въ пимахъ, кто въ самодѣльныхъ кошешныхъ калошахъ, какъ будто не на своихъ ногахъ, страшно похудѣвшіе, почернѣвшіе, составили бы для свѣжаго человѣка представленіе о роѣ мятущихся тихо-помѣшанныхъ призраковъ, почувявшихъ весеннее солнышко.

Кучки людей во всевозможныхъ одѣяніяхъ по угламъ, а то и на срединѣ улицъ, то медленно расходящіяся, то сходящіе, придаютъ весенній колоритъ оживающей станицѣ и городу. Море какъ-то радостнѣй отражаетъ лучи солнца, и въ волнахъ его начинается уже чувствоваться что-то притягивающее и ласкающее. Одни только обрывы и спуски плоскостіи къ бухтѣ попрежнему кажутся какими-то давящими душу, мрачными и безжизненными.

* * *

Весенний воздух, обновляя кровь, требует проявления энергии у человека. Вездѣсущий пор. Дз. Дз. выкидывает свойственный ему фортель, заставивший посмѣяться вволю всѣхъ насъ. Какъ-то утромъ, когда я еще былъ дома, вбѣгаетъ „свой Аверченко“ и общается:

— Въ крѣпости стрѣльба.

Облекаясь въ боевое и выхожу на улицу. Дѣйствительно,—стрѣльба. Иду къ Вл. Ив. и оттуда по телефону справляюсь о причинахъ ружейной трескотни. Оказывается, что пор. Дз. производит маневры и ведет наступление изъ крѣпости на Фортъ. Изъ города телеграфируютъ: пули летятъ надъ городомъ и надъ радіо-станціей.

Интереснѣе же всего вышелъ конецъ маневровъ. Фортовскіе и станичные большевики почему-то вообразили, что Фортеція занята большевистски настроенной частью и послали туда своихъ делегатовъ.

Дз. Дз. съ важностью ихъ принялъ, по человѣчески распросилъ о всемъ и тутъ же въ Фортеціи приказалъ выпоротъ ихъ и засадить въ тюрьму.

* * *

У представителей торговыхъ домовъ вліяніе воздуха и солнца отражается усиленіемъ коммерческой дѣятельности.

Морской комендантъ пор. Филаретовъ увлекается скупкой продуктовъ въ станицѣ и въ Фортѣ и отправкой ихъ на Кавказъ.

Онъ Сантанѣвымъ заподозривается въ кражѣ изъ нашихъ складовъ, т. к. отправляемые имъ продукты не могутъ быть здѣшняго происхожденія, какъ на примѣръ, капуста и томатъ: въ складахъ же Арміи этого было достаточно. Сантанѣвъ подѣлился своей догадкой съ начальникомъ штаба, а послѣдній какъ-то проговорился и мнѣ.

Я передалъ Малому Кругу о томъ, чтобы онъ установилъ наблюдение, но было уже поздно. Былъ открытъ вблизи квартиры Сантанѣва складъ, оказавшійся къ этому времени пустымъ, куда Филаретовъ

собиралъ свою добычу и гдѣ держалъ ее до отправленія на приходившія суда.

Въ Петровскѣ этотъ воздухъ усилилъ желаніе пользоваться нашимъ хлѣбомъ: нами то и дѣло получаютъ телеграммы о ссудѣ Петровска принадлежащей намъ мукой. Приходилось волей неволей ссужать, довольствуясь взамѣнъ отпущеннаго нами хлѣба вѣжливостью грабителей.

Мы ясно сознавали, что эти телеграммы съ просьбами одна проформа, тѣмъ болѣе, что мнѣ было уже извѣстно рѣшеніе петровскихъ заправиль, въ случаѣ чего, запретить даже вывозъ нашего хлѣба изъ Петровска къ намъ въ Фортъ.

Флотъ въ такомъ выгодномъ дѣлѣ не желаетъ отставать отъ воротиль Петровска, но способы примѣняетъ другіе.

„Опытъ“ и „Милютинъ“, вытягивая изъ нашихъ станичныхъ складовъ муку и продукты, объясняютъ это тѣмъ, что у нихъ во флотъ этого очень мало; кормить же ихъ—прямо наша обязанность: для кого же они и стоятъ въ Фортѣ, какъ не для насъ. Отправляющійся на развѣдку изъ Петровска „Орленокъ“ считаетъ необходимымъ зайти въ Фортъ, чтобы получить такъ же свою мучную долю.

Командира его, по фамиліи Зонъ, я засталъ у Вл. Ив. Напомнилъ Зону о его безобразіи. На это онъ отвѣтилъ, что о прошломъ говорить не стоитъ теперь, т. к. идетъ выполненіе задачи, отъ результатовъ которой, быть можетъ, будетъ зависѣть и участь Уральской Арміи. Я узнаю отъ него и причину его захода.

Бѣда, оказывается, была въ томъ, что онъ, горя выполненіемъ долга, позабылъ о хлѣбѣ насущномъ и для выигрыша времени пріѣхалъ сюда просить о снабженіи его приблизительно 150 пудами муки.

Искренности этого подлеца я повѣрилъ; вѣрнѣе, мнѣ хотѣлось вѣрить.

Опять же въ «раю», я узнаю, что у «торгозаго дома» муки было запасено на 6 мѣсяцевъ. Находящуюся въ Петровскѣ уральскую муку они считали уже

своей и по жадности торгашей хотѣли вытянуть такую изъ станицы Николаевской вышепоименованными способами. Послѣ такихъ торгово-военно-сухопутно-морскихъ операцій никакъ нельзя имъ отказать въ здоровомъ умѣ и подлой душѣ.

У чиновъ броневго дивизіона и примкнувшихъ къ нимъ весеннее солнце разогрѣваетъ воинственные наклонности: они поступаютъ на суда „морской лавочки“ въ качествѣ артиллеристовъ и матросовъ.

Смягченность все того же остового вѣтра по-немногу расплавляетъ сердца чиновъ штаба: на званомъ ужинѣ у „вездѣсущаго“ поручика я вижу много розовыхъ женскихъ щечекъ, окружавшихъ и танцующихъ со штабными офицерами. Даже самъ Вл. Ив., какъ здѣсь, въ небытіи, рассказывалъ мнѣ полк. С., увлекся къ-то изъ вдовушекъ и предлагалъ ей руку и сердце.

* * *

Честолюбивые и тщеславные люди сидятъ за выдумываніемъ себѣ подвиговъ и, упиваясь ласками весны, горячатъ свои храбрыя сердца и души описаніемъ своихъ боевыхъ трудовъ и отличій; удостоверяютъ ихъ другъ другу взаимными подписями и подносятъ ихъ черезъ наградную комиссію мнѣ.

Отъ чтенія безпримѣрныхъ дѣяній иной разъ дѣлается очень горько на душѣ: „съ такими чудо-богатырями и я не удержалъ Войска, о. горе мнѣ несчастному!“

Много я за это ругалъ себя, но памятуя, что на свѣтѣ нѣтъ невозможнаго, большинство представлений оплачивалъ за труды составителей наградами. Общее дѣло мнѣ казалось проиграннымъ, и я уже не считался съ тѣмъ вредомъ штабной работы, который былъ связанъ съ этимъ дѣломъ.

Кто знакомъ съ условіями военной жизни, не можетъ не видѣть разницы въ функціяхъ одного и того же военного чина по различнымъ должностямъ. Казалось бы, военные чины должны быть для людей, стоящихъ непосредственно при военныхъ условіяхъ, но т. к. вездѣ по военному вѣдомству сидятъ люди

въ большинствѣ съ офицерскими погонами, а не боги, то простое глупое чувство зависти заставляетъ штабной и тыловой элементы равняться съ выдвинувшимся на боевомъ поприщѣ ихъ товарищами, и, конечно, не соревнованіемъ на кровавой нивѣ, а путемъ различныхъ выпускаемыхъ на свѣтъ Божій законовъ по уравниенію со своими сверстниками и т. д. и т. д.

Получается масса приказовъ съ различными дополненіями, измѣненіями, разъясненіями и пр. и пр. и пр., въ которыхъ могутъ плавать свободно и просторно только одни штабы. Весенній воздухъ и въ подобныхъ подвигахъ играетъ немаловажную роль.

Многіе, должно быть, знаютъ, что и орденъ Св. Побѣдоносца Георгія чуть было не былъ приспособленъ для ношенія штабными, далеко тыловыми людьми и, конечно, въ этомъ случаѣ условія полученія этого ордена были бы вполне параллельны боевымъ условіямъ. Какъ бы это было сдѣлано, для меня долго писать, но я глубоко увѣренъ, что ничто бы не послужило препятствіемъ тому, кому это надо.

Слава Богу, этотъ номеръ не прошелъ, но на этомъ выдумщики не остановились, и въ результатѣ получился смѣшанный орденъ—Владимира на георгіевской лентѣ. Этотъ орденъ, какъ единственный во всей Россіи украшаетъ грудь, должно быть, и единственнаго человѣка.

* * *

Ни пригрѣвающее солнце, ни возможность быть больше на свѣжемъ воздухѣ, заставлявшая меня увеличивать дозу его то отправкой съ ночевой на охоту, то использованием предложенія прокатиться въ таратайкѣ на хорошихъ лошадяхъ, не могли заглушить въ душѣ все возрастающее безпокойство о нашей участи.

Помню, свѣдѣнія отъ Ал. Ал. Михѣева послужили мнѣ поводомъ пойти на Малый Кругъ. Сообщилъ тамъ представителямъ имѣющимъ у меня данныя о двухъ транспортахъ, справился о томъ, что ими уже сдѣлано, просилъ дѣйствовать черезъ меня въ случаѣ замѣченнаго безпорядка или чегонибудь хуже въ армейскихъ учрежденіяхъ, обратилъ иль вниманіе на

тотъ фактъ, что мною опять замѣчено стремленіе богатыхъ, здоровыхъ вполне людей призывного возраста къ поступленію въ такія учрежденія, какъ напр. интендантство, и просилъ обратить на это особое вниманіе. Въ заключеніе я опять сказалъ безъ всякой надежды фразу: „Богъ дастъ, найдется же у флота суденышко или два для вывоза насъ отсюда!“

Черезъ три-четыре дня послѣ этой фразы проходить по улицамъ днемъ для меня становится невозможно тяжелымъ дѣломъ. Казалось, что каждый казакъ, который идетъ мимо меня, остановится и скажетъ: „Какъ же, Ваше Превосходительство, шли сюда для того чтобъ здѣсь погибать? Что же Вы ничего не дѣлаете? А мы то все надѣялись на Васъ!“

Пребываніе днемъ дома гдѣ становилось сыро и какъ то затхло, или у себя въ канцеляріи гдѣ начало пахнуть, можетъ быть и весеннимъ ароматомъ, но крайне непріятнымъ—прѣлью отъ хозяйскихъ кроватей, отдѣленныхъ отъ моей пріемной только занавѣсками, въ связи съ возрастающимъ безпокойствомъ о нашей участи, заставляетъ побаливать сердце. Это было уже со мной во время послѣднихъ дней въ войскѣ. „Быть худу“, думается мнѣ, и волю одолеваетъ страшная подавленность. Такое самочувствіе ничѣмъ не могло быть разогнано.

* * *

Пробуемъ мы, какъ утопающіе, за что либо схватиться, что-бы дать возможность, если не всѣмъ, то хотя бы нѣкоторымъ выбраться изъ этого проклятаго тупика. Приглашаемъ бухарскаго генерала; соглашаемся дать ему муки и снарядить весь кортежъ, лишь бы онъ взялъ отъ насъ желающихъ ѣхать въ Бухару. Разсматриваемъ съ нимъ со вниманіемъ карту, спрашиваемъ о пути, о вооруженныхъ силахъ туркменъ, приходимъ къ какому то соглашенію, объявляемъ по полкамъ для сбора желающихъ идти въ Бухару, но все это при столкновеніи съ вопросомъ о перевозочныхъ средствахъ разлетается, какъ дымъ. Верблюдовъ у насъ хотя и достаточно отъ пришедшихъ частей, но они чуть живы и дохнутъ каж-

дый день. Для сохраненія жизни имъ, ихъ пришлось отогнать далеко отъ Форта на скудныя пастбища. Всѣ они были въ такомъ состояніи, что-бы только стоять на четырехъ ногахъ и не падать.

Глава VIV.

Попытки связи съ вѣншимъ міромъ. — Человѣкъ не отъ нашей среды.

Временами продолжаютъ получаться сообщенія отъ Каспійскаго Флота. Въ нихъ чувствуется ложь. Иногда приходятъ совѣтскія радіо съ призывомъ работать и... такъ далѣе, обдають массой хорошихъ словъ и тутъ же забываются.

Мы стараемся поддержать связь со ставкой и сообщить туда о нашемъ положеніи посылкой лицъ.

Уѣзжаетъ отъ насъ цѣлая пачка чиновъ, изъ которой А. А. Михѣевъ вновь ѣдетъ на Западный берегъ Каспія съ цѣлью договориться до чего либо опредѣленнаго съ заправилами флота и Кавказской Арміи. На верховный казачій кругъ ѣдетъ Войсковой Старшина Добрынинъ съ написаннымъ по этому случаю обращеніемъ отъ насъ. Генераль Савельевъ, бывшій благополучно въ Фортъ, беретъ на себя задачу посодѣйствовать нашему выѣзду въ Баку, въ Тифлисъ и Новороссійскъ; полковникъ Анатолій Петровичъ Кирилловъ ѣдетъ спеціально въ ставку Деникина. Всѣ необходимыя имъ свѣдѣнія даны, они же сами—непосредственные участники похода и пострадавшіе отъ египетскихъ казней, свалившихся на наше многострадальное Войско.

Давно проводили и миссію, наградивъ участниковъ ея орденомъ Архистратига, а майора Обрейна и званіемъ почетнаго казака. По этому случаю у Владимира Ивановича былъ устроенъ обѣдъ, прошедшій въ высшей степени скучно и натянуто.

Теперь я знаю, что ни одно лицо не выполнило своего назначенія. Одни, хотя и доѣхали до цѣли, какъ А. А. Михѣевъ, но не могли тамъ ничего сдѣлать; другіе не добрались совсѣмъ и, если не сидятъ

на островъ Наргенъ по милости флота то уже не существуютъ на бѣломъ свѣтѣ.

* * *

Бываютъ какіе-то странные люди. У всѣхъ въ какой-нибудь извѣстный моментъ жизни могутъ быть, приблизительно, одинаковыя желанія и стремленія, но среди нихъ найдутся обязательно такіе, у которыхъ въ головѣ оказывается совершенно другое, чѣмъ у остальныхъ.

Однажды, сидя у себя въ квартирѣ, я былъ пораженъ странно знакомымъ голосомъ, спрашивающимъ разрѣшенія войти.

— Войдите,—отвѣчаю я и остолебѣваю:—передо мной генеральнаго штаба генераль-майоръ Т., бывшій малую толику времени командиромъ Уральскаго корпуса, послѣ чего онъ уѣхалъ на Кавказъ.

Онъ подходитъ ко мнѣ, высказываетъ стремленіе поцѣловаться. Дѣлать нечего, соблюдаю этотъ обычай.

— Что, не ожидали?—задаетъ онъ вопросъ и въ его широко открытыхъ голубыхъ глазахъ какъ будто читается желаніе видѣть меня до крайности изумленнымъ.

— Представьте себѣ, Николай Гавриловичъ, никакъ не могъ думать, что Вы пріѣдете въ Фортъ,—гворю я.

— Я счелъ долгомъ навѣстить Васъ и посвятить во все, что дѣлается на Кавказѣ относительно Вашей Арміи.

— Очень благодаренъ,—спѣшу я поблагодарить, —это для меня самое важное.

— Послѣднія свѣдѣнія, какія я получилъ,—докладываетъ онъ мнѣ,—это—красные отогнаны отъ Кавказской и Ставрополя. Ворвалась, было, какая-то шайка на вокзалъ въ Пятигорскѣ, но ее быстро ликвидировали. Изъ Новороссійска бѣженцевъ будутъ эвакуировать на Принцевы острова. Вотъ, въ общихъ чертахъ, обстановка, при которой я покинулъ Кавказъ.

«Мало же свѣдѣній привезъ ты,—думаю я, и уныло смотрю на него, стараясь по временамъ заносить въ блокъ-нотъ его слова.

— Переходъ нашей Уральской Арміи въ Ензели долженъ скоро наладиться,—начинаетъ онъ. Я испускаю глубокій вздохъ и пристально смотрю ему въ глаза, онъ это замѣчаетъ и продолжаетъ:

— Поѣхалъ туда въ комиссію по этому дѣлу полк. Григорьевъ—сподвижникъ ген. Деникина, служившій ранѣе въ Закаспійской области. Теперь Вы, Вл. Серг., видите, что сомнѣваться въ плодотворности этой миссіи не слѣдуетъ.

Я ничего не видѣлъ и продолжалъ только слушать, молча и затаивъ дыханіе.

Онъ старается заставить меня что-то видѣть дальнѣйшими фразами:

— Распоряженіе относительно нашихъ бѣженцевъ сдѣлано таково: всѣ они будутъ распределены по станіцамъ Терской области.

Я не вытерпѣлъ и выпаливаю:

— Объ этомъ я слышалъ, Н. Г., какъ только мы сюда пріѣхали, какъ и о какомъ-то шикарномъ загонѣ, ожидающимъ меня и мою семью въ Петровскѣ.

— Это значитъ, Вл. Серг., что рѣшеніе уже строго опредѣлено, если о немъ говорятъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца.

Я видѣлъ, что это ничего не значитъ, но не желая наживать себѣ лишняго врага, веду себя совершенно скромно и молчу. Вотъ началъ говорить объ остаткахъ Арміи:

— Нашу Уральскую Армію предполагаютъ устроить такъ: перевезти сначала на Кавказъ, а потомъ бросить въ направленіи на Астрахань.

Меня какъ будто кто укололъ булавкой отъ этихъ словъ, и я забываю первоначальное рѣшеніе сдерживаться, и заявляю:

— Бросать Армію они подождали бы,—для этого надо намъ сначала встать на ноги, а тогда мы и сами бросимся, куда надо.

— Я такъ и предполагалъ, Вл. Серг., что Вамъ не понравится такой планъ,—слышу отъ него.

Вдругъ, какъ среди яснаго неба громъ, онъ огорашиваетъ меня вопросомъ:

— А что, если попытать намъ двинуться на Хизу?

— Пытались, но она намъ не дается: ногъ нѣтъ, —отвѣчаю я.

— Знаете, Вл. Серг., по всему вижу, что мнѣ надо ѣхать на Кавказъ къ Деникину и на Верховный Казачій Кругъ.

Я его посвящаю въ то, что и къ Деникину и на Верховный Кругъ люди уже посланы. Онъ, въ свою очередь, сообщаетъ, что представителями на Верховномъ Кругу отъ Астраханцевъ состоитъ Ляховъ, а отъ оренбуржцевъ—ген.-м. Акулининъ. Узнаю, что онъ видѣлъ полк. Сухороджина въ Петровскѣ и направилъ его къ ген. Деникину.

Узнавъ, что я ничего не имѣю противъ поѣздки его на Кавказъ и далѣе, Т. начинаетъ возлагать на себя порученія. Ему необходимо какъ можно скорѣе видѣть Эрдели, у котораго по его словамъ объ Уральской Арміи ужасное представленіе, какъ о заядлыхъ самостійникахъ и пр. и пр.

— Надо же мнѣ убѣдить его въ противномъ,—заканчиваетъ онъ этими словами свою первую задачу. Я съ нимъ соглашаюсь.

— Потомъ, Вл. Серг., неужели Вы ничего не предпримете противъ захвата въ свою пользу рыбныхъ промысловъ Астраханскимъ отрядомъ и начавшихся тамъ вслѣдствіе этого безобразій? Красные, какъ Вамъ извѣстно, удачно всѣмъ этимъ воспользовались; и арестъ Вами знаменитой Челабовой не удался только потому, что она была подъ покровительствомъ того же Астраханскаго отряда, да и на Кавказѣ у нея есть заручка.

— Все знаю, Ник. Ив., и Вы же сами первый посвятили меня въ это еще въ Гурьевѣ, но я опять какъ и тогда, скажу Вамъ—не до этого мнѣ теперь. Придетъ время, сочту долгомъ вытащить всѣхъ под-

лещовъ на Божій свѣтъ, а теперь, если Вы можете, займитесь ими безъ меня.

— Постараюсь сдѣлать все, что требуется, говорить Т.,—попутно съ этимъ стегну какъ слѣдуетъ и по всѣмъ мерзавцамъ, ограбившимъ нашу Уральскую Армію. Я знаю, что отъ ген. Романовскаго была телеграмма вернуть все обмундированіе Уральской Арміи. У меня же, къ сожалѣнію не здѣсь, есть телеграмма тоже отъ Романовскаго, гласящая, чтобы всѣ запасы Закаспійской Арміи были переданы намъ уральцамъ. Эта телеграмма касается и Петровска, гдѣ есть запасы Астраханской бригады. Мнѣ доподлинно извѣстно, что тѣ 20.000 комплектовъ теплой одежды, принадлежащіе уральскому Войску, пришедшіе въ Фортъ, Филаретовымъ были забраны и отправлены въ адресъ Каспійской Флотиліи по приказанію Рябинина—начальника штаба этой флотиліи. Находящіеся же въ Фортъ 3.000 комплектовъ мундирной одежды, про которыхъ знаютъ и всѣ ваши казаки, были вытянуты отъ насъ подложной телеграммой, яко бы отъ Англійской миссіи. Вообще надо сказать, что подложными телеграммами флотъ не брезгалъ. Вотъ Вамъ примѣръ этому: для того, чтобы создать еще до Вашего прихода волненіе въ Фортъ, Рябининъ посылаетъ подложную телеграмму о мобилизаціи всѣхъ въ Фортъ и въ станицѣ.

— Если это все такъ, Н. Г., то для меня уже вполне становится понятнымъ непріемъ моихъ шифрованныхъ телеграммъ и хамское указаніе въ необходимости до послѣдней степени сокращать и обыкновенныя. Богъ приведетъ быть живымъ—я сведу счеты, теперь же я вполне увѣренъ, что они во что бы то ни стало не произведутъ нашей эвакуаціи.

Онъ, придираясь, должно быть, къ словамъ, «я сведу счеты», беретъ нить разговора опять въ свои руки, и я слышу:

— Помните, Вл. Серг., одно, что обмундированіе было Вамъ выдано начальникомъ снабженія Добрарміи;—такъ вотъ, если Вамъ придется дѣйствовать по

этому дѣлу—это и служить доказательствомъ подложности телеграммы отъ Англійской миссіи.

Я его поблагодарилъ, добавивъ, что едва ли скоро придется мнѣ выводить этихъ молодцовъ на свѣжую воду.

Съ разговоровъ о лицахъ и ихъ дѣянiяхъ онъ вдругъ перескакиваетъ къ возможности покупки на Мангишлакскомъ полуостровѣ лошадей и переброски ихъ на Кавказъ, гдѣ «представьте себѣ, Вл. Серг., бракованая кляча стоитъ 12.000 руб.»

— Мы,—говорю я,—барановъ-то для себя въ полной мѣрѣ не можемъ купить, киргизы, чортъ знаетъ, куда ихъ угнали. Настроеніе же орды теперь, болѣе за красныхъ.

Разсказалъ генералу, какъ вскорѣ послѣ моего прихода въ Фортъ киргизскіе старшины обратились ко мнѣ съ просьбой помочь имъ организовать отрядъ для совмѣстныхъ дѣйствій противъ красныхъ добавить для имѣющихся людей около 100-150 винтовокъ съ комплектомъ патроновъ по 100 штукъ на каждую.

— Я имъ утвердительно ничего не сказалъ,—продолжаю говорить Т.,—но и не отказалъ, потребовалъ въ доказательство ихъ миролюбія по отношенію къ намъ выдачи главарей шаекъ, нападавшихъ на наши обозы, на отдѣльныхъ лицъ, а главнымъ образомъ, ограбившихъ ббльшую часть войскового серебра и убившихъ войскового старшину Домашнева. Они тоже утвердительно ничего не сказали, и упирали на то, что это были продѣлки киргизъ Красноводскаго уѣзда, и показывали при этомъ на картѣ мѣсто пребыванія этихъ степныхъ шагаловъ. Такъ вотъ недавно я слышу говоръ: «все равно, уральская армія не устоитъ и намъ киргизамъ не для чего составлять отрядъ». Дошелъ до меня и такой слухъ: на какомъ-то совѣщаніи киргизами рѣшено было угнать скотъ какъ можно дальше и принять всѣ мѣры къ тому, чтобы не помогать ни краснымъ, ни бѣлымъ до выясненія — чья возьметъ. На основаніи всего сказаннаго я Вамъ и говорю, что надежду пополняться отсюда кому-нибудь лошадьми надо бросить.

Онъ встаетъ, прощается и вдругъ опять задаетъ мнѣ вопросъ:

— Утвердили ли Вы, Вл. С. мое представленіе къ ордену Св. Георгія,—кого Вамъ извѣстно?

— Нѣтъ, Н. Г., долго я надъ этимъ думалъ и рѣшилъ не дѣлать, отвѣчаю ему.

Онъ видитъ, что мнѣ совсѣмъ не до разговора на эту тему, жметъ мнѣ руку и уходитъ.

Глава XV.

Мука. Тайнственное исчезновеніе „вездѣсущаго“. Соломинина. Совѣщаніе 22 февраля (4 марта). Владычица моря. Артиллерійскій морской бой. Выходъ изъ станицы.

Разговоръ съ ген. Т. по уходѣ его заставилъ меня съ какимъ-то дьявольскимъ наслажденіемъ доказывать себѣ невозможность надежды на помощь для насъ извнѣ.

На душѣ было темно и безотраднo. Возможно, что я инстинктивно растравливалъ себя для вызова всѣхъ внутреннихъ силъ къ какому-то противодействию противъ опредѣленно уже сложившейся неблагоприятной для насъ обстановки.

Какъ на зло, приходитъ въ это время письмо отъ полк. Кириллова, посланное имъ съ его младшимъ братомъ, рисующее отчаянное положеніе на Кавказѣ; изволила попасться на глаза бумажка съ требованіемъ выдачи всѣхъ нашихъ шифровъ: она внутренне связалась какъ-то со всѣми безобразіями, творящимися въ тылахъ союзныхъ русскихъ армій:—спекулянствомъ, взяточничествомъ, провокаторствомъ, паникой, съ происходящей демобилизаціей, безобразнымъ состояніемъ желѣзныхъ дорогъ и т. д. Все это закрѣплялось ползущими откуда-то слухами о скоромъ приходѣ красныхъ.

Получилась телеграмма отъ краснаго морского командованія съ предложеніемъ матросамъ каспійской «лавочки» не открывать огня по красному флоту. Окончательно хотѣло доканать меня сообщеніе ко-

миссиі изъ казаковъ-моряковъ, что на остающихся въ бухтѣ подкахъ нельзя и пытаться ѣхать въ дальній путь.

Уѣхалъ ген. Т., уѣхали всѣ, несвязанные кровнымъ родствомъ съ уральцами и различными функціями Штаба Арміи, казавшагося мнѣ теперь болѣе, чѣмъ ненужнымъ. Уѣхалъ и пор. Дз. Дз. Онъ уѣхалъ, какъ и надо было ожидать, сверхобыкновеннымъ и неожиданнымъ образомъ.

Прекратившаяся почти совсѣмъ къ этому времени опредѣленная работа Малаго Круга толкнула представителей его заняться счетами съ людьми, насолившими въ свое время казакамъ въ Войскѣ. Ясное дѣло, — Дз. Дз. оказался у нихъ на примѣтѣ первымъ. Ему припомнилось все: облавы, порки, аресты, и даже какія-то деньги, отнятыя у казака, котораго пор. въ свое время счелъ за грабителя. Страсти разгорѣлись: желаніе Круга проникло и въ казачью массу.

Съ послѣднимъ пароходомъ, какъ оказалось потомъ, уѣзжали иногородцы изъ отряда особаго назначенія, съ которыми долженъ былъ ѣхать и самъ поручикъ. Узнавъ объ этомъ, представители Круга идутъ ко мнѣ и просятъ не отпускать „вездѣсущаго“ до разбора дѣла. Я съ ними, въ концѣ концовъ, соглашаюсь и заявляю, что наказаніе въ случаѣ доказательства его виновности въ чрезмѣрномъ употребленіи вышеозначенныхъ средствъ, будетъ наложено лично мною самимъ до прихода слѣдующаго парохода, съ которымъ я и отпускаю его.

Безусловно, я отстоялъ бы поручика, и онъ отдѣлался бы только арестомъ, — плюсомъ къ возвращеннымъ уже казаку деньгамъ.

Всѣ, я и казаки, видѣли, что на пароходѣ „вездѣсущій“ провелъ лишь столько времени, сколько надо было потратить на рукопожатія съ отъѣзжающими, и ушелъ оттуда. Всѣ также видѣли, какъ пароходъ черезъ полчаса отошелъ и ушелъ безъ поручика.

Неповѣрившіе своимъ глазамъ казаки пошли на его квартиру убѣдиться — дѣйствительно ли онъ дома? И, о, ужасъ, — поручика не оказалось. Черезъ часъ,

черезъ два—его все нѣтъ. Было ясно, какъ Божій день, что онъ перехитрилъ всѣхъ.

Какъ я узналъ довольно скоро, поручикъ, сойдя съ парохода, немедленно сѣлъ гдѣ-то на лодочку и на ходу присталъ и перебрался на корабль. Все сдѣлано было очень ловко. Я отъ души порадовался за него.

* * *

Курьезы развлекаютъ, но не надолго. Гнетъ текущихъ событій, предчувствіе чего-то фатальнаго—быстро возвращаютъ всѣхъ къ тяжелой дѣйствительности.

Сознаніе того, что болѣе 3.000 измучившихся и изстрадавшихся людей, смотрятъ на тебя, какъ на единственнаго человѣка, способнаго улучшить ихъ положеніе и избавить отъ новыхъ страданій,—заставило въ сотый разъ перебирать въ умѣ всѣ данныя, могущія измѣнить роковой ходъ событій и положеніе тѣхъ, кто до сихъ поръ честно и свято выполнилъ свой долгъ и ради него пожертвовалъ всѣмъ.

«Утопающій хватается за соломинку», и мы это сдѣлали.

20-го марта по ст. ст. маринъ Сантанѣевъ любезно увѣдомилъ меня, что согласно приказанія, полученнаго имъ отъ Командующаго Флотомъ, корабли „Опытъ“ и „Милютинъ“, находящіеся въ бухтѣ, должны идти въ Баку и Ензели, а вмѣсто нихъ сюда, якобы, придутъ другіе.

Остатки ли совѣсти и чести, а также туманное, быть можетъ, сознаніе ответственности передъ Богомъ и людьми въ неминуемой гибели тысячъ несчастныхъ людей,—заставляютъ его процѣдить сквозь зубы предложеніе объ отправкѣ съ отходящими судами женщинъ, дѣтей и калѣкъ. Мы этимъ пользуемся и просимъ его принять на корабли войсковое имущество и серебро. Онъ соглашается.

Разсужденіе, что съ отправкой слабаго духомъ и немощнаго тѣломъ элемента, а также лишнихъ грузовъ, мы окрѣпнемъ морально къ могущимъ быть въ недалекомъ будущемъ невзгодамъ, заставило меня

собрать созѣщаніе изъ чиновъ штаба Арміи, бригады, командировъ полковъ и председателя Малаго Круга.

Для обрисовки создавшейся обстановки не надо было много словъ. Было видно, что каждый изъ находившихся переживалъ приблизительно то, что было у меня въ тайникахъ сердца, а потому, понимали меня съ полуслова.

Представляющаяся возможность спасти ни въ чемъ неповинныхъ людей отъ краснаго ужаса и сильное желаніе избавить ихъ отъ этого какъ можно скорѣе, заставляютъ быстро согласиться съ тѣмъ, чтобы на одномъ изъ этихъ судовъ былъ посланъ начальникъ Штаба ген.-м. Моторновъ съ правомъ дѣлать все для спасенія арміи отъ моего имени и расходовать на намъ судовъ для этой цѣли войсковое серебро.

На этомъ же засѣданіи я услышалъ, что послѣдняя мѣра будетъ самой дѣйствительной изъ всѣхъ способовъ чего-либо добиться отъ главы „Торговаго Дома“. Мнѣ также передали сказанныя въ Петровскѣ Челабова слова, указывающія даже и сумму, обезпечивающую нашъ выѣздъ на югъ.

Закипѣли приготовленія, и я не ошибусь, если скажу, что всѣ, кому надо было уѣзжать, къ вечеру этого дня были готовы къ посадкѣ, но лихимъ морякамъ не нужны наши порядки—они сами укажутъ намъ время.

* * *

22 марта (4 апрѣля). Утро. Въ связи съ предстоящими проводами хотя бы части нашихъ остатковъ въ мѣста, гдѣ она будетъ въ безопасности,—наступающій хорошій весенній день казался особенно великолѣпнымъ.

Отходъ кораблей назначенъ въ 1 часъ дня. На улицахъ необычайное оживленіе, которое особенно замѣтно на юго-восточной и восточной окраинахъ города, прилегающихъ къ бухтѣ, гдѣ стоятъ готовые къ отходу корабли.

У меня, помимо проводовъ своей семьи, начальника Штаба и членовъ Круга, въ 10 часовъ утра назначенъ сборъ команднаго состава Арміи для выслу-

шиванія доклада прїѣхавшей м-мъ Челабовой, и ознакомленія съ письмомъ моего помощника А. Михѣева.

М-мъ Чѣлабова, за отсутствіемъ крейсирующихъ пароходовъ, прибыла въ Фортъ на парусной лодкѣ, и этотъ тяжелый, отчасти рискованный способъ передвиженія создаетъ даже у меня исключительный интересъ къ предстоящей съ нею бесѣдѣ.

22-ое марта—день неожиданныхъ новостей и сильныхъ впечатленій, которыя начинаются съ моего прихода въ канцелярію. Не успѣлъ я войти въ свое „святое святыхъ“, какъ мнѣ была преподнесена начальникомъ штаба телеграмма отъ Комфлота, гласящая: „Отъ 18-го марта ген. Толстову съ Крюгера“.

„Получилъ радіо Марина No 69, гдѣ сказано: всѣ морскія учрежденія и суда Вы подчинили себѣ. Вашъ приказъ о подчиненіи морскихъ учрежденій и судовъ—самочиненъ. Флотъ существуетъ въ прежней боевой силѣ. Ни одинъ корабль не будетъ существовать безъ моего вѣдома и инструкціи. Боевыя операціи идутъ въ полной мѣрѣ. Владычество надъ моремъ мое“.

Подпись Сергѣевъ.

„Или черезъ мѣру наглець и подлець, или въ самомъ дѣлѣ не все еще потеряно“,—думаю я, прочитавъ и перечитавъ эту депешу, въ которой было столько неумѣстнаго пустого тщеславія, столько грубой нетактичности, но въ то же время было что-то и успокаивающее.

„Неужели,—думалось снова мнѣ,—у насъ нервы настолько растрепались, что чувствуютъ мнимую и какую-то ужасную опасность тамъ, гдѣ ея нѣтъ совершенно. Не вѣрится, что бы я ошибся, но все же, всяко бываетъ на свѣтѣ“. Настроеніе поднимается, чувствуется смѣсь горькаго съ небольшимъ количествомъ сладкаго.

Оглашаю собравшимся въ канцеляріи эту телеграмму. Нѣкоторое время, послѣ прочтенія ея, царитъ молчаніе. Наглая увѣренность главнаго директора „Торговой фирмы“ невольно вселяетъ сомнѣніе и въ сердца моихъ подчиненныхъ, и они, такъ же какъ и я, моментально проглатываютъ горькое и стараются

задержать на своихъ губахъ только капли сладкаго: „Владычество надъ моремъ—мое“.

Вижу, что настроеніе повысилось, особенно замѣтно это было изъ того, что В. И. Моторновъ нѣсколько попенялъ на меня за отданное мною распоряженіе о наблюденіи за бухтой.

Оживленный обмѣнъ мнѣніями по поводу прочитаннаго продолжался не болѣе десяти минутъ и былъ нарушенъ вошедшей м-мъ Челабовой.

* * *

Невольно я и всѣ присутствующіе, устремляемъ любопытные взгляды на тайную сподвижницу комплота Каспійскаго.

„Такъ вотъ она та Челабова, о которой говорили въ послѣднее время такъ много здѣсь и на Кавказѣ, а раньше и въ Гурьевѣ“, думаетъ, вѣроятно, каждый изъ насъ.

Вотъ она передъ нами, эта вездѣсущая, всемогущая владычица нашего Каспія и плавающего по нему флота во главѣ съ адм. Сергѣевымъ.

Вотъ она, эта коммерсантка, грузы которой перевозятся съ одного берега моря на другой внѣ всякой очереди, на любомъ суднѣ, какое только она пожелаетъ, и съ подобающимъ конвоемъ изъ военныхъ кораблей.

Какое ей дѣло до того, что гдѣ-то на фронтахъ ждутъ грузы первой необходимости для Арміи—медикаменты, боевые припасы, муку, когда ея товары—соль, тюлений жиръ, рыба должны быть перевезены, какъ я уже сказалъ, съ одного конца моря на другой, или суда, занятые ею должны стоять въ портахъ по нѣсколько дней въ ожиданіи выгоднаго покупателя.

Она—самое большое звено въ цѣпи, которое тянется отъ головъ красной арміи черезъ тылы добровольцевъ въ штабы армій послѣднихъ. Объ этомъ много говорилось, говорилось упорно, но тихо:—открытая борьба съ Челабовой опасна и, возможно, что нѣкоторые, пренебрегшіе этимъ и искренно болѣвшіе сердцемъ за свою родину, безчестно пали въ этой борьбѣ.

Какую силу таила въ себѣ эта женщина съ ар-

мянскимъ типомъ лица, похожая скорѣе на мужчину, нежели на ту очаровательницу, которая провалила и астраханскій фронтъ, окруживъ начальника его сопровождавшими ее авантюристами, агентами красныхъ и другой нечистью, втерлась въ каспійскій флотъ, чувствуя легкую возможность заработать совмѣстно съ команднымъ составомъ его, и въ свою очередь передать корабли въ руки красныхъ.

Все, что она имѣла хорошаго—это два большихъ черныхъ, пронизывающихъ глаза, и, очень возможно, что ради этихъ глазъ адм. Сергѣевъ исходатайствовалъ въ свое время разрѣшеніе у верховъ кавказкой арміи взять ее на поруки, когда она была по моему приказанію арестована моимъ братомъ въ Петровскѣ вмѣстѣ съ кутившимъ съ нею начальникомъ астраханскаго отряда, уѣхавшимъ самовольно изъ района военныхъ дѣйствій.

Пока всѣ эти мысли проносились вихремъ въ моей головѣ, м-мъ Челабова начала свой докладъ—разсказъ о послѣднихъ событіяхъ въ Петровскѣ.

Отрывистыя фразы, слѣдующія одна за другой съ поразительной быстротой, мѣшаютъ мнѣ записывать ихъ полностью. Нѣкоторыя же изъ нихъ, какъ напр.: „Я взяла пароходъ „Казбекъ“, поѣхала туда-то“ съ подчеркиваніемъ мѣстоименія „я“ и полной зависимости отъ нея адм. Сергѣева,—невольнo меня коробятъ. Кое-что я все же успѣлъ записать.

— Была передъ отъѣздомъ у адмирала,—онъ сказалъ, чтобы уральцы были покойны: пароходы обязательно придутъ для нихъ. А. А. Михѣевъ и ген. Т. уѣхали въ Баку. Въ Петровскѣ не осталось почти ничего; думаю, что и ваши казаки выѣхали въ Ензели. На прощанье адм. сказалъ мнѣ: „Успокойте уральцевъ и скажите, что пароходы обязательно будутъ дней черезъ восемь.

Послѣ этихъ словъ она встаетъ, чтобы уйти. Я ее не задерживаю, т. к. знаю, что она сказала все, что должна была сказать мнѣ, и больше ничего не скажетъ. По ея уходѣ сдѣлалъ только распоряженіе Предсѣдателю Круга о наблюденіи за ней.

Дальше прочитываю письмо А. А. Михѣева и не-

вольно усмѣхаюсь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ А. А. называетъ Сергѣева единственно дѣловымъ человѣкомъ, а Челабову за рискъ ѣзды по морю на парусной лодкѣ—молодцомъ.

— Попался, кажется, на удочку нашъ парень,—шучу я. Поживемъ, увидимъ. Если Сергѣевъ не будетъ подлецомъ, то едва ли будетъ и честнымъ человѣкомъ», говорю на какія-то успокаивающія слова В. И. Моторнова и ухожу съ засѣданія провожать отъѣзжающихъ.

* * *

Пароходы „Милютинъ“ и „Опытъ“ стояли—первый у центральной пристани станицы Николаевской, а второй въ сѣверо-восточномъ углу бухты.

Моя семья должна была ѣхать на „Опытъ“, къ которому я и подѣхалъ на рѣчномъ пароходикѣ „Туркмень“. Дорогой до пристани, когда я шелъ по улицѣ, мнѣ пришлось наблюдать картину полного оживленія станицы. Всѣ обитатели ея, не исключая и постоянныхъ жителей, высыпали на набережную къ центральной пристани.

День былъ поразительный, море,—какъ стекло. Въ даль моря нельзя смотрѣть: оно ослѣпляло, отражая въ себѣ лучи солнца. Все это, въ связи съ такимъ великимъ событіемъ, какъ отправка на корабляхъ всѣхъ тѣхъ, кто, такъ или иначе, связывалъ намъ руки, порождало какое-то неопредѣленное чувство удовлетворенія и сознанія наибольшей свободы въ своихъ дѣйствіяхъ. Такое состояніе было и на лицахъ многихъ, которыхъ я встрѣчалъ на своемъ пути.

На „Опытъ“ творился хаосъ. Вся палуба была занята багажомъ, тюками, тучками уѣзжающихъ, а грузы съ пристани все продолжали прибывать, а съ ними и пассажиры. Онъ, наконецъ, отошелъ отъ пристани и сталъ недалеко отъ нея на якорь, уступивъ свое мѣсто „Туркмену“.

Я сажусь въ лодку и ѣду къ „Опыту“, чтобы послѣдній разъ взглянуть на свою семью и на стариковъ-родителей, которые тоже уѣзжали. Сдѣлавъ это, я вернулся обратно на „Туркмень“ съ намѣреніемъ

проѣхать на центральную пристань и проводить отъѣзжающихъ на „Милютинъ“, въ числѣ коихъ былъ и начальникъ Штаба.

Было у меня и другое намѣреніе: провѣрить—уѣзжаетъ Маринъ Сантанѣевъ или нѣтъ. До этого онъ говорилъ, что остается въ Фортѣ, но какое-то предчувствіе заставляло меня и многихъ другихъ сомнѣваться въ этомъ. Во всякомъ случаѣ—это было очень интересно, т. к., если онъ, вопреки своимъ завѣреніямъ, уѣдетъ, то это значитъ, дѣло плохо: крысы, предчувствуя крушеніе корабля, стараются улизнуть съ него всегда заблаговременно; въ противномъ случаѣ, можно жить спокойно нѣкоторое время. Эти интересныя свѣдѣнія мнѣ удалось получить гораздо позднѣе, благодаря развернувшимся событіямъ.

Отъ своихъ мыслей я былъ отвлеченъ раздавшимися какими-то взрывами на нагорномъ берегу и громкой командой на „Опытъ“: „Къ орудіямъ, прочистить ихъ!“ Потомъ слѣдовалъ возгласъ: „Крейсеръ красныхъ“.

Дѣйствительно, черезъ косу, на которой расположена станица Николаевская, на дистанціи 6—7 верстъ было видно какое-то судно, а не вдаль отъ него—другое, значительно меньшихъ размѣровъ.

До моихъ ушей достигло и распоряженіе командира „Опыта“ о высадкѣ всѣхъ пассажировъ на берегъ, т. к. корабли пойдутъ въ бой.

Когда я прибылъ въ станицу, то полки уже были готовы и командиры ихъ ждали дальнѣйшихъ приказаній.

Событія здѣсь разыгрались такимъ образомъ: дозорные „Милютина“ первые замѣтили приближающійся непріятельскій крейсеръ. Командиръ судна сообщилъ сигналомъ о замѣченномъ командиру „Опыта“, предупредивъ объ этомъ и находящагося на борту парохода ген. Моторнова. Послѣдній, быстро схвативъ создавшуюся обстановку, передалъ командиру бригады полк. Корноухову секретное приказаніе—привести полки въ боевую готовность.

Однако, долго скрывать истину было нельзя, т. к.

послѣдовавшее вслѣдъ за этимъ и на „Милютинъ“ приказаніе сойти на берегъ всѣмъ, не принадлежащимъ къ составу корабля, сразу заставило подумать о какомъ-то неблагополучіи, а суетня пароходной команды около орудій и якоря и проникшій откуда-то слухъ о высадившихся уже, якобы, большевикахъ,— сразу создали среди отъѣзжающихъ панику, и всѣ они поспѣшили сбѣжать съ борта „Милютина“ на пристань, не взявъ даже съ собой наиболѣе легкихъ и цѣнныхъ вещей.

Сигналы полковъ, трубящихъ тревогу, а вслѣдъ за этимъ орудійные выстрѣлы и разрывы надъ бухтой создали на пристани хаосъ, который прекратился только спустя нѣсколько минутъ, когда публика малопомалу куда-то съ нея скрылась.

Хорошо, что стрѣльба красныхъ, благодаря, можетъ быть, дальней дистанціи, не отличалась мѣткостью: высадка съ кораблей обошлась безъ жертвъ.

Встрѣтившій меня на берегу командиръ бригады, доложилъ обстановку и спрашивалъ дальнѣйшихъ указаній. Мною было отдано приказаніе построиться бригадѣ, впредь до выясненія окончательной обстановки, на западной сторонѣ бухты ближе къ домамъ и выставить посты по всей косѣ.

Я и штабъ пошли на косу въ сторону открытаго моря съ цѣлью уяснить создавшееся положеніе и, въ зависимости отъ этого, опредѣлить дальнѣйшій планъ дѣйствій.

Не знаю—наглость ли противника, среди бѣлаго дня осмѣливавшагося подойти къ Форту, въ которомъ, кромѣ двухъ военныхъ кораблей, былъ еще и гарнизонъ, или чувство досады на то, что позволили почти незамѣтно приблизиться двумъ кораблямъ къ бухтѣ, именно въ тотъ моментъ, когда многіе считали себя уже внѣ опасности, а другіе, благодаря этому, были спокойны за ихъ судьбу,—заставили лица казаковъ проявить такую увѣренность, такое явное стремленіе проучить дерзкаго врага, что, казалось,—начни онъ сейчасъ высадку подъ прикрытіемъ своихъ пушекъ, то всѣ, какъ одинъ, кинулись бы на первыхъ, ступив-

шихъ на землю, и этотъ порывъ былъ бы ужасенъ и заставилъ бы противника призадуматься и, вѣроятно, измѣнить свой планъ. Это состояніе отмѣтили и нѣкоторые изъ начальниковъ.

Загремѣвшіе въ отвѣтъ съ нашихъ судовъ орудійные выстрѣлы еще больше будировали нервы и поднимали знакомое ощущеніе—помѣряться съ ненавистнымъ врагомъ.

На берегу моря картина была такова: два непріятельскихъ корабля, отлично видимыхъ простымъ глазомъ и стоявшихъ отъ входа въ бухту на разстояніи 5—6 верстъ, вели артиллерійскую стрѣльбу сначала по бухтѣ, а потомъ, увидя выходящихъ оттуда «Опытъ» и «Милютинъ», перенесли огонь на нихъ. Послѣдніе, въ свою очередь, открывъ стрѣльбу по нападавшимъ, взяли направленіе, пересѣкающее путь отхода непріятельскихъ кораблей.

Боясь ли быть отрѣзаннымъ, или имѣя задачей отвлечь наши суда по возможности далѣе отъ бухты, противникъ началъ отходить въ сѣверо-западномъ направленіи, преслѣдуемый, хотя и очень медленно, нашими судами.

Артиллерійскій бой продолжался, но постепенно становился глуше по мѣрѣ увеличенія дистанціи отъ берега.

Обстановка, какъ будто, мѣнялась. Можно было счесть настоящій приходъ непріятельскихъ кораблей за развѣдку и, слѣдовательно, мы имѣли бы въ распоряженіи не меньше 3—4 дней до того момента, когда противникъ рѣшитъ окончательно завладѣть Фортomъ-Александровскомъ.

Въ зависимости отъ этого надо было предпринять дальнѣйшее рѣшеніе, и съ этой цѣлью я и штабъ отправились на квартиру ген. Моторнова, по пути отдавъ приказаніе о роспускѣ частей и объ оставленіи однихъ только постовъ, расположенныхъ на берегу моря.

Дорогой изъ рассказовъ бывшихъ на «Милютинѣ», узнаю, что маринъ Сантанѣевъ не задолго до обнаруженія непріятельскихъ пароходовъ перебрался вмѣстѣ

съ своимъ багажомъ съ берега на бортъ корабля и не имѣлъ, видимо, никакого желанія оставаться въ Фортъ-Александровскѣ, гдѣ онъ считалъ свои обязанности законченными. Нервы тупѣли, и это не вызвало ничего, кромѣ ироническихъ возгласовъ и улыбокъ у слышавшихъ.

Стало яснымъ, что надо работать самимъ и отбросить надежду на чью-либо помощь. Также было ясно, что «владыка Каспія»—адм. Сергѣевъ, не есть уже таковой, несмотря на свою олимпійскую телеграмму.

Конечно, это были только мысли, а на словахъ говорилось другое, и составлялся приблизительно планъ съ расчетомъ опять же на своихъ братьевъ-моряковъ.

По приходѣ на квартиру къ Вл. Ив. я нашелъ тамъ и свою семью, которая, оставивъ на «Опытѣ» все свое имущество, была привезена сюда.

Обмѣнявшись съ ней нѣсколькими словами о случившемся и успокоивъ относительно дальнѣйшаго, я сдѣлалъ маленькое совѣщаніе, чтобы окончательно разобраться въ создавшейся обстановкѣ и прійти къ опредѣленному рѣшенію.

Соображеніе, что въ случаѣ возвращенія непріятельскихъ судовъ, мы, при всемъ своемъ желаніи, не сможемъ защитить станицу, расположенную на узкой косѣ, заставило насъ прійти къ скорому рѣшенію: отвести полки въ городъ и даже немного за городъ, дабы оттуда, оріентировавшись, сколько возможно, въ дальнѣйшей обстановкѣ, предпринять дѣйствія. Въ станицѣ рѣшено оставить только посты для наблюденія за бухтой и порядкомъ въ ней самой. Кромѣ того, о случившемся была составлена телеграмма Комфлоту Каспійскому съ просьбой принять мѣры къ выручкѣ гарнизона Фортъ-Александровска. Выходъ былъ назначенъ въ 1 ч. ночи.

Пришедшіе нѣсколько позднѣе съ докладомъ нѣкоторые командиры частей изъ районовъ своихъ расположеній доложили, что среди казаковъ идутъ усиленные обсужденія какой-то телеграммы отъ красныхъ

съ предложеніемъ уральскому командованію сдаться. Дѣйствительно, нѣсколькими минутами позднѣе, такая телеграмма была принесена и мнѣ.

Въ ней, помімо вышеизложеннаго, было добавлено, что если фортовское радіо попытается передать какую-либо депешу о случившемся, то будетъ разгромлено артиллеріей.

Какъ бы въ подтвержденіе этого, вошедшимъ начальникомъ постовъ ст. Николаевской было доложено, что корабли красныхъ снова видны на горизонтѣ и двигаются къ бухтѣ, а нашихъ кораблей и не видно, и не слышно.

Развязка наступала скорѣй, чѣмъ можно было предполагать. Доклады командировъ частей, находящихся все время въ курсѣ событій, протекающихъ въ ихъ районахъ, дѣлались опредѣленными. Части митинговали, но всетаки большинство изъ нихъ высказывались за уходъ со мной.

Время шло. Агитація нѣсколькихъ негодяевъ и жителей станицы Николаевской, въ большинствѣ настроенныхъ большевистски, ихъ заманчивыя картины о сдачѣ, объ окончаніи войны и возвращеніи домой,—съ одной стороны, а съ другой—мрачныя перспективы новаго похода—дѣлали свое дѣло.

Наступающая темнота и появившіеся снова въ этихъ сумеркахъ силуэты непріятельскихъ кораблей, которыхъ агитаторы насчитывали шесть и даже до восьми, мѣняли настроеніе воинскихъ чиновъ съ минуты на минуту въ худшую сторону.

Какъ ни горько, но приходилось сознать, что это такъ и должно быть: что могъ я дать этимъ измученнымъ нравственно и физически въ непрерывной борьбѣ, полной всякихъ лишеній, людямъ.—Новый походъ въ неизвѣстность?—Но, вѣдь, память о только что сдѣланномъ походѣ сюда, походѣ, который не изгладится никогда у перенесшихъ его, еще такъ свѣжа въ нашихъ головахъ, а большинство чувствуютъ и послѣдствія отъ него, оставшіеся въ тѣлѣ и душѣ.

Къ этому времени ни для кого не было секретомъ, что по Петровску и другимъ кавказскимъ горо-

дамъ разгуливаютъ партіи, якобы изъ демобилизованныхъ красныхъ армій. Развѣ это не могло заронить въ мозгъ людей мысль: «А что, если на самомъ дѣлѣ близокъ миръ, а желаютъ войны только атаманъ и немногіе другіе для спасенія своей жизни?»

Вполнѣ естественно, что людямъ, переболѣвшимъ всевозможными тифами, бросившимъ все близкое, дорогое тамъ, въ царствѣ смерти—въ Войскѣ, сверхфизически уставшимъ отъ перваго похода, хотѣлось вѣрить въ миръ, даже и при такихъ условіяхъ, когда они являлись побѣжденными. И, какъ выводъ изъ всего этого, цифра желающихъ уходить, зафиксированная штабомъ бригады около 5 час. вечера, приблизительно въ $\frac{3}{4}$ всего состава,—въ 9 час. вечера уменьшилась до $\frac{1}{4}$.

Связи съ кораблями «Опытъ» и «Милютинъ» установить не удалось, и официальныхъ свѣдѣній о нихъ не было, за исключеніемъ провокаторскихъ, что «одинъ изъ нихъ подбитъ и выбросился, а другой сдался».

Теперь на эти корабли, должно быть, никто и не надѣялся. Слишкомъ было мало вѣроятности предполагать со стороны такихъ доблестныхъ воякъ, какъ Каспійскій флотъ, хоть маленькую степень риска для нашего спасенія какъ своими драгоцѣнными жизнями, такъ и награбленнымъ ими добромъ.

Приблизительно около 9 $\frac{1}{2}$ час. вечера раздавшаяся трескотня пулеметовъ и нѣсколькихъ орудійныхъ выстрѣловъ по входу въ бухту показали, что противникъ гдѣ-то близко и заявляетъ о своемъ присутствіи. Дѣйствительно, при лунѣ, недалеко отъ берега были видны простымъ глазомъ два большевистскихъ корабля.

Эта близость противника, его мощные орудійные выстрѣлы, раздавшіеся въ ночной тишинѣ особенно громко, два корабельныхъ темныхъ силуэта, казавшіеся ночью особенно большими, указывали на полную оторванность насъ отъ всѣхъ другихъ, находящихся по ту сторону Каспія. Желających уходить со мной стало еще меньше.

Группы митингующихъ собирались на улицѣ, но, какъ бы боясь и стыдяся свѣта, группировались въ тѣни большихъ домовъ. Отдѣльныя кучки бродили около моего дома, около квартиры начальника штаба и около штаба бригады. Какая была у нихъ цѣль—не знаю и не старался узнавать въ то время: хотѣлось сохранить твердую и ясную увѣренность, что уральскій казакъ, за все послѣднее тревожное время не бывшій ни разу предателемъ, не будетъ имъ и теперь.

* * *

Штабъ бригады, учитывая могущія быть результаты отъ послѣднихъ обстрѣловъ, въ смыслѣ моральнаго дѣйствія ихъ на людей,—мѣняетъ особымъ приказаніемъ часъ выхода, и послѣ этого всѣ приходятъ ко мнѣ съ докладомъ о сдѣланномъ распоряженіи и просятъ меня немедленно слѣдовать изъ станицы. Въ это же время въ мою квартиру пришелъ ген. Моторновъ съ нѣсколькими офицерами, знавшими о перемѣнѣ времени выхода.

Насъ собралась группа въ 8—10 человекъ, и мы всѣ вмѣстѣ пошли по набережной, гдѣ встрѣтили домашняго «Аверченко» и Михаила Модина, сообщившихъ мнѣ, что подводу моей семьи, которую я отправилъ часа за два до этого въ Фортъ къ Бекъ-Назарову, задержали какіе-то люди у церкви при выходѣ изъ станицы.

Вся группа наша, то размыкаясь, то смыкаясь, съ винтовками въ рукахъ, пошла по набережной. Дойдя до площади, я прошелся по ней, желая выручить семью, но ея уже не было. Какъ оказалось потомъ, она воспользовалась проходомъ части 1-го полка и благополучно выскользнула изъ рукъ, хотѣвшихъ ее задержать.

«Началось! думается мнѣ,—Нѣтъ, ошибутся въ мирномъ исходѣ, если попытаются задержать насъ!—невольно шуткой передаю свои мысли подошедшимъ ко мнѣ офицерамъ.

Когда подошли къ выходу изъ станицы-на мѣсто назначеннаго сбора, то остановились подождать тянувшихся поодионокъ, нежелавшихъ оставаться въ станицѣ, воинскихъ чиновъ.

Тяжело было на душѣ у всѣхъ, собравшихся здѣсь. Глухой шумъ начавшагося сборища въ станицѣ достигалъ сюда. Маленькія группы вооруженныхъ, какъ воры, подкрадывались къ намъ, имѣя, видимое, определенное заданіе на нашъ счетъ. Они старались видѣть въ насъ враговъ, но совѣсть имъ этого не позволяла, и они торопливо и боязливо уходили назадъ.

Впереди, по направленію къ Фортѣ, тянулась колыхающаяся полоска, освѣщаемая блѣднымъ свѣтомъ луны—это уходили «наши», изъ числа отягченныхъ ношами, усылаемыхъ командирами частей вперѣдъ.

Скоро къ собравшейся около насъ группѣ притокъ людей совершенно прекратился. Послѣдніе прибывшіе говорили, что выбраться для нихъ было крайне трудно, т. к. всѣ выходы стали охраняться постами, какъ казаками, такъ и жителями, которые надѣялись этимъ немного смягчить терроръ вновь прибывающихъ побѣдителей. Здѣсь передавали также, что среди оставшихся идутъ разговоры о посылкѣ делегации краснымъ и о принятіи мѣръ къ охранѣ войсковыхъ цѣнностей отъ расхищенія для передачи большевикамъ въ полномъ видѣ.

Дальнѣйшее ожиданіе было безцѣльнымъ, а потому я отдалъ приказаніе двигаться въ Фортъ, куда мы и прибыли около 11 час. вечера.

На первой площади, учитывая положеніе вещей, еще разъ собралъ находящихся при мнѣ изъ команднаго состава и определенно имъ заявилъ, что о задержкѣ здѣсь въ Фортѣ, какъ это предполагалось въ 5 ч. вечера этого дня, при наличіи создавашагося положенія и силъ, которыя вышли съ нами,—не можетъ быть и рѣчи. Исходъ одинъ—уходъ совсѣмъ въ степь, а тамъ—будетъ видно. Другихъ мнѣній не было.

Приказавъ выходить на восточную окраину города, я самъ побѣжалъ въ домъ Бекъ-Назарова проститься со своей семьей.

Жена заявила, что она и дѣти пойдутъ со мной, хотя бы пѣшкомъ. За нею слѣдомъ изъясвилъ свое желаніе ея братъ, также со своей семьей.

Посадивъ дѣтей и бабушку на приобрѣтенную захватнымъ путемъ арбу, мы взрослые отправились на своихъ ногахъ на послѣднее сборное мѣсто, предпочитая умирать вмѣстѣ въ степи чѣмъ въ рукахъ у красныхъ и быть можетъ, порознь.

На сборномъ мѣстѣ еще разъ объяснилъ всѣмъ собравшимся обстановку, трудность предстоящаго пути, его полную неизвѣстность, также, какъ и конечной цѣли. Просилъ еще разъ всѣхъ подумать объ этомъ и, пока не поздно, вернуться назадъ.

Нѣсколько десятковъ человѣкъ, изъ числа болѣе слабыхъ физически, со слезами на глазахъ должны были признаться, что они по своему состоянію здоровья считаютъ себя обязанными вернуться, чтобы не быть въ тягость остальнымъ.

Что могъ я сказать этимъ несчастнымъ, кромѣ словъ утѣшенія, что «Богъ милостивъ, красные не будутъ къ нимъ такъ жестоки».

Около 12 час. перекрестившись, двинулись съ этого, казалось бы, послѣдняго пункта раздумья и тяжелыхъ внутреннихъ переживаній для cadaго.

Снова походъ!

23 марта/5 апрѣля. въ 7 час. утра остановились. Въ морѣ съ точки нашей стоянки были великолѣпно видны и корабль красныхъ, и фортеця.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I.

**Въ неизвѣстную даль. — Первые дни пути. —
Отделили изъ Форта.**

Изъ Форта выступили въ 11½ час. ночи, 22-го Марта - 4-го Апрѣля.

Ушли со мной: почти вся редутская сотня, часть гурьевцевъ, одиночки-казаки изъ верхнихъ нашихъ станицъ, нѣсколько юнкеровъ и 53 офицера. Всего съ женщинами и дѣтьми насъ первоначально было 214 человекъ.

Нашлись люди съ высокимъ нравственнымъ обликомъ—казаки и офицеры, шедшіе вмѣстѣ со мной на всевозможныя лишенія и мученія. Только при такихъ людяхъ можно было сдѣлать первый походъ и начать второй.

Пройдутъ года, многое забудется, но не можетъ быть, чтобы тотъ великій духъ, который былъ въ сердцахъ дорогихъ сподвижниковъ походовъ, пропалъ бы даромъ, какъ зря выпущенная пуля, и не нашелъ бы себѣ отклика въ будущихъ поколѣніяхъ родныхъ уральцевъ.

Немного отошли отъ Форта, какъ я вновь собралъ Кругъ, съ которымъ началъ говорить Вл. Ив. Я говорить не могъ и счелъ только долгомъ своимъ предупредить о трудности и даже, какъ будто, невозможности нашего пути.

Съ одной стороны малое количество припасовъ, какъ и перевозочныхъ средствъ, впереди огромный пустынный путь, мѣстами безводный, неизвѣстность количества патронъ у уходящихъ и возможность встрѣчи съ полудикими кочевниками, показавшими себя хорошими грабителями и ворами при первомъ походѣ, дѣлали походъ совершенно невозможнымъ; съ другой стороны возможнымъ дѣлали его упованіе на Бога и на врожденныя качества уральцевъ. Эти соображенія тревожно проносились въ моей головѣ, и я могъ выразить свое рѣшеніе идти только словами: «съ Богомъ, впередъ!»

Я не ошибся. Надежда на Бога, природная расторопность, смѣтливость казаковъ и упорство ихъ въ достиженіи цѣли позволили дѣлать имъ, особенно, когда начальники были на своихъ мѣстахъ, почти невозможное.

Только съ ними можно было, не запасшись ничѣмъ на мѣстѣ, добывать необходимое въ пути; только они изъ природныхъ наѣздниковъ могли стать великолѣпной пѣхотой, ведущей сутками бои, и только они могли найтись и быстро организовать переправу черезъ бурную полную отъ дождей рѣчку.

Высокимъ духомъ, какъ оказалось потомъ, обладали и женщины. Ничто ихъ не приводило въ уныніе: ни ѣзда верхомъ на верблюдахъ въ продолженіе иногда чуть ли не цѣлыхъ сутокъ, ни голодное существованіе, ни жажда въ безводныхъ мѣстахъ, ни свистъ пуль, летѣвшихъ въ караванъ, какъ въ боль-

шую заманчивую мишень для азіатовъ, ни переправы черезъ горы, овраги и рѣки подъ свистъ все тѣхъ же знакомыхъ туркменскихъ пуль.

Будетъ вполне справедливо сказать о этихъ женщинахъ словами извѣстной намъ уральцамъ пѣсни:

Хвала вамъ, уралки, и честь вамъ по праву,
И-вы также славой покрыли Уралъ.

Итакъ, упованіе на Бога и тѣ высокія качества, проявленныя участниками, позволили сдѣлать этотъ небывалый походъ.

* * *

Наконецъ мною подана была команда: «по своимъ мѣстамъ», и мы всѣ, перекрестившись, тронулись въ путь.

Необходимость знать подробнѣй—что же дѣлается, наконецъ, въ Фортѣ, заставляетъ послать туда съ пятой или шестой версты киргиза. До этого я только зналъ, что по вышедшимъ позднѣе меня казакамъ, былъ открытъ огонь.

Нелегко было на душѣ отъ разговоровъ о томъ, почему такой-то или такой-то не выѣхали: не смогли, или не пожелали? Это же была единственная тема для разговора въ эту ночь.

Держались, какъ то инстинктивно, средней дороги изъ Форта на юго-востокъ.

* * *

23 марта - 5 апрѣля, въ 7 час. утра остановились. Въ морѣ съ точки нашей стоянки были великолѣпно видны и корабль красныхъ, и фортеція.

У моей семьи не оказалось ни чайника, ни другихъ приспособленій для варки пищи; было по одной смѣнѣ бѣлья, что на себѣ только; то же можно сказать и про обувь. Большинство было не въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ мы.

Всѣ люди, за исключеніемъ малой группы, были пѣшими.

Полуторамѣсячное сидѣніе въ Фортѣ и послѣдствія тифа многимъ сдѣлали невозможнымъ движеніе съ расчетомъ даже 2¹/₂ верстъ въ часъ. Настроеніе поддерживалось бодрящимъ свѣжимъ воздухомъ.

На этой стоянкѣ попили чаю, взявъ всѣ необходимыя принадлежности для этого въ близи находящихся аулахъ. Вскорѣ послѣ чаю рѣшено было насколько возможно двигаться впередъ. Такъ и сдѣлали. Наступившая темнота застала насъ недалеко отъ береговой дороги. Идти дальше было нельзя,—остановились на ночлегъ.

* * *

Ночью пріѣхалъ киргизъ изъ города. Ему легко удалось проѣхать изъ Форта въ станицу: никакихъ постовъ уже не было. Онъ привезъ мнѣ письмо отъ Д. М. Котельникова, Ив. Ив. Климову—отъ Леонида Овчинникова; Я. А. Сладкову—отъ Шигаева. Последнія письма отличаются краткостью и приглашеніемъ пріѣхать въ Фортъ, т. к., красные ничего вернувшимся не сдѣлаютъ. Л. О. со свойственной спекулянтамъ особенностью поддѣлываться подъ обстоятельства въ своемъ письмѣ поставилъ даже и такую фразу: что «красные по своимъ поступкамъ сдѣлались совершенно бѣлыми».

Эта фраза будетъ замѣчательна, если сопоставить ее съ выраженіемъ, мною не разъ слышаннымъ, что Толстовъ своими дѣйствіями разорилъ буржуевъ и они, бѣдняжки, чуть ли ни стали совсѣмъ голыми.

Не тѣмъ дышитъ письмо Д. М. Котельникова. Читаю его и сейчасъ вновь переживаю, казалось бы, давно пережитое, забытое, Привожу его дословно:

«Охъ, тяжело на душѣ.

Вечеромъ, въ день Вашего выхода изъ Николаевской станицы, часовъ въ 10½ въ 11, когда я пошелъ, согласно условія къ назначенному пункту, то никакого сбора людей не было, а поэтому я пошелъ прямо въ Фортъ и на выѣздѣ встрѣтилъ постъ казаковъ, которые меня задержали Одновременно со мной выходилъ хор. Рукавишниковъ, котораго тоже не пустили.

Митингъ въ станицѣ начался съ вечера. Пошли разговоры о посылкѣ делегаціи, и съ вечера же былъ выбранъ начальникомъ отряда С. А. Хохлачевъ, помощникомъ ему И. С. Казанцевъ; военнымъ комис-

саромъ Петровъ; командиромъ 1 полка В. Ст. Голубовъ, 2-го полка—Павловъ. Делегатами выбраны были юнкеръ Нюнькинъ и М. М. Синодальцевъ.

Эти делегаты поѣхали около 6 час. утра сегодня на миноносецъ, съ котораго на катерѣ приѣхали пять человекъ комиссаровъ.

Оба наши полка были выстроены около питательнаго пункта. Говорились рѣчи на тему: «братья-красные казаки», ура! и т. д.

Послѣ рѣчи одного комиссара, требующей вернуть ушедшихъ, которыхъ-де казнить не будемъ, ибо смертная казнь отмѣнена, но они необходимы для того, чтобы выяснить и т. д.—выступилъ Калининъ и началъ говорить о томъ, что эти присказки намъ, казакамъ, давно извѣстны: «гарантируютъ намъ жизнь и въ результатѣ—одни слова. Онъ высказалъ, что боится того, что было уже въ Илекѣ. Тамъ начали тоже со словъ, а кончили разстрѣломъ и снятіемъ послѣднихъ штановъ.—И здѣсь намъ говорятъ, что репрессій не будетъ, а между тѣмъ «предлагаютъ вернуть ушедшихъ. Зачѣмъ ихъ возвращать? Ушли и Богъ съ ними!»

Къ сожалѣнію, говорить ему дальше не дали. Со стороны комиссаровъ послѣдовали отвѣты съ увѣреніемъ о дарованіи жизни всѣмъ и просьбами не принимать ихъ слова за требованіе по отношеніи къ ушедшимъ, а за выраженія пожеланія и т. д.

Относительно выѣзда отсюда казаковъ комиссары выразились, что желающихъ выѣхать вывезутъ на пароходахъ на Астрахань, откуда они и разѣдутся по своимъ станицамъ.

Въ казакахъ явилось сомнѣніе—зачѣмъ ѣхать гурьевцамъ въ Астрахань и почему не сразу въ Гурьевъ? Представители красныхъ по дѣтски отвѣтили, что такъ, казалось бы имъ, было бы лучше, и тутъ же оговорились: рѣшительный отвѣтъ будетъ данъ окончательно послѣ переговоровъ съ Астраханью. Вопросъ этотъ пока открытъ.

Сергѣя Евлампіевича (моего отца) увезли на миноноску на допросъ. Сейчасъ возвращается оттуда

«Туркмень»,—я послалъ узнать—пріѣхалъ ли Вашъ отецъ.

Гдѣ сейчасъ «Милютинъ» и «Опытъ»—неизвѣстно. По одной версіи они ранены, по другой стоятъ на мели верстахъ въ 20.

Полк. Кабановъ остался на «Милютинѣ». Есть слухи, что за нашими храбрыми судами ушелъ красный истребитель.

Слышно также, что за Вами посылаютъ развѣдку. Здѣсь почему-то распространился слухъ, что Вы вернетесь при условіи сохраненія жизни.

Нѣкоторые казаки говорятъ, что атамана отстояли бы, если бы онъ былъ съ ними, но не знаю....

По сообщенію красныхъ, корабль «Доброволецъ», угодилъ на мину въ устьяхъ Волги и взорвался.

Сейчасъ слышенъ трубный звукъ—играютъ сборъ. Очевидно, будутъ объяснять относительно эвакуаціи на Астрахань и Гурьевъ. Подожду и... Ждать некогда. Присланный Вами киргизъ меня подведетъ, ибо посылаетъ ко мнѣ постороннихъ лицъ и торопить съ отвѣтомъ.

Къ Вамъ шлютъ развѣдку съ письмомъ Сергѣя Евлампіевича.

Рѣшено—всѣхъ разоружить и—въ Астрахань. Дѣлать развѣдку къ Вамъ некому. Слуховъ о приходѣ судовъ нѣтъ. Владыка моря, очевидно, спитъ. Вамъ гарантируютъ жизнь».

* * *

„Гдѣ-то вы теперь, славные казаки, Дмитрій Мо-
кѣвичъ и Викторъ Васильевичъ? Неужели васъ нѣтъ на этомъ свѣтѣ! Хочется вѣрить тому, что мы хотя бы черезъ 5—10 лѣтъ, но увидимся, а до этого, какими-нибудь путями, пока одному Богу извѣстными, дадимъ другъ другу вѣсточку!“

Какъ живые встаютъ у меня въ памяти эти честные сыны Урала, работники для свободы нашей, такіе различные другъ отъ друга и разными путями, но шедшіе къ одному—внушить казакамъ, что въ тяжелое время сила въ—работѣ и въ единеніи, а не въ словоизверженіяхъ и праздныхъ сходкахъ.

„Сколько разъ я бранилъ себя за то, что долго не могъ разобраться въ истинныхъ мотивахъ руководящихъ тобою, Викторъ Васильевичъ, ругалъ себя и за то, что, поставивъ тебя на одну доску съ мрачной личностью челоѣконенавистника и труса, бывшимъ предсѣдателемъ сѣзда Кирпичниковымъ, долженъ былъ силою вещей продержатъ тебя въ тюрьмѣ.

Знаю, что ты отъ чистаго казачьяго сердца давно мнѣ это простилъ.

Не вытерпѣла твоя казачья душа и въ Фортѣ на митингѣ, и сладкій потокъ рѣчей краснаго оратора ты безбоязненно прерываешь открыто высказаннымъ сомнѣніемъ. Жму мысленно крѣпко твою руку и боюсь—не сносить тебѣ твоей буйной головы. А, впрочемъ, Богъ-то, на что?—увидимся и покалякаемъ о прошедшихъ временахъ!

Какія думки у тебя теперь, Демидъ Мокѣвичъ?

Мы, низовые казаки, помнимъ твою работу въ сѣздѣ, помнимъ, какъ ты отстаивалъ наши интересы, и крѣпко знаемъ, что немало трудовъ и энергіи положено тобою для спасенія родного Войска: въ памяти у насъ твои поѣздки и въ далекій Омскъ и въ Оренбургъ, гдѣ ты, что называется, не жалѣя ногтей, отстаивалъ намъ принадлежащее и добился своего! Не можетъ быть, чтобъ труды ваши, честные рыцари, пропали даромъ.

Знаю, что ты и Викторъ Вас. не вѣрите казакамъ, которые говорили въ Фортѣ послѣ пріѣзда красныхъ, что они-де отстояли бы атамана. Отстаивать надо было не атамана, а Фортъ, что у атамана и было въ головѣ. Когда же я увидѣлъ, что казаки не желаютъ дѣлать это, то, какъ самъ видишь, безъ всякихъ средствъ принужденъ начать новый неизвѣстный походъ.

Дай, Богъ имъ, казакамъ, себя самихъ отстоять и зачѣмъ имъ возлагать на себя еще непосильную задачу — отстаивать атамана.

Гдѣ-то вы теперь, дорогіе станичники, и какія у васъ думки!“

* * *

24 марта/6 апрѣля. Письмо отъ Демида Мокѣвича я прочиталъ собравшимся казакамъ.

Чувствуя трудность взвѣсить всѣ обстоятельства, дабы не отягчить свою душу приводомъ къ гибели послѣдовавшихъ за мною людей, я обратился за совѣтомъ къ Вл. Ив. Моторному, который и по службѣ, да и какъ близкій человѣкъ, долженъ былъ знать лучше, чѣмъ кто-либо, мои мнѣнія, мои убѣжденія, не разъ высказываемыя ему въ Войскѣ. Въ 7 час. утра, передъ выступленіемъ, я отвелъ Вл. Ив. въ сторону для обмѣна мнѣній.

Я говорилъ о томъ, что казаки, боровшіеся въ Войскѣ за святое дѣло защиты своей земли и родного Яика, защиты своего казачьяго духа и обычаевъ,—защищали вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ протухшихъ людей, стоявшихъ во главѣ государственнаго строя, благодаря которымъ всѣ имѣвшіе какія-либо суммы въ карманѣ, имѣвшіе папенькины или маменькины хвосты въ рукахъ или другую протекцію, или люди обладающіе мало-мальскимъ знаніемъ законовъ и умѣющіе подводить себя подъ различныя категоріи для освобожденія отъ службы въ рядахъ,—не нюхали совершенно ни свѣжаго воздуха полей, ни запаха, какъ говорятъ, пороха, и, находясь за спинами бойцовъ, только то и дѣлали, что критиковали всѣхъ и вся и занимались провокаціей.

Говорилъ ему о той массѣ кочевавшихъ отъ Деникина къ Колчаку офицеровъ и объ офицерахъ, находящихся въ тылу на должностяхъ, совершенно несоотвѣтствующихъ ихъ воинскому званію. Говорилъ о всей трудности борьбы въ свое время со всѣмъ этимъ зломъ. Послѣ этого я задалъ Вл. Ив. вопросъ: неужели казаки, уходящіе со мной, должны будутъ защищать всѣхъ ихъ, провалившихъ устои русской государственности? Не лучше ли сказать казакамъ—возвращайтесь въ Фортъ!

— Я лично не вернусь,—говорю я Владимиру Ивановичу,—потому что отлично знаю, что мысли и поступки коммунистовъ, этихъ червей на больномъ,

или уже разлагающемся организмѣ, не есть идеаль управленія организмомъ. Царство коммунистовъ—царство слишкомъ временное, пока существуетъ въ разлагающемся организмѣ то, чѣмъ можно поддерживать имъ свои желудки. Правда, паразитами являлись въ свое время купцы, кулаки, ростовщики и вся масса, живущая на проценты отъ капиталовъ, не ими нажитыхъ, но, какъ извѣстно, ни одинъ живой организмъ не обходится безъ присущихъ ему паразитовъ. Не время разбираться почему это происходило и происходить. Для меня важно только — какъ и гдѣ передать казакамъ о томъ, чтобы они еще разъ рѣшили—идти за мной, или вернуться имъ обратно.

Владимиръ Ивановичъ, какъ примѣромъ изъ своей жизни, такъ и жизни Войска, доказалъ полную невозможность вообще вѣрить краснымъ даже со стороны простыхъ казаковъ и высказался, что больше уже не надо дѣлать казаковъ на желающихъ идти и нежелающихъ. Я пожалъ ему руку, поблагодарилъ за поддержку, и мы оба пошли догонять голову колонны.

Было 8 час. утра. Къ этому времени прошли не болѣе 5 верстъ и остановились попоить лошадей и верблюдовъ. Верблюды были у насъ въ высшей степени истощены и требовали о себѣ заботы.

Во время водопоя пріѣхали два киргиза и привезли мнѣ пакетъ. Отъ нихъ мы узнали, что ихъ прислалъ разъѣздъ казаковъ, который стоитъ верстахъ въ 2—4 отсюда и боится подъѣхать къ намъ ближе. У начальника этого разъѣзда мнѣ отъ отца есть письмо. Киргизы привезли записку отъ начальника красныхъ казаковъ.

Сдѣлавъ распоряженіе обозу двигаться впередъ и оставивъ при немъ прикрытіе съ двумя взводами и съ офицеромъ бывшего штаба арміи, я пошелъ навстрѣчу этому разъѣзду. Я взялъ съ собой много людей, желая, чтобъ большее количество изъ моего отряда присутствовало при разговорахъ моихъ съ красными.

Дорогой распечаталъ пакетъ, привезенный киргизами. Тамъ было увѣдомленіе о дарованіи мнѣ жизни, написанное на бланкѣ Р. С. Ф. С. Р., помѣченное № 23 отъ 5 апрѣля 1920 г. и гласящее: Генералу Толстову.

«Симъ удостовѣряю, что командующій Волжско-Каспійской флотиліей т. Раскольниковъ поручилъ мнѣ передать Вамъ, что въ случаѣ добровольной сдачи—Вамъ и Вашему штабу гарантируется сохраненіе жизни.

Начальникъ дивизіона эскадренныхъ миноносцевъ».

Подпись совершенно не разобралъ.

Бумажка отъ начальника разъѣзда была такого содержанія:

«Насъ, казаковъ, комиссаръ Форты послалъ съ тѣмъ, чтобъ предложить Вамъ съ офицерами, казаками и семействами добровольно вернуться обратно въ Фортъ. Причемъ намъ дано удостовѣреніе, которое мы послали Вамъ, съ гарантіей о сохранности жизни какъ Вамъ, такъ и офицерамъ.

Кромѣ того, Вамъ есть письмо отъ Вашего родителя ген. Толстова, а также офицерамъ: п. Сладкову, П. Климову, ес. Фадѣеву, хор. Коновалову и прап. Таршилову.

Для выясненія вопроса о передачѣ писемъ, просимъ выслать двухъ казаковъ.

Начальникъ разъѣзда вахмистръ Кочеровъ».

Просьбу вахмистра Кочерова я выполнилъ и послалъ двухъ конныхъ впередъ къ еле замѣтнымъ на горѣ силуэтамъ всадниковъ.

Широкимъ наметомъ полетѣли наши молодцы. Недоскакивая полверсты, они остановились и начали маячить. Долго на ихъ призывы никто изъ той группы не выѣзжалъ. Наконецъ, выѣхали двое и подѣхали къ нашимъ. Вся группа простояла минуты двѣ-три, потомъ разъѣхалась въ противоположныя направленія: одна пара къ намъ, а другая къ разъѣзду красныхъ.

Съ однимъ изъ нашихъ казаковъ пріѣхалъ какой-то незнакомый мнѣ человекъ съ винтовкой и шашкой. Лошадь подъ нимъ была полк. Бородина. Онъ дер-

жалъ себя хорошо, рассказывалъ очень коротко безъ подробностей о происшедшемъ въ станицѣ Николаевской и, повидимому, самъ былъ въ очень большомъ сомнѣніи въ благополучномъ разрѣшеніи выѣзда въ Гурьевъ. На лицѣ у него все время было какое-то недоумѣніе.

Мы задавали ему различные вопросы: когда будутъ разоружать казаковъ, когда повезутъ ихъ въ Астрахань, вѣрятъ ли оставшіеся казаки въ миръ и пр. Заключение вывели такое, что и самъ пріѣхавшій къ намъ не особенно много довѣрялъ хорошимъ словамъ комиссаровъ.

Но, вотъ, подлетаетъ полупьяный казачокъ. Оказывается—бывшій перелетъ: былъ еще на территоріи Войска у красныхъ, потомъ былъ въ казачьихъ рядахъ и теперь опять принявшій подданство красныхъ и цинично заявившій: „А будетъ плохо удеру,—не въ первый разъ!“

Первымъ были привезены письма—мнѣ отъ отца и другимъ офицерамъ отъ знакомыхъ.

Отецъ мнѣ пишетъ: «Дорогой Володя, я сейчасъ на миноносцѣ красныхъ и приглашенъ для того, чтобы уговорить тебя сдаться краснымъ безъ боя. Тебѣ гарантируется жизнь, хотя ты и будешь арестованъ и доставленъ въ Москву на допросъ. Предлагаетъ тебѣ это уполномоченный отъ Волжско-Каспійской флотиліи. Я, съ своей стороны совѣтую то же, тѣмъ болѣе, что если ты ударишься въ степь, то тебѣ до безопаснаго мѣста придется пройти почти 1.500 верстъ, что безъ перевозочныхъ средствъ и безъ продовольствія совершенно невозможно.

Цѣлую крѣпко тебя за себя и за мать. Оба мы тебя благословляемъ. Любящій тебя С. Толстовъ».

23 Марта или 5 Апрѣля 1920 г.

Дальше слѣдуетъ приписка: «Семьѣ твоей будетъ разрѣшено слѣдовать за тобою».

Долго я всматривался въ буквы, въ ихъ начертанія, надѣясь найти слѣды волненія, но мягкій синій карандашъ не позволилъ ничего замѣтить.

Красные, повидимому, очень умѣло, можетъ быть, и очень вѣжливо сдѣлали увозъ старика на миноносецъ, и это дало ему право назвать увозъ приглашеніемъ.

Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ я сказалъ отцу, что думаю надъ всѣми его словами, но рѣшать свою судьбу все же буду въ другомъ мѣстѣ, а не близъ Форта.

Въ скоромъ времени къ намъ еще кто-то подъѣхалъ отъ разѣзда красныхъ, потомъ еще кто-то. Приѣхавшіе не отличались краснорѣчіемъ. Видъ у всѣхъ былъ подавленный и чувствовалось, что на сердцѣ у нихъ нелегко. Я рѣшилъ поставить точку надъ переговорами и двигаться за обозомъ.

Глава II.

Главная забота. — Мѣры къ прекращенію „хабара“. — Первая дневка 25 марта/7 апрѣля. — Слабые духомъ. — Подсчетъ средствъ. — Движеніе.

Съ прекращеніемъ переговоровъ у каждого одна, объединяющая всѣхъ мысль—достать, какъ можно болѣе, верблюдовъ. Мнѣ, какъ нервному центру, оставалось только намѣчать пути и время реквизиціи.

Съ мѣста немедленно былъ командированъ разѣздъ изъ конныхъ казаковъ подъ командой полк. С., которому была задача: для реквизиціи верблюдовъ двигаться прямо безъ дорогъ на сѣверъ, и, кромѣ того, приказано было разыскать какъ извѣстнаго богача киргиза Утурбая, правую руку Бекъ-Назарова, находящагося гдѣ-то на сѣверовостокѣ отъ Форта, такъ и бухарскаго генерала Акамекова, представителя бухарской миссіи. Послѣдній былъ намъ необходимъ, какъ снискавшій себѣ нѣкоторое уваженіе среди мѣстныхъ киргизъ; утурбай же съ Бекъ-Назаровымъ и Дубскимъ могли быть полезны своими запасами золота и серебра. У насъ, правда, имѣлось достаточное количество денегъ, но бумажныхъ, въ вывезенномъ денежномъ ящикѣ войск. ст. Климовымъ. Эти бу-

мажки никакой цѣнности не представляли. Бекъ-Назарову и другимъ мы хотѣли предложить себя въ качествѣ вооруженнаго конвоя съ тѣмъ, чтобы они постарались снабдить насъ верблюдами и всѣмъ необходимымъ для похода. О мѣстѣ нахожденія аула Утурбая намъ сказали киргизы изъ первыхъ, встрѣтившихся на пути кибитокъ; о выѣхавшемъ же 17 дней тому назадъ изъ Форта ген. Акамековъ получили свѣдѣнія отъ полк. Осокина, догнавшего отрядъ отрядъ вчера на парѣ лошадей.

Послѣ выдѣленія изъ отряда полк. Сладкова, я съ остальными людьми двинулся дальше до колодезь. Вправо не было видно моря, хотя дорога шла очень недалеко отъ него. Шли безтравной пустынной мѣстностью, то спускаясь, то поднимаясь на пологія горы.

Находящійся еще довольно далеко впереди длинный подъемъ, который все же хорошо было видно съ полугоры нашего спуска, заставляетъ насъ заранее призадуматься: едва ли вывезутъ наши фурманки истощенные верблюды,—почему и рѣшаемъ сдѣлать остановку на днѣ широкой лощины. Спустившись въ нее и проѣхавъ вдоль оврага, похожаго на давнее русло горной рѣчки, остановились. Колодцы оказались недалеко, въ оврагѣ. Повозкамъ приказано расположиться квадратомъ, верблюдовъ же пустить спутанными на жалкій прошлогодній кормъ.

Высланная развѣдка къ морю дала такое сообщеніе, что оставленные хозяевами кибитки свидѣлствуютъ объ очень недавнемъ бѣгствѣ владѣльцевъ. Чтобы не дать возможность киргизамъ угнать далеко свой скотъ, было немедленно снаряжены двѣ большія партіи пѣшихъ людей. Одна пошла къ направленію къ морю съ прап. Піуновымъ во главѣ, другая съ командиромъ 2-го взвода Ив. Ив. Климовымъ—на востокъ въ горы.

Партія Піунова, дойдя до моря, въ скоромъ времени вернулась, пригнавъ съ собой шесть верблюдовъ и столько же лошадей. За прибывшими съ добычей казаками пришли и киргизы—рыболовы съ

просьбой отдать имъ лошадей. Послѣднюю просьбу я удовлетворилъ, т. к. лошадки были очень и очень плохи.

Голодъ давалъ себя чувствовать, но приходилось терпѣть. Въ скоромъ времени киргизы, въ благодарность за отданныхъ имъ лошадей, принесли въ лагерь бѣлушку. Семья купила половину ея, а другую половину купили казаки редутской сотни. Къ ночи появилась и пища—барашки. Весело затрещали костры и около нихъ повелись оживленные разговоры.

На ночь были выставлены посты вокругъ расположенія, и, на случай могущихъ быть всевозможныхъ недоразумѣній, назначенъ дежурный взводъ. Всѣхъ приходящихъ киргизъ я приказалъ брать подъ охрану и подъ отвѣтственность дежурному взводу, запретивъ выпускать кого-нибудь изъ нихъ за черту нашего расположенія. Послѣднимъ распоряженіемъ я надѣялся если и не задержать хабаръ, который могъ быть впереди насъ уже верстъ на 50, а то и болѣе, то хотя бы не давать ему подтвержденія.

Хабаръ—устная передача однихъ киргизъ другимъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ, производимая удивительно быстро и на огромное разстояніе. Я вполне былъ увѣренъ, что къ этому дню объ насъ знали въ степи въ окружности по радіусу не менѣе, какъ 100—150 верстъ. Сдѣлать изъ хабара точный какой либо выводъ для европейца невозможно: число людей обыкновенно хабаромъ преувеличивается до невозможной цифры, одни предметы принимаются за другіе и т. д.

* * *

25-го Марта - 7-го Апрѣля стоимъ на мѣстѣ,—въ ожиданіи прибытія партіи полк. Сладкова, который и прибылъ вечеромъ, въ высшей степени утомленный своей поѣздкой. Задачу свою онъ выполнилъ наполовину. Верблюдовъ у него не оказалось, но зато бухарскій генералъ былъ найденъ. Отъ генерала была привезена бумажка абсолютно ничего не говорящая и начинающаяся словами: „послѣ дружественныхъ при-

вѣтъ и привѣтствій“. Генераль угостилъ разѣздъ пилавомъ, правда, въ очень ограниченномъ размѣрѣ.

Отъ Сладкова пришлось узнать и маленькія подробности о препровожденіи времени начальникомъ Бухарской миссіи: онъ въ одномъ и томъ же аулѣ не ночуетъ, да и днемъ старается какъ можно меньше быть на людяхъ и предпочитаетъ сидѣть въ скалахъ, какъ филинъ. Въ городѣ у него есть какой-то человѣкъ, отъ котораго онъ ожидаетъ извѣстій. На всякій случай при себѣ имъ держится на готовѣ двѣ хорошихъ лошади. Черезъ Сладкова онъ обратился ко мнѣ съ просьбой ничего не реквизиловать у киргизъ и просилъ трогаться далѣе, обѣщая насъ догнать; совѣтовалъ разыскать Утурбая по тѣмъ же мотивамъ, которые руководили и нами.

Какъ передавали мнѣ казаки, скота въ томъ районѣ, гдѣ сидѣлъ генераль, было много: куда ни взглянешь, вездѣ верблюды, бараны, лошади. Полкъ же Сладковъ счелъ неудобнымъ реквизиловать скотину на глазахъ у генерала и рѣшилъ пріѣхать пустымъ. Трава же тамъ, по выраженію казаковъ— „Лучше желать нельзя,—выше четверти“. Да,—все это не то, что у насъ по пути!

* * *

Ночью были приняты всѣ мѣры предосторожности.

Во время обхода мною постовъ, ко мнѣ подошелъ полк. Исѣвъ и говорить, что, желая воспользоваться предложенными услугами одного изъ киргизъ, онъ рѣшилъ не идти дальше.

На мой вопросъ:—Что же, идете къ краснымъ въ Фортъ?—полученъ отвѣтъ:

—Зачѣмъ же!? я буду дожидаться у киргизъ благопріятнаго времени и, быть можетъ, мнѣ удастся сѣсть на лодку и уѣхать.

Онъ приплелъ тутъ и ту пользу, которая, яко бы, могла быть имъ оказана намъ своевременнымъ извѣщеніемъ черезъ киргизъ о грозящихъ отряду опасностяхъ. На это я выразилъ полное сомнѣніе, но пожелалъ ему всего хорошаго.

Безусловно, у человѣка не хватило пороха двигаться дальше, а денегъ, какъ я узналъ потомъ, было достаточно: вотъ онъ и рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно, тѣмъ болѣе, что и при поимкѣ красными, ему можно заявить: ушелъ изъ отряда, чтобы сдаться имъ и даже выразить на лицѣ полную радость при встрѣчѣ. Личность эта никогда не внушала мнѣ довѣрія, и я подумалъ «Скатертью дорога».

26 Марта - 8 Апрѣля. Рано утромъ вернулся съ развѣдки Ив. Ив. У него и у людей подкашивались ноги, до того они были утомлены. Развѣдка не увѣнчалась надлежащимъ успѣхомъ единственно изъ-за того, что люди въ большинствѣ были пѣшіе. Онъ и казаки совершенно не спали.

Мы тоже спали плохо въ вырытыхъ неглубокихъ ямкахъ для защиты отъ вѣтра и холодной ночи. На плоскогоріи континентальный климатъ сказывался во всю: днемъ было жарко, ночью не знаешь куда дѣться отъ холода.

У меня захворала корью старшая дочь, и эта болѣзнь не оставляла насъ, пока всѣ мои дѣти и мальчикъ Болдырева не перехворали ею. Хлопотъ и мученья порядкомъ досталось женѣ и бабушкѣ.

* * *

До отдачи приказанія о выступленіи со стоянки я, послѣ разговора съ Ив. Ив., занялся подсчетомъ имѣющихся у насъ какъ перевозочныхъ средствъ, такъ и запасовъ продовольствія. Итоги оказались таковы: 26 арбѣ, при нихъ 31 лошадь, 73 штуки верблюдовъ и лошадей, предназначенныхъ подъ верхъ. Продовольствія—муки и пшеницы оказалалось 55 пудовъ, что давало возможность, при расчетѣ движенія на два мѣсяца, давать на человѣка по $\frac{1}{4}$ фун. въ день. Ни бочатъ, ни другихъ резервуаровъ для воды, кромѣ ведеръ, пока не было; вьючныхъ принадлежностей имѣлось только съ трудомъ на малую часть нашихъ верблюдовъ, Пѣшими оставалось еще 78 человѣкъ. Для безбоязненного перехода въ тѣ мѣста, куда мы задумали, необходимо было имѣть никакъ не менѣе 300 верблюдовъ, изъ которыхъ не менѣе 50 должны

быть нагружены резервуарами съ водой, какъ водяной резервъ, помимо бочать, имѣющихся на каждомъ верблюдѣ. Продовольствія же должно было быть съ расчетомъ не менѣе 3 фун. хлѣба или сухарей въ день на человѣка.

Сдѣлавъ распоряженіе о равномѣрномъ распределеніи конныхъ и пѣшихъ во взводахъ и объ аккуратной посадкѣ пѣшихъ на верблюдовъ, я приказалъ отряду двигаться.

*
* *
*

На первыхъ же шагахъ комбинація изъ пѣшихъ, сидящихъ на верблюдахъ, и конныхъ показала свои отрицательныя стороны. Люди полк. Климова, сидящіе въ большинствѣ на лошадахъ, выдѣляются впередъ, хотя и идутъ сдержаннымъ шагомъ: истощенные верблюды не поспѣваютъ за лошадями, пѣшіе, въ свою очередь, отстаютъ отъ верблюдовъ и жмутся къ своимъ фурманкамъ. Такая растяжка влекла за собой большія остановки по прошествіи каждаго часа. Чистаго хода въ часъ было не болѣе 30—40 минутъ, что въ переводѣ на разстояніе даетъ 2¹/₂ версты.

На бывшей остановкѣ мнѣ въ семейную фуру было дано два верблюда: одинъ изъ вновь пригнанныхъ, другой же былъ подаренъ редутской сотней. Шигаевскую лошадь я взялъ себѣ подъ верхъ. Она, какъ упряжная, спотыкалась подо мной черезъ каждыя 5—10 минутъ, но это было все же не такъ утомительно, какъ движеніе на собственныхъ ногахъ.

Впослѣдствіи казаки сдѣлали походъ для моей семьи вполнѣ возможнымъ, раздобывъ для нея, кромѣ бочать, чайникъ и кошмы. Только относительно ложекъ и кружекъ въ отрядѣ было все время бѣдно: какъ только приходилось ѣсть или пить чай, такъ занявшая этимъ дѣломъ компанія должна была производить сборъ по всему отряду ложекъ и кружекъ. Это и не мудрено, ибо тѣ, у которыхъ добывались всѣ необходимые предметы, ѣдятъ руками, а супъ изъ баранины, сурпу, прихлебываютъ изъ одной семейной деревянной чашки. Для чая, правда, у киргизъ есть

чашечки, но онѣ или фаянсовыя, или глинянныя и для похода совершенно не пригодны.

Медленно движется отрядъ по плоскогорію. Глазу негдѣ остановиться, кругомъ степь, степь и степь.

Вдругъ впереди, со стороны моря, около 3 час. дня раздались одинъ за другимъ три выстрѣла. Предположенія, что это могли стрѣлять боковые правые дозорные не могло быть, т. к. эти дозорные были въ видкахъ и ѣхали спокойно.

Я, отдавъ немедленно приказаніе обозу остановиться, подтянуться и ждать дальнѣйшихъ приказаній, съ Ив. Ив. и ес. Митрясовымъ двинулся впередъ и вправо на выстрѣлы. Остановились на берегу, страшно обрывистомъ и высокомъ.

Внизу въ бинокль можно было разглядѣть ѣдущихъ у самаго приплеска воды всадниковъ. По мастьямъ лошадей казаки опредѣлили, что это были люди изъ 4-го взвода партизана Рѣшетникова, которые отправились безъ моего разрѣшенія реквизировать верблюдовъ у находящихся при морѣ киргизовъ. По наведеннымъ справкамъ выяснилось, что и самъ Рѣшетниковъ былъ также въ этомъ разѣздѣ. Было послано приказаніе обозу двигаться впередъ.

Около 4 час. съ плоскогорія мы съ разѣздомъ спустились въ долину, гдѣ и рѣшили подождать остальной отрядъ. Вправо, какъ въ ворота, было видно море. Съ подошедшимъ отрядомъ мы поднялись вновь на плоскогоріе.

Солнце было близко къ закату, когда мы спустились вновь въ долину и, по указанію слѣдовавшаго съ нами киргиза, свернули къ морю на промыслъ Дубскаго. Остановились на ночлегъ, не доходя полверсты до него.

Навстрѣчу начали попадаться рѣшетниковцы, бывшіе на промыслѣ низомъ по самому берегу моря ранѣ насъ и везущіе оттуда къ мѣсту бивуака для костровъ доски. Рѣшетниковцы, оказалось, стрѣляли по черепахѣ. Убили они ее, или нѣтъ, осталось мнѣ неизвѣстнымъ.

Боясь, что съ промысла отдѣльными людьми будетъ растащено, попорчено, или совсѣмъ уничтожено необходимое для дальнѣйшаго похода, я приказалъ Я. А. Сладкову, старшему въ общемъ обозѣ, немедленно ѣхать туда и раздобыть больше мѣшковъ, веревокъ, торпищъ, муки, соли и рыбы. Послѣ его отъѣзда я разрѣшилъ и людямъ отряда ѣхать съ бочатами за водой.

По сообщенію пріѣхавшихъ, на промыслѣ у пирамидальныхъ тополей бьетъ ключъ съ отличной водой. Дѣйствительно, привезенная вода оказалась выше всякой похвалы.

По докладу Сладкова вышепоименованныхъ предметовъ не оказалось, сушеная же рыба была расхищена рѣшетниковцами.

Въ расположеніи тамъ и здѣсь занимались рубкой досокъ на дрова. Скоро затрещали весело костры, и всѣ принялись за свою незатѣйливую дѣлу.

Пройдено было, судя по картѣ, 45 верстъ, что даетъ въ сутки 11 верстъ и можетъ быть названо черепашиимъ шагомъ.

Глава III.

27 марта (9 апрѣля). — Судьба благопріятствуетъ. — Встрѣча Пасхи. — Добыча.

Рѣшеніе выступить въ 6 час. утра не прошло въ жизнь. Время выючить верблюдовъ, а въ 4-омъ взводѣ только начинаютъ вставать. Этотъ взводъ былъ самымъ сброднымъ: кромѣ партизана Рѣшетникова, тамъ были всѣ офицеры Штаба Арміи, просто офицеры и казачьи офицеры, не занимавшіе строевыхъ должностей въ отрядѣ. Время выступать, а 4 ый взводъ начинаетъ завьючивать. Въ результатѣ выступили на два часа позднѣе назначеннаго.

Отъ киргиза, ѣхавшаго съ нами съ предыдущей остановки по собственному желанію, питавшаго надежду когда-либо получить обратно взятаго у него верблюда, узнаемъ, что впереди должны быть аулы.

Такого случая возможности раздобыться необходимымъ упускать было нельзя: немедленно съ колодцевъ, у которыхъ остановились на большой привалъ, былъ посланъ разъѣздъ подъ командой есаула Б. П. Митрясова, чтобы захватить жителей аула и не дать имъ разбѣжаться до нашего прихода.

Не прошло часа послѣ того, какъ мы снялись съ привала и шли по «грусть наводящей» степи,—есауль Митрясовъ уже прислалъ донесеніе.

Онъ сообщаетъ, что находится съ разъѣздомъ въ первыхъ аулахъ въ долину на берегу моря. Главное, что меня порадовало и окрылило надеждой въ этомъ донесеніи,—его сообщеніе о томъ, что появленіе разѣзда было для киргизъ неожиданнымъ.

Дальнѣйшій текстъ былъ таковъ: «Здѣсь только киргизы рыбаки, у которыхъ кромѣ рыбы ничего нѣтъ, но дальше верстъ 10 и влѣво верстъ 20 сидятъ скотоводы богачи. Нашъ проводникъ обѣщаетъ найти здѣсь киргиза, послѣдній поведетъ къ этимъ степнымъ буржуйамъ, у которыхъ можно будетъ добыть скотину въ достаточномъ количествѣ, а также и проводника, который поведетъ насъ далѣе. Вода здѣсь хорошая и въ достаточномъ количествѣ. Не найдете ли нужнымъ предупредить взводныхъ командировъ, чтобы не было посылокъ впередъ и влѣво отдѣльныхъ людей, дабы не спугнуть киргизъ, которые объ насъ, быть можетъ, ничего не знаютъ».

«Дорогой мой,—думаю я,—тутъ не только надо предупредить, а прямо объявить злѣйшимъ врагомъ отряда того, кто безъ приказанія отдѣлится впередъ или въ сторону».

Дальше шла приписка: «Разстояніе отъ колодца, гдѣ предполагали остановиться, до настоящаго мѣста верстъ 15».

«Да, слава Богу, что мы тамъ не остановились на ночлегъ: въ противномъ случаѣ, «прощай эти кибитки», а съ ними и надежда на скорое оборудованіе отряда необходимымъ».

Чѣмъ же объяснить задержку въ своемъ уходѣ со стороны киргизъ? Чтобы они не знали, или почти

ничего не знали о нашемъ движеніи,—допустить нельзя. Задержку ихъ на мѣстѣ я объясняю только тѣмъ, что, не получая подтвержденія хабара о нашемъ продолженіи въ этомъ направленіи, они успокоились; не предполагая же съ нашей стороны такую скорость, какъ 11 верстъ въ сутки, могли думать, что отрядъ, по всей вѣроятности, свернулъ въ глубь степи и теперь уже не задѣнетъ ихъ. Въ такомъ пріятномъ для насъ предположеніи съ ихъ стороны не малую роль могли сыграть разъѣзды полк. Сладкова и Климова.

Сдѣлавъ распоряженіе о всемъ, что вытекало изъ этого донесенія, я приказалъ строго пересчитать по приходѣ на мѣсто, всѣхъ находящихся киргизъ и не выпускать ихъ изъ кибитокъ.

Передъ нашимъ приходомъ приходомъ въ этотъ аулъ, киргизы въ колодцахъ псили табуны кобылицъ. Разъѣздъ выхватилъ изъ этихъ табунковъ нѣсколько экземпляровъ, Удача разъѣзда связалась съ несчастьемъ для сотника Кораблева, потерявшего изъ за четвероногихъ красавицъ своего отличнаго верхового жеребца, выдернувшего приколъ и пустившагося во всѣ „не-легкія“ догонять своихъ соблазнительницъ. Въ скоромъ времени бѣшенно мчавшійся табунъ скрылся въ расщелинахъ горъ. Пропалъ съ нимъ навсегда и боевой другъ сотника Кораблева.

Аулы, табуны, все свидѣтельствоvalo о животной жизни гдѣ-то вблизи насъ и о томъ, что господа этой четвероногой скотины не ориентированы въ направленіи нашего движенія. Все пока складывалось въ нашу пользу и надо было какъ можно быстрѣе использовать такую благопріятную обстановку.

Къ закату солнца отрядъ спустился въ долину и подошелъ къ ауламъ. Переходъ былъ утомителенъ, главнымъ образомъ, конечно, для верблюдовъ.

Возможность въ дальнѣйшемъ встрѣчи съ жителями плоскогорья и необходимость для насъ ихъ миролюбія заставляютъ меня отдать приказаніе подсчитать отрядныя денежныя суммы, находившіяся въ денежномъ ящикѣ. При этомъ денежномъ ящикѣ подъ карауломъ находились и вывезенныя нами изъ форта

войсковыя знамена: Войсковое Георгіевское и два Михаила Архистратига.

То, что знамена, честь Войска, находились съ нами, немало укрѣпляло вѣру въ правоту предпринятыхъ отрядомъ шаговъ.

Подсчетъ денегъ далъ такіе результаты: бумажекъ всякихъ категорій: донскихъ, добровольческихъ, сибирскихъ, оказалось на сумму 2.880.000 руб. Сумма, безусловно, крупнѣйшая, но въ тоже время ничего не стоящая.

Для использованія благопріятныхъ для насъ условій рѣшено было послать конныхъ людей подъ командой ес. Фадѣева въ тѣ районы, про которые говорилъ Борисъ Петровичъ. Разѣздъ долженъ былъ выступить съ появленіемъ на небѣ „казачьяго солнышка“—луны.

Намъ требовалось, немало—немного, около 250 верблюдовъ, около 200 выучныхъ сѣделъ, веревокъ, кошелей, бурдюковъ, бочатъ, мѣшковъ, котловъ, чайниковъ и провіанта.

Вотъ на небѣ и казачье солнышко. Люди разѣзда, какъ тѣни, закачались на верблюдахъ, конные полетѣли въ голову уѣзжающихъ, и отрядъ двинулся въ данномъ направленіи доставать все необходимое.

28 марта-10 апрѣля. Мою семью продолжаютъ выручать добрые люди отряда. Сегодня капитанъ Емашевъ, видя какъ намъ приходится туго по ночамъ, далъ отличную лисью шубу; братья Чампаловы дали доху Слава Богу.—думается мнѣ,—дѣтямъ не придется теперь мерзнуть, и не будетъ осложненія кори.

Эту ночь проспалъ наружи у кибитки, но подъ утро отъ холода забрался во внутрь ея, къ своей компаніи.

Занявшись очередной своей задачей,—опредѣленіемъ мѣста нашего нахожденія по картѣ, я увидѣлъ, что мы стоимъ въ 5-6 верстахъ отъ мыса Сагандыкъ, отъ форта же въ 67-70. Во время своего занятія узнаю, что казаками разрыты прохо скрытые клады съ киргизскимъ скарбомъ, а также найдено много имущества въ травѣ.

Приказалъ всѣ имѣющіеся предметы, въ которыхъ не было нужды въ походѣ, отдать находившимся здѣсь киргизамъ. Нѣсколько предметовъ изъ найденнаго было получено и моимъ хозяиномъ кибитки. Въ награду за это киргизъ рѣшилъ постелить для семьи на полу новую кошму. Когда приступили къ этой операціи, жена подъ старой нашла огромнаго полуудушennaго желтаго тарантула, котораго и добили.

Разбѣжавшіеся при нашемъ приближеніи киргизы начинаютъ собираться и получаютъ свое добро. Изъ аула ихъ уже больше не выпускаютъ.

Я пошелъ побродить по берегу моря. Здѣсь увидѣлъ двѣ рыбацкихъ киргизскихъ лодки. Завтра—Пасха и мысли невольно направились на думы о прошедшемъ и на то, какъ доведется этотъ праздникъ встрѣтить здѣсь.

* * *

Пасху встрѣтили пѣніемъ Христосъ Воскресе въ 12 час. ночи. Я со всѣми похристосовался и выразилъ надежду, что Іудъ въ отрядѣ нѣтъ и больше не будетъ.

Ив. Ив. Климовъ предложилъ мнѣ съ Бор. Петр. и всѣмъ взводнымъ командирамъ пойти къ нему и разговѣться. Я былъ очень удивленъ появленіемъ на столѣ, если столомъ можно назвать низенькую табуретку, какой-то сладкой наливки и хорошаго бѣлаго хлѣба, правда, черстваго. Ив. Ив., какъ заботливый человекъ, предвидѣлъ Пасху, какъ оказалось, еще до выхода изъ Форты.

* * *

29 Марта - 11 Апрѣля. Прибылъ разъѣздъ Войск. ст. Фадѣева и пригналъ около 35 верблюдовъ, много барановъ, что-то около 165 штукъ. Верблюдовъ было пригнано маловато, но мясомъ зато были обезпечены: возможно стало экономить муку. Немедленно отдаются соотвѣтствующія для этого распоряженія.

Вл. Ив. Моторновъ атакуетъ меня предложеніемъ послать желающихъ пробраться до Баку на промыселъ Киндерли, откуда они попытаются достичь

своей цѣли хотя бы на рыбацкихъ лодкахъ. Я отклоняю это предложеніе, мотивируя тѣмъ, что до Киндерли еще очень далеко и выражаю большое сомнѣніе въ возможности добраться до Баку такимъ способомъ.

Изъ разсказовъ прибывшихъ казаковъ, дѣло реквизиціи не обошлось безъ стрѣльбы. Въ одномъ мѣстѣ на отдѣлившагося казака напали киргизы. и плохо было бы ему, еслибъ не поспѣли товарищи; въ другомъ мѣстѣ другому казаку въ самооборонѣ пришлось тяжело ранить киргиза.

Малая добыча объяснилась войск. ст. Фадѣевымъ нежеланіемъ киргиза вести казаковъ туда куда надо, и вель онъ ихъ такъ, что киргизы успѣвали собирать свои кибитки и угонять верблюдовъ. Этому киргизу пришлось сдѣлать маленькія поврежденія на кожѣ, послѣ чего онъ принялся добросовѣстно исполнять свои обязанности.

30 Марта - 12 Апрѣля. Утромъ выступили рано. Попрежнему — ничего отраднаго кругомъ. Пройдя верстъ 30-35, остановились на ночлегъ у колодца Акъ-Чекуръ.

Во время хода вниманіе мое остановили на себѣ туркменскія кладбища со своими незатѣйливыми украшеніями—огромными шестами, безъ всякаго вкуса глинянными четырехугольными памятниками-мулушками, или просто могилами съ высокими насыпями.

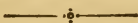
Около нѣкоторыхъ могилъ находится масса череповъ лошадиныхъ, верблюжьихъ и рогатаго скота. Остатки ли это хорошаго угощенія, которое подаютъ какъ говорятъ, въ одинъ присѣстъ родственники умершаго своимъ единоплеменникамъ, накапливались ли эти черепа постепенно отъ приносимыхъ жертвъ? —вопросъ остается для меня темнымъ.

То обстоятельство, что, благодаря прибывающимъ отъ реквизиціи верблюдамъ, число пѣшихъ сокращается, дастъ возможность дѣлать намъ и такіе переходы, какъ 30-35 верстъ. Правда, на такіе переходы рисковать ежедневно было нельзя, но за то сознаніе

одной только возможности дѣлать ихъ и то дѣйствовало хорошо на душу.

Что давить душу — это безжизненная степь Усть-Урта. Перелетѣть ее на такой огромной неприглядной скотинѣ, какъ верблюды, нельзя,—и мы, волей, неволей, идемъ по ней, какъ ея узники. Она давить насъ пространствомъ, заставляетъ пить плохую воду, донимаетъ холодными ночами и жаркимъ днемъ. Какъ то невольно у меня сложилась про нее пѣсенка на старинный ладъ:

„Ахъ ты степь моя, степь при Каспiи,
Добраго ты. степь, не породила,
А породила ты травку горькую,
Травку горькую—все полынушку;
Ночь холодную, деньки жаркіе;
Воду скверную, все соленую.
Какъ отъ той воды животы болятъ:
Пьешь и бѣгаешь все по луночкамъ;
Много пьешь, а пить хочется,—
И бѣжишь опять до закрытыца.
Пьешь, ругаешься, но что сдѣлаешь?!
И вся тварь въ тебѣ неприглядная,
На тебя, на мать, все похожая.
Знать то красокъ Богъ пожалѣлъ тебѣ:
Все сѣро, желто, отвратительно.
Дай-то Богъ намъ пройти тебя;
Чѣмъ скорѣй пройдемъ, лучше будетъ намъ.
И прими отъ насъ пожеланьице:
Чтобъ сподобилъ Богъ не бывать въ тебѣ,
Нашимъ дѣтямъ и внучаточкамъ“.

Глава IV.

Охота за нами. — Жизнь въ степи. — Охотники ѣхаютъ по морю. — Мы у нихъ, они у насъ.
— Раздѣлились для дѣла.

31 марта-13 апрѣля.. За сегодняшній день продвинулись до колодца Акъ-Кудукъ. Шли долго и, наконецъ, спустились съ плоскогорья и остановились вблизи моря.

На югъ отъ насъ тянулось озеро Кара-Куль съ глауберовой солью, какъ помѣчено на картѣ. Озеро, само по себѣ очень неширокое, отдѣляется отъ моря узкой песчаной грядой. На востокъ простирается равнина съ некрутыми подъемами изъ глубокихъ ложинъ.

Расположеніе въ такомъ мѣстѣ могло имѣть для насъ роковыя послѣдствія, но колодцевъ вблизи другихъ не было, и мы, волей неволей, должны были встать недалеко отъ берега образующейся здѣсь естественной бухты.

Я уже заснулъ, какъ убитый, подъ защитой цинки, сдѣланной изъ тонкихъ и длинныхъ стеблей мѣстнаго растенія—чія,—какъ былъ разбуженъ дежурнымъ, сообщившимъ мнѣ, что постъ на берегу великолѣпно слышитъ шумъ парохода, идущаго съ сѣвера на югъ. Это было непріятное извѣстіе, т. к. свидѣтельствоvalo о нежелательныхъ для насъ гостяхъ. Пароходъ этотъ шелъ почти у самаго берега безъ огней. Недоидя 2-3 верстъ до нашего расположенія, онъ бросилъ якорь.

1-14 апрѣля. Всѣ это случилось около 12 час. ночи. Я приказалъ отряду собираться и двигаться на востокъ отъ моря; вправо же къ полуразобранной киргизской кибиткѣ выдвинулъ постъ, который долженъ былъ слѣдить за дѣйствіями парохода.

Движеніе въ темнотѣ ночью было страшно затруднительно, и къ разсвѣту мы продвинулись не болѣе 5-6 верстъ. Съ новой точки нашего стоянія пароходъ былъ хорошо видѣнъ, особенно въ бинокль.

Донесенія долго не было ни отъ наблюдательнаго поста, ни отъ разѣзда, высланнаго на плоскогорье назадъ по направленію къ Форту,—посмотрѣть нѣтъ ли чего тамъ. Я вполне допускалъ со стороны красныхъ комбинацію дѣйствій противъ насъ отрядомъ съ суши изъ Форты, и пароходомъ съ моря. Бинокль прилипъ къ моимъ глазамъ, но кругомъ было все спокойно, и я не находилъ никакихъ признаковъ, обозначающихъ движеніе людей.

Вотъ стало видно, какъ пароходъ пошелъ вдоль берега на югъ. Пришло, наконецъ, и донесеніе. Хор. Мохначевъ сообщаетъ, что это астраханскій пароходъ, какъ будто бы бывший Ермоловъ. На палубѣ у него видны какіе то тюки, по всей вѣроятности съ хлопкомъ, который въ пресованной массѣ служить хорошимъ непробиваемымъ прикрытіемъ отъ пуль. Людей на палубѣ не замѣчено. Флагъ на пароходѣ есть, но разобрать чей онъ—нельзя.

Наконецъ въ бинокль я вижу, что пароходъ началъ двигаться то впередъ, то назадъ вдоль берега, послѣ чего онъ началъ удаляться вглубь моря. Маханіе снятыми штанами и рубашками выскочившей отъ насъ группы къ берегу моря, не помогло: пароходъ ушелъ.

Я сдѣлалъ одинъ выводъ, что берегъ усиленно наблюдается красными, и настойчивое желаніе штабныхъ офицеровъ ѣхать моремъ въ лодкахъ мнѣ казалось дикимъ и подозрительнымъ.

Удивительное дѣло, какъ пароходъ не видѣлъ нашу верблюжью массу? Объясняю это только тѣмъ, что краснымъ приходилось смотрѣть на насъ противъ восходящаго солнца, и они не могли разобрать, — что же такое находится противъ нихъ?

Когда пароходъ совершенно скрылся изъ вида, я приказалъ варить, кормить верблюдовъ и положилъ для этого два часа. Подкрѣпившись, ровно черезъ два часа, отрядъ двинулся въ путь-дороженьку на колодецъ Аще-Кудукъ. Прибыли на него съ наступленіемъ темноты. Скотину пришлось развѣючивать въ совершенномъ мракѣ. Рѣшено завтра сдѣлать здѣсь дневку. Прошли отъ Форта 140 верстъ.

* * *

2-15 апрѣля. Мѣсто нашей стоянки оказалось не изъ плохихъ. На этомъ мѣстѣ, какъ говорилъ нашъ киргизъ проводникъ, обыкновенно сидятъ богачи. Вода была солоноватая, желудки продолжали страдать, но, благодареніе судьбѣ что и она то была.

У озера я замѣтилъ и дикую животную жизнь. Въ полѣ зрѣнія бинокля я увидѣлъ бѣгающаго по

гребню горы тудак-бѣгуна. (Особый видъ дрофы.) Сѣлъ на своего Россинанта и поѣхалъ къ нему съ злымъ намѣреніемъ пустить пулю и лишить его жизни. Тудакъ, смекнувъ въ чемъ дѣло, бросилъ свою глупую привычку бѣгать по пустому взадъ и впередъ, вспомнилъ, что у него есть крылья и воспользовался ими. Дѣлать нечего, я поѣхалъ впередъ на виднѣвшуюся горку и сталъ опять внимательно разсматривать мѣстность въ бинокль.

Вотъ, верстахъ въ двухъ отъ себя, вижу красавца сайгака. Онъ поднялъ голову и сталъ смотрѣть на меня. Чувствуя, что я ничего не могу ему сдѣлать, онъ принялся щипать травку, временами поднимая только голову и всматриваясь въ мою сторону.

Подкрадываться подъ него считаю бесполезнымъ занятіемъ, т. к. на такомъ открытомъ мѣстѣ пришлось бы ползти, что для не охотника спеціалиста на нихъ было бы въ высшей степени продолжительнымъ и утомительнымъ дѣломъ, вдобавокъ, и черезчуръ опаснымъ для послѣднихъ шароваръ и рубашки.

Насмотрѣвшись вдоволь на сайгака, я вернулся въ лагерь.

Подѣлился съ казаками о видѣнномъ и предложилъ попытать кому нибудь счастья, но охотниковъ не нашлось.

Черезъ 2-3 часа Бор. Петровичъ, замѣтивъ цѣлую партію этихъ быстроногихъ животныхъ, рѣшилъ попытать свою судьбу, но пріѣхалъ съ такимъ же результатомъ, какъ я, вѣрнѣе,—безъ всякаго результата.

Осмотръ мѣстности привелъ меня къ берегу озера. Спустившись съ увала, я наткнулся на большую площадь, покрытую особой породой кустарника, дающаго очень сильное пламя и употребляемаго киргизами иногда при кузнечныхъ работахъ. Пролетѣла мимо меня вдоль озера партія гусей. Они были далеко и я не рискнулъ пустить пулю на вѣтеръ. Отъ кого то я слыхалъ — не то отъ киргиза, нашего проводника, не то отъ казака, слышавшаго опять же отъ киргиза, что въ этомъ, пресыщенномъ солью озерѣ,

встрѣчаются полосы настоящей прѣсной воды. Провѣрить этого чуда не могъ, а потому пишу, что только слышалъ.

* * *

Штабные люди, атаковавъ меня скопомъ, настояли, въ концѣ концовъ, на посылкѣ разъѣзда впередъ на промыселъ Александровъ-Бай. Пришлось съ ними согласиться, что попытка—не пытка, и въ томъ, что если удастся разъѣзду уѣхать на лодкахъ, то оставшіеся люди отряда, помимо всего, выигрываютъ и верблюдами.

Разъѣздъ морскихъ добровольцевъ съ прибавленными къ нему казаками для посылки мнѣ донесеній и для принятія верблюдовъ отъ уѣзжающихъ долженъ былъ выступить въ 16 час. Выступилъ же онъ съ наступленіемъ темноты: добровольцы никакъ не могли собраться къ опредѣленному времени.

Не прошло и часа, какъ отъ отъѣзжавшихъ вернулись два казака,—оказывается, компанія упустила верблюда со выюкомъ. Верблюдъ этотъ такъ и пропалъ.

* * *

Ночью, когда нашъ лагерь мирно спалъ, и я также не отставалъ въ этомъ отъ него, вдругъ раздались выстрѣлы, гикъ пискъ и крики ура. Я, какъ былъ безъ сапогъ, выскочилъ и подаль команду: «ко мнѣ».

Людямъ во время пути все время внушалось,—какъ вести себя въ случаѣ внезапнаго нападенія, особенно, ночного. Въ этомъ случаѣ дежурный взводъ, какъ находящійся въ полной боевой готовности, долженъ бросаться въ рукопашную на нападающихъ или идти по направленію на выстрѣлы; остальные люди отряда должны были собираться ко мнѣ по командѣ, выраженной этими словами.

Это было первое нападеніе. Происшедшая заминка была вполне естественна. Прошло минутъ 15-20 пока люди были выстроены, а дежурный взводъ пошелъ на выстрѣлы, т. е. на то приблизительно, мѣсто, откуда въ насъ стрѣляли.

Въ построенныхъ людяхъ чувствовалась нервность, позволившая кому то вслухъ выразить планъ дѣйствій. Я цукнулъ говорившаго, разъ навсегда прекративши этимъ подачу голоса со «святого» мѣста—изъ строя. Впослѣдствіи мнѣ уже не приходилось замѣчать ни нервности, ни растерянности, а наблюдалъ быстрое выполненіе возложеннаго съ полнымъ сознаниемъ, что языкомъ дѣлу не поможешь.

Что же вызвало этотъ переполохъ?—одно только желеніе киргизъ отбить у насъ свою скотину, для чего они и рѣшили произвести сначала у насъ безпорядокъ. Бумажными деньгами они, повидимому, были совершенно не довольны.

Планъ ихъ состоялъ, какъ я вывелъ потомъ изъ образа ихъ дѣйствій, въ слѣдующемъ: часть киргизъ расположилась маленькими группами вокругъ нашего лагеря, часть заѣхала впередъ по дорогѣ нашего слѣдованія. На вторую то часть и возлагалось производство той шумихи, которая должна была вспугнуть нашу скотину и заставить ее разбѣжаться. Другимъ же киргизамъ оставалось только торопиться угонять ее подальше отъ насъ.

Этотъ планъ удался имъ только по отношенію къ баранамъ, которые отъ визга и гика чухнули куда-то въ оврагъ, и мы ихъ больше не видали. Жалко было: ихъ оставалось къ этому времени никакъ не менѣе 80 штукъ. Верблюды же философски продолжали быть на своихъ мѣстахъ, несмотря на весь происшедшій кавардакъ.

Огонь по подѣхавшимъ киргизамъ былъ открытъ южнымъ постомъ, послѣ чего киргизы и понеслись вдоль лагеря съ гикомъ и визгомъ, благодаря которому мы и потеряли свой порціонный скоть. Кто-то изъ 4-го взвода встрѣтилъ этотъ гикъ въ полусонномъ состояніи крикомъ «ура». Находящіеся сѣвернѣе и сѣверо-восточнѣе наши посты, растерявшись, открыли огонь по топоту, благодаря чему поверхъ лагеря полетѣли пули.

Скоро все успокоилось, остатокъ ночи провели спокойно и встали бодрыми.

* * *

3/16 апрѣля. Рано утромъ надежда вернуть разсыпавшихся барановъ заставила меня послать для этой цѣли конный разъѣздъ. Черезъ два часа разъѣздъ вернулся и сообщилъ, что никакихъ слѣдовъ отъ нашихъ барановъ не найдено. Этимъ разъѣздомъ на спускѣ плоскогорія, къ сѣверу отъ насъ, былъ замѣченъ киргизскій постъ человѣкъ въ 10.

Перспектива сидѣть безъ мяса на сверхминимальной мучной порціи заставила торопиться съ исполненіемъ основной нашей задачи—добычи вьючной скотины и всего прочаго. Собранъ былъ отрядикъ для реквизиціи подъ командой ес. Жигалина. Этотъ отрядъ долженъ былъ двигаться въ противоположномъ направленіи нашему движенію—къ сѣвернымъ берегамъ соляного озера Батырь, тогда какъ я съ остальными людьми завтра пойду въ южномъ направленіи между озеромъ Айча и оз. Батырь къ колодцу Куррукъ, отъ котораго на западъ и расположенъ заливъ Александровъ-Бай.

Между нами было условлено: если на колодцѣ Куррукъ меня встрѣтитъ пароходъ красныхъ, то я сворачиваю къ южнымъ берегамъ оз. Батырь. Такимъ образомъ, при слѣдованіи отряда ес. Жигалина съ сѣвера на югъ по восточному берегу и моемъ движеніи съ юга на сѣверъ по тому же берегу этого озера, киргизы попадаютъ въ ловушку: бросаться имъ на востокъ—въ безводное пространство, покидая колодцы по берегу этого озера, какъ мнѣ представлялось, было для нихъ совершенно невыгодно,—и они должны будутъ удовлетворить наше требованіе, хотя бы и послѣ маленькой драки. Къ вечеру проводили отрядъ Жигалина. Маловато осталось народа въ лагеряхъ.

Въ скоромъ времени отъ отряда пріѣхалъ казакъ съ донесеніемъ. Ес. Жигалинъ пишетъ, что наблюдавшій за лагеремъ киргизскій разъѣздъ началъ отступать параллельно его движенію. Съ Жигалинымъ поѣхалъ и проводникъ, ѣздившій раньше съ ес. Фадѣвымъ и хорошо проученный за плохое отношеніе къ своимъ обязанностямъ.

Чтобы окончательно сбить съ панталыку наблюдающих за нами киргизъ, я рѣшилъ выступить съ мѣста при наступленіи темноты по дорогѣ, идущей сначала на востокъ, а потомъ, по встрѣтившейся большой дорогѣ, на югъ. Выступили въ 7½ час. вечера, оставивъ на мѣстѣ стоянки пять разведенныхъ костровъ.

Одинъ изъ костровъ горѣлъ замѣчательно ярко и сильно. Онъ былъ изъ остатковъ фурманки рѣшетниковцевъ, достаточно послужившей имъ въ походахъ. Къ этому костру нельзя было подойти, и желавшіе прикурить долго мучились прежде, чѣмъ достичь своей цѣли: такъ жарко горѣло дерево сжигаемой фурманки.

Когда я догналъ голову колонны, то замѣтилъ, что она слишкомъ рано повернула на югъ. Это было нежелательно, т. к. показывало, что берегъ Каспія недалеко, и что мы втягиваемся по узкой полоскѣ земли между моремъ и соленымъ озеромъ Айча въ мѣшокъ, оканчивающійся сѣвернымъ берегомъ залива Александръ-Бай и можемъ съ разсвѣтомъ попасть подъ прямые выстрѣлы съ парохода. Исправить ошибку до разсвѣта не было никакой возможности: справа былъ Каспій, на югъ—Каспій, а налѣво озеро Айча, проходимое, или непроходимое—намъ неизвѣстно. Вылѣзть можно было только назадъ, я этого не хотѣлъ и приказалъ двигаться до разсвѣта.

Глава V.

Сюрпризы продолжаются. — Расколъ. — Перемѣна пути.

4/17 апрѣля. За часъ до восхода солнца остановились, наткнувшись совершенно случайно на колодець. Справляюсь по картѣ—долженъ быть колодець Аладжа, находящійся на сѣверо-западномъ берегу озера Айча. Расположились на привалъ вновь принятымъ порядкомъ, при которомъ верблюды и бараны (которыхъ уже не было) должны располагаться въ серединѣ круга изъ повозокъ, люди—въ круга.

Вотъ возшло солнце, и съ первыми лучами его полетѣли къ намъ гостинцы—снарядъ за снарядомъ изъ морскихъ орудій. «Что за притча?—вѣроятно подумалось каждому изъ насъ.

Всѣ поднялись смотрѣть на это невиданное давно зрѣлище. Много было всевозможныхъ предположеній, и, какъ ни странно, мнѣ хотѣлось вѣрить въ высказанное кѣмъ-то мнѣніе о морскомъ боѣ между „Кастордомомъ“ и пароходомъ красныхъ. Мы при выпусканіи снарядовъ съ большихъ дистанцій и при расположеніи одной изъ стрѣляющихъ сторонъ въ морѣ противъ колодца Идаже, а другой въ заливѣ Александръ-Бай, могли быть въ створѣ выстрѣловъ,—этимъ и объясняли разрывы снарядовъ передъ нами.

Снарядъ, ударившій въ озеро близко отъ насъ, заставилъ отъ размысленія перейти къ дѣлу, т. е. запрягать верблюдовъ и двигаться изъ этого мѣшка, предварительно выславъ, конечно, къ сторонѣ противника конный разъѣздъ.

Высказанное кѣмъ-то предположеніе, что стрѣляютъ по разъѣзду полковника Сладкова, который за ночь не ушелъ далеко и находился гдѣ-то здѣсь по близости, и по насъ—было самымъ вѣрнымъ. Далекая рѣдкая ружейная и пулеметная стрѣльба служили этому подтвержденіемъ.

Обозъ, подъ прикрытіемъ лучей солнца, продвинулся въ барханы въ сѣверо-восточномъ направленіи, гдѣ и рѣшено было дождаться свѣдѣній отъ разъѣзда и дать передышку верблюдамъ, а затѣмъ двигаться дальше.

Этотъ день истинно можетъ назваться днемъ непріятныхъ сюрпризовъ, но съ хорошими отъ нихъ послѣдствіями.

Долго я смотрѣлъ съ новаго мѣста, изъ лощины, въ бинокль на нагорный берегъ моря, и, наконецъ, различилъ далеко-далеко какія-то точки. Подъѣхавшій казакъ донесъ, что стрѣльба велась пароходомъ, нашимъ знакомцемъ, по людямъ Сладкова. Казакъ, посмотрѣвъ въ то направленіе, куда я ему указалъ,

подтвердилъ мое предположеніе, что виднѣвшіяся точки были людьми Сладкова. По словамъ казака, пароходъ хорошо видѣнъ съ береговой возвышенности.

Стали поджидать подхода Сладкова. Вотъ, наконецъ, передо мной и группа добровольцевъ. Свѣдѣнія отъ нихъ были неутѣшительны. Они не только не обогатили отрядъ верблюдами, но растеряли и своихъ. Самъ начальникъ разъѣзда полк. Сладковъ пришелъ пѣшкомъ, полк. же Антипинъ совершилъ это хожденіе съ мѣста происшествія даже безъ сапогъ.

Нехорошо я чувствовалъ себя, когда мнѣ приходилось слышать отъ казаковъ, сопровождавшихъ этихъ аргонатовъ, о неособенной доблести многихъ изъ нихъ. Восхищеніе казаковъ вызвала одна сестра Михайловская, которая держалась очень мужественно и не терялась.

Злоключенія этой партіи начались, какъ я уже писалъ, съ первыхъ шаговъ по выступленіи съ колодца Аще-Кудукъ потерей сбѣжавшаго со вьюкомъ верблюда. Позапрошлой ночью эти развѣдчики прошли очень мало, благодаря чему подошли къ промыслу Идаже только вчера къ вечеру.

Промыселъ оказался совершенно пустымъ и брошеннымъ очень недавно передъ ихъ приходомъ, о чемъ говорили разбросанныя вещи и недоѣденная трапеза: повидимому, жильцы ожидали красныхъ съ минуты на минуту. Не обративъ на эти примѣты должнаго вниманія, компанія легла спать въ помѣщеніи.

Передъ восходомъ солнца сегодня подошелъ къ пристани пароходъ. Наши изъ помѣщенія бросились вонъ, позабывъ о верблюдахъ, пасущихся на возвышенномъ берегу. Цѣлью всѣхъ было—какъ можно скорѣе выскочить съ возвышеннаго берега на равнину, чтобы не подвергнуться артиллерійскому обстрѣлу. Выполняя свой планъ, партія эта очутилась какъ разъ въ створѣ между пароходомъ красныхъ и нами. Красные открыли по нимъ огонь изъ орудій, дѣлая большіе перелеты, которыя по отношенію къ намъ были

недолетами. Изъ оставленныхъ ими верблюдовъ въ скоромъ времени нѣсколько раненыхъ повалились на землю. Красные добили ихъ изъ пулемета. Такимъ образомъ была найдена и причина далекой пулеметной стрѣльбы.

Матросы, поднявшіеся на берегъ, пытались было преслѣдовать партію Сладкова и двинулись за нею въ долину, но огнемъ отступающихъ были отогнаны обратно на береговую возвышенность.

Пустые желудки, растравленные только однимъ чаемъ, властно заявляютъ о своемъ существованіи. Вопросъ—когда придется раздобыться мясомъ—у всѣхъ на первомъ планѣ. Конечно, никто не говоритъ объ этомъ, но это носится въ воздухѣ и невольно передается въ голову каравана мнѣ. Я какъ будто въ рѣшеніе этого вопроса стараюсь получить какія-либо указанія отъ земли, на которую смотрю пристально въ надеждѣ разыскать какіе-либо слѣды.

Наконецъ вышли изъ мѣшка и пошли на сѣверовостокъ. До этого никакихъ слѣдовъ я не видѣлъ, теперь же начали попадаться довольно свѣжіе бараньи отпечатки, которые заставляютъ мозги рѣшать задачу: какъ далеко это четвероногое жаркое, и какимъ образомъ можно его изловить? Останавливаюсь на возможности забродить животныхъ широко разсыпавшимися людьми. Привожу это въ исполненіе. Надежда въ скоромъ времени оправдалась. Былъ уже второй часъ движенія, какъ я вижу, что со стороны лѣваго дозора скачетъ всадникъ. До него было отъ насъ очень далеко, и онъ подѣхалъ къ намъ не скоро.

Сообщеніе его заставило засосать у насъ въ желудкахъ. Лѣвый дозоръ наткнулся на стадо козъ, окрауливаемыхъ киргизами — старикомъ и старухой, которые сидѣли въ песчаныхъ барханахъ, держа собакъ за шею, что бы они не обнаружили своимъ лаемъ ихъ мѣстопробываніе; козъ уже гонять къ отряду. Это былъ сюрпризъ дня и сюрпризъ пріятный.

Прибывшій съ козами старикъ былъ взятъ нами проводникомъ до ближайшаго колодца, какимъ и былъ

колодець Сагды. Наступившіе сумерки не позволили намъ дойти до него. Люди пошли за водой уже въ темнотѣ.

Многимъ бѣднымъ козамъ не удалось увидѣть слѣдующаго дня. Ихъ стали рѣзать пачками для превращенія въ мясо, а потомъ и въ жизненную энергію для насъ.

* * *

5 - 18 Апрѣля. Сюрпризы продолжаются. Рѣшетниковцы, со своимъ начальникомъ во главѣ, заявили мнѣ, что они откалываются и уходятъ возмущенные тѣмъ, что у нихъ отбираютъ муку, которую они, яко бы, сэкономили въ походѣ, не доѣдая своего пая.

Послѣднее было ложью. Приказаніе объ отборѣ муки было отдано мною. Причина этому—справедливое возмущеніе остальныхъ людей отряда тѣмъ, что всѣ люди сидятъ впроголодь, а рѣшетниковцы ѣдятъ вволю и пьютъ чай съ сахаромъ, держась при этомъ совершенно изолированно не только отъ другихъ трехъ взводовъ, но и отъ половины своего!

Рѣшетниковъ, получивъ приказаніе, пришелъ ко мнѣ страшно возмущенный и въ повышенномъ нервномъ состояніи. Я спокойно выслушалъ до конца его слова и сказалъ, что не имѣю ничего противъ отхода, но счелъ все же необходимымъ предупредить ихъ, что они дѣлаютъ это совершенно попустому и безразсудно: кому-кому, а не имъ надо было обижаться.

Я напомнилъ Рѣшетникову, что, не сдавъ муки при первомъ моемъ требованіи, онъ и люди его умышленно совершили преступленіе. Результатомъ такого разговора было немедленное выдѣленіе рѣшетниковцевъ.

Опять неожиданность. Утромъ около 10 час. мнѣ пришли сказать, что замѣчены нѣсколько всадниковъ, двигающихся съ западныхъ уваловъ въ нашу сторону. Я вышелъ съ биноклемъ на горку и сразу опредѣлилъ, что это должны быть—свои: ѣхали спокойно, всѣ вмѣстѣ. Такъ и оказалось,—всадники были изъ отряда Жигалина. Такимъ образомъ, всѣ три разъ-

ѣхавшіяся группы опять соединяются вмѣстѣ. Черезъ часъ прибылъ и самъ начальникъ съ отрядомъ.

Добыча была хорошая, но далеко недостаточная для насъ. Пригнано 50 верблюдовъ, достаточное количество барановъ, привезены въ маломъ количествѣ бочки, бурдюки. Во всѣхъ взводахъ теперь на двоихъ приходится по одному верблюду.

Изъ разсказовъ объ этой экспедиціи какъ самого начальника, такъ и казаковъ, ясно было видно, что киргизы рѣшили съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свое имущество. Отрядъ Жигалина все время двигался подъ обстрѣломъ киргизскихъ всадниковъ, изображавшихъ изъ себя каждый и дѣйствующую единицу и посты летучей почты.

Казаки къ закату солнца 3 Апрѣля подошли къ сѣверному берегу оз. Батырь. Застали тамъ киргизскіе караваны совсѣмъ готовыми къ выходу. Караваны немедленно при видѣ казаковъ снялись и ходко тронулись впередъ. Моментально изъ отряда были выдѣлены конные, которые, догнавъ хвосты каравана, принуждены были заняться стрѣлковымъ боемъ съ киргизами, прикрывавшими караваны.

Киргизы для большей устойчивости окопались. Бой готовился быть серьезнымъ—Ес. Жигалинъ принужденъ былъ спѣшить своихъ людей, разсыпать ихъ въ цѣпь и идти помогать конникамъ, которые къ его подходу уже сами расправились съ киргизами, заставивъ ихъ поторопиться съ уходомъ и оставить на мѣстѣ двухъ-трехъ убитыхъ. Потерь у насъ не было, оказался всего-на-всего одинъ раненый въ руку—подх. Ставкинъ.

Верблюды и бараны были выдернуты изъ хвоста огромнѣйшаго каравана. Въ голову же каравановъ, какъ и для преслѣдованія ихъ, Жигалинъ не рѣшился послать казаковъ: караваны начали втягиваться въ горы, и всѣ стрѣлковыя преимущества были на сторонѣ киргизъ.

6/19 апрѣля. Подъемъ былъ въ 4 часа утра. Отдѣлившіеся рѣшетниковцы къ 5 часамъ уже повьючили

своихъ верблюдовъ, собираясь въ извѣстный однимъ имъ путь.

Мнѣ все же было интересно, куда они пойдутъ? Изъ разговора однихъ выходило, что они идутъ на Хиву; по другимъ свѣдѣніямъ, они, какъ будто, перерѣшили и пойдутъ на сѣверъ, къ Завороту; по третьей версіи они, отойдя къ средней Кунградской дорогѣ, будутъ поджидать тамъ ген. Каменова.

* * *

У меня до этихъ дней было уже опредѣленное рѣшеніе двигаться сначала до промысла Киндерли береговой дорогой и отъ Киндерли свернуть въ степь прямо на востокъ для выхода на отдаленную, верстахъ въ 80—100 отъ Кара-Бугаса, караванную дорогу, которая и должна была насъ привести въ аулы брата ген. Каменова, гдѣ я и думалъ принять окончательное рѣшеніе о нашемъ дальнѣйшемъ направленіи.

Теперь же это рѣшеніе обстоятельствами должно было быть измѣнено, т. к. двигаясь на Киндерли, мы опять, на слѣдующемъ же промыслѣ Куррукъ, должны попасть подъ обстрѣлъ парохода.

Правда, мы могли двигаться въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, но это не сулило намъ никакихъ выгодъ. Киргизы, освѣдомленные теперь объ нашемъ направленіи, угнали бы скотину поглубже въ степь. Красные же, въ концѣ концовъ, могли предпринять противъ насъ болѣе остроумныя мѣры, чѣмъ одно только параллельное нашему движеніе моремъ. Исходя изъ этихъ соображеній, я рѣшилъ идти къ южному берегу соленаго оз. Батырь, и, сдѣлавъ тамъ еще разъ хорошую реквизицію, рискнуть пройти степью, минуя Киндерли.

Этотъ день мы ограничились только подходомъ къ колодцамъ, которые были отъ насъ въ 2—3 верстахъ, т. к. рѣшили заняться лучшимъ оборудованіемъ верблюдовъ и выюковъ къ предстоящему пути.

7/20 апрѣля. Выступили съ этого мѣста дневокъ не въ 7 час., а въ 8 все по той же неприспособленности къ походной жизни 4-го взвода.

Шли прямо на востокъ. Сначала по сѣверному берегу оз. Айча, а потомъ, оставивъ это озеро позади, вышли на массу параллельныхъ между собою тропъ, идущихъ на юго-востокъ и югъ къ промыслу «Куррукъ». Я ихъ перерѣзаю.

Черезъ часъ передъ нашими глазами вырастаютъ невысокія горы, являющіяся на самомъ дѣлѣ только западными обрывами новаго плоскогорія. Поднявшись на него и взглянувъ въ сторону промысла Куррука, въ морѣ, въ туманной дали увидѣли опять нашего знакомя—пароходъ, который перекочевалъ съ промысла и даже на Куррукъ и, видимо, поджидалъ насъ на новомъ мѣстѣ.

Невольно подумалось: „Шалишь, товарищъ, не на глупыхъ попалъ“.

Не богата была растительностью покинутая нами равнина, но плоскогоріе, по сравненію съ нею, изображало изъ себя что-то нищенское: одна только полынь, полынь и полынь, сухая, прошлогодняя. По встрѣчающемуся высохшему калу лошадей и верблюдовъ можно было заключить, что жизнь здѣсь возможна только ранней весной, до середины марта. Ни одного свѣжаго слѣда пребыванія человѣка съ его животными!

Шли ходко, руководствуясь компасомъ. Въ серединѣ дня подошли къ глубокимъ обрывамъ, окаймляющимъ оз. Батырь, бѣлѣющее влѣво верстахъ въ 15—20 отъ насъ.

Желающимъ пройти напрямикъ къ этому озеру необходимо было бы преодолѣть не мало препятствій: до лиловыхъ отблесковъ озера тянется масса различныхъ формъ горъ, расщелинъ и трещинъ. Горы, правда, казались намъ ниже того плоскогорія, на которомъ мы находимся, но такъ какъ озеро должно находиться значительно ниже уровня Каспія, то о нихъ нельзя было бы сказать, какъ о невысокихъ.

Характеръ этого озера, какъ и двухъ другихъ, встрѣтившихся потомъ намъ на пути, таковъ, что позволяетъ думать о глубочайшихъ провалахъ, случившихся въ очень отдаленное время на этихъ равнинахъ,

какъ ладонь, плоскогоріяхъ. Добраться до озеръ крайне трудно, конечно, въ прямомъ направленіи. Если пользоваться дорогами, идущими съ обрывовъ къ озеру по прибрежнымъ горамъ, различнымъ глубокимъ прососамъ, проваламъ, то пришлось бы употребить на это никакъ не менѣе цѣлыхъ сутокъ.

Спустившіеся съ обрывовъ казаки достали воды: почти непосредственно послѣ спуска съ обрыва находятся колодцы. Вода оказалась солоноватой, нисколько не лучше и не хуже той, которую мы уже давнымъ-давно стали пить и отъ которой такъ же давно страдали.

Сдѣлавъ небольшой привалъ, на часъ или на полтора, двинулись дальше. Остановились на ночлегъ, когда начало темнѣть, юго-западнѣйшаго длиннаго южнаго прорама озера Батырь.

По докладу дежурнаго, въ пути было брошено 7 верблюдовъ. Намъ, все равно, нечего было и думать о ежедневныхъ, въ теченіе хотя бы недѣли, переходахъ. Измученные фортовскіе верблюды, какъ слабые, должны были все равно выкидываться, если не сегодня, то завтра и т. д.

8-21 Апрѣля. Открытые вчера ночью колодцы оказались водохранилищами, сдѣланными въ обрывахъ самой природой и усовершенствованными, насколько возможно, человѣческими руками. Образуются они такъ: зимняя ли, дождевая ли вода просачивается сквозь огромные пласты земли съ плоскогорія, встрѣчаетъ на значительной глубинѣ небольшіе по площади пласты каменистаго грунта или глины, накапливается тамъ, находя постепенно выходъ изъ своего заточенія.

Рано утромъ сегодня, спустившись съ обрыва сажень на сто, я и увидѣлъ такое водохранилище въ профиль. Излишекъ воды въ выдолбленной каменной плитѣ вылился оттуда давнымъ давно ниже въ обрывъ, въ теряющуюся гдѣ-то въ землѣ глубокую щель. Сверху, съ потолка этого водохранилища, вода уже не капала; живительной влаги въ этой водоеминѣ было маловато, и ее очень скоро вычерпали. Это

обстоятельство заставило насъ въ половинѣ дня дзину́ться впередъ, въ чаяніи отыскать новые колодцы или новые водоемы. Счастье намъ улыбнулось, и колодцы были найдены къ 4 час. дня.

Мѣсторасположеніе этихъ колодцевъ было довольно оригинальное. У подножія крутого спуска съ плоскогорія, съ котораго все же можно спуститься и подняться на верблюдахъ, въ небольшой котловинѣ оказалось расположено около 15 колодцевъ. При нѣкоторыхъ изъ нихъ были выдолбленныя для водопоя лошадей каменные корыта. Всѣ колодцы—съ солоноватой водою. Влѣво отъ колодцевъ, по ручейку съ какой-то ржавой соленой жидкостью, растетъ камышъ и гребенщикъ, по научному—тамарискъ.

Я заинтересовался ручейкомъ и убѣдился, что вода съ плоскогорья, просочившаяся сквозь огромные пласты земли, переполнивъ неглубокія ямки большого полугрота, давала жизнь и ему и вокругъ него. Съ потолка полугрота то и дѣло шлепались внизъ на воду крупныя капли.

Глава VI.

Новый набѣгъ на киргизъ.

Нежеланіе терять время, а съ нимъ вмѣстѣ и скудный запасъ провіанта, заставляютъ взяться за дѣло реквизиціи меня самого.

Для того, чтобы каждый имѣлъ по верблюду, необходимо было пріобрѣсти ихъ никакъ не менѣе 100. Продолжительность выполненія этой задачи я опредѣлилъ въ 6-7 дней, и на это время нами были взяты изъ отряда послѣдніе сухари. Сухарный запасъ у насъ былъ очень ограниченный, и они выдавались тѣмъ, исполнявшимъ различныя порученія, которымъ не было возможности и времени заниматься выпечкой «кумпешей»—киргизскаго хлѣба. Чтобы появленіе мое было неожиданнымъ для киргизъ, я выступилъ съ темнотою въ 8 час. 20 мин. вечера, строго приказавъ въ пути не курить.

Планъ дѣйствій сводился къ тому, чтобы идти

сначала по колодцамъ восточнаго берега оз. Батырь, приблизительно до колодца Коунджакъ, и если не встрѣтимъ здѣсь жителей, то направляемся въ горы, въ сѣверо-восточномъ направленіи, для выхода на большую караванную дорогу «Фортъ-Александровскій Кунградъ»; по этой дорогѣ мы должны дойти до тропъ, ведущихъ на колодцы Узень-Кудукъ, съ которыхъ и повернуть къ мѣсту нашего первоначальнаго отправленія. Такимъ образомъ, предстояло порядочно исколесить степь и сдѣлать кругъ въ 200 верстъ. Проводника не было. Ъхалъ по компасу съ надеждой на счастье.

Наступившая темъ, сгущенная облаками, не позволяла ориентироваться. Приходилось обращать вниманіе на вѣтерокъ, но онъ могъ сыграть съ нами такую шутку: перемѣнивъ направленіе, заставить насъ придти совсѣмъ не туда, куда намъ желательно. Движеніе происходило страшно медленно съ частыми остановками для повѣрки курса по компасу. Компасъ у меня былъ не свѣтящійся, и процедура повѣрки требовала слѣзанія съ верблюда, распластыванія на землѣ, прикрытія себя взятымъ у кого-то плотнымъ одѣяломъ, зажиганія отсырѣвшихъ спичекъ и другихъ длительныхъ неудобствъ. Начавшійся дождь совсѣмъ остановилъ наше движеніе.

9-22 Апрѣля. Разсвѣтъ засталъ насъ въ лошадкѣ недалеко отъ озера Батырь. Наступившее необычайно прозрачное, великолѣпнѣйшее утро, какъ по своей красотѣ, такъ и той бодрящей свѣжести, которая передавалась намъ отъ напоенной дождемъ земли,—увеличивало вѣру въ счастье.

По сходящимся со всѣхъ сторонъ къ обрыву тропинкамъ можно было рѣшить, что колодцы недалеко. Верховые немедленно поѣхали на розыски. Результата не пришлось долго ждать: прискакиваетъ казакъ и сообщаетъ, что колодцы найдены, и вода въ нихъ выше всякой похвалы.

Ничто иное какъ вода, заставляетъ задержаться здѣсь отрядъ, чтобы глотнуть этой влаги, а также и запасти ее на дальнѣйшій ходъ. Къ колодцамъ спу-

стились по крутымъ каменистымъ тропинкамъ, которыя вели насъ куда-то внизъ и шли зигзагами. Опять же, это были не колодцы, а два водохранилища съ рѣдкой по вкусу для этой степи водой.

«Прямо Уралъ!» — выражали свое восхищеніе казаки.

Напились сами, напоили лошадей и верблюдовъ, поднялись на плоскогорье и пошли дѣлать свое дѣло.

Я предполагаю, что это былъ колодецъ Акъ-Куакъ. «Акъ» — по киргизски значитъ бѣлый; «куакъ» — мелкій. Слово бѣлый можетъ относиться какъ къ водѣ въ смыслѣ прозрачный, чистый, такъ и къ мѣстности около водоема: здѣсь много бѣловатыхъ камней. Мелкій — относится прямо къ глубинѣ этихъ колодцевъ: водохранилище, было дѣйствительно, не глубоко.

Недалеко, верстахъ въ двухъ, встрѣтили киргизское кладбище съ двумя или тремя деревцами, еще черезъ версту — могилу — «мулу» какого-то знаменитаго киргизскаго охотника съ массой завитыхъ массивныхъ роговъ дикихъ горныхъ барановъ, теперь очень рѣдко встрѣчающихся. Рога были навалены на могилѣ въ безобразную кучу.

Отъ этой могилы я держу путь на сѣверъ, чуть-чуть придерживаясь востока. Много было тропъ, идущихъ изъ степи къ озеру, но свѣжихъ слѣдовъ я на нихъ не замѣчалъ. Это меня радовало.

Въ такомъ пріятномъ для будущаго дѣла одиночествѣ въ степи, мы шли до 2 час. дня, когда принуждены были остановиться изъ-за двухъ ставшихъ верблюдовъ. Верблюды оказались 4 взвода: одинъ изъ компаніи Чампалова, другой — есаула Тадуа. Я рѣшилъ, придавъ Чампалову и Тадуа казака подростка, чтобы они не заплутались, отправить ихъ обратно въ лагерь.

Пользуясь этимъ случаемъ, написалъ ген. Моторнову о томъ, какую-великолѣпную воду мы пили, и посоветовалъ поскорѣй переѣзжать къ колодцу Акъ-Куакъ, дабы полечить желудки и быть вполне здоровыми къ моему возвращенію. Въ концѣ письма

приписалъ, что посланные съ донесеніемъ должны знать мѣсто этого колодца и умѣть вывести на него стрядь.

Давъ указаніе отъѣзжающимъ—куда идти и какъ ориентироваться, я тронулъ караванъ впередъ.

Все та же степь безъ живой души кругомъ. Незамѣтно наткнулись на примитивныя земляныя работы, свидѣтельствующія о томъ, какъ дорожатъ люди въ этой мѣстности каждой каплей воды: это были водохранилища, ямы, ямки, вырытыя въ довольно твердомъ глинистомъ грунтѣ. Туда, въ эти ямки, были проведены канавки съ ближащаго склона возвышенности, очень похожей на ободокъ мелкой столовой тарелки.

Остановились на ночлегъ съ наступленіемъ темноты на мѣстности Ала-Тюбе, въ переводѣ—пестрой.

Пестрота здѣсь не отъ обилія красокъ, а вызвана свойствомъ почвы, благодаря которой довольно жалкая растительность чередуется съ совершенно голыми мѣстами—плѣщинами, имѣющими иногда форму почти правильнаго эллипса или круга. Среди такой пестроты мы и принуждены были остановиться на ночь. По моему предположенію, мы находились восточнѣе, верстахъ 18-15, отъ колодцевъ Ала-Тюбе. Вода у насъ была въ бочатахъ и расположеніе вдали отъ колодцевъ насъ не беспокоило.

10 - 23 Апрѣля. Утромъ выступили ранѣе восхода солнца. Кругомъ—мертво попрежнему. Зорко слѣдимъ за всѣми попадающимися тропинками и за ихъ сочетаніями. Замѣчаемъ, какъ къ той тропѣ, по которой мы идемъ, начинаютъ сбѣгаться тропки изъ степи, и черезъ часъ мы идемъ по большой караванной дорогѣ, не менѣе, какъ съ 20 параллельными между собой, хорошо пробитыми колеями. Эта дорога соотвѣтствовала нашему направленію на востокъ. Къ 3 ч. дня вышли на колодцы. По имѣющейся у меня сорокаверстной картѣ никакъ нельзя опредѣлить—что это были за колодцы.

Поднявшійся страшный вѣтеръ, несущій изъ ущелья, лежащаго впереди, массу песка, заставилъ

насъ поискать закрытія отъ него. Помимо этой заботы необходимо было приняться и за выполненіе главной задачи, для чего требовалось обшарить мѣстность въ обступившихъ насъ со всѣхъ сторонъ горахъ. Последнее я хотѣлъ продѣлать съ наступленіемъ темноты. На мысль о возможности нахожденія по близости киргизъ наводили какъ и сами колодцы, такъ и масса всевозможныхъ, довольно свѣжихъ, слѣдовъ до слѣда человѣческой ноги въ сандаліяхъ включительно.

Я только было собирался это дѣлать, а счастье опять улыбнулось. У «мулушекъ», куда мы пошли, первыми подошедшими туда казаками были пойманы два киргиза, повидимому, наблюдавшіе за нами. Они было бросились на утекъ, но, видя наведенные на себя стволы винтовокъ, остановились.

Припугнувъ ихъ хорошенько, и, на всякій случай, пообѣщавъ всевозможныя награды въ случаѣ нашей удачи, мы съ ихъ помощью, ночью пройдя по горамъ значительное пространство на своихъ верблюдахъ, со свѣтомъ выѣхали на огромнѣйшую долину, гдѣ увидѣли свободно пасущихся верблюдовъ и начинающіе пускать изъ себя голубоватые дымки киргизскіе кибитки... Кругомъ жизнь, трава и спокойствіе!

11/24 апрѣля. Раздѣлившись на двѣ партіи, мы приступили къ выполненію своей задачи.

Я, со своей партіей, забродивъ достаточное количество верблюдовъ, пожелалъ сдѣлать изъ нихъ выборку на мѣстѣ и распредѣлить между киргизами поравномѣрнѣе бремя нашей контрибуціи. Это привело къ тому, что хабаръ полетѣлъ по направленію слѣдующихъ ауловъ; киргизы начали оттуда разбѣгаться въ горы и уводить съ собой скотъ, оставляя на произволъ судьбы свои наскоро поставленные кибитки. Изъ собранныхъ же мною верблюдовъ, только 20 оказались пригодными для насъ. Какъ я бранилъ себя за эту, не во время проявленную, гуманность!

Вторая партія добыла 80 верблюдовъ и нѣсколько къ этому прихватила уже на ходу отъ удирающихъ киргизъ. Дѣйствовала она рѣшительнѣе, почему и результаты получились значительно больше, чѣмъ у

меня. Раздобылись мы здѣсь всѣмъ необходимымъ для похода и въ достаточномъ количествѣ.

Во время осмотра нами добычи, къ намъ подходитъ одѣтый по богатому киргизъ. Изъ разговора съ нимъ оказалось, что онъ братъ Утурбая и къ 15 апрѣля долженъ ѣхать къ какой-то горѣ, гдѣ находится самъ Утурбай съ другими лицами, которыхъ было не менѣе 40. Эту компанію онъ долженъ будетъ вести въ Персію. Отъ него узнали, что на колодець Узень Кудукъ прослѣдовала какая-то партія человѣкъ въ 17. Партія эта, по его словамъ, никого не обижала, и киргизы все давали охотно. Я предполагалъ, что это были рѣшетниковцы.

Третье свѣдѣніе отъ него насъ особенно всѣхъ заинтересовало: изъ Кунграда прошла сотня уральцевъ. Казаки спрашивали по дорогѣ про ген. Толстова и, подходя къ Фарту, выслали туда делегатовъ.

Это свѣдѣніе не оставляло насъ въ сомнѣніи, что Хива и наши уходцы попали подъ пята красныхъ, чѣмъ и вызвался уходъ оттуда сотни гурьевцевъ-охотниковъ, посланныхъ мною въ сентябрѣ прошлаго года съ большимъ транспортомъ огнеприпасовъ для своихъ собратій—уходцевъ.

Изъ словъ киргиза и по картѣ я вывелъ заключеніе, что мы находимся въ районѣ колодцевъ Аиртанъ-Урпасъ. Большіе переходы и совершенно безсонная ночь заставила расположиться насъ на ночлегъ на мѣстѣ дѣйствія у брошенныхъ киргизами кибитокъ.

12-25 апрѣля. Выступили въ обратный путь въ 8 час. утра.

Часовъ съ 10 у тыловой нашей конной заставы началась перестрѣлка съ догнавшими нашъ караванъ конными киргизами.

Я находился между нею и главнымъ ядромъ, гдѣ были всѣ захваченные нами верблюды. У киргизъ не хватало чего-то въ головѣ, и дѣйствія ихъ ограничивались только желаніемъ окружить и не выпустить заставу. Мнѣ хорошо было видно всю ихъ скачку съ

цѣлью обскакать хвостъ каравана. Пульки изрѣдка свистѣли мимо безъ всякаго вреда.

Я думалъ, что въ тыловой заставѣ по крайней мѣрѣ 7—8 человекъ, и наблюдалъ за всѣми маневрами киргиской лавы совершенно спокойно. Морозъ меня пронялъ по кожѣ, когда потомъ я узналъ, что тыловую заставу изображали только двое: есаулъ Б. П. Митрясовъ и вахмистръ Фофановъ.

Вначалѣ, дѣйствительно, въ ней и было такое количество, но плохая забота о винтовкахъ со стороны подростковъ привела къ тому, что затворы у ружей отказались служить, и ес. Митрясовъ принужденъ былъ ихъ отправлять въ караванъ по одному. Казачата прибывали въ караванъ незамѣтно, боясь, какъ бы имъ не попало за плохое состояніе винтовокъ, и никому не докладывали своемъ прибытіи, я же, считая число людей въ тыловой заставѣ вполнѣ достаточнымъ, ничуть не беспокоился. И вотъ, два молодца даютъ отпоръ 20 киргизамъ, сбиваютъ у нихъ на близкой дистанціи двухъ всадниковъ, чѣмъ совершенно охлаждаютъ весь пылъ разгорячившихся азіатовъ.

Шли весь день безъ всякихъ остановокъ и ночевать остановились, не доходя верстъ 8—9 до колодца Коунджукъ. Съ мѣста реквизиціи были взяты два киргиза, отъ которыхъ мы и узнали названіе этихъ колодцевъ.

13-26 апрѣля. Къ колодцамъ Коунджукъ пришли въ 10 час. утра. Съ водопоемъ верблюдовъ, съ чаепитіемъ, проканителись здѣсь до 2 час. дня.

Были приняты мѣры предосторожности, но оказывается, киргизы, потерявшіе со смертью своихъ двухъ наѣздниковъ, весь азартъ, рѣшили оставить насъ совсѣмъ въ покоѣ, и, какъ ни зорко посматривали мы въ сторону пройденнаго пути, никакихъ признаковъ киргизъ не видѣли. Я былъ теперь вполнѣ увѣренъ, что наше мѣстопробываніе ими не скоро будетъ найдено.

Въ 2 часа дня пошли къ своимъ на колодець. Акъ-Куакъ. Идти вновь пришлось долго. Стало тем-

нѣтъ, какъ мы увидѣли ряды костровъ, то пропадающихъ, то опять появляющихся, въ зависимости отъ того, спускались мы въ лощины, или поднимались на горы. Прибыли на Акъ-Куакъ въ 8 час. вечера. Всѣхъ своихъ встрѣтили въ добромъ здравіи.

Оказалось, что и у нихъ время прошло не зря: отобраны были у наѣхавшихъ случайно на нихъ киргизъ 6 верблюдовъ. На возвратномъ пути ес. Тадуа также повезло: онъ наѣхалъ на киргизъ, результатомъ чего оказалось еще двумя верблюдами больше.

Верблюдовъ теперь хватало на всѣхъ, и я былъ въ полной увѣренности на возможность перешагнуть степь и выйти въ Персію.

Глава VII.

Подготовка въ большимъ переходамъ и переходъ. — Языки губятъ людей. — Немного запутались.

14-27 апрѣля. Дневка. Съ утра готовимся къ шагу черезъ пустыню. Идетъ разборка верблюдовъ, распредѣленіе ихъ между взводами, раздача кошмъ, бурдюковъ, бочатъ. Вездѣ чистятъ оружіе; вычистившіе пристрѣливаютъ винтовки.

Часовъ въ 10 утра скончался кап. Михайловъ. Это была первая смерть въ отрядѣ. Бѣдняга серьезно хворалъ цѣлую недѣлю, недомоганіе же чувствовалъ съ выхода изъ Форта.

Послѣ его похоронъ я занялся и своимъ дѣломъ — дѣлалъ различныя починки отъ одежды до снаряженія, вычистилъ до блеска свою винтовку, револьверъ, охотничье ружье, шашку и занялся вмѣстѣ съ полк. Андріевскимъ, другомъ Павла Борисовича, изученіемъ карты и знакомствомъ съ путями и горными проходами въ Персію. Полк. Андріевскій, какъ служившій ранѣе въ пограничныхъ съ Персіей мѣстахъ, зналъ хорошо эти проходы и туркмень, а также мѣстность по рѣкѣ „Атреку“.

Какъ сейчасъ помню, онъ предупреждалъ меня о

вѣроломствѣ и дикости туркменъ Акъ-атабайцевъ. Но все это было еще очень далеко; пока же стояла задача—найти прямой путь черезъ пустыню.

При детальномъ знакомствѣ съ картой нельзя было выбрать другого направленія, какъ напрямикъ, безъ дорогъ, отъ колодца Акъ-Куакъ до Р. Артъ-Куанды. Правда, этотъ 70-ти верстный путь былъ совершенно безъ воды, но что это значить, когда теперь у каждаго верблюдъ, а воды въ бочатахъ и бурдюкахъ вполне достаточно на такой переходъ. Правда и то, что приходится идти по компасу, не довѣряясь киргизамъ, но и это не бѣда: у меня теперь отличный свѣтящійся компасъ—подарокъ отъ вахм. Карташева, Гр. Фед., который онъ мнѣ подарилъ во время рекогносцировки, на другой день послѣ того, какъ я мучился ночью со своимъ. Это былъ такой компасъ, что съ нимъ, и раскачиваясь на верблюдѣ, свободно можно было ориентироваться ночью и идти съ точностью до 2—3 градусовъ.

15 - 28 апрѣля. Выступили въ 8 час. 50 мин. утра. Задержка на 50 мин. произошла по винѣ моей артели, которая не могла справиться съ данными ей на всѣхъ верблюдами, и провозилась съ запряжкой и выючкой.

Опять пошла все та же знакомая степь. По сторонамъ изрѣдка виднѣются каменные абы, или пирамидки изъ камней, которыя служатъ киргизамъ указателями направленія, появленіемъ же своимъ на свѣтъ обязаны съемщикамъ этой мѣстности, а, можетъ быть, и киргизамъ: какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ необходимо направленіе и отмѣтки наиболѣе возвышающихся надъ степью точекъ.

Съ часа дня и до 8 былъ назначенъ большой приваль. Чистаго хода по времени было 5 час. Прошли, значить, не менѣе 22—25 верстъ. Я говорю приблизительно о числѣ пройденныхъ верстъ, потому что точно сказать, не имѣя для этого никакихъ приборовъ, затруднительно. По наблюденіямъ, верблюдъ шагомъ въ часъ даетъ отъ 4—6 верстъ и даже не много больше. Скорость верблюда, какъ я замѣтилъ,

обратно пропорціональна высотѣ солнца: рано утромъ, съ восходомъ солнца, верблюды въ часъ проходятъ болѣе, чѣмъ лошадь этимъ же аллюромъ; къ полудню у этой скотины шагъ дѣлается все меньше и меньше—свободно идешь рядомъ со своимъ верблюдомъ на собственныхъ ногахъ; къ вечеру до вечерней зари—шагъ прибавляется; если ходомъ прихвачена вечерняя заря, то замѣчаешь, какъ шагъ верблюда съ наступленіемъ ея сразу замѣтно дѣлается очень малымъ. Такой черепаший ходъ тянется отъ 1 часа до 1½. Ночью шагъ великолѣпнѣйшій, хотя бы до самой утренней зари, во время которой никакъ уже не рекомендуется ѣхать на этихъ корабляхъ пустыни.

Съ привала выступили въ 8 час. вечера и шли до 1½ часа ночи.

16-29 апрѣля. Переночевали тамъ, гдѣ остановились, и вновь выступили въ 9 час. утра. Встрѣтившаяся на пути длиннѣйшая и довольно широкая лощина съ возвышенностью посрединѣ, похожая на плоскогоріе въ миниатюрѣ, дала киргизу возможность опредѣлить по своему время прибытія къ колодцамъ.

Время какого-либо событія киргизы опредѣляютъ по солнцу, лунѣ или звѣздамъ: «вотъ, когда солнце, луна или такая-то звѣзда, будетъ тамъ-то,—при этомъ слѣдуетъ жестъ рукой по направленію къ той точкѣ неба,—то мы дойдемъ до своего мѣста». Разстояніе же они опредѣляютъ по предметамъ и всегда говорятъ, приблизительно, слѣдующее: «идти осталось немного больше или немного меньше, чѣмъ вонъ до той абы или горки», которая или въ сторонѣ отъ насъ, или оставлена нами назади. Эту абу или горку иной разъ съ трудомъ уловишь и въ бинокль. Версты, или какой другой мѣры длины для мѣстности, у нихъ и въ поминѣ нѣтъ. Разстояніе ими измѣряется также днями: напр. до такого-то колодца 2, 3, 4 дня хода.

И теперь, когда обратились къ киргизамъ съ вопросомъ—когда придемъ къ колодцу?—онъ указалъ на точку въ небѣ, гдѣ должно быть солнце къ нашему прибытію.

Въ 11 час. 20 мин. мы перерѣзали дорогу, идущую изъ глубины степи на промыселъ Киндерли. Немедленно пользуемся ею,—и сформированный разъѣздъ подѣ командой ес. Шапошникова отдѣляется отъ насъ и идетъ на Киндерли. Въ этотъ разъѣздъ вошелъ и ес. Тадуа отъ компаніи, рѣшившейся, не смотря на первую неудачу, попытать вновь счастья моремъ.

Шапошникову было поставлено цѣлью узнать: есть ли признаки жизни въ Киндерли, нѣтъ ли тамъ красныхъ, что слышно у жителей объ нашемъ отрядѣ. Кромѣ всего, онъ долженъ былъ распустить ложные слухи о насъ въ томъ смыслѣ, что отрядъ на одной изъ реквизицій былъ разбитъ киргизами и разсѣянъ по всей степи; теперь же люди отряда мелкими партіями пробираются кто-куда хочетъ: одни—обратно въ Фортъ, другіе по берегу моря—въ Красноводскъ, третьи—думаютъ проскочить въ Хиву, въ Бухару и т. д. Попутно ко всему, ему поручалось добыть проводниковъ, хлѣба, рыбы, а, если возможно, то и свѣдѣнія объ обстановкѣ на всѣхъ театрахъ войны съ большевиками.

Въ 3 часа 40 мин. дня, когда солнце было тамъ, гдѣ ему опредѣлилъ мѣсто киргизъ, мы остановились на ночлегъ.

Къ сѣверо-востоку и юго-востоку отъ насъ тянется бывшее соленое озеро Куанды. Характеръ образованія его такой же, какъ и оз. Батырь. Мѣсто нашего бивуака находилось на западномъ берегу этого озера, родники же Куанды были, судя по картѣ, на восточномъ берегу противъ нашихъ колодезей, не нанесенныхъ на картѣ.

* * *

17 - 30 Апрѣля. Было отъ чего получить удовлетвореніе: 70-ти верстный путь прошли хорошо, напрямикъ, и не потерявъ ни одного верблюда. Чтобы не утомлять верблюдовъ и подготовиться лучше къ слѣдующему экзамену, была назначена дневка. Это было надо и для того, чтобы дожидаться разъѣзда ес. Шапошникова.

Я пользуюсь этимъ днемъ, какъ и многіе: побрился и даже побрилъ голову; принялъ солнечную ванну, попутно занявшись избіеніемъ на тѣльномъ бѣльѣ насѣкомыхъ.

Мысли во время этого занятія были довольно радостныя: отъ Форта теперь находимся въ 260 верстахъ; проходимъ въ сутки 75 верстъ, употребивъ на это 15 час. Будучи въ такомъ хорошемъ настроеніи, я даже принялся за повѣрку часовъ по солнцу, пользуясь специальнымъ компасомъ—подаркомъ отъ домашняго «Аверченко», который, въ свою очередь, получилъ его отъ умершаго отца въ наслѣдство. Семья тоже занималась приведеніемъ себя въ порядокъ.

Я пришелъ послѣ своихъ операцій къ себѣ въ артель и прилежъ отдохнуть. Тѣло было уставшее, думать не хотѣлось, и я, лежа на спинѣ, смотрѣлъ въ небо.

Мое вниманіе привлекли разговоры, гдѣ часто упоминались выраженія: остается, рѣшилъ остаться и т. д. Я сталъ вслушиваться. Оказывается, поползли слухи о томъ, что яко бы большая часть отряда хочетъ остаться въ Киндерляхъ. Подошедшая ко мнѣ жена тоже начала говорить на тему, что кто-то хочетъ отдѣлиться. Отъ В. ст. М. узналъ и фамиліи: имъ были упомянуты полк. С., хор. П. И. Юдинъ, В. ст. Буренинъ и многіе другіе.

То, что я велѣлъ распускать подъ наименованіемъ разныхъ ложныхъ слуховъ становится самой настоящей дѣйствительностью, но только мы разбиваемся не отъ дѣйствій киргизскаго оружія, а отъ собственныхъ языковъ.

Къ вечеру мнѣ приносятъ письмо отъ Вл. Из. Моторнова. Онъ пишетъ мнѣ о желаніи многихъ покинуть отрядъ и приводить къ этому основанія: указываетъ на то, что многіе обезпokoены разговоромъ казаковъ, которые, дойдя до Красноводска, яко бы, хотятъ выдать офицеровъ; упоминаетъ въ письмѣ о какомъ-то появившемся въ отрядѣ зломъ геніи, благодаря которому и сѣются сѣмена раздора между офицерами; называетъ и фамилію этого генія. Глазъ

ной же причиной этого раскола выставляет меня, какъ не желающаго дѣлиться своими предположеніями и планами со старшими офицерами отряда.

Послѣднее я давно началъ слышать и отвѣчалъ обыкновенно на это такъ: «Я самъ теперь только сотенный командиръ. У меня есть четыре взводныхъ съ которыми я и совѣтуюсь, когда надо. Создавать же при такомъ отрядѣ и при простомъ движеніи-впередъ —еще какой-то совѣтъ изъ старшихъ офицеровъ нахожу совершенно лишнимъ».

Прочитавъ письмо, я пошелъ къ Вл. Из. и высказалъ ему свои взгляды на положеніе вещей. Про того же, кого онъ назвалъ злымъ геніемъ, я далъ самый хорошій отзывъ и имѣлъ на это полное основаніе: это былъ смѣлый боевой офицеръ, работу котораго я видѣлъ какъ при послѣдней моей реквизиціи, такъ и въ томъ взводѣ, въ которомъ онъ числится. Расскази же про затаенныя мысли казаковъ назвалъ чепухой, которой Вл. Из. стыдно вѣрить. Вл. Из. мнѣ только отвѣтилъ: «Я писалъ то, что меня просили передать Вамъ офицеры».

Радужныя мечты о возможности перехода были совершенно отравлены. Я вышелъ молча отъ Вл. Из. и пошелъ къ себѣ въ артель. Здѣсь окончательно узналъ—изъ кого состояла «большая часть отряда», пожелавшая остаться въ Киндерляхъ. Въ нее вошли всѣ штабные и тыловые офицеры, не отучившіеся до сихъ поръ и при степныхъ переходахъ болтать языками и нѣсколько не получившихъ никакихъ строевыхъ должностей въ отрядѣ и считавшихъ свое самолюбіе, должно быть, оскорбленнымъ.

Какъ потомъ я благодарилъ Бога, что они всѣ своевременно покинули отрядъ: въ противномъ случаѣ мы, по всей вѣроятности, не довели бы до конца свой походъ. Они своимъ поведеніемъ и претензіями офицеровъ высшаго ранга сбили бы меня съ толку и съ рѣшимости, а въ казакахъ вселили бы недовѣріе не только къ себѣ, но и ко мнѣ. Безъ нихъ же въ трудныя минуты нашего похода мы всѣ работали какъ одна машина, и посылали къ черту всѣ встрѣчавшіяся на пути отряда препятствія.

Кто меня поразилъ своимъ желаніемъ отдѣлиться, такъ это былъ командиръ 3-го взвода,—человѣкъ, дравшійся съ красными и нѣсколько разъ ими раненый,—котораго я считалъ съ непоколебимымъ духомъ.

18 Апрѣля / 1 Мая. Приказаніе мое готовиться къ походу, отданное въ 7 час. утра тѣмъ, кто идетъ со мною, вызвало опять разговоръ у меня съ начальникомъ Штаба, который, видимо, ожидалъ перемѣны моего рѣшенія. Онъ услышалъ отъ меня все то же, что и вчера. На его вопросъ: какъ же съ разѣздомъ Шапошникова,—буду ли я его дожидаться или нѣтъ?—я отвѣтилъ, что ко времени нашего выступленія разѣздъ долженъ вернуться. Если же это не случится, то, значить, Шапошниковъ пошелъ дорогой отъ Киндерли къ родникамъ Думбай и Язь-Бурлы, что между нами было условлено. На его упрекъ, что я вѣрю казакамъ больше, нежели офицерамъ, я кивнулъ утвердительно головой и добавилъ, что они больше нашего приспособлены къ степному походу и только съ ними можно выйти туда, куда надо. Вл. Ив. рѣшилъ слѣдовать съ отколовшимися. Вотъ прибылъ и разѣздъ. Сосбщенія его были не изъ важныхъ: красныхъ въ Киндерли нѣтъ; киргизы разбѣжались, т. к. красные начинаютъ брать у нихъ на пароходы молодежь; они, красные, были на промыслѣ дня за два до пріѣзда туда нашего разѣзда; увезли оттуда много припасовъ, а все оставшееся перепортили керосиномъ.

Я затребовалъ списокъ всѣхъ желающихъ отдѣлиться, чтобы объявить по отряду и выдать имъ провіанта на 10 дней.

Когда списокъ былъ составленъ, я собралъ кругъ, вошелъ въ середину и прочиталъ фамиліи остающихся.

Первый разъ за походъ я былъ возбужденъ и чувствовалъ глубокую обиду не за себя, а за казаковъ. Чтобы показать, что въ серьезныя минуты, я считуюсь не только съ отдѣльными личностями, но и со всѣмъ отрядомъ, а также доказать остающимся

ихъ ложное мнѣніе о казакахъ,—мною кругу былъ предложенъ вопросъ: давать ли верблюдовъ тѣмъ изъ отколовшихся, которые не были лично ни на одной изъ реквизицій? Казаки, какъ одинъ, отвѣтили: «Богъ съ ними, пусть пользуются». Это былъ хорошій урокъ для клеветниковъ. Я обратился къ Вл. Из. и просилъ его ѣхать со мной, но онъ былъ, видимо, настроенъ противъ и сказалъ, что не можетъ этого сдѣлать, т. к. боится связать меня, и заставить возитися съ нимъ, больнымъ.

Всѣ разошлись и пошли готовиться къ походу. Отколовшіеся разбились на три партіи: одна—съ полк. Сладковымъ, другая группировалась около полк. Г. Е. Еремина, третья возглавлялась Вл. Из. Моторнымъ.

Партія Вл. Из. рѣшила такъ: если не будетъ надежды у ней сѣсть на лодку въ Киндерляхъ или въ другомъ мѣстѣ, то она выйдетъ мнѣ на перерѣзъ. Для этой цѣли Вл. Из. еще вчера была взята отъ меня карта, и по ней сняты маршруты.

Я приказалъ казначею Землянушнову выдать на отколовшихся 200.000 руб., простился съ Вл. Из. и, раскланявшись съ другими, пошелъ къ собирающемуся въ путь каравану.

Въ 9 час. мой отрядъ въ составѣ теперь 163 человекъ съ женщинами и дѣтьми пошелъ за мною. Отколовшіеся оставались еще на мѣстѣ.

* * *

Оставалось еще разъ попробовать пройти напрямикъ безъ дорогъ. Первый опытъ былъ удаченъ, и я не сомнѣвался въ благополучномъ исходѣ второго. Не рискуя съ фурманками ѣхать прямо черезъ озеро, спускаясь для этого съ необычайно крутыхъ обрывовъ, я сталъ огибать озеро съ его провалами, для чего сначала пошелъ на сѣверъ въ надеждѣ когда-либо выйти на восточный берегъ и прійти къ колодцамъ Артъ-Куанды. Въ 1 часъ дня мы были на этихъ колодцахъ. Вода въ нихъ оказалась хорошей, почему и рѣшено сдѣлать здѣсь большой привалъ.

Пользуясь нахожденіемъ вблизи одинокой боль-

Въ 9 час. мой отрядъ въ составѣ теперь 163 человекъ съ женщинами и дѣтьми пошелъ за мною.
Отколовшіеся оставались еще на мѣстѣ.

шой горы, я съ И. И. полѣзли на вершину ея, чтобы хорошенько осмотрѣться кругомъ.

Осмотръ привелъ насъ къ тому заключенію, что движеніе въ желательномъ юго-восточномъ направленіи невозможно, а надо двигаться сначала опять на сѣверъ, потомъ на востокъ для огиба такъ щедро расположенныхъ глубочайшихъ расщелинъ, на дно которыхъ боязно смотрѣть, и затѣмъ уже выходить въ должномъ направленіи.

Съ привала вышли аккуратно въ 5 час. 30 мин. вечера. Два часа потратили на огибы проваловъ и расщелинъ и только съ наступленіемъ темноты пошли по компасу, какъ намъ надо.

Киргизы, взятые нами съ послѣдней реквизиціи, были необычайно поражены тѣмъ обстоятельствомъ, — какъ это мы можемъ такъ правильно идти, будучи въ первый разъ въ этихъ мѣстахъ, да при томъ еще ночью. Удивленіемъ своимъ они дѣлились съ казаками на своемъ варварскомъ языкѣ и совершенно нечаянно для себя проболтались о томъ, что наше направление идетъ какъ разъ на киргизскіе аулы.

Казаки сообщили немедленно мнѣ. Я невольно подумалъ, что судьба рѣшила побаловать насъ, и что мы охулки на руку не положимъ и воспользуемся такимъ благопріятнымъ случаемъ для пополненія недостающаго. Аулы находились всего-на-всего отъ насъ въ 4—5 верстахъ.

19 апрѣля - 2 мая. Чтобы не вспугнуть киргизъ шумомъ движенія, рѣшено было остановиться на ночлегъ и передъ разсвѣтомъ выпустить партію казаковъ подъ командой войск. ст. Климова. Казаковъ для этой цѣли назначили всѣхъ на лошадяхъ. Это и было выполнено въ 3 часа ночи.

Только перевалили наши развѣдчики находящуюся недалеко впереди невысокую возвышенность, какъ напали на аулы, и я въ скоромъ-времени получаю радостное донесеніе: добыто пока 30 верблюдовъ, 200 барановъ, кошмы, просо, косякъ лошадей.

Подъ впечатлѣніемъ такого радостнаго извѣстія вдобавокъ подкрѣпленнаго присылкой Ив. Ив. для

моей семьи огромной чашки кислого молока, я рѣшилъ вновь прилечь на свое незатѣйливое ложе, чтобы доспать необходимые часы.

Недолго пришлось мнѣ заниматься этимъ дѣломъ: былъ разбуженъ громкимъ разговоръ о томъ, что на насъ держатъ направленіе киргизскіе караваны. Я быстро вскочилъ, чтобы принять соотвѣтствующія такому случаю мѣры, и увидѣлъ подъѣхавшаго ко мнѣ героя дня Ивана Ивановича. Вмѣстѣ съ нимъ пошелъ къ идущему каравану для введенія порядка въ дѣло реквизиціи и для того, чтобы по возможности равномерно распределить всю тяжесть контрибуціи на попавшихъ въ наши руки киргизъ.

То, что мы добыли въ это утро вполне уже хватало отряду. Здѣсь пополнились и бочатами для воды, и провіантомъ, и кошмами, чаемъ, баранами и верблюдами. За все было уплачено 627.000 руб.

Рѣшимость принесла свои плоды. Судьбѣ, видимо, это нравится, и она балуетъ насъ и маленькимъ излишкомъ въ верблюдахъ, какъ будто желая вознаградить за то упорство, которое мы проявляли въ добываніи себѣ всего необходимаго. Теперь пустынное пространство не пугало: мы имѣли все, хотя все же въ недостаточномъ количествѣ. Но что намъ надо было еще,—намъ, привыкнувшимъ претерпѣвать нужду въ самомъ необходимомъ и вполне втянувшимся въ походъ? Подъ впечатлѣніемъ такой удачи мы рѣшили больше реквизицій не производить, особенно на туркменской землѣ, чтобы не приобрести себѣ новыхъ враговъ.

Я взялъ для себя изъ табуна сѣраго жеребца. Прыти у конька хватило только на одинъ переходъ, а дальше никакія уже крутыя мѣры не могли заставить его идти быстрее, чѣмъ самая маленькая рысь. Барановъ рѣшили на слѣдующей стоянкѣ всѣхъ перерѣзать, мясо просолить и на привалахъ провяливать. Такая мѣра вызывалась нежеланіемъ уменьшать нашу скорость въ движеніи, а также проходимое за день пространство.

Выступили съ мѣста въ 12 ч. 10 м. Черезъ 20

минуть подошли къ лужѣ съ сохранившейся дождевой водой, пополнили бочата, напились сами и пошли далѣе.

Чтобы уменьшить длину каравана, было принято за правило—идти четырьмя параллельными нитками.

Изъ этихъ ауловъ добровольно пошелъ съ нами, въ надеждѣ когда-либо вернуть своихъ верблюдовъ, киргизъ Сарманъ, здравствующій и понынѣ. Теперь у насъ было три киргиза.

Ночевать остановились у колодцевъ Бишъ-Гурлы, сѣверо-западнѣе озера съ такимъ же наименованіемъ. Родники Думъ-Бай и Язъ-Гурлы остались, повидимому, вправо и назад.

По всѣмъ даннымъ, часовой ходъ какъ вчера, такъ и сегодня, у верблюдовъ былъ значительно болѣе нежели 4—5 верстъ. Казаки про верблюжий шагъ выражались въ эти дни: «Шагъ огромный, отста-нешь отъ каравана, такъ до привала и не дого-нишь».

Главной темой разговора были отколовшіеся.

— Посмотрѣли бы они, какъ намъ повезло, такъ и не подумали бы отдѣляться!—слышалось въ одномъ мѣстѣ.

— Теперь, чай, у нихъ опять разговоры,—не знаютъ, куда идти!—доносилось изъ другой партіи.

«Что-то они подѣлываютъ?»—думалось мнѣ.

Кругомъ высказываются всевозможныя предположенія и говорятъ даже, что половина ихъ, навѣрняка, пошла сдаваться и т. д.

На этой стоянкѣ зарѣзали всѣхъ барановъ.

20 апрѣля - 3 мая. Операція превращенія барановъ въ куски мяса dokonчена сегодня утромъ. Выступили не позднѣе 10 ч. утра.

Когда проходили мимо западнаго берега оз. Бишъ-Гурлы, увидѣли далеко отъ насъ, почти на самомъ берегу его, кибитку. Отъ нея къ каравану шелъ человѣкъ. Онъ находился далеко и отъ насъ и отъ кибитки. Мы рѣшили подождать подхода его къ намъ.

Это былъ молодой киргизъ, опредѣлившій себя

бѣженцемъ изъ Красноводска, гдѣ при меньшевикахъ служилъ въ милиціи. На немъ были форменные сапоги и солдатскіе штаны. Онъ пришелъ жаловаться на казаковъ, которые у него забрали лошадь. Я ему предложилъ ѣхать съ нами, т. к. мы идемъ на Красноводскъ, гдѣ онъ, изъ разговора, и оставилъ свою семью.

— Если поѣдешь съ нами, то лошади не потеряешь,—ободрилъ я его.

Онъ какъ-то подозрительно быстро согласился на мое предложеніе. Типъ этотъ не внушалъ мнѣ никакого довѣрія.

На одномъ изъ малыхъ приваловъ Я. А. Сладковъ сообщилъ мнѣ, что казаки сегодня слышали два далекихъ орудійныхъ выстрѣла. Выстрѣлы эти были, какъ будто, съ моря. Я посмотрѣлъ на карту. До залива Киндерли отъ насъ по воздуху было не болѣе 45—50 верстъ, и при сухости воздуха и тишинѣ вполне возможно на такомъ разстояніи услышать орудійные выстрѣлы.

Что это было: салютъ ли красныхъ по случаю сдачи нашихъ, или встрѣча ими огнемъ подошедшихъ къ берегу? Можетъ быть, сначала случилось второе, а за нимъ и первое?

На большой привалъ остановились въ 1 ч. дня. Съ предпоследней остановки нами былъ взятъ пожилой киргизъ, который долженъ былъ вывести караванъ на колодцы Каясанъ и Утъ-Кунлы; двухъ же, взятыхъ при реквизиціи съ моимъ участіемъ, мы отпустили съ мѣста рѣзки барановъ, давъ имъ приставыхъ верблюдовъ въ присутствіи новаго взятаго киргиза.

* * *

Съ большого привала тронулись въ 6 часовъ вечера.

Киргизы, ведя насъ извѣстными имъ однимъ примѣтами, постоянно мѣняли направленіе. Это меня наводило на подозрѣніе, и я требовалъ отъ нихъ объясненій, т. к. чувствовалъ, что мы давнымъ давно начали плутать. Отчаявшись найти колодецъ Каясанъ,

остановились на ночлегъ у подножія какой-то горы въ 2 часа ночи.

21 апрѣля - 4 мая. Въ 3¼ часа стало довольно свѣтло, и я съ дежурнымъ по отряду хор. А. П. Корблевымъ и вмѣстѣ съ киргизами забрались на гору для ориентировки. Оглядѣвшись во всѣ стороны, старый киргизъ радостно оповѣстилъ, что колодець Каясанъ очень близко:—„Вонъ, подъ той горкой“. Вода въ немъ была, по словамъ киргиза, хорошая но въ маломъ количествѣ.

— Если тутъ вчера ночевали киргизы, то едва ли хватить напоить всѣхъ вашихъ верблюдовъ,—сдѣлалъ свое заключеніе пожилой киргизъ.

Я для развѣдки приказалъ дежурному нарядить трехъ верховыхъ и отправиться къ колодцу вмѣстѣ съ киргизомъ въ порванныхъ штанахъ. Казаки уѣхали. Черезъ часъ пріѣхали, но уже безъ киргиза. Оказывается, чтобы найти колодець, надо было лѣзть куда-то внизъ подъ обрывъ, и казаченьки, передавъ лошадей своихъ киргизу, туда и полѣзли. Когда же они кончили измѣреніе воды и вернулись, то лошади всѣ были цѣлы, а киргиза—и слѣдъ простылъ.

Что за удивительная безпечность! Исчезновеніе киргиза на меня произвело отвратительное впечатлѣніе. и было отчего поддаться тревожнымъ размышленіямъ. Часть отколовшихся, какъ думалось мнѣ, обязательно должна попасть въ руки красныхъ. Отъ нихъ большевики могли узнать, какую именно дорогу мы избрали себѣ въ Персію. Явившійся къ нимъ въ Красноводскъ нашъ бѣглець, ясное дѣло, упроститъ имъ рѣшеніе задачи до минимума.

Воды въ колодцахъ, по докладу казаковъ, оказалось мало, и пришлось послать туда одни только бочата, да приказать напоить лошадей.

Тронулись съ мѣста въ 12 ч. 30 м. дня. По крутому откосу кончавшагося плоскогорія спустились внизъ и вышли на какую-то солончаковую равнину. Шли сначала вдоль линіи обрыва плоскогорія на востокъ, а потомъ свернули на свое направленіе—юго-востокъ. Въ скоромъ времени впереди завиднѣлись барханы.

Казалось бы, какая можетъ быть жизнь въ пескахъ! Я такъ и думалъ, но барханы поразили меня своей богатой, правда, неразнообразной растительностью. Желтыя горки, покрытыя сплошь гребеньщикомъ и еще какимъ-то толстостебельнымъ растеніемъ, напоминающимъ издали молодыя березки, заселили глазъ; пески же сами по себѣ вселяли и безпокойство, т. к. верблюдамъ становилось тяжело везти за собой телѣжки и арбы, лавируя между барханами, а иногда шагая и по нимъ.

Все говорило о присутствіи поблизости человека, и это заставило послать И. И. Климова впередъ на развѣдку по части верблюдовъ. Мы гнались не за излишкомъ: послѣднее плутаніе показало, что для многихъ верблюдовъ большіе переходы будутъ непосильны.

Ив. Ив., кромѣ этого, долженъ былъ разыскать и колодцы, а также мѣсто для ночлега. Онъ все великолѣпно выполнилъ и вечеромъ пригналъ на нашу стоянку 6 верблюдовъ и привезъ нѣсколько бочатъ.

На стоянкѣ отъ киргизъ узналъ и названіе этому, въ первый разъ видѣнному мною растенію. По киргизски оно называется „Курай“, и употребляется киргизами въ пищу. Толстые стебли ими вывариваются какимъ-то особымъ способомъ, и полученная отъ этого сгущенная сладковатая масса напоминаетъ собою разваренную тыкву. Въ сыромъ же видѣ вкусъ у него отдаетъ слишкомъ сильно камфарой.

Вмѣстѣ съ 6 верблюдами И. И. привезъ и хозяйина ихъ, который хотѣлъ ѣхать съ нами до слѣдующей реквизиціи и оттуда получить обратно свою скотину. Добыча эта обошлась безъ всякихъ осложнений, т. к. И. И. наговорилъ киргизамъ массу пріятныхъ вещей и обѣщалъ имъ при первой возможности вернуть не только верблюдовъ, но и бочата.

Этотъ киргизъ указывалъ намъ все время на сѣверо-востокъ, верстъ на 40 отъ нашей стоянки, гдѣ, по его словамъ, сидитъ масса богатыхъ киргизъ въ пескахъ на колодцахъ. Мы ему, разумѣется, только поддакивали, не желая преждевременно открыть свое настоящее направленіе.

22 Апрель / 5 Мая. Въ барханахъ оказался растущимъ и песчаный овесъ. Лошадки наши съ удовольствіемъ его пощипывали.

Съ утра, нѣтъ-нѣтъ, да и пойдетъ дождикъ рѣдкими каплями; сейчасъ же, въ два часа дня, пошелъ довольно сильный. Дай-то Богъ побольше его для этой степи!

Вотъ и мѣсяцъ прошелъ, какъ мы изъ Форта, а всего на всего прошли только 350`верстъ.

Когда казаки пошли за верблюдами, то нѣкоторыхъ не могли разыскать, пришлось на время отложить выходъ и еще разъ попытаться найти верблюдовъ. Последнее удалось. Дѣло пропажи верблюдовъ обошлось не безъ киргизъ. Они подкрались къ нѣкоторымъ изъ нихъ, которые зашли дальше въ барханы, и у лежащихъ перевязали переднія ноги. Верблюды не могли подняться и быть увидѣнными казаками. Самихъ азіатскихъ шутниковъ мы не могли разыскать,—они успѣли благополучно скрыться.

Въ 4 часа 50 мин. вечера мы, наконецъ, выступили на колодецъ Сумдя-Сухой. Солнце уже закатилось, когда караванъ прибылъ къ нему.

Разочарованные нашимъ направлениемъ, киргизы отказываются вести насъ и ссылаются на совершенное свое незнаніе всѣхъ, указываемыхъ имъ мною по нашему пути, колодцевъ. Когда они видятъ, что это не помогаетъ, пугаютъ насъ туркменами, которые находятся сейчасъ въ войнѣ съ адаевцами, но не помилуютъ и насъ, если мы туда пойдёмъ. Киргизъ, конечно, не отпускаемъ, и я самъ берусь вести караванъ, рассчитывая, съ Божьей помощью, по картѣ и компасу справиться и безъ нихъ.

23 Апрель / 6 Мая. Выступили въ 5 час. 35 мин. утра въ юго-восточномъ направленіи. Шли между невысокихъ горъ съ колоссальнѣйшими залежами алебаstra и слюды.

Взявъ на себя роль проводника, я на своемъ сѣромъ жеребчикѣ нѣсколько разъ выѣзжалъ впередъ на холмы влѣво, чтобы увидѣть бугоръ, помѣченный на картѣ, а, значитъ, и выдѣляющійся среди всѣхъ остальныхъ холмовъ.

Наконецъ, увидѣлъ его съ довольно правильной пирамидкой на вершинѣ изъ камней. Вблизи бугра, какъ говоритъ карта, должны быть расположены и колодцы. Это оказалось вѣрнымъ, и, убѣдивъ меня въ вѣрности взятаго мною направленія, вселяло въ душу и надежду въ возможность въ дальнѣйшемъ обходиться безъ проводниковъ.

Сдѣлали здѣсь большой привалъ до 5 ч. вечера, затѣмъ шли до 12 час. ночи совершенно безъ дороги, руководствуясь только компасомъ, такъ какъ наступившій туманъ на позволялъ намъ отыскать подходящія тропы.

24 Апрѣля - 7 Мая. Спали отлично. Судя по картѣ и ночному ходу верблюдовъ до колодцевъ Ханъ-Куррукъ было не болѣе 8 верстъ, иначе говоря, два часа хода.

Выступили въ 8½ час. утра; прошли 2 часа. Кругомъ голая степь безъ единаго оріентировочнаго предмета, почему компасъ приходится держать все время передъ носомъ.

За этотъ переходъ испытывали на себѣ характерныя рѣзкія перемены температуры воздуха даже днемъ: небо облачно-прохладно отъ свѣжаго, явившагося неизвѣстно откуда вѣтерка; засіяетъ солнце, — станеть тепло; находитъ на него тучка, и вновь на насъ тянеть свѣжестью, дѣлается такъ прохладно, что въ пору надѣвать и пальто.

Обозъ свелся теперь у насъ до трехъ телѣжекъ: одна—для моей семьи, другая—у ес. Коновалова и третья у прап. Таршилова, т. е. у всѣхъ многосемейныхъ.

Черной змѣей вползаетъ въ душу сомнѣніе, правильно ли идемъ, и не прошли ли колодцевъ, т. к. хода вмѣсто 2 час. оказывается 4. Послѣднее обстоятельство заставляетъ меня думать, что мы идемъ правѣе колодцевъ.

Вотъ стали встрѣчаться тропинки, идущія съ сѣверо-востока на югъ-западъ. Усиленно наблюдаю за лѣвыми дозорными, т. к. влѣво завиднѣлись какія-то лощины, и у меня появилась надежда, что именно въ

нихъ и находятся колодцы. Ожиданіе мое оправдалось. Одинъ изъ казаковъ, отдѣлившись отъ группы другихъ, поскакалъ полнымъ ходомъ по направленію каравана, отчаянно махая фуражкой. Верховой подъѣзжаетъ ко мнѣ и оказывается пор. Н. І. Сидоренко. Сообщение было благопріятно во всѣхъ отношеніяхъ, но глубина колодцевъ въ 26 саж. заставила меня попризадуматься, тѣмъ болѣе, что никакихъ приборовъ для выкачиванія съ такой глубины воды не было.

По расчету времени мы должны были пройти колодцы Ханъ-Курукъ, оставивъ ихъ влѣво и выйти на колодцы Ханъ-Куясы. Киргизы отказываются называть ихъ, ссылаясь на то, что они въ этихъ мѣстахъ никогда не были.

Много мученій принято было нами съ водопоемъ верблюдовъ. Я попробовалъ самъ вытащить одно ведро и почти лишился спины и рукъ. Работая артелями съ помощью верблюдовъ и тентовъ, отрядъ кое-какъ напоилъ скотину.

Свободное время мною было употреблено на подсчетъ продовольствія, результатами котораго нельзя было тоже похвалиться, т. к. количество его обѣщало намъ вполнѣ полуголодное существованіе. Муки оказалось 23 п., проса—16 п., пшеницы—7 п., рису—4 п. При нашей дачѣ въ $\frac{1}{4}$ фун. въ день на человѣка всего должно хватить не болѣе, какъ на 20-25 дней.

Моей артели, какъ и всѣмъ другимъ, въ свободное отъ водопоя время приходится размалывать просо и пшеницу ручными киргизскими мельницами. Работа, вѣистину, каторжная.

25 Апрѣля - 8 Мая. Утро. Размалываніе проса въ артели отняло цѣлыхъ два часа. Столько же времени пошло на водопой нашихъ верблюдовъ. Предполагаемую чистку оружія пришлось отложить до слѣдующаго раза и, напившись чаю, я пошелъ въ голову уже совершенно готоваго въ путь каравана.

Веду караванъ теперь на колодецъ Юррукъ, который, судя по картѣ, находится отъ колодца Ханъ-Курукъ въ двадцати верстахъ. Идемъ до часу дня. Останавливаю караванъ на привалѣ, т. к. не встрѣ-

чается уже никакихъ тропъ, а впереди на огромное разстояніе разстилается совершенно голая мѣстность, недопускающая возможности существованія въ этомъ направленіи колодцевъ.

Я задумался и сталъ выводить заключеніе, что колодцы Юррукъ остались влѣво и назади. На эту догадку наводили также оставленные нами многочисленныя тропинки, пересѣкавшія наше направленіе къ 12 час. дня. Съ 12 же час. до 1 часа мы никакихъ тропинокъ не встрѣчали.

Въ 4 часа 30 мин. пошли вмѣсто юго-востока на западъ. Это вызывалось желаніемъ пересѣчь оставленные сзади тропинки. До тропинокъ не дошли и остановились на ночлегъ въ совершенно пустынной мѣстности съ массой тонкихъ недлинныхъ змѣй, видимо, крайне ядовитыхъ.

Не забуду такой картины: одна изъ змѣекъ, увидя, что ей дорогу переѣзжаетъ караванъ, свернулась наполовину въ кружокъ и, поднявши голову стрѣлкой вверхъ, все время провожала караванъ, который шелъ отъ нея въ 15—20 шагахъ. Какъ зло горѣли у ней глаза: казалось, что изъ нихъ вылетали искры. Я, пропуская мимо себя караванъ, все время наблюдалъ за ней. Вотъ прошелъ послѣдній верблюдъ, и она стрѣлой промчалась черезъ дорогу.

26 апрѣля - 9 мая. Въ 5 час. 10 мин. тронулись опять на западъ. Кругомъ степь какъ степь, давно намъ извѣстная.

Въ скоромъ времени 3-й взводъ, во главѣ котораго я былъ, наткнулся на сохранившуюся дождевую лужу. Напоили въ ней лошадей, налили бочата, и когда пустили къ ней верблюдовъ, то лужа на глазахъ стала быстро убывать, какъ будто ее вычерпывали ведрами сотни рукъ.

Около 7 час. впереди на горизонтѣ показалось что то вродѣ могилъ. Киргизскія могилы въ большинствѣ располагаются всегда недалеко отъ колодцевъ. Посланъ разъѣздъ для розысковъ воды, который прислалъ казака съ неутѣшительнымъ для насъ извѣсті-

емъ: это не могилы, а мѣста очень давнихъ зимовокъ.

Въ 10 час. утра, отчаявшись опредѣлить близость колодцевъ, я приказалъ попытать киргизъ, чтобы развязать ихъ языки. Дѣло было сдѣлано, результатъ оказался для насъ очень благопріятный: колодцы были недалеко. Киргизы указали и направленіе къ нимъ. Они вчера были очень удивлены, когда мы съ обыкновеннаго своего курса повернули подъ прямымъ угломъ: до колодцевъ тогда оставалось всего-на-всего 4 версты. Судьба, должно быть, испытывая крѣпость нашего духа, заставила насъ и поплутать.

Рѣшилъ сдѣлать на мѣстѣ «радостной вѣсти» привалъ, съ котораго мы и выступили въ 4 ч. 45 м. дня. Киргизы ѣхали въ головѣ каравана подъ наблюдениемъ. Среднее наше направленіе было на юго-востокъ.

Остановились на ночлегъ съ закатомъ солнца въ какой-то большой, но неглубокой котловинѣ. Ночью отъ небрежнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ одного изъ взводныхъ командировъ и начальника внутренняго караула,—сбѣжалъ киргизъ, взятый Ив. Ив. на колодцѣ Уть-Кунлы.

Глава VIII.

Опять на пути. — Напоминаніе. — Холодно-кровный азіатецъ. — На Кара-Бугазѣ.

27 апрѣля - 10 мая. Въ путь отправились въ 4 ч. 45 м., ранѣе назначеннаго срока на цѣлыхъ 15 мин.: поторапливала всѣхъ жажда. За недосмотръ надъ киргизомъ, гдѣ проявилась свойственная казакамъ халатность, — передъ выступленіемъ разнесъ всю сотню.

Среднее направленіе нашего пути было прямо на востокъ. Въ 6 час. 25 мин. прибыли уже на колодцы. По моему глубочайшему убѣжденію—это были колодцы Кошъ-Кую. Бугоръ съ могилами южнѣе ихъ и дорога, идущая слѣва отъ бугра въ непосредственной

Чтобы отогнать стрѣлявшихъ, я приказалъ части казаковъ сѣсть на лошадей и прогнать этихъ нахаловъ.

близости отъ него, и та вязка, которая получилась при снятіи мною маршрута во время плутанія, когда я отмѣчалъ малѣйшіе изгибы пути,—все заставляетъ меня думать, что это были именно вышеназванные колодцы.

*
* *
*

Работа для меня началась съ самаго прихода на стоянку.

Халатное отношеніе наряда къ своимъ обязанностямъ не могло быть пропущено безъ вниманія. Я собралъ взводныхъ и напомнилъ имъ о всѣхъ обязанностяхъ какъ должностныхъ лицъ по лагерю и табуну, такъ и обязанности внутренняго караула съ дежурнымъ взводомъ. Вотъ тѣ, знакомыя уже каждому изъ насъ инструкціи, но которыя я все же долженъ былъ преподавать.

Наблюденіе за порядкомъ въ табунѣ и на колод-

цахъ лежить на взводномъ командирѣ, который отбываетъ дежурство по табуу и по колодцу.

Наблюденіе за порядкомъ въ табунѣ, главнымъ образомъ, сводилось къ тому, чтобы дневальные не позволяли верблюдамъ далеко расходиться. Какъ я ни бился, этого достигъ никакъ не могъ: верблюды—скотина, какъ извѣстно, очень крупная и требующая много пищи; для того, чтобы напиться, ему необходимо исколесить по степи порядочное пространство. Моя фраза, чтобъ верблюды подгонялись къ идущимъ за ними людямъ, а не люди бы шли искать верблюдовъ, такъ и оставалась фразой.

Командиръ 1-го взвода, обыкновенно, давалъ мнѣ такое объясненіе трудности выполненія моего приказанія:

Верблюды на покормкѣ спутаны; чтобы ихъ подгонять, надо распутывать. Это вызоветъ бѣготню за разбѣжавшимися верблюдами, для прекращенія которой, всё равно, потребуется, кромѣ наряда, и люди изъ сотни. Мнѣ, конечно, приходилось соглашаться, почему я и не настаивалъ особенно на этомъ требованіи. Долгій же розыскъ спутанныхъ верблюдовъ, отбившихся отъ табуна, былъ все же отнесенъ къ нерадѣнію дежурныхъ по табуу.

На обязанности дежурнаго по табуу налагалось наблюденіе за водопоемъ, для чего онъ устанавливалъ очередь взводамъ для пополненія бочать и различныхъ водохранилищъ: чайниковъ, котловъ и пр., определялъ повзводно очередь водопоя лошадей и верблюдовъ, наблюдалъ за тѣмъ, чтобы эти самыя важныя функціи походной жизни производились въ присутствіи взводнаго, люди котораго заняты этой операціей при колодцѣ. Колодцы были глубиной, какъ я уже писалъ, 25—29 саж. Благодаря свойственной нашему брату халатности или работѣ нецѣлымъ взводомъ, въ результатѣ могли получиться ненапоенные верблюды.

Обязанности взводнаго командира состояли: въ наблюденіи за внутреннимъ порядкомъ своего взвода во время похода, на стоянкѣ и при исполненіи сторо-

жевой службы. На колодахъ, когда была очередь его взвода, онъ наблюдаетъ, чтобы за исключеніемъ наряда и людей, оставленныхъ для приготовленія пищи и чая въ артеляхъ, всѣ свободные люди наливали бы воду въ водохранилища, затѣмъ поили бы общими усиліями лошадей, а затѣмъ и верблюдовъ, дѣлясь на смѣны для работы по вытаскиванію ведеръ. Ему надлежало ни въ коемъ случаѣ не допускать, чтобы въ такомъ общемъ дѣлѣ, какъ водопой верблюдовъ и заготовка воды въ водохранилища, каждая артель была предоставлена только самой себѣ. При соблюденіи послѣдняго, не могло имѣть мѣсто, чтобы артели, хотя по составу и большія, но гдѣ мужчинъ было очень мало, надрывались бы отъ непосильной работы при водопой.

Этими инструкціями дѣло мое не ограничилось: приказалъ немедленно расформировать 4-ый взводъ за его малочисленностью, а командира взвода за побѣгъ киргиза, поставилъ подъ команду младшаго начальника.

Порядкомъ на водопой и во время дежурства отличался 2-ой взводъ со своимъ командиромъ войск. ст. И. И. Климовымъ.

* * *

28 апрѣля - 11 мая. Утро съ раннихъ минутъ началось съ непріятности, но благодаря бывшему опыту и преподаннымъ наставленіямъ, дѣло обошлось для отряда благополучно и безъ паники.

Только только стало свѣтать, какъ я былъ разбуженъ близко раздавшимися выстрѣлами. Стрѣляли по насъ съ могильнаго бугра. Дежурный взводъ по приказанію бросился къ кургану. Стрѣльба прекратилась. Я наблюдалъ за людьми и былъ вполне удовлетворенъ, не замѣчая ни суеты, ни криковъ, ни паники. Верблюды философски не пожелали, какъ и въ первый разъ, подняться со своихъ мѣстъ. Бараны, этотъ самый паническій элементъ, были въ видѣ просоленнаго и частью уже прозяпеннаго мяса, которое, какъ извѣстно, чувства самосохраненія не имѣетъ.

Прибывшій съ бугра казакъ должежилъ, что стрѣ-

лявшіе улепетнули, какъ только увидѣли бѣгущихъ на нихъ людей. На бугрѣ оказались только сложенные изъ могильныхъ плитъ бойнищы.

Считая инцидентъ оконченнымъ, я приказалъ людямъ, кромѣ дежурнаго взвода, ложиться спать, и самъ прилегъ, но никто не успѣлъ это выполнить, какъ опять по лагерю, дѣлая недолетъ и перелетая черезъ него рикошетомъ, завизжали пули. Стрѣляли въ насъ не ближе 1½—2 верстъ и, повидимому, неумѣющіе обращаться съ прицѣломъ. Пули ложились съ замѣчательной точностью все въ одномъ и томъ же направленіи и многія прямо въ одно мѣсто.

Чтобы отогнать стрѣлявшихъ, я приказалъ части казаковъ сѣсть на лошадей и прогнать этихъ нахоловъ. Стрѣляли въ насъ съ высоты, лежавшей въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ колодцевъ.

Какъ соколы понеслись казаки, и только горячность, свойственная нашимъ уральцамъ, когда они верхомъ и съ шашками въ рукахъ, помѣшала докончить имъ свое славное дѣло плѣненіемъ киргизъ или ихъ трупами.

Дѣло вышло такъ: стъ разѣзда на хорошихъ лошадяхъ быстро выдѣлились впередъ вахм. Фофановъ, И. В. и съ нимъ два казака. Киргизы, не ожидая такого быстраго появленія казаковъ, моментально бросились къ лошадямъ, вскочили на нихъ, но впопыхахъ оставили одного изъ своихъ товарищей пѣшимъ.

Вахм. Фофановъ, желая захватить оставшагося киргиза живымъ, крикнулъ скакавшимъ за нимъ казакамъ спѣшиться и дѣйствовать, въ случаѣ чего, винтовкой; казаки, разгоряченные близостью врага, не слышали этого приказанія и продолжали нестись за Фофановымъ.

Какъ загнанный волкъ, приготовившійся къ оборонѣ, киргизъ сѣлъ на корточки и, быстро выдвинувъ свою на рожкахъ винтовку и хладнокровно прицѣливаясь, сшибаетъ выстрѣлами одного за другимъ казаковъ, опьяненныхъ уже близкой возможностью рубнуть шашкой.

Это были первые раненые въ нашемъ отрядѣ. Серьезно былъ раненъ изъ нихъ казакъ Павелъ Лифановъ—въ челюсть и въ грудь на вылетъ, другіе два смѣльчака, вахм. Фофановъ и мл. ур. А. В. Точилинъ, хотя и были серьезно ранены въ грудь, но при подходѣ къ Персіи, отправились совсѣмъ уже отъ своихъ ранъ.

Подскакавшіе казаки увидѣли на мѣстѣ боя только раненыхъ, киргизскую тибетейку и кучку патронъ Льюиса къ англійской винтовкѣ. Киргизъ же, быстро сбѣжавъ съ противоположнаго спуска возвышенности, нырнулъ въ ущелье и пропалъ тамъ, какъ ящерица между камнями.

Кто-то изъ казаковъ увѣрялъ, что это былъ тотъ самый киргизъ, который такъ ловко скрылся отъ насъ на предыдущей стоянкѣ. Все можетъ быть. Какъ-то, мѣткій, смѣлый и хладнокровный азіатец! Наше счастье, что стрѣльба на дальней дистанціи по прицѣлу изъ англійской винтовки киргизами не была достигнута,—въ противномъ случаѣ мы не такъ бы легко отдѣлались—тремя ранеными казаками и двумя убитыми верблюдами.

Перевязка раненыхъ замедлила нашъ выходъ съ 5 ч. утра до 6 ч. 25 м., когда караванъ тронулся тремя нитками съ интервалами между собою отъ 300 до 500 шаговъ.

Характеръ мѣстности сталъ мѣняться—уже не было такой глади, какъ раньше. Впереди справа и слѣва—холмы, лощинки; и растительность, какъ бы, пошла побогаче; стали попадаться и тудакі. Къ сожалѣнію, эта растительность и тудакі были на небольшомъ пространствѣ; дальше мѣстность дѣлалась все безжизненнѣе и безжизненнѣе. Черезъ часъ стали встрѣчаться каменистые увалы, или гребни очень невысокіе и овальныя по формѣ.

Такъ какъ почва на востокъ отъ этихъ уваловъ очень рыхла и изрѣзана массой пересѣкающихся во всевозможныхъ направленіяхъ овраговъ, служащихъ стоками для весенней воды, то изъ этихъ уваловъ, въ концѣ концовъ, должны получиться стѣны, а всѣ

эти овражки, соединясь между собою, отъ дѣйствія все той же всесильной воды, образуютъ глубочайшую долину или лощину.

Въ 1 ч. дня на горкѣ вправо завиднѣлись двѣ могилы, но по всѣмъ примѣтамъ, колодцевъ по близости не должно было быть: могилы были случайныя. Минутъ черезъ 30 нашъ караванъ сталъ спускаться куда-то внизъ по овражистому крутому откосу.

При полномъ отсутствіи какой-либо жизни, картина горъ, окружающихъ амфитеатромъ съ трехъ сторонъ равнину, куда мы спустились,—была величественная и суровая. Высокія, мрачныя, мертвыя скалы (обрывы плоскогорія) съ причудливыми бѣловатыми поясами и куполообразными выпуклостями и съ закругленностями у своихъ основаній,—походили въ общей сложности на какое-то чудовищное сооруженіе съ тысячами колоннъ, очень тѣсно расположенныхъ другъ къ другу.

Мы давно уже начали замѣчать, что идемъ по мѣстности, гдѣ нога человѣческая давнымъ давно не была. Попадавшіеся слѣды верблюжьи, бараньи, изрѣдка конскіе, отпечатанные еще тогда, когда здѣсь было сыро отъ дождей или послѣ таянія снѣга, указывали не на постоянное пребываніе здѣсь кочевниковъ, а только на ихъ уходъ отсюда.

Это насъ устраивало: мы шли по нейтральной полосѣ. Такая полоса получилась довольно комично.

Какъ я говорилъ—у киргизъ съ туркменами была война. Наши киргизы съ неудовольствіемъ, вполне понятнымъ, говорили, что теперь туркмены хорошо вооружены, но при этомъ съ гордостью замѣчали, что и у нихъ время не было потеряно зря. И дѣйствительно, обѣ стороны не дремали и разошлись другъ отъ друга. Первыми отошли туркмены отъ налетовъ киргизскихъ шаекъ, которыя, будучи хорошо вооружены, конечно, могли справиться съ плоховооруженными туркменами. Когда же туркмены хорошо вооружились, то киргизы, въ свою очередь, отошли отъ своихъ колодцевъ; такимъ образомъ и получилась нейтральная полоса, въ которую мирно настроенные

какъ киргизы, такъ и туркмены боятся показываться.

Выйдя изъ амфитеатра горъ и пройдя версты 4, въ 6 час. вечера мы остановились на привалъ на мѣстности съ довольно хорошей растительностью.

Увидя здѣсь стайку горныхъ куропатокъ, я рѣшилъ попытать счастья. Отвязалъ съ верёлюда свое охотничье ружье, зарядилъ и сталъ подходить. Птицы оказались въ высшей степени сторожкими,—пришлось выстрѣлить уже въ поднявшихся съ земли шаговъ на 70. Убилъ одну куропатку. Она оказалась немного болѣе дворного голубя. Для ребятъ все же вышелъ отличный супъ, и они, бѣдняжки, полакомились свѣжимъ мясомъ.

Колодцевъ по близости такъ и не могли отыскать: рѣшили двигаться въ прежнемъ направленіи и ночью, для чего выступили въ 8 час. Прошли немного, т. к. версты черезъ двѣ попали въ богатѣйшіе песчаные барханы, и сзади начали раздаваться ежеминутно крикъ: «стой». Было темно; нитки каравана все время разрывались; раненымъ было страшно трудно ѣхать, все время раскачиваясь на телѣжкѣ во всѣ стороны, испытывая при этомъ невозможные толчки; надо было остановиться на ночлегъ. Мы это и сдѣлали. Шли мы хотя и три часа, но прошли отъ мѣста привала никакъ не болѣе 4-5 верстъ.

29 Апрѣля / 12 Мая. Выступили съ мѣста въ 4½ часа. Идемъ почти въ южномъ направленіи, какъ и вчера; изрѣдка дѣлаемъ уклонъ къ востоку, не будучи въ состояніи пробираться прямо черезъ песчаные холмы.

Минуть черезъ 10 нитки каравана вышли изъ холмовъ. Впереди завиднѣлся кряжъ горъ. Черезъ часть перевалили ихъ, но, спустившись совсѣмъ съ нихъ въ долину, остановились: тропинки кончились, и надо было разрѣшить главный вопросъ—въ какую сторону посылать развѣдку для отысканія колодцевъ?

По тому, что я могъ видѣть съ моего мѣста на горѣ, рѣшено было послать конныхъ сначала къ бѣлѣющимъ на сѣверо-востокъ отъ насъ какимъ-то обрывамъ, и, если тамъ ничего не будетъ найдено,

то разъѣздъ, забирая постепенно влѣво, долженъ былъ ѣхать къ виднѣющейся на юго-западѣ кучкѣ правильныхъ желтыхъ сопокъ, возлѣ которыхъ находились могилы.

Въ скоромъ времени я тронулъ караванъ въ направленіи къ сѣверу отъ могилъ.

На склонѣ, по которому мы спускались въ долину, была хорошая, можно сказать, богатая растительность. Здѣсь всѣ много набрали дикаго лука-столь необходимой для насъ приправы. Киргизъ Сарманъ гдѣ-то откопалъ дикую морковку и еще какой-то съѣдобный корень вкусомъ напоминающій сладкій миндаль. Жидкость, выдавливаемая изъ него, была молочнаго цвѣта. Матушка природа для продленія жизни этимъ растеніямъ, облекла ихъ корни довольно прочной, хотя въ это время еще довольно мягкой скорлупой, предохранивъ жизненные органы растеній отъ быстрого высыханія въ землѣ.

* * *

Въ 7 час. 30 м. утра остановились на сѣверъ отъ могилъ приблизительно въ 1¹/₂ верстахъ, чтобы подождать ѣдущаго къ намъ на встрѣчу в. ст. Мизинова.

Если бы въ это ясное, тихое утро ударилъ съ неба громъ или разорвалась бы очередь шрапнели у меня надъ головой, я менѣе былъ бы удивленъ, чѣмъ полученнымъ сообщеніемъ о приходѣ къ берегу Кара-Бугаза.

Чтобъ придти въ себя отъ удивленія и хорошенько оріентироваться, мы цѣлой пачкой, т. е. я, полк. Корнауховъ, ес. Митрясовъ, поѣхали къ берегу. Оказалось, что доѣхать до берега при взятомъ нами направленіи, довольно мудрено. Море было никакъ не менѣе, чѣмъ въ 6-7 верстахъ, и, чтобы добраться до него, надо было преодолевать каменные спуски на террасы, каковыми горы какъ ступенями подходили къ песчаному берегу Кара-Бугаза. Рискнулъ поѣхать къ морю И. Ф. Карамышевъ, но онъ также не доѣхалъ и по приѣздѣ сообщилъ, что и съ послѣдней террасы до моря довольно далеко, никакъ не менѣе 2-3 верстъ.

Посмотрѣвъ со своего мѣста направо и налево, мы рѣшили, что находимся недалеко отъ могилы Кинечъ-Такыръ, которая была видна намъ со всѣми своими шестью.

Такъ какъ по картѣ первые колодцы на берегу Кара-Бугаза были верстахъ въ 6 отъ этихъ могилъ, то я приказалъ каравану трогаться параллельно берегу моря и, пройдя приблизительно такое разстояніе, остановиться. Когда мы подъѣхали къ нему, то уже застали привычную бивуачную жизнь.

Такъ какъ по картѣ первые колодцы на берегу Кара-Бугаза были верстахъ въ 6 отъ этихъ могилъ, то я приказалъ каравану трогаться параллельно берегу моря и, пройдя приблизительно такое разстояніе, остановиться.

Воды не было ни у кого. День становился жаркимъ. Немедленно была послана партія по ближайшему направленію къ морю вмѣстѣ съ киргизомъ Сарманомъ. Не ранѣе, какъ черезъ часъ пришло извѣстіе—колодцы найдены, и мы отъ нихъ въ 4 верстахъ. Отъ колодцевъ до Кара-Бугаза остается верста или полторы. Колодцевъ оказалось 6, они были неглубоки и въ двухъ изъ нихъ вода была очень порядочная.

Я не могъ никакъ выбить изъ своей головы вопроса—какъ мы попали въ Кара-Бугазъ?

Съ колодцевъ Кошъ-Кую мы не шли на юго-юго-востокъ, шли прямо на югъ и даже, иной разъ, придерживались отъ послѣдняго къ западу. Велъ я караванъ, руководствуясь единственно караванными тропами. Другихъ, совпадающихъ въ направленіи съ картой тропъ, не было; рискнуть идти по компасу я не могъ, т. к. отклоненіе влѣво приводило насъ въ пустыню: Это и заставило меня идти по хорошо наби-

Колодцевъ оказалось 6, они были неглубоки и въ двухъ изъ нихъ вода очень порядочная.

тымъ тропинкамъ, хотя направлєніе ихъ и отклонялось отъ должнаго на 20-35 градусовъ. Отъ Кошъ-Кую мы сдѣлали до этой стоянки никакъ не болѣе 40 верстъ (какъ мнѣ тогда казалось). Поэтому, судя по картѣ, до могилы Кинечъ-Такыръ должно было остаться никакъ не менѣе опять такого разстоянія, т. е. 40 верстъ. Я былъ въ страшномъ затрудненіи, на какомъ изъ двухъ предположеній остановиться: колодцы ли, принятые мною за Кошъ-Кую, были не ими, или карта вретъ, опредѣляя разстояніе отъ берега моря до Кошъ-Кую въ 80 верстъ, а не въ сорокъ. Я обвинилъ по человѣческой природѣ карту.

Теперь мнѣ легко разобраться во всемъ этомъ, и я признаю единственнымъ виновникомъ только себя, а карта и 80 верстъ были непогрѣшимы.

Правильно рѣшить для меня эту задачу тогда было физически невозможнымъ. Усталость отъ перехода, большой недостатокъ пищи—дѣлали умственную работу крайне утомительной. Какую сверхпоходную мыслительную энергію могли дать за цѣлыя сутки организму чай съ $\frac{1}{4}$ фун. кумпеша и кусочкомъ мяса въ похлебку, когда и эта жалкая пища въ теченіе многихъ дней выкидывалась переваренной изъ организма по милости воды, въ которой глауберовой соли былъ слишкомъ большой процентъ? Всякія лишнія разсужденія, хотя бы даже на дневкахъ, были для меня крайне утомительны.

Справляясь въ своемъ походномъ блокнотѣ, я могъ узнать тамъ объ измѣненіи направленія, о времени чистаго хода и остановокъ. При такихъ легкихъ, казалось бы, данныхъ для рѣшенія задачи, мною совершенно упускались изъ вида нѣкоторыя обстоятельства, которыя именно и давали разгадку общаго нашего вопроса—какимъ образомъ мы очутились здѣсь?

Что дорога, по которой мы должны были идти отъ Кошъ-Кую, осталась отъ насъ влѣво, мнѣ было понятно,—когда вмѣсто юго-востока мы пошли на югъ, но было совершенно непонятно—какъ мы очутились на берегу Кара-Бугаза, когда до него должно остаться 40 верстъ.

Теперь легко заняться маленькими арифметическими выкладками и соображеніями, что мы и сдѣлаемъ.

Какъ извѣстно, мы выступили съ Кошъ-Кую въ 6 час. 25 мин. утра. До привала, на который остановились въ 6 час. вечера, гдѣ я убилъ куропатку, чистаго хода было 10 часовъ. Верблюды, отдохнувшіе на колодцѣ Кошъ-Кую, пошли въ путь послѣ хорошаго водопоя и дѣлали въ часъ въ среднемъ $5\frac{1}{2}$ верстъ. Въ итогѣ прошли 55 верстъ, а не 40. Ночью по барханамъ прошли 4 версты. Утромъ 29-го до перевала черезъ кряжъ прошли 5 верстъ. До могилы Кинечъ-Такыръ съ перевала было 8 верстъ. Отъ этой могилы до Кара-Бугаза было 7 верстъ.

Эти данныя въ итогѣ даютъ 24 версты, а вмѣстѣ съ 15 верстами ошибки на ходѣ верблюдовъ получается цифра 39.

Почему я уменьшилъ тогда число пройденныхъ караваномъ верстъ и на такую крупную цифру, какъ 15,—объясняю единственно тѣмъ, что свою необыкновенную усталость за этотъ день я невольно переложилъ и на верблюдовъ, опредѣливъ ихъ шагъ только 4-мя верстами въ часъ.

Данныя же, что отъ могилы Кинечъ-Такыръ до моря было 7 верстъ, и отъ нея до нашей утренней установки—8 верстъ были мною совершенно выпущены изъ соображенія.

Читателю можетъ показаться неяснымъ, какъ при возможности такихъ грубыхъ ошибокъ, я могъ рисковать идти куда-то вдаль.

На это отвѣчу такъ — для чего же существуетъ рискъ? А потомъ, чтобы имѣть возможность насколько нибудь сгладить послѣдствія рискованнаго марша, я малѣйшее измѣненіе въ направленіи заносилъ въ свой походный дневничекъ, нисколько не смущаясь заниматься этимъ дѣломъ, сидя на горбу раскачивающагося верблюда. Вернуться въ исходное положеніе для меня никогда не было трудно.

Ошибки происходили исключительно отъ неучета прыткости верблюдовъ. Разъ мы не дошли до колод-

цевъ, какъ извѣстно читателю.—Это произошло только потому, что я въ часъ прибавилъ версту къ верблюжьему ходу. Въ этомъ же случаѣ я убавилъ чуть не полторы версты отъ скорости верблюда.

То обстоятельство, что я отъ физической слабости не могъ принять все во вниманіе,—мною тогда не сознавалось. Я чувствовалъ трудность этой сверхпоходной мозговой работы, но относился къ ней вполне аккуратно, добросовѣстно и былъ въ полной увѣренности, что разсужденія мои совершенно вѣрны.

Впослѣдствіи, когда физическая слабость должна была дойти до максимума, жизненная энергія поддерживалась съ появленіемъ большого количества ориентировочныхъ пунктовъ и возможностью подкрѣплять свое тѣло, когда я былъ на землѣ, а не на верблюдѣ, сномъ безъ всякихъ думъ и заботъ. Энергіи хватало, чтобы вести караванъ и дѣлать замѣтки на походѣ; при остановкахъ же на отдыхъ—изрѣдка позаботиться о несеніи службы, но это производилось все уже машинально, какъ, даже, и управленіе боевыми порядками, когда пришлось воевать съ туркменами. Такимъ, чисто автоматическимъ, человѣкомъ я былъ до взятія колодцевъ 16 мая, гдѣ въ аулахъ организмъ подкрѣпился хорошей пищей и продолжалъ уже и далѣе питаться болѣе сноснымъ образомъ.

30 апрѣля - 13 мая. Дневка. Я и Борисъ Петровичъ рѣшили омыть свои грѣшныя, грязныя тѣла въ водахъ Кара-Бугаза. Мѣсто купанья отстояло отъ нашего расположенія верстахъ въ 5—6, отъ колодцевъ же, изъ которыхъ мы брали воду,—въ верстѣ.

Раздѣлись и принялись выполнять свое дѣло. Отошли отъ берега,—чертъ знаетъ куда, а все было по колѣно. Я предпочелъ остановиться, а Б. П. пошелъ дальше. Вода была значительно теплѣе воздуха: въ это время подулъ холодный сѣверный вѣтеръ. Когда вышли изъ воды, то замѣтили, что тѣла наши покрыты налетомъ соли.

Здѣсь оправдалась пословица: «Возлѣ воды и безъ воды, возлѣ соли и безъ соли», такъ какъ сслѣ

Кара-Бугаза слишкомъ крѣпкая,—не возьмешь въ ротъ.

На возвратномъ пути видѣли много сайгачьихъ слѣдовъ, даже по берегу этого мертваго залива. — Неужели они бѣгаютъ сюда попить этой водицы?

Глава IX.

Отъ Кара-Бугаза до туремонъ.

1-14 мая.

Тронулись въ путь въ 4 ч. 55 м. утра. Для выхода на необходимое направление пришлось идти сначала на востокъ—назадъ, вновь проѣзжать уже знакомыя долины и склоны съ хорошей травой. Вышли на тотъ кряжъ, на который поднимались 29-го и пошли по нему.

Лѣвѣе отъ насъ виднѣлась широкая долина съ синѣющимъ вдали обры-

въ 7 ч. 35 м. начали спускъ. Выдѣлили людей для помощи фурманкамъ, изъ которыхъ вывели верблюдовъ.

вомъ плоскогорія; правѣе—какъ будто бы совершенно гладкій отлогій спускъ къ Кара-Бугазу. При первой возможности спустились въ эту долину и, найдя тропы, соотвѣтствующія нашему пути, пошли по нимъ, слѣдуя долгое время у подошвы кряжа.

Растительность стала сразу скудной. Къ 7 часамъ солнце сильно припекаетъ, верблюды размариваются. Выручаетъ изъ такой бѣды подувшій вѣтерокъ: все вновь подбадривается и невольно прибавляетъ шагъ. Въ скоромъ времени доходимъ до перекрестка тропъ; отходящія влѣво отъ насъ считаются мною за путь на колодцы «Баба-Джасы».

Я, раскачиваясь на верблюдѣ, часто вывѣряю направленіе по компасу и записываю всѣ, подчасъ даже пятиминутныя движенія въ сторону отъ нашего направленія и успокаиваюсь только тогда, когда направление по компасу точно сходится съ направлениемъ тропы.

Идемъ съ остановками минутъ на 15—20 послѣ каждаго двухъ часовъ хода. Кругомъ масса черепахъ, но ни одной птицы, ни одного звѣря. Проходимъ правѣе горы Акъ-Бура; потомъ идутъ еще какія-то четыре отдѣльныя горы, въ промежуткѣ между которыми видѣнъ Кара-Бугазъ. Намъ кажется, что мы единственныя живыя существа въ этомъ уголкѣ земного шара, до того все кругомъ безжизненно.

Вотъ опять вправо появились какія-то отдѣльныя бѣловатыя горы. Отъ нихъ насъ отдѣляютъ глубокія долины. Пересѣкаемъ вновь тропы, идущія съ сѣверо-запада на юго-востокъ,—достаточное количество овраговъ и въ 11 час. 15 мин. останавливаемся на большой привалъ, имѣя чистаго хода къ этому времени ровнехонько 6 часовъ.

На отдыхѣ увидѣли и живое существо, но только не двуногое. Это былъ или волкъ, или собака, но такая же дикая, какъ и ея собратъ, что было видно изъ быстрой работы звѣриныхъ ногъ, уносящихъ ее дальше отъ человѣческихъ глазъ.

Съ привала тронулись въ 16 час. 30 мин. и пошли на юго-востокъ. Въ 17 час. пересѣкли караванъ

ную дорогу, шедшую съ сѣвера на югъ. Перекинулись мѣнѣями относительно нея. По моему—она выходила къ горько-соленымъ родникамъ, находящимся на берегу Кара-Бугаза.

Возможно было, что рядомъ съ ними были теперь и хорошіе колодцы, но я рѣшилъ идти съ караваномъ дальше въ прежнемъ направленіи, отпустивъ только отъ себя желающихъ попытать счастья скорѣе добраться до воды: эти колодцы были ближайшими источниками. Туда поѣхали: ес. Митрясовъ, ес. Коноваловъ, хорунжій Мохначевъ, ур. Тамбовцевъ, и каз. Карпъ Сапогинъ.

Къ 18 часамъ отдѣльныя горы справа кончились, и пошла сплошная цѣпь съ характерными вершинками, у которыхъ южные склоны были болѣе крутые. Въ 20 часовъ, передъ темнотою, остановились на ночлегъ, пройдя, такимъ образомъ, еще три часа.

Мѣстность къ этому времени была такова: та же широчайшая долина, но уже наполнившаяся идущими въ различныхъ направленіяхъ цѣпями холмовъ и холмиковъ. Растительность была побогаче предыдущей: здѣсь и тамъ видны даже рѣдкіе кусты гребенщика—тамариска.

Въ лагерѣ затрещали костры и всѣ артели принялись за скудный ужинъ, готовя къ походу на слѣдующій день для чая въ золѣ костровъ кумпешу. Темень наступила страшная: я едва могъ найти станъ своей семьи, послѣ такихъ же трудностей опредѣленія мѣстъ нахожденія ночныхъ постовъ.

2-15 мая. Выступили въ 4 ч. 45 м. Курсъ—тотъ же. Видъ вокругъ—вчерашній.

Уже около двухъ часовъ раскачиваемся на верблюдахъ. Кругомъ—ничего утѣшительнаго. Вотъ спускаемся въ котловинку, почти совершенно круглую. Передъ нашимъ подходомъ къ ней, увидѣли цѣлое стадо брызнувшихъ оттуда во всѣ стороны сайгаковъ, понесшихся къ виднѣющемуся вдали кряжу горъ. Долго они мелькали въ глазахъ своими бѣлѣющими хвостиками и, наконецъ, скрылись.

Котловина представляла изъ себя степной сазись, но только безъ воды. Тамъ было много гребенщика, пріятно ласкавшаго взоръ своей свѣжей, сочной окраской. Послѣдняя указывала на близость подпочвенной воды, но предпринятые нами розыски ни къ чему не привели, кромѣ опредѣленія влажности даже самой земли у корней гребенщика. Мы были на ямахъ «Копани Сухія».

Въ голову не приходила мысль закусить или попить чаю, истративъ на это оставшуюся воду. Трогаемся дальше. До колодцевъ Туаръ, (помѣченными на картѣ тухлыми) остается отъ этого мѣста не менѣе 15-20 верстъ, и, кто знаетъ, пройдя это разстояніе, — скоро ли мы найдемъ ихъ, да и пригодная ли будетъ тамъ вода для людей?

Мнѣ не приходилось пить тухлую воду, но верблюдовъ разъ пришлось поить подобною дрянью. Это было въ походѣ изъ Гурьева въ Фортъ. Наблюденія, сдѣланныя мною тогда надъ ними, говорили о томъ, что и этимъ животнымъ такая жидкость не по вкусу. Какихъ только гримасъ не дѣлали ихъ симпатичныя мордочки у колодца съ этой водой!

Пройдя 20 верстъ, вошли въ песчаные барханы, знаменующіе для насъ близость воды и разнообразіе для глазъ. Карта, какъ могла это выразить при 40 верстахъ въ дюймѣ, говорила то же самое: вотъ недалеко и кряжъ горъ „Тогусъ-Тюбе“, въ переводѣ на русскій языкъ обозначающее: „девять знатныхъ лицъ“ а у подножья ихъ и колодцы Туаръ.

Солнце немилосердно жжетъ. Пить хочется сильнѣе и сильнѣе. Наряжаю развѣзды во всѣ стороны, посылаю за розысками воды и Сарманку.

Самого же меня хватало теперь опредѣленно только на переходы и сдѣлать сверхъ пройденнаго полверсты — было для меня уже страшно труднымъ дѣломъ. И въ данномъ случаѣ, посмотрѣвъ съ высокаго холма вокругъ для оріентировки, я прилежъ на песочкѣ въ ожиданіи результата развѣдки.

Въ 11 час. 10 мин. получается отъ развѣзда 2-го взвода пріятное извѣстіе: найдено три колодца; въ

двухъ воды достаточно, въ одномъ—маловато. Колодцы недалеко. Съ нашей остановки шли мы до нихъ цѣлый часъ. Изъ растительности на барханахъ видѣнь только одинъ курай.

Здѣсь догнали насъ и отдѣлившіеся вчера. Выслушиваемъ рассказы о ихъ путешествіи. До колодца „Куль-Мугиръ“ они добрались только сегодня рано утромъ; напились водицы и бросились догонять насъ. Это имъ не доставило никакого труда: свѣжіе верблюжьи шляхи, главнымъ же образомъ—колеи отъ нашихъ фурманокъ,—служили хорошими указателями нашего паправленія.

Рѣшеніе ограничиться однимъ только приваломъ на этомъ мѣстѣ пришлось оставить: слишкомъ была заманчива холодная свѣжая вода изъ вновь открытыхъ колодцевъ, да, кромѣ того, требовалась и развѣдка мѣстности для опредѣленія выходовъ черезъ горы. Передъ нами была не пустынная равнина, а мѣстность гористая, гдѣ съ разъ взятаго направленія сворачивать трудно, да и рискованно, и требовалось руководствоваться въ необходимомъ направленіи уже пробитыми тропинками.

Для нахожденія на мѣстности важныхъ для насъ ориентировочныхъ пунктовъ былъ посланъ развѣздъ подъ командой пор. Николая Іосифовича Сидоренко. Н. І. блестяще выполнилъ свою задачу: нашелъ и выходъ съ нашей стоянки на дорогу и тѣ, природные и человѣческими руками созданные предметы, которые указывали бы на правильность нашего пути къ ямѣ „Бульмудзиръ“

3-16 Мая. Выступаемъ съ ночлега съ восходомъ солнца въ 4 ч. 10 м. Проходимъ мусульманское кладбище, расположенное у подножья цѣпи, и начинаемъ подниматься по крутой дорогѣ въ горы Тогусъ-Тюбе.

Этотъ кряжъ оказался первымъ, но не послѣднимъ. Съ него спустились въ долину. Здѣсь растительность была довольно сносная. Увидѣли влѣво и вправо отъ себя вольно пасущихся верблюдовъ, но будучи достаточно снабжены этими кораблями пустыни, и руководствуясь нежеланіемъ приобрѣтать но-

выхъ враговъ въ лицѣ туркменъ,—мы ихъ не тронули и не произвели даже обмѣна.

Шли по тропамъ въ направленіи почти на юго-западъ. Въ скоромъ времени — передъ нами опять цѣпь холмовъ. Поднимаемся и на нее.

Въ 6 час. я, съ подъемомъ на эти бугры, увидѣлъ вправо отъ себя далеко-далеко синеву Кара-Бугазскаго залива, и, съ цѣлью лучшаго ознакомленія съ мѣстностью, взошелъ на гору, находящуюся вправо отъ дороги.

Въ бинокль мнѣ хорошо удалось рассмотреть всю панораму юго-восточнаго угла этого залива. По прямому направленію до Кара-Бугаза было не менѣе 30—35 верстъ;—последнее согласовалось и съ картой. Находящіяся впереди отдѣльныя горы, повидимому большихъ размѣровъ, покрытыя еще утренней дымкой, были сочтены мною—одна за гору «Луй», другая за гору «Курганъ». До первой было никакъ не меньше 30 верстъ, а до второй 40—45. .

Мѣстность вскорѣ стала въ общихъ чертахъ походить на плоскость съ наклономъ къ Кара-Бугазу. Мы, идя на юго-западъ, удалялись отъ этого залива и перерѣзали попадающіеся намъ овраги различной ширины и глубины, которые при нашемъ спускѣ становились все шире и шире, но въ то же время мельче и мельче. Растительность стала хотя и чахлѣе, но разнообразнѣе: попадаютъ какія-то древесныя породы нищенскаго вида, въ числѣ которыхъ былъ и туркестанскій саксаулъ. Влѣво завиднѣлись массой красныхъ и желтыхъ коническихъ шапокъ какія-то горы. Судя по картѣ, онѣ должны быть горами Сары-Бабы.

Къ 11 часамъ я сбился со счета перерѣзанныхъ нами овраговъ;—къ 12,—ко времени остановки на большой привалъ, какъ изъ-за усталости верблюдовъ и людей, такъ и по милости немилосерднаго припеканія солнца, мы уже съѣхали съ этой плоскости. Кара-Бугаза больше не видно, и только широкія русла весеннихъ потоковъ указывали невольно туда, гдѣ онъ скрылся.

Въ 12 час. 10 мин. остановились на большой привалъ въ широкой лощинѣ, свернувъ для этого съ своего пути, въ надеждѣ найти тамъ воду. Признаки воды были на лицо: масса сходящихся къ ней со всѣхъ сторонъ тропинокъ; крутые скаты, окаймляющіе ее съ сѣверной стороны, изобиловали естественными водоемами, и, наконецъ, кусочекъ воздѣланной земли—все указывало на это, но, не смотря на всѣ розыски, вода не была найдена. Людямъ пришлось для чая опоражнивать бочата. Верблюдики наши могли терпѣть еще хотя бы дня два. У меня послѣ растраты воды, бродили мрачныя думы: «А что,—если воду не найдемъ и завтра?»

Поборовъ усталость, я залѣзъ на холмъ, чтобы по обыкновенію осмотрѣться кругомъ. Увидѣлъ здѣсь необыкновенную, всѣхъ цвѣтовъ радуги, ящерицу и долго машинально слѣдилъ за ея движеніями. Теперь никакъ не могу вспомнить расположенія на ней окраски.

Созерцаніе мѣстности не давало ничего утѣшительнаго, хотя гдѣ-то далеко на востокъ, въ горахъ мнѣ почудилось какое-то высокое сооруженіе и возлѣ него даже рощица. Я счелъ это за обманъ зрѣнія.

Въ 17 час. 15 мин. отдалъ приказъ о выступленіи съ привала. Изъ расходящихся вѣеромъ тропъ выбрали идущую въ нашемъ направленіи, и пошли по ней.

Было жарко, шли съ остановками черезъ каждый часъ. Послѣ послѣдней остановки, около 20 час., когда я принялъ рѣшеніе идти хотя бы всю ночь,—караванъ принужденъ послѣ 20—30-минутнаго хода остановиться изъ-за сообщенія о находящемся впереди страшномъ обрывѣ.

Я подхожу къ этому обрыву, чтобы ознакомиться со спускомъ, а потомъ и отдать приказаніе для развѣдки его, какъ донесшійся откуда-то изъ глубины крикъ возвѣщаетъ, что на днѣ яма и полна «Уральной» водой. Что могло быть бодрѣе этого крика!

Караванъ былъ моментально свернутъ въ обычный порядокъ для ночлега; люди понеслись неудѣр-

жимо внизъ; и я, несмотря на нѣтъ въ ногахъ, пошелъ туда-же. Хотя темень была преизрядная, но глаза все же очень хорошо разбирали широкую бѣловатую, пробитую въ теченіе не одного десятка лѣтъ и тысячами ногъ различного скота, дорогу, и провели меня къ этому водоему.

Это была яма въ поперечникѣ не болѣе 5 саж., и повидимому, страшно глубокая и очень умѣло расположенная: весенніе ручейки и дождевые потоки съ крутыхъ, окружающихъ ее скатовъ, а также бѣгушіе и по ущельямъ, не могли всецѣло ее миновать; крутой отвѣсъ скалы прямо надъ нею съ южной стороны не позволяетъ солнцу безжалостно изсушивать накопившуюся тамъ воду.

Вода была дѣйствительно очень и очень хороша. То и дѣло слышались восклицанія: «какъ Уралъ», «какъ каймакъ». Не было сомнѣнія, что это была долгожданная яма „Бульмудзиръ“.

Съ этого мѣста намъ надо было идти безъ дорогъ верстъ 40, чтобы выйти на колодець Кемаль. Вѣрность нанесеннаго по картѣ нашего пути отъ Кара-Бугаза до сихъ мѣстъ вселяла въ меня увѣренность, что, при взятомъ правильно направленіи, можно выйти куда угодно.

Выходъ къ колодцу „Кемаль“ по нанесеннымъ на карту дорогамъ, сначала на западъ къ какому-то памятнику въ узлѣ цѣлыхъ пяти дорогъ, а потомъ вновь на востокъ, уже къ этому колодцу, помимо лишнихъ двухъ-трехъ десятковъ верстъ, приводилъ насъ въ населенную мѣстность и приближалъ къ Красноводску, что пріятнаго ничего не сулило: надо выходить къ „Кемаль“ напрямую. Ложился спать, рѣшивъ съ утра послать конную развѣдку и выступить только къ вечеру.

4-7 Мая. Развѣзду подъ командой хор. Г. С. Коновалова въ 10 ч. утра дается оріентировка по картѣ, и требуется повѣрка этой оріентировки по мѣстности съ одновременной задачей--найти тропы, идущія прямо на югъ или съ малымъ уклоненіемъ отъ него къ западу.

Это была яма въ поперечникѣ не болѣе 5 саж., и повидимому, страшно глубокая и очень умѣло расположенная: весенніе ручейки и дождевые потоки съ крутыхъ, окружающихъ ее скатовъ, а также бѣгущіе и по ущелямъ, не могли всецѣло ее миновать; крутой отвѣсъ отвѣсъ скалы прямо надъ нею съ южной стороны не позволялъ солнцу безжалостно иссушивать накопившую тамъ воду.

Въ ожиданіи результата весь лагерь принялся за свои дѣла: кто стиралъ бѣлье, кто собиралъ дрова, кто уже сидѣлъ за костромъ.

Во мнѣ пробудился охотничій инстинктъ при видѣ массы прилетающихъ къ ямѣ горныхъ куропатокъ. Взялъ свое охотничье ружье и пожелъ попытать счастья. Счастья не было: въ летъ стрѣлять по страшно быстрой птицѣ—не рисковалъ, жалѣя патронъ, сидячая же, пропуская мимо себя верблюдовъ и невооруженныхъ людей, никакъ не хотѣла подпустить меня къ себѣ, несмотря на всѣ мои хитрости. Выстрѣлилъ на предѣльномъ разстояніи по стайкѣ—ни одной не убилъ и, пожалѣвъ свои ноги, пошелъ въ свой станъ попить чаю, закусить кумпешемъ и отлежаться.

Часамъ къ 14 пріѣхала развѣдка. Тропъ въ желаемомъ направленіи не оказалось, но направленіе хребтовъ горъ по картѣ соотвѣтствуетъ мѣстности.

Въ 17 час. покинули это мѣсто съ „уральной“ и „каймачной“ водой. Жаръ спадалъ. Верблюды, въ волю напоенные, шли ходко.

Около 18 час., спустившись въ неглубокую, но широчайшую лощину, я на противоположномъ концѣ ея увидѣлъ какія-то, проектирующіяся на небѣ, какъ будто конныя фигуры. Бинокль тоже не далъ возможности разобрать—кто передъ нами, но зато ясно указалъ на движеніе этихъ фигуръ.

Приказалъ казакамъ имѣть винтовки на готовѣ, а конникамъ—четыремъ человекамъ—ѣхать впередъ и узнать: кто передъ нами. Дозоръ быстро отдѣлился, а я повелъ караванъ влѣдъ за нимъ шагомъ.

Вернувшійся черезъ часъ всадникъ сообщилъ, что то были верблюды. На мой вопросъ: имѣются ли признаки жилья—онъ отвѣтилъ, что никакихъ-кругомъ.

Въ 20 ч. 30 м. при темнотѣ, мы уперлись въ какую-то бездну: внизъ было страшно смотрѣть. Оставалось одно—располагаться на ночлегъ, а утромъ заняться развѣдкой спусковъ. Завиднѣйшіеся гдѣ-то очень далеко назади и вправо отъ насъ костры заставили меня отдать приказаніе не разводить огня.

5 - 18 Мая. Посланная съ ранняго утра развѣдка выяснила, что на дно этой пропасти есть спуски и справа, и слѣва отъ насъ. Начало спусковъ было недалеко. Рѣшилъ спускаться по лѣвому, какъ болѣе широкому, по которому можно было надѣяться благополучно спустить и наши фурманки.

Прямо передъ нами была, воистину, бездна, что-то бездонное. Внизу глубоко былъ туманъ, изъ котораго вырисовывались красныя маленькія шапочки, оказавшіяся на самомъ дѣлѣ вершинами довольно высокихъ холмовъ.

Впередъ съ данными указаніями на счетъ дальнѣйшаго пути поѣхали И. И. Климовъ и ес. Митрясовъ съ нѣсколькими казаками. Имъ входило въ обязанность, кромѣ развѣдки мѣстности, и успокоеніе жителей завиднѣвшихся черными точечками кибитокъ.

Съ утра было прохладно и хотѣлось, чтобы это продолжалось какъ можно дольше. Въ 6½ ч. караванъ тронулся къ спуску. Широкая дорога, съ раскиданными по ней большими камнями и довольно глубокими проходами между глыбами,—показывала на работу пироксилиномъ.

Карта у меня по времени была стараго изданія и спусковъ на ней этихъ не помѣчено. Къ сожалѣнію, какъ я ни разыскивалъ годъ выхода ея на свѣтъ Божій, не могъ этого сдѣлать. Заключилъ объ ея старости только по тому, что Средне-Азіатская дорога начинается на ней не съ Красноводска, а съ „Узунъ-Ада“. Про Узунъ-Ада старые уральцы, ѣздившіе на службу въ Туркестанъ, сложили поговорку: „Узунъ-Ада, кругомъ вода, а пить нечего“. Такимъ образомъ, открытая нами дорога оказывалась моложе карты,—насколько—вопросъ для меня и сейчасъ неразрѣшимый.

Въ 7 ч. 35 м. начали спускъ. Выдѣлили людей для помощи фурманкамъ, изъ которыхъ повыпрягли верблюдовъ. Спускъ имѣлъ семь извилинъ, и конецъ его былъ чуть-чуть лѣвѣе начала.

Спустившись впередъ, я наблюдалъ всю картину движенія каравана внизъ. Вотъ проходятъ на большой

высотѣ по зигзагообразнымъ карнизамъ, короткими обрывками, верблюды; за ними маленькіе люди суетятся около длинныхъ маленькихъ предметовъ—тележекъ; въ промежутки между ними мелькаютъ совсѣмъ уже маленькія точки, старающіяся обогнать всѣхъ, запрудившихъ имъ дорогу, за ними опять верблюды и опять повозки.

Въ скоромъ времени подошли ко мнѣ и мои ребята въ однихъ чулочкахъ, т. к. обувь вся уже у нихъ потрепалась, а доканать имъ ее, видимо, не хотѣлось. Вотъ вижу и вполне различаю свою жену съ младшей дочкой на рукахъ и бабушку. Да, не легко имъ, бѣднымъ, обходилось желаніе дѣлать со мной участъ!

Къ 8 ч. 15 мин. караванъ закончилъ свой спускъ. Передохнувши, пошли по тропинкѣ между красными холмами.

Дьявольски красивый видъ былъ на покинутые обрывы плоскогорія. Изъ какихъ только цвѣтовъ не состояли пласты его земли: и красный, и желтый, и бѣлый. И сами кручи были необыкновенно величественны, когда смотрѣли на нихъ снизу.

По выходѣ изъ холмовъ, подъѣзжаетъ ко мнѣ казакъ изъ разъѣзда И. И. Климова, и дѣлаетъ мнѣ комплиментъ своимъ вопросомъ: какъ я могъ такъ точно указать имъ путь?

— Какъ Вы говорили, надо ѣхать,—такъ оно и вышло!—заканчиваетъ онъ свое удивленіе.

Свертываемъ въ скоромъ времени налѣво и видимъ чудо: зеленѣющія площадки земли съ земляными хибарками и пугалами отъ пернатыхъ враговъ.

Не даромъ зеленый цвѣтъ служитъ символомъ надежды: душой овладѣла бодрость и увѣренность въ благополучномъ концѣ, хотя впереди и невозможно было предвидѣть и малой части всѣхъ, готовящихся намъ, сюрпризовъ. Я даже разговаривался, что уже со мною давнымъ давно не случалось.

Видно было, что жители этого оазиса возвращались въ свои мѣста.

— Посылка Ив. Ив. была своевременна,—дѣлюсь я съ кѣмъ-то изъ подъѣхавшихъ ко мнѣ,—и, повиди-

Свертываемъ въ скоромъ времени налѣво и видимъ чудо-зеленѣющія площадки земли съ земляными хибарками и пугалами отъ пернатыхъ враговъ.

тому, ему удалось убѣдить туркменъ въ нашемъ миролюбіи.

Какъ бы въ доказательство моихъ словъ, мимо насъ прогоняютъ стада барановъ съ идущими впереди козлами. Пастухи мальчики боятся на насъ смотрѣть и дѣлаютъ видъ, что не замѣчаютъ проѣзжающаго каравана. По всей вѣроятности, не только у одного меня посасывало въ желудкѣ при видѣ такихъ безобидныхъ животныхъ, но у всѣхъ внѣшне это состояніе ничѣмъ не выражалось.

Наблюдая за происходящей здѣсь жизнью, какъ то незамѣтно мы подъехали къ большимъ песчанымъ буграмъ. Переваливаемъ ихъ,—и вновь неожиданность: вправо отъ насъ десятка полтора-два чистыхъ большихъ туркменскихъ кибитокъ, влѣво—рядъ колодцевъ.

Съ колодцевъ мимо насъ ведутъ подъ кошменными попонами высокихъ, статныхъ лошадей. Оставшійся около колодца, въ огромной папахѣ, въ красивомъ красномъ халатѣ статный туркменъ пропускаетъ насъ мимо себя своими черными глазами.

Выѣхавшій отъ одной изъ кибитокъ И. И. Климовъ ведетъ караванъ на специально отведенное ему мѣсто въ барханахъ со знакомымъ уже намъ кураемъ и гребенщикомъ. Располагаемся бивуакомъ. Я разрѣшилъ однѣмъ только женщинамъ сходить въ аулы и закупить по возможности необходимое всѣмъ, кто только дастъ на это денегъ. Для сопровожденія себя они могли взять не больше одного—двухъ казаковъ.

Черезъ часъ жизнь въ лагерѣ кипѣла ключемъ. Повсюду въ немъ видно туркменокъ въ красныхъ, на подобіе платья, рубашкахъ, съ открытыми лицами, довольно стройныхъ, и разумѣется, болѣе красивыхъ, чѣмъ киргизскія женщины.

Подсѣвши къ моему стану туркменъ предлагаетъ совершить обмѣнъ. Я достаю призовые жетоны серебряный портсигаръ, и предлагаю все за одного барана. Туркменъ качаетъ головой, но все же смотритъ ихъ, а потомъ возвращаетъ и, указывая на мое офицерское пальто, говоритъ, что на это можно бы обмѣнять одного барана, а тѣхъ пустяковъ ему и даромъ не надо.

Мысль, что семьѣ придется ѣсть запыленные, провалявшіеся куски баранины, рѣзанной 18 апрѣля, заставила было меня отдать свое пальто за одного барана, но жена помѣшала мнѣ сдѣлать это и со словами: „Вотъ еще, что выдумалъ“,—спрятала пальто куда то дальше отъ моихъ глазъ.

—Ты что, Владиміръ задумалъ?—вновь слышу я отъ нея,—какъ можно продавать свою послѣднюю вещь?

Я что то рѣзко отвѣчаю и ухожу въ лагерное расположеніе, чтобы не выдать происходящее у меня на душѣ.

Благодареніе Богу, имъ за что то удалось намѣнять круту и еще какихъ то молочныхъ продуктовъ,

а за серебро вольноопр. Болдырева купить даже и барашка. Лично я питался при случаѣ кониной и верблюжатиной, но семьѣ, какъ говорится, дѣлать этого не позволяла совѣсть.

Въ скоромъ времени я былъ приглашенъ въ гости къ какимъ то туркменамъ; у которыхъ сидѣлъ въ это время для выясненія дальнѣйшаго нашего пути и Ив. Ив.

Прифрантившись на сколько возможно, чтобы не дать азіатамъ составить представленіе о всѣхъ трудностяхъ для меня похода, перекинувъ черезъ плечо свою, постоянно чистенькую, винтовку, пошелъ туда въ сопровожденіи присланнаго за мной казака.

Кто былъ тамъ, кромѣ И. И. — не помню. Въ скоромъ времени оказалось, что И. И. необходимо было ѣхать куда то вправо за проводниками. Попили чайку, закусили лошадкой, поблагодарили хозяина и вышли. Было 13 часовъ.

Пользуясь оставшимися двумя часами до отхода, я рѣшилъ заснуть. Засыпая, я все старался себѣ уяснить, какъ мы могли пройти незамѣтно мимо какихъ то конныхъ туркменскихъ массъ, выставленныхъ ими противъ адаевцевъ. Удивлялись этому и здѣшніе туркмены, злобно посматривая на нашего киргиза Сармана, частенько продѣлывая на своемъ горлѣ, на глазахъ у него, характерный жестъ. Сарманъ, какъ испуганный вороненокъ, старается жаться ближе къ казакамъ.

Глава X.

У мирныхъ туркменъ. — Рѣка Оксусъ-Узбой (бывшее русло Аму-Дарьи) — Аэропланъ.

Въ 15 ч. 30 м. выступили съ этой стоянки, питая надежду, что и въ слѣдующихъ аулахъ встрѣтимъ такое же гостепріимство и доброжелательность.

Влѣво находился огромный соръ. Высокіе обрывы плоскогорья, съ которыхъ мы спустились, идутъ отъ насъ въ пологорота налѣво къ востоку. Идемъ зарослями „чагыла“ — особый видъ гребенщика.

Въ своемъ походномъ блокъ-ногѣ имѣю такую замѣтку о чагыль:—это растеніе, которое все время мѣшается мною съ саксауломъ. Изъ этихъ зарослей случайно выгнаны были два зайца. Раздались улюлюканія, замѣчанія, показавшія мнѣ бодрое настроеніе каравана,

Тропинка ведетъ насъ по берегу сора. Справа — барханчики, изъ которыхъ иные имѣютъ форму правильного конуса.

Я думаю о томъ, что, можетъ быть, Богъ дастъ, удастся расположить въ свою пользу и слѣдующихъ туркменъ, и Б. П. Митрясовъ съ И. И. Климовымъ, помимо этой задачи, сумѣютъ раздобыться и табачкомъ.

Въ дорогѣ отъ туркмена узнаю новое названіе горамъ „Сары-Бабы“: они именуются туземцами „Акъ Кыръ“, соръ же — „Бокъ-Дукъ-Соръ“. На моей картѣ, при вѣрномъ нанесеніи дороги отъ колодцевъ „Кемаль“ до колодцевъ „Алты-Куясы“, этого сора нѣтъ.

Остановились на ночлегъ по командѣ „стой“, поданной мною въ 21 ч. 30 м.

Какъ было видно по бѣлизнѣ влѣво, соръ продолжалъ еще тянуться.

6-19 Мая. Проснулись очень рано. Линіи обрыва уже не видно, она пропала вдаль. Въ 4 ч. 40 м. пошли въ походъ. Къ колодцамъ „Алты-Куясы“ подошли въ 6 ч. 5 м. Видимъ туркменскія кибитки, которыхъ я насчиталъ 31 и опять красавцевъ туркменъ въ живописно одѣтыхъ халатахъ, съ орлиными носами и пронизывающимъ взглядомъ черныхъ глазъ.

Почти одновременно съ нами подѣхалъ сюда съ развѣздомъ и Ив. Ив. При немъ былъ туркменъ, хорошо гозорящій по русски, Привезъ онъ массу полезныхъ, но не утѣшительныхъ свѣдѣній.

Наши, не разъ высказываемыя, предположенія о невозможности для туркменъ не признать совѣтской власти, оказались правильными. Туркмены признали власть большевиковъ; у нихъ введены и совѣты.

Желѣзная дорога, по выраженію туркменъ, охраняется „шушерой“, т. е. большевики отовсюду стягиваютъ войска къ Афганистану. Посты на границѣ съ Персіей, повидимому, есть, и контрабандисты существуютъ. Последнее туркменомъ было сказано для того, чтобы показать о возможности пронырнуть въ Персію. Дальнѣйшія сообщенія туркмена нагоняютъ туманъ въ учетѣ обстановки. По ихъ словамъ выходитъ: посты, какъ съ русской стороны, такъ и съ персидской, состоятъ изъ туркменъ.

Къ чему тогда они говорятъ о контрабандистахъ? — думаю я. Выходило, что съ русской и персидской сторонъ, государственные интересы защищаются одними туркменами. Ни черта я здѣсь не понималъ, кромѣ одного, что надо быть очень осторожнымъ и на русской и на персидской территоріи.

Пока мы занимались разговорами, лагерь зажилъ своею жизнью. Туркмены нанесли баранины, кислаго молока, крута и саръ-су.

Черезъ казака я былъ снова приглашенъ Ив. Ивановичемъ къ какому-то туркмену на совѣщаніе. Дѣлать нечего, пошелъ туда и въ такомъ же нарядѣ, какъ и въ прошлый разъ.

Вхожу въ кибитку. Вдали у стѣнки сидитъ Ив. Ив., П. А. Фадѣевъ и еще кто-то изъ казаковъ. Рядомъ съ ними сидятъ туркмены. Всѣ попиваютъ чай съ кишмишемъ. Вверху, надъ головой Ив. Ив., виситъ туркменскій „кльчъ“ — шашка, обратившая мое особое вниманіе и оказавшаяся очень хорошей. Навстрѣчу мнѣ поднимается хозяинъ, здороваётся, беретъ отъ меня скинутую съ плеча винтовку, ловко и быстро вынимаетъ патроны изъ магазинной коробки и ставитъ ее около того мѣста, гдѣ я долженъ сѣсть.

Начали говорить, говорили долго, но что-бы я вынесъ что нибудь определенное, не сказалъ бы. Туркмены увѣряли, что совѣтъ у нихъ только для видимости, и доказывали о невозможности быть имъ по складу большевиками. Разговаривавшіе съ нами были богаты и не вѣрить имъ не было основанія, тѣмъ болѣе, что они считали долгомъ остерегать насъ отъ

общенія съ тѣми изъ своей же братіи, почему либо входившими въ кибитку, гдѣ мы сидѣли, которые были, по ихъ мнѣнію, ненадежны, но вмѣстѣ съ этимъ чувствоавлось, что они говоря съ нами такимъ образомъ, кого-то побаивались, конечно, большевиковъ и заранѣе придумывали для себя выходъ и оправданіе.

Ни однимъ поступкомъ, ни однимъ словомъ эти туркмены не запятнали святости гостепріимства. Люди отряда вели себя также въ высшей степени сдержанно. Чувствовалось, что туркменами оцѣнивается и наша нетребовательность и то, что мы дрались съ киргизами, ихъ врагами, и жили взятымъ только отъ адаевцевъ. Объ этомъ имъ, можетъ быть, краснорѣчивѣе нашихъ словъ говорила порода отрядныхъ верблюдовъ, совершенно различная отъ туркменской, болѣе плотная и солидная.

Отъ этихъ хозяевъ узнали, что у желѣзной дороги и за ней живутъ туркмены, не такъ хорошо расположенные къ русскимъ. Они предупреждали насъ быть съ ними осторожными.

Послѣ общаго разговора, я договорился съ хозяиномъ объ обмѣнѣ оставляемой мною здѣсь фурманки на арканы, кошмы, т. е. опредѣленно уже рѣшилъ посадить свою семью верхами на верблюдовъ: имѣть здѣсь въ барханахъ что-либо колесное — значило остаться безъ верблюдовъ.

Несмотря на все гостепріимство, уѣхавшій изъ этого аула куда-то верхомъ на хорошемъ конѣ одинъ изъ туркменовъ, заставляеть меня отдать приказаніе по отряду о выходѣ къ вечеру дальше.

Помѣтка моя въ блокъ-нотѣ, что «къ 18 часамъ все еще не можемъ выѣхать» указываетъ на принятіе мною мѣръ къ ускоренію выхода. Долго возились съ погрузкой моего семейства на верблюдовъ, хотя помогали въ этомъ дѣлѣ и туркмены. Жена и бабушка вытерпѣли отъ меня не мало обидъ. Да простятъ онѣ мнѣ грубыя возраженія на ихъ заявленія о невозможности ѣхать верхомъ: не съ легкимъ сердцемъ я это дѣлалъ.

Табачкомъ меня здѣсь снабдилъ Ив. Ив., и я, потягивая дымокъ, былъ гарантированъ отъ послѣдствій мрачныхъ мыслей, навѣянныхъ всѣми разговорами съ туркменами. Большое, очень большое спасибо всѣмъ, снабжавшимъ меня этимъ зельемъ, начиная съ Кон. Л. Корноухова, и кончая казаками. Своего фортовскаго табачишки у меня хватило всего-навсего дней на 10—12, но я, спасибо имъ еще разъ, ни въ трудныя минуты горя, похода, ни на отдыхахъ не страдалъ отъ недостатка въ куревѣ.

* * *

Выступить удалось въ 18 ч. 45 м. Съ нами были проводники, добытые Ив. Ив. Климовымъ и Б. П. Митрясовымъ. Проводниковъ нашихъ дернула нелегкая вести караванъ по прямому курсу на востокъ, благодаря чему къ 12 час. ночи, при абсолютной темнотѣ, залѣзли во какія-то кручи песчаныхъ бархановъ и потеряли достаточно времени для выхода на обходную дорогу. Дорога колесила до невозможности, поворачивая иной разъ и на сѣверъ.

7-20 мая. Шли всю ночь и въ 4 ч. 40 м. остановились на отдыхъ. Влѣво, на востокъ, разстилалась, куда только хваталъ глазъ, песчаная равнина; вправо — барханы, а за барханами какія-то горы.

Въ 7 час. пошли опять впередъ и въ 8 ч. 40 м. остановились на большой привалъ; было время кормежки верблюдовъ. Покормка ихъ до наступленія солнечнаго припека имѣетъ большое значеніе: лучше удѣлить для этого часть до жары, чѣмъ 3—4 часа во время нея.

Съ большого привала, благодаря прохладному дню, выступили въ 15 час. До направленія на юго-востокъ нехватало 10—15 градусовъ. Шли барханами, то поднимаясь и спускаясь, то идя между ними. Остановились на передышку въ 19 час.

Въ 19 ч. 15 м. тронулись. Проѣхали мимо пасущихся въ барханахъ верблюдовъ и барановъ. Тѣхъ и другихъ было очень много. Поругалъ дежурнаго по каравану за частыя остановки и за отрываніе хвостовъ нитокъ.

Солнце было близко къ закату, когда я остановилъ караванъ, приказавъ покормить скотину въ рукахъ. Самъ же съ проводникомъ пошелъ впередъ: мы встали передъ какимъ-то очень широкимъ соромъ, лежащимъ довольно глубоко между барханами. Барханы на той сторонѣ были значительно ниже, чѣмъ на этой. Ширина этого сора, по моему опредѣленію, была $2\frac{1}{2}$ версты, а длина—всѣ $3\frac{1}{2}$ —4.

Съ этого мѣста была выслана развѣдка для розыска колодцевъ, которые, по заявленію проводника, были гдѣ-то здѣсь, по близости; при этомъ онъ указалъ рукой на соръ и на тотъ берегъ. Не дождавшись результатовъ развѣдки, изъ опасеній спускаться съ крутыхъ и высокихъ бархановъ при темнотѣ, мы спустились на соръ въ скоромъ времени послѣ отъѣзда развѣзда, и принялись колесить по нему, то на западъ, то на югъ, обходя топкія мѣста. Замотали верблюдовъ, и, не найдя колодцевъ, остановились на ночлегъ на какомъ-то сыроватомъ, но чистомъ и совершенно голомъ мѣстѣ.

Ив. Ив., поѣхавшій съ развѣздомъ, пріѣхалъ къ намъ одинъ. Пока казаки разыскивали колодцы, онъ былъ въ близлежащемъ отъ насъ аулѣ и теперь дѣлился съ нами неособенно пріятными новостями.

Туркмены здѣсь, по его словамъ, всецѣло на сторонѣ большевиковъ, недѣлающихъ имъ пока никакого зла. Какой-то туркмень, по рожѣ видно—прохвость, расхваливалъ при Ив. Ив. всѣ совѣтскіе порядки. Ив. Ивановичу, волей-неволей, пришлось прикинуться большевикомъ. Въ этой же кибиткѣ онъ отъ туркменъ узнаетъ, что недалеко отсюда развѣзжаютъ комиссары.

Помнится, не успѣли смолкнуть его послѣднія слова, какъ я приказалъ людямъ осторожно держаться съ туркменами и не ввязываться въ разговоры и, конечно, величать другъ друга не иначе, какъ «товарищами». Это было сдѣлано во время, т. к. къ намъ подходилъ какой-то туркмень. По кивку головы Ив.

Ивановича, я заключилъ, что это и былъ тотъ самый прохвость.

Сія бестія подходитъ къ компаніи, здороваается со всѣми за руку, величая насъ товарищами. Ив. Ив. вызываетъ этого молодца на разговоръ. Притворившись очень довольными отъ его сообщеній, мы стараемся выпытать всѣ необходимыя для насъ свѣдѣнія о станціяхъ желѣзной дороги. Это, по правдѣ сказать, намъ совершенно не удастся. Мы только могли узнать отъ него, что по желѣзной дорогѣ—«не жизнь, а мясленница».—Напримѣръ, на ст. Казанджикъ можно все купить и вволю: хлѣба, барановъ, кишмиша; этихъ продуктовъ тамъ цѣлыя горы; населеніе блаженствуетъ и не знаетъ, какъ благодарить г.г. кра-ныхъ.

Много онъ несъ различной чепухи. Хорошо было, что темнота скрывала женщинъ, и онъ, не видя состава отряда, воображалъ, что передъ нимъ, дѣйствительно, отрядъ красныхъ, пріѣхавшій сюда съ какой-то неизвѣстной ему цѣлью. Пора была уже ложиться спать; ему деликатно намекнули объ этомъ, а также и о томъ, что въ расположеніи лагеря никому постороннему быть нельзя. Онъ отвѣтилъ, что о порядкахъ знаетъ и удалился.

Остановка наша, какъ оказалось, была на одномъ изъ старыхъ руселъ Аму-Дарьи, которое называется «Узбой» или «Окусъ».

8-21 мая. Выступили съ ночлега въ 4 ч. 20 м. и пошли опять между барханами, ежеминутно мѣняя направление вплоть до движенія назадъ и часто попадая на старое русло съ сохранившейся водой. Но какая это была вода!—въ ротъ нельзя взять: одинъ горько-соленый растворъ.

Хорошо что мы имѣли проводника, и я неособенно мучился, считая только необходимымъ заносить всѣ направленія, по которымъ идемъ, но уже мало безпокоясь о томъ, что можемъ заплутаться или пасть, чертъ знаетъ, куда.

Проводникъ оправдалъ наши надежды, и въ 7 ч. 10 м. мы были въ полутора—двухъ верстахъ отъ ко-

лодца Топіятанъ. Къ виднѣвшимся между песчаными барханами кибиткамъ пошелъ самъ проводникъ предупредить жителей о томъ, что идутъ хорошіе люди и никого не трогаютъ. Мы воспользовались этой остановкой для того, чтобы подтянуться, иначе говоря, дать возможность подъѣхать къ каравану почему-либо отставшимъ.

Въ 8 ч. 15 м. проходимъ колодцы Топіятанъ и озеро того же наименованія. На берегу я замѣтилъ нѣсколько закрытій съ амбразурами, направленными на озеро. Это указывало, что и здѣсь среди туркменъ есть заядлые охотники за дичью. Утокъ во время нашего проѣзда было мало, да и тѣ сидѣли посрединѣ озера.

Въ 9 час., пройдя зигзагами между высокими, песчаными холмами, покрытыми очень недурной растительностью, съ пасущимися на ней ишаками, останавливаемся на большой привалѣ.

Расположились станами въ очень живописной мѣстности въ холмахъ, подъ какими-то большими кустами неизвѣстной породы. Похлебали какой-то джурмы изъ муки и джугары на бараньемъ салѣцѣ, неособенно свѣжемъ, попили чаю съ кумпешами, послѣ чего кто пошелъ на близлежащіе колодцы наливать бочата, мыть бѣлье, а кто и прилегъ спать; въ числѣ послѣднихъ былъ и я.

Свѣдѣніями о близлежащихъ колодцахъ подѣлился со мной в. о. Болдыревъ: лежатъ они на одномъ изъ пройденныхъ нами руселъ; недалеко отъ нихъ находящаяся вольная вода—одна горечь, а вода въ колодцахъ, въ полутора—двухъ аршинахъ отъ поверхности сора—великолѣпна.

Въ 15 час. выступили въ надеждѣ, что верблюды хорошо попаслись и набрались силы. Денекъ выдался прохладный съ дождичкомъ. Опять тѣ же барханы, то же лавированіе между ними.

Необычайно прозрачная вода озеръ, отражавшая какъ холмы, такъ и всѣ деревья, ласкала глазъ и своей чистотой и яркой зеленою камыша. Склоны холмовъ, проходимыхъ нами, покрыты сокорникомъ,

Необычайно прозрачная вода озеръ, отражавшая какъ холмы, такъ и в
деревья, ласкала глазъ и своей чистотой и яркой зеленью камыша. Скл
ны холмовъ, проходимыхъ нами, покрыты сокорнякомъ, гребенщикомъ
мѣстами, какъ будто, даже и березками и еще какой-то, неизвестно
мнѣ, древесной породой.

гребенщикомъ, мѣстами, какъ будто, даже и березками и еще какой-то, неизвѣстной мнѣ, древесной породой.

Хорошо было бы сюда пріѣзжать для отдыха отъ повседневныхъ мирныхъ трудовъ. Спасали же эти мѣста отъ такихъ набѣговъ, надо полагать, не маленькія разстоянія отъ всѣхъ культурныхъ центровъ и, должно быть, полная неизвѣстность о нихъ.

Съ колодца «Тохлу», гдѣ была остановка на 15 мин., мы тронулись въ 16 час. Минуть черезъ 20 увидѣли массу ауловъ. Пріостанавливаемся, пьемъ любезно предлагаемое вышедшимъ навстрѣчу намъ туркменами кислое молоко; узнаемъ, что только вчера отсюда выѣхалъ какой-то комиссаръ; дѣлаемъ видъ, что его — то именно намъ и надо, и стараемся узнать направленіе этого господина. Это намъ удается, и мы получили опредѣленное указаніе, что комиссаръ находится въ сторонѣ отъ нашего движенія и занятъ описью скота. Подъѣзжающимъ ко мнѣ казакамъ я говорю «товарищи»; они мнѣ отвѣчаютъ также, и только одинъ изъ нашихъ старичковъ, отвѣчая на какой-то мой вопросъ, срывается и во всю глотку заканчиваетъ свою фразу «Вашимъ Превосходительствомъ». Туркмены, повидимому, не обратили на это никакого вниманія.

Здѣсь удалось всѣмъ, а главное—даромъ, поподчивать желудки молочными издѣліями.

Чтобъ прекратить стоянку, приказываю двигаться дальше. Все та же красота, та же вертлявость дороги.

Озабоченный наблюденіемъ за мѣстностью и поведеніемъ проводниковъ,—я не могъ ни разу посмотреть на свою, посаженную на верблюдовъ, семью и только зналъ, что Олега и Милушу везли казаки, а Вѣруша ѣхала съ матерью; бабушка тоже возсѣдала на верблюдѣ.

Лишніе вопросы, каковыми я считалъ почти всѣ, не относящіеся къ дорогѣ, ко времени, порядку въ караванѣ и къ наблюденіямъ,—вызывали съ моей стороны рѣзкіе отвѣты, отражавшіеся особенно тяжело на близкихъ мнѣ людяхъ. Теперь, когда я вспо-

минаю это, мнѣ дѣлается больно, но могъ ли я быть другимъ? Не хочу оправдывать себя, но все же скажу: другимъ быть при создавшихся условіяхъ не могъ.

Въ 18 час. начали переправляться черезъ какой-то арыкъ, густо засаженный по берегамъ деревьями. Съ трудомъ удалось переправить черезъ него верблюдовъ: не идутъ въ воду, напуганные трясинами на сорахъ, да и шабашъ. Послѣ арыка стали подниматься на какую-то высокую гору по широкой дорогѣ, обсаженной деревцами съ повѣшенными на нихъ блестящими бѣлыми черепами животныхъ. Поднявшись, долго ожидали подхода оторвавшихся и задержавшихся на арыкахъ. Въ 21 ч. 30 м. остановились на ночлегъ. Кромѣ проводниковъ, въ караванъ былъ еще какой-то старикъ туркменъ, поѣхавшій съ нами, какъ со своими полутчиками, отъ одного изъ встрѣтившихся за день ауловъ.

Въ скоромъ времени запылали костры, бросая высоко пламя. Нашъ проводникъ, старичокъ, шедшій на своихъ на двоихъ большую часть пути отъ колодцевъ Алты-Куясы, какъ будто не чувствовалъ никакой усталости. Достаточно было бы кому-нибудь пошутить и сказать: въ пяти, шести верстахъ оставлена лошадь или верблюдъ,—онъ полетѣлъ бы туда, чтобы ее таврить. Оставляемые нами въ пути отъ переутомленія лошади и верблюды служили по условіямъ платной проводникамъ за трудъ, кромѣ, разумѣется, обѣданныхъ винтовокъ.

* * *

9-22 Мая. Выступили въ 4 ч. 30 м. мѣстность все та же, но нѣтъ уже озеръ и нашихъ породъ деревьевъ. Черезъ два часа сдѣлали передышку на 30 мин., а въ 7 опять тронулись. Не прошелъ и часъ, какъ пришлось вновь остановиться среди высокихъ холмовъ. Я отошелъ отъ каравана, чтобы подняться повыше на какую нибудь песчаную сопку и осмотрѣться кругомъ.

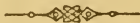
Вдругъ мой слухъ поразилъ какъ будто бы знакомый шумъ аэроплана. Я невольно посмотрѣлъ на небо, но ничего не замѣтилъ. Шумъ повторился ря-

домъ со мной; смотрю—и вижу огромнаго жука-навозника, жужжаніе котораго не отличишь отъ шума пропеллера аэроплана, летящаго, конечно, очень далеко. Бѣдному жуку отъ меня попало одно-другое крѣпкое словцо. Но что такое? — Слышу въ караванѣ: «снять винтовки и подѣ верблюдовъ». Команда была подана голосомъ ес. Б. П. Митрясова, который за командой дѣлаетъ распоряженіе—«части людей вооруженныхъ выходить къ нему».

Спѣшу вернуться назадъ и узнать—въ чемъ дѣло. Оказывается, дѣйствительно, пролеталъ аэропланъ верстахъ въ 3-4 отъ насъ, покрутился надъ кибитками и улетѣлъ обратно на западъ. Приказаніе—«подѣ верблюдовъ»—было вызвано желаніемъ не выдать себя какъ числомъ людей, такъ и блескомъ оружія, выводъ же части людей подѣ закрытіе кустарника вызывался необходимостью, въ случаѣ назойливой провѣрки аэропланомъ нашего каравана, спустить его на землю.

Распоряженія эти были въ высшей степени своевременны и, быть можетъ, именно благодаря имъ, аэропланъ, принявъ нашихъ верблюдовъ за пасущихся туркменскихъ, направился отъ кибитокъ къ линіи ж. д. и скоро скрылся изъ нашихъ глазъ. Всѣ легко вздохнули.

Былъ ли это обычный очередной полетъ, или полетъ, вызванный нашимъ появленіемъ въ этихъ краяхъ по слухамъ отъ туркменъ, или прямо по расчету времени?—для насъ и сейчасъ загадка.

Глава XI.

Передъ желѣзной дорогой. — На вартѣ—бѣлое пятно, на мѣстности—горы. — Съ проводникомъ черезъ нихъ.

Въ 8 час. утра мы тронулись въ путь къ ямамъ Капланлы, куда и прибыли черезъ часъ.

И. И. Климовъ отъ нихъ поѣхалъ впередъ къ югу для осмотра мѣстности и розыска болѣе скрытой для

насъ стоянки, по возможности, ближе къ южной границѣ холмовъ. Главная же цѣль его поѣздки была найти проводника черезъ ж. д. и далѣе.

На моей картѣ на югъ отъ ж. д.—совершенно не заполненное никакими топографическими знаками бѣлое пятно, шириной, примѣрно, 120 вер. и столько же въ длину.

Пріѣхавшій скоро отъ И. И. казакъ объявилъ, что скрытое мѣсто найдено; оно лежитъ въ высокихъ барханахъ, послѣднихъ на нашемъ пути; впереди къ ж. д. идетъ уже совершенно гладкая степь. Недалеко отъ него имѣется двѣ-три ямы съ водою.

Продвинулись на указанное мѣсто и остановились вблизи ауловъ. Рядомъ съ нами пасутся стада козъ. У пастуховъ—длиннѣйшіе волосы, которымъ позавидовалъ бы и самъ Авессаломъ. Мнѣнія о прерогативѣ—кому носить такіе волосы—раздѣлились: одни казаки говорили, что это—отличіе первенцевъ у туркменъ, и носить космы почетно, другіе увѣряли, что сія волосатость отрачивается для хватанія за нее провинившагося пастушенка. Рѣшить кто былъ правъ изъ нихъ тогда—было некогда, а теперь—трудно; вопросъ остался открытымъ.

Прибылъ и самъ И. И. недовольный и разстроенный: проводниковъ не находится. Третьяго дня здѣсь былъ комиссаръ изъ Казанджика. Туркменъ трудновато убѣждать въ принадлежности насъ къ большевикамъ. Изъ ихъ словъ ясно выходитъ одно, что, если бы была пропускная бумага отъ казанджикскаго комиссара, то они дали бы проводника, указали бы путь и т. д.

— Я ихъ увѣряю,—говорить Ив. Ив.,—что мы ожидаемъ человѣка со станціи, но здѣсь ждать его намъ нѣтъ времени и невозможно. Этотъ человѣкъ долженъ будетъ насъ догнать въ пути. Они въ отвѣтъ мнѣ на это только качали сомнительно головой.

Ввиду такого положенія, я распорядился, чтобъ казаки зорко слѣдили за туркменами въ кибиткахъ и наблюдали за каждымъ ихъ шагомъ—не попытался бы кто-нибудь изъ жителей удрать къ станціи. Но, пови-

димому, у туркменъ не было никакого желанія немедленно доносить краснымъ о насъ, и имѣлась на лицо одна боязнь: какъ бы не помочь неизвѣстнымъ людямъ и не нажить себѣ непріятностей отъ комиссаровъ.

Разставленные часовые наблюдаютъ равнину вплоть до ж. д. съ виднѣющейся водокачкой на ст. Узунсу. Дальше, за ж. д. синѣютъ высокія горы. До станціи 25 верстъ, до горъ отсюда—всѣ 40 или 50.

„Переходъ немалый“,—мелькаетъ у меня въ головѣ и передается другимъ, находящимся рядомъ. Меня удручаетъ бѣлое пятно на картѣ, совершенно безъ всякихъ дорогъ, и неимѣніе проводника. Будь одни мужчины—дѣло одно, но женщины и дѣти заставляютъ безсильно опускаться руки.

Неужели всемогущій Богъ, позволившій, по своей милости, дойти намъ сюда, бросить насъ? Неужели надо было вытерпѣть столько мученій лишь для того,

Пріѣхавшій скоро отъ И. И. казакъ объявилъ, что скрытое мѣсто найдено; оно лежитъ въ высокихъ барханахъ, послѣднихъ на нашемъ пути; впереди къ ж. д. идетъ уже совершенно гладкая степь. Недалеко отъ него имѣется двѣ-три ямы съ водою.

чтобы попасть, какъ рыба въ сѣть? Безотрадно было на душѣ, но, посмотрѣвъ кругомъ и увидѣвъ вокругъ себя сосредоточенные взгляды и печально задумавшіяся лица, какъ-то невольно, по простому, вслухъ разрѣшаю судьбу всѣхъ насъ словами: „А Богъ-то на что?“ Успокаиваюсь разомъ и самъ; принимаю веселый-видъ и вижу, что на людей это подѣйствовало въ благопріятную сторону.

Я вслухъ высказываю, что ранѣе темноты движеніе начинать нельзя и, приказавъ еще зорче смотрѣть, иду искать себѣ мѣстечка, чтобы вздремнуть и дать возможность усохшимъ мышцамъ передохнуть и быть готовыми къ переходу.

Сонъ меня подкрѣпилъ, а неустойчивый Ив. Ив. влилъ энергію и надежду въ наши сердца сообщеніемъ, что ему удалось подыскать молодого туркмена, который можетъ насъ провести не только черезъ ж. д., но и на югъ черезъ горы. Плату за это туркменъ беретъ малую: винтовку и лошадь. Бывшій нашъ проводникъ, туркменъ старичокъ, отказавшійся раньше идти съ нами, теперь пріосанился и сказалъ, что онъ также насъ не броситъ и пойдетъ съ нами хоть до «Атрека».

Настроеніе становилось веселѣе, бодрѣе, и почувствовался голодъ: поспѣшили заморить червяка.

Жара наступила страшная и заставила кого-то вспомнить, что съ этого времени въ старину занятія въ казенныхъ учрежденіяхъ были только до 9 ч. съ 6 ч. утра, а потомъ съ 18 и, помнится, до 21 часа.

Выступили въ 19 ч. 50 м., когда уже было темно. Пошли тремъ нитками на сближенныхъ интервалахъ. Часть людей была заранѣе подготовлена для занятія съ боемъ участка ж. д., необходимаго для нашего прохода.

Ночной духоты не чувствовалось. Верблюды, какъ бы понимая огромное значеніе тишины при выполненіи этого марша, ступаютъ совершенно неслышно и не издаютъ вполнѣ законныхъ для себя глубокихъ вздоховъ. Никто не рѣшается, хотя бы закрывшись

чѣмъ-нибудь, сдѣлать затяжку табачкомъ. Время кажется безумно долгимъ.

24 часа (12 час. ночи). Хорошо видѣнъ вправо станціонный фонарь, но до него далеко. Кругомъ поразительная тишина. Проводникъ что-то шепчетъ Ив. Ивановичу. И. И. спрыгиваетъ съ верблюда, и всѣ назначенные люди, продѣлывая то же самое, идутъ за нимъ выполнять свою задачу.

Я остаюсь при караванѣ съ Конст. Иллар. и Борисомъ Петр. Работа наша должна свестись къ принятію мѣръ противъ могущей возникнуть паники среди оставшихся въ караванѣ, изъ которыхъ очень многіе теперь имѣли по два верблюда.

Двигаемся дальше. Тишина. Вотъ мелькнулъ какой-то длинный предметъ, оказавшійся телеграфнымъ столбомъ съ очень большимъ количествомъ параллельныхъ проволокъ. Кто-то предлагаетъ оборвать провода.

— Не надо!—говорю я на это.

И вдругъ, совершенно неожиданно, натываемся на рельсы. Насыпи никакой не замѣтно. Думая, что и впереди будетъ также гладко, мы смѣло идемъ черезъ колею ж. д. и тутъ же останавливаемся: передъ нами глубокой оврагъ. Верблюды наполнили пространство между рельсами. Потерялся абсолютно всякій порядокъ.

— Безобразіе!—говорю я Конст. Илл. и слѣзаю со своего верблюда, чтобы самому лично осмотрѣть оврагъ. Ко мнѣ подбѣгаетъ казакъ изъ партіи, посланной Ив. Ив. для осмотра оврага и сообщаетъ, что его можно пройти, а гдѣ — онъ сейчасъ покажетъ.

Люди съ верблюдами перемѣшались. Невозможность отдачи громко приказаній заставляетъ всѣхъ грехъ летать по людямъ и шепотомъ указывать—куда идти. Бѣгу къ указанному казакомъ мѣсту—больше одного верблюда, и то съ принятіемъ многихъ мѣръ предосторожности, проводить здѣсь нельзя. До разсвѣта остается какихъ-нибудь полтора часа.

Часть людей съ верблюдами заставляю перепра-

вляться тамъ, гдѣ указалъ казакъ; немного наблюдаю за этимъ дѣломъ и бѣгу къ оставшимся, которые, оказывается, рискнули идти напрямикъ и проводятъ это на дѣлѣ по необычайно крутымъ, узкимъ тропинкамъ, съ прыжками верблюдовъ на днѣ оврага черезъ водоемину, шириною, приблизительно, въ аршинъ или полтора. Нѣкоторые верблюды падаютъ, но чтобы хоть одинъ изъ нихъ заоралъ своимъ дурнымъ голосомъ, какъ это всегда бываетъ съ ними при паденіи и, особенно, при подъемѣ на ноги,—я не слыхалъ. Какъ будто настроеніе людей всецѣло передалось и животнымъ: они спѣшатъ, падаютъ, срываются съ тропъ, но соблюдаютъ полнѣйшую тишину.

Наконецъ переправились. Бѣгу къ своей семьѣ узнать—благополучно ли? Благодареніе Богу, все сошло великолѣпно. Они переправлялись черезъ оврагъ, даже не слѣзая съ верблюдовъ.

*
* *
*

10 - 23 мая. Подошедшій ко мнѣ вахмистръ докладываетъ, что одного верблюда не удастся поднять, но черезъ 3—4 минуты прибѣжавшій казакъ, заставшій насъ, меня и командировъ взводовъ, за восстановленіемъ порядка для дальнѣйшаго движенія, сообщаетъ, что и этотъ верблюдъ поднялся.

На востокѣ начало свѣтлѣть. Двинутыя въ путь животныя, все такъ же безъ крика, быстро отмѣриваютъ огромные шаги своими жилистыми ногами. Идетъ подъемъ въ горы. Проходимъ аулы; слышимъ лай собакъ. Видно, онѣ насъ почуяли, но еще не замѣчаютъ.

Мы не далеко отъ ущелья, куда должны войти, какъ сквозь утреннюю дымку можно было уже различать постройки на ст. Узунсу. Еще двѣ--три минуты, и мы втягиваемся въ ущелье.

Дорога, идущая по ущельямъ, большею частью очень узкимъ, болѣе извилиста, нежели бывшія тропы въ барханахъ.

Жизни въ горахъ—никакой. Единственный разъ я видѣлъ горную козу, похожую станомъ на нашего сайгака, но цвѣтомъ совершенно сѣрую, перебѣжав-

шую намъ дорогу и полнымъ махомъ забравшуюся почти на отвѣсную гору. Постоявъ немного на гребнѣ горы, какъ будто желая сказать: «вотъ какова я», она быстро исчезла изъ нашихъ глазъ.

Съ малыми остановками, необходимыми только для подтягиванія отрывающихся, мы лѣземъ все выше и выше, потомъ идемъ долинами, но такими же безжизненными, какъ и мѣстность до нихъ.

Попытки записывать всѣ наши направленія не приводятъ ни къ чему: до того часто они мѣняются. Въ блокъ-нотѣ встрѣчается сначала помѣтка: «Придется, пожалуй, довѣриться проводнику», но за ней все же идутъ указанія на направленіе; потомъ и этого нѣтъ, и остаются записи лишь времени хода и остановокъ, оканчивающіяся помѣткой: «7 час. утра. Ст. Узунсу, по опредѣленію проводника, находится отъ насъ на сѣверъ въ 10 верстахъ».

При подъемѣ на одну очень крутую гору, видимъ, какъ впереди шедшій казакъ катится вмѣстѣ съ верблюдомъ внизъ вправо по очень крутому склону. У подошвы эта масса останавливается. Казакъ благополучно поднимается, но верблюдъ этого продѣлать не можетъ. Оказалось, что такой быстрый и несомѣлимъ обыкновенный спускъ въ нежелательномъ направленіи постигъ одного изъ нашихъ стариковъ.

Я спустился внизъ для предупрежденія, чтобы всѣ слѣзали при подъемѣ съ верблюдовъ. Вотъ проходятъ мимо меня и ребятишки, взбираясь на крутизну босыми ногами. Женѣ и бабушкѣ помогаютъ при подъемѣ казаки.

Въ 11 часовъ останавливаемся на большой привалѣ. Мѣсто нашей стоянки представляетъ изъ себя огромнѣйшую глубокую котловину, образованную крутыми, очень высокими, какъ бы сплошь каменными стѣнами, со всевозможными поверху зубцами различной величины. Трава здѣсь внизу кое-какая имѣлась. Верблюды разбрелись, но большинство изъ нихъ черезъ полчаса легли. Жара наступила невозможная, воды у меня въ артели оставался одинъ чайникъ, и та береглась большей своей частью для дѣтей.

Всѣ подѣлали, кто изъ чего могъ, себѣ навѣсы для тѣни.

Проводникъ находится при И. И. Климовѣ, какъ при знающемъ отлично киргизскій языкъ и теперь, благодаря частымъ разъѣздамъ, научившимся понимать туркменскій и передавать туркменамъ наши пожеланія.

Около 15 часовъ ко мнѣ подходитъ Ив. Ив. и говорить:

— Надо трогаться, Вл. Серг., — проводникъ. настаиваетъ.

— Слишкомъ жарко, да и переходище сдѣланъ, чертъ знаетъ, какой. Нельзя ли попозднѣе?—отвѣчаю я.

— Я объ этомъ ему тоже говорилъ, но онъ пугаетъ крутымъ высокимъ подъемомъ, который необходимо взять засвѣтло, и общаетъ привести къ колодцамъ, правда, не съ очень важной, но все же съ водой.

— Быть по его!—гсворю я,—и по лагерю несется команда: «выучить верблюдовъ».

Выступаемъ въ 15 час. 30 м. и, пройдя версту, начинаемъ куда-то подниматься. Вотъ вылѣзли изъ своей котловины, заворачиваемъ за скалу и лѣземъ опять вверхъ. Крутизна подъема превышаетъ предыдущую, но обходится безъ жертвъ.

Часамъ къ 19 остановились на ночлегъ въ долинкѣ. Слѣва были кручи, справа—пологія горы. Колодецъ оказался отъ насъ верстахъ въ двухъ. Казаки пошли туда съ бочатами и скоро принесли воду. Она была непрѣсная и съ легкимъ душкомъ, но все же могла дать намъ нѣкоторую прохладу во внутрь и возможность сварить какую-нибудь кашу изъ джугары.

На бивуакѣ закипѣла обычная жизнь: кто продолжаетъ варить, кто сварилъ, поѣлъ и ложился спать; кому въ охраненіе—отправляются на указанныя мѣста; любители поговорить сидятъ у огоньковъ.

Все было тихо, мирно. Вдругъ слѣва, съ высоты, по лагерю раздаются три выстрѣла, эхомъ прокатившіеся по долинѣ и заставившіе разомъ всѣхъ под-

няться на ноги. Приказаніе: «тушить костры», т. к. по нимъ стрѣляютъ, моментально выполняется. Быстро выдвигается дежурный взводъ и бросается на выстрѣлы. Настала вновь молчаливая тишина. Нападавшіе, должно быть, были ошеломлены сами, вмѣсто насъ, и поспѣшили скрыться, услыша приближающіеся къ себѣ въ тишинѣ шаги.

11-24 мая. Какъ только разсвѣло, я послалъ на возвышенность, откуда стрѣляли, казаковъ, дабы они по какимъ либо признакамъ опредѣлили—кто по насъ стрѣлялъ.

Посланные скоро вернулись съ докладомъ, что никакихъ слѣдовъ для опредѣленія стрѣлявшихъ не нашли. По всей вѣроятности, стрѣляли туркмены. Мнѣ вспомнилось предостереженіе туркменъ на колодцѣ «Алты-Куясы» о томъ, что ихъ братья по линіи ж. д. и далѣе—народъ неособенно хорошій, и надо быть съ ними осторожными.

Выступили въ 7 час. 40 мин. Скоро наступила невозможная жара. Солоноватая и тухловатая вода высасывается до послѣдней капли изъ бочать, но нисколько не утоляетъ жажду.

Съ восхищеніемъ и большой завистью смотрю на нашего проводника, съ легкостью козы вбѣгавшаго то на гору вправо, то опять же бѣгомъ — на гору слѣва. Благодаря хорошему знакомству съ мѣстностью, онъ сокращалъ намъ дорогу, правда, иногда по рискованнымъ, идущимъ на большой высотѣ, узкимъ тропинкамъ, и не смущался крутыми спусками и подъемами, иначе говоря, велъ насъ настоящимъ контрабанднымъ путемъ.

Около двѣнадцати часовъ становилось невыносимо отъ жары. Я, какъ и многіе другіе, взялъ себѣ въ ротъ камешекъ и, переваливая его отъ щеки къ щека, тщетно старался вызвать слюну. Проводникъ засыпается ежесекундно одними и тѣми же вопросами: скоро ли вода, близко ли колодцы? Онъ утвердительно ничего не говоритъ, а указываетъ только мѣста, до которыхъ мы должны дойти, и старается идти впереди каравана.

Наконецъ, онъ заявляетъ, что вода близко. Въ это время мы подъѣзжали къ какому-то оврагу. Проводникъ побѣждалъ куда-то вправо къ виднѣвшемуся обрыву, но скоро вернулся и сообщилъ, что воды нѣтъ.

Прошли еще немного, и я, выбравъ мѣсто въ скалистой долигѣ, останавливаю караванъ на привалѣ. Какъ сонные, люди развѣючиваютъ верблюдовъ и располагаются подъ всевозможныя искусственныя закрытія отъ немилосердныхъ лучей солнца. Невеселая, мрачная была эта остановка.

Выбравъ какое-то убѣжище подъ камнемъ, я отправился туда, чтобы быть дальше отъ семьи и не подвергнуть ее лишній разъ грубости или рѣзкости, т. к. былъ почти взбѣшенъ нетактичнымъ вопросомъ одного командира взвода: «почему именно здѣсь остановились, когда проводникъ обѣщалъ скоро воду?»

Придя въ себя, я позвалъ проводника и съ помощью Ив. Ив. добиваемся—о какой водѣ онъ говорилъ сотнѣ?

Оказывается, онъ говорилъ въ сотнѣ, когда уже остановились, о колодцахъ, которые должны быть отсюда недалеко.

Не знаю, чѣмъ объяснить его молчаніе, когда я выбиралъ мѣсто здѣсь, и сообщеніе, когда мы уже совсѣмъ расположились переждать жару. Какъ я думаю,—у него сначала была мысль не вспугнуть туркменъ около колодцевъ и вести насъ другой дорогой, но когда онъ увидѣлъ,—какъ мы изнываемъ отъ жажды и вполне понялъ возможность самостоятельнаго съ нашей стороны поиска воды, рѣшилъ сказать правду.

Нельзя было удержать людей, ринувшихся за водой и бросившихся для этой цѣли за бочатами, но скоро порядокъ былъ все же восстановленъ: въ аулы поѣхало опредѣленное число людей съ бочатами и съ полученнымъ приказаніемъ, чтобы часть изъ нихъ съ водой выѣхала навстрѣчу каравану.

Неутомимый Ив. Ив. ѣхалъ также къ туркменамъ съ дипломатической миссіей: отыскать проводниковъ

далѣе, узнать обстановку и, главнымъ образомъ, втереть очки относительно насъ и цѣли нашего движенія.

Караванъ тронулся черезъ часъ. Проѣхали полверсты, обогнули скалу и передъ нами на широкой долинь чѣмъ-то засѣянные квадратныя площадки со всевозможными видами пугалъ отъ птицъ. Проѣзжаемъ еще немного, и насъ встрѣчаютъ туркмены, рядомъ съ которыми находятся ишаки съ огромными бурдюками воды. Они любезно предлагаютъ пить, но просятъ за это деньги. Я проѣзжаю, не обращая на нихъ никакого вниманія, но чувствую, что сзади идетъ чуть ли не драка. Фактъ взиманія денегъ за воду меня коробитъ, т. к. несимпатично характеризуетъ туркменъ. Вотъ показались и наши казаки съ бочатами. Я выпиваю чашку и проѣзжаю.

Наконецъ, на песчаной площадкѣ между горами завиднѣлись колодцы и кибитки. Верблюды чуть не рысью идутъ къ нимъ. Бѣдныя животныя съ вечера 19 при страшно большихъ переходахъ и такой же жарѣ не видѣли ни капли этой влаги. Они постились уже ровнехонько двое сутокъ.

Я останавливаюсь около какого-то колодца. Верблюды мой уперся въ колоду и поглощаетъ съ жадностью воду. Я, стоя около него, не отстаю въ этомъ дѣлѣ и уже почти утолилъ жажду, какъ слышу крикъ: «Ваше Превосходительство, здѣсь вода плохая, для скотины, пожалуйста къ этому колодцу!» Иду, пью расхваленную воду; вода холодная, чистая. Пью съ жадностью до боли въ желудкѣ, указавшей мнѣ, что пора остановиться.

Какъ мнѣ казалось, семья моя выдерживала жажду значительно легче, а дѣти такъ прямо хорошо. Правда, для нихъ жена и бабушка всегда придерживали воду въ чайникѣ, отказывая въ ней себѣ. Вообще же долженъ сказать, что женщины были значительно терпѣливѣе нашего брата. Объясняется ли это меньшей подвижностью ихъ сравнительно съ нами или еще чѣмъ нибудь другимъ—не знаю.

Напившись, что называется, до отказа водой, я

получаю приглашеніе отъ туркмена, у котораго сидѣлъ Ив. Ив. Приказавъ предварительно вести караванъ на указанное туркменами мѣсто, я пошелъ въ гости. Опять традиціонный чай. Выпилъ стаканъ и чувствую, что больше уже въ желудокъ не пойдетъ.

Хозяинъ туркменъ все время предлагалъ въ качествѣ одного изъ проводниковъ своего сына или брата, упирая на то, что надо двухъ проводниковъ. Мотивомъ этому, какъ я помню, у туркмена выставлялась возможность меньшей опасности для двухъ, а съ нашимъ старикомъ и для трехъ при обратномъ возвращеніи ихъ съ Атрека. Я и Ив. Ив. согласились, поднялись со своихъ мѣстъ и отправились къ нашимъ, на бивуакъ. Туркменъ вслѣдъ намъ просилъ еще разъ зайти къ нему, чтобы онъ могъ насъ угостить, какъ гостей.

Я настолько усталъ, что, придя на мѣсто и посмотрѣвъ вокругъ—гдѣ и какъ расположились казаки, рѣшилъ заснуть и проспать до слѣдующаго утра. И. И. отъ «немного заснуть» не отказывался, но и сходить къ туркмену считалъ для себя обязательнымъ. Я ему посовѣтовалъ взять съ собою, на всякій случай, два-три казака, которые, въ случаѣ неявки его обратно, могли бы служить проводниками для необходимой поддержки.

Насъ расположили въ какомъ-то ущельи, гдѣ не было замѣтно никакой травы. «Скоты», подумалъ я про этихъ туркменъ. Поразмысливъ же о томъ, что скотинѣ послѣ такихъ переходовъ и бывшаго послѣ нихъ обильнѣйшаго водопоя болѣе всего нуженъ отдыхъ, чѣмъ кормъ, и чувствуя это на себѣ, рѣшилъ никуда каравана не переводить, а быть здѣсь.

У меня хватило силъ найти кошечку, разстелить ее и лечь, но заснуть долго не могъ, по всей вѣроятности, отъ переутомленія. Наступила уже ночь. Я слышалъ, какъ И. И. съ компаніей собирался къ туркмену, потомъ ихъ шаги по мелкому щебню; почувствовалъ прохладу ночи, чѣмъ-то закрылся и больше ничего не помню: сонъ взялъ свое.

12 - 25 Мая. Утромъ лагерь проснулся поздно, т. к. вчера еще было вѣсѣмъ извѣстно, что выступимъ не ранѣе обѣда. Это вызывалось съ нашей стороны желаніемъ дать скотинѣ по холодку, до жары, пощипать чахлый кормъ, найденный въ этомъ ущельѣ. Жарой же рѣшено мучиться при движеніи.

Въ лагерь прибыли туркмены и начался обычный обмѣнъ. Одному изъ подхорунжихъ удалось на что-то вымѣнять красиваго жеребца туркменской породы.

Нашему старику проводнику преподнесли отъ отряда винтовку, и, если память не ошибается, то и лошадку. Молодому туркмену, который провелъ насъ сюда отъ ямы Капланлы, тоже дана винтовка и предоставленъ выборъ одного изъ сохранившихся у насъ киргизскихъ степнячковъ.

Выступили въ самый жаръ въ 14 час. Вновь пошли горами, долами, ущельями. Встрѣчались на площадкахъ, полянкахъ или котловинкахъ глиняныя кормушки.

Къ вечеру встрѣтили косячокъ головъ 8-10 туркменскихъ коней. Мнѣ особенно врѣзался въ память передовой красавецъ, гнѣдой жеребецъ. Дорого бы я далъ въ прежнее время за такого конька, но едва ли бы могъ его купить.

Попавшіеся еще раза два табунки показывали на близость жилья, но туркмены проводники, вѣроятно, твердо рѣшили вести насъ мимо ауловъ. Остановились на ночлегъ въ 23 часа у какихъ-то колодцевъ. Кругомъ не было никакого корма.

13 - 26 Мая. Выступили въ 5 ч. утра, желая дойти до корма, что намъ и удалось къ 6 часамъ.

Время выступленія приходится связывать теперь съ мѣстомъ нахожденія подножнаго корма, для чего мы и вытягиваемъ необходимыя для этого свѣдѣнія отъ проводниковъ. Выступили съ привала въ 16 час. 45 м. На кормъ пришли въ 19 и остановились здѣсь на ночлегъ; мѣсто его—ущелье, но кормъ—богатый.

Спуски къ броду очень круты; подъемъ тоже не изъ легкихъ, но дѣлать нечего, — и мы начинаемъ переправляться, подталкивая сзади болѣе трусливыхъ верблюдовъ.

Глава XII.

Опять на равнинѣ. — У разбойниковъ. — Подготовка къ неожиданностямъ. — Первый бой. — Ночь подъ обстрѣломъ. — Переговоры.

14-27 Мая. Выступили въ 5 час. 15 мин. и шли опять до кормовъ, на каковыя и пришли въ 8 ч. 20 м.

Проводники объявили, что сегодня мы должны быть на рѣкѣ „Сумбаръ“. Чтобы прибыть на нее до наступленія темноты, мы выступаемъ въ 13 час.

Дѣлаемъ послѣдніе перевалы и спуски, замѣтно становящіеся все ниже и ниже; проѣзжаемъ какіе-то аулы, изъ которыхъ выѣзжаютъ три всадника, слѣдовавшіе сначала съ нами, а потомъ выѣхавшіе впередъ.

На гребняхъ довол о высокихъ холмовъ лежатъ туркменскіе верблюды, вытянувъ свои длинныя шеи

по землѣ, и наслаждаются тянувшимъ здѣсь свѣжимъ вѣтеркомъ.

Но вотъ холмы дѣлаются все меньше и меньше и, наконецъ, мы выѣзжаемъ на огромную равнину, съ виднѣющимися передъ нами аулами, расположенными въ длинный рядъ по теченію рѣки. Влѣво отъ насъ горы съ бѣлѣющимися снѣжными вершинами, вправо — степь безъ границъ, съ уходящей вдаль на западъ линіей кибитокъ. На картѣ это мѣсто помѣчено лѣтвойкой туркменъ Акъ-Атабайцевъ.

Про горы влѣво и туркменъ живущихъ тамъ проводники рассказывали невѣроятное: какъ горы, такъ и туркмены, русскими не были покорены. Туркмены сохранили вполнѣ самобытность и до сей поры все такіе же разбойники, какими были всегда.

Теперь мнѣ ясно, что туркмены-проводники съ извѣстной цѣлью валили со своихъ больныхъ головъ на здоровыя. Сопоставляя, опять же теперь, этотъ рассказъ туркменъ со слышаннымъ отъ полк. Андріевскаго, оставившаго отрядъ 17 Апрѣля, я ясно рисую себѣ причины нашего выхода значительно западнѣе того мѣста, куда мнѣ хотѣлось.

По рассказамъ Андріевскаго, именно за этими, должно быть, горами, обитаетъ племя туркменъ-земледѣльцевъ—гокланъ, народа трудолюбиваго, гостепріимнаго и живущаго вполнѣ осѣдло. Про Акъ-Атабайцевъ же онъ говорилъ, какъ про извѣстныхъ воровъ, разбойниковъ, грабителей.

Тогда же я вполнѣ былъ увѣренъ, подъ напѣвы проводниковъ, что мы именно попадаемъ къ гокланамъ, а разбойничьи племена, какъ представлялось мнѣ, живутъ по обѣ стороны этихъ земледѣльцевъ: съ запада—Акъ-Атабайцы, а съ востока тѣ, еще не покоренные, про которыхъ говорили проводники. По картѣ съ масштабомъ 40 вер. въ дм., съ нанесенными однѣми дорогами, да надписями названій горъ, ни длину, ни ширину, ни характера горныхъ цѣпей не опредѣлишь, но мнѣ надо благодарить судьбу, что и такую-то карту удалось прихватить изъ Форта.

Сумбаръ впереди!—много это говорить, а главное, означаетъ, что нѣтъ и не будетъ больше жажды. Какъ все было далеко отъ истины!

Приказавъ идти тремя параллельными нитками и выславъ впередъ И. И., я двигаюсь въ головѣ средняго ряда верблюдовъ.

Было 6 ч. 45 м., когда нашъ отрядъ достигъ рѣки Сумбара и кибитокъ, около которыхъ и остановились въ ожиданіи возвращенія И. И. съ проводниками изъ аула.

* * *

Намъ всѣмъ бросается въ глаза назойливое, напращивающее на хорошій ударъ кулакомъ или прикладомъ отношеніе подростковъ туркменъ: они съ нахальными лицами лѣзутъ прямо къ винтовкамъ, и, конечно, каждымъ изъ насъ деликатно отстраняются, послѣ чего отходятъ съ злымъ выраженіемъ и съ ругательствами.

Скоро приходитъ и И. И. съ сообщеніемъ, что дѣло не клеится: туркмены обѣщаютъ дать проводниковъ не сегодня, а завтра, да еще хотятъ передъ этимъ какъ слѣдуетъ обсудить этотъ вопросъ и т. д.

Ожидать результатовъ ихъ размышлений я предпочитаю на другой сторонѣ Сумбара, для чего и отдаю приказаніе о переправѣ съ праваго берега на лѣвый. Верблюды одинъ за дру-

гимъ зашагали по крутому спуску къ броду, который находился прямо передъ нами.

Эти мерзавцы туркмены съ цѣлью не даютъ намъ возможности подкормить верблюдовъ, опредѣливъ для нашей остановки совершенно голую площадку, находящуюся непосредственно у воды. Дѣлать нечего, остановились на ней.

Многіе, соблазняясь проточной, хотя и мутной, водой, пользуются возможностью выкупаться,

Верблюды были вволю напоены, но съ пустыми желудками. Жалко было смотрѣть на эту необыкновенно выносливую, молчаливую, сдѣлавшуюся намъ уже друзьями по несчастью, скотину. Съ какимъ-то философскимъ видомъ, они изрѣдка проведутъ нижней челюстью по верхней и тутъ же останавливаютъ это движеніе, неодумѣвающе смотря своими прекрасными, большими, черными глазами.

Въ лагерѣ начали потрескивать огоньки, въ артеляхъ принялись за чай и выпечку кумпешей. Я, перехвативъ черствый, оставшійся дѣтскій отъ предыдущей выпечки кусочекъ этого, первобытнымъ способомъ испеченнаго, хлѣба и хлебнувъ воды, обхожу расположеніе отряда.

Оно мнѣ абсолютно не нравится: очень небольшая площадка, съ тѣсно расположенными на ней верблюдами, окруженная со всѣхъ сторонъ стѣнами береговъ, съ единственными двумя подъемами на Божій свѣтъ, при неожиданномъ на насъ нападеніи могла быть мѣстомъ ужаса.

Съ наступленіемъ темноты, Ив. Ив., пришедшій сюда вмѣстѣ съ караваномъ, пошелъ вновь къ туркменамъ, чтобы окончательно до чего-нибудь договориться. Вернулся онъ оттуда поздно ночью и опять съ отрицательнымъ результатомъ—проводниковъ не даютъ.

— Въ такомъ случаѣ, вотъ что,—говорю я Ив. Ив.,—обѣщанныхъ винтовокъ бывшимъ проводникамъ не выдавать.

Ив. Ив. со мной вполне соглашается и говоритъ:

Эти мерзавцы-туркмены съ цѣлью не даютъ намъ возможности подкормить верблюдовъ, опредѣливъ для нашей остановки совершенно голую площадку, находящуюся непосредственно у воды. Дѣлать нечего, остановились на ней.

— Это и за дѣло. Одной изъ причинъ такого отношенія къ намъ со стороны туркменъ,—продолжаетъ И. И.,—явилась жалоба нашихъ бывшихъ проводниковъ на то, что мы стрѣляли дорогой верблюдовъ, а не отдавали имъ.

Такой фактъ, дѣйствительно, былъ, но только на одномъ переходѣ. Мы потеряли въ это время оставшими 4-5 верблюдовъ и съ потерей каждого верблюда теряли часть на отстановку. Приставшій верблюдъ привлекалъ взоры нашихъ вожатыхъ; они летятъ къ нему, спорятъ тамъ, кричатъ, ругаются и пѣшкомъ идутъ вновь въ голову каравана. Я имъ сказалъ о необходимости поторапливаться, но они и въ усъ себѣ не дули. Мнѣ оставалось одно средство: чтобы не терять времени—приказалъ кончать съ верблюдами. Теперь, видимо, это ставилось мнѣ въ необычайное преступленіе. Послѣ такого печальнаго сообщенія о недружелюбіи туркменъ, охраненіе пришлось выставить посильнѣе.

По добытымъ свѣдѣніямъ мы находились между бывшими укрѣпленіями „Дузлу-Олумъ“ и „Чатамъ“, ближе къ послѣднему. Это означало, что мы вышли на 60 верстъ западнѣе, чѣмъ намъ надо было—и окружены со всѣхъ сторонъ аулами разбойниковъ Акъ-Атабайцевъ.

„Положеніе незавидное!“—засѣло у меня клиномъ въ головѣ.

Пришедшіе въ лагерь туркмены, не соглашаясь быть проводниками, рисуютъ намъ всѣ удобства дороги по правому берегу „Атрека“. Я рѣшаю идти по лѣвому, на которомъ мы сейчасъ находимся. Усталость беретъ свое: я иду спать.

— Ровная мѣстность дать возможность мнѣ самому вести отрядъ и не быть въ зависимости отъ этихъ молодцовъ,—думаю я уже въ полудремотѣ.

* * *

15-28 Мая. Настало утро. Верблюды вновь напаиваются. Съ выступленіемъ поджидаю: не хочется вѣрить, чтобы туркмены не пришли за обѣщанными винтовками, и кто-нибудь не согласился бы вести насъ

дальше, но ихъ нѣтъ и къ 5 часамъ. Приказываю готовиться въ походъ: запастись воды и выючить верблюдовъ. Назначается порядокъ слѣдованія взводовъ, заранѣе опредѣляются очереди дозорныхъ, они предупреждаются о болѣе зоркомъ наблюденіи за всѣмъ въ пути. Указываю выходъ—правый подъемъ, и караванъ выступаетъ въ 5 час. 15 мин. Самъ я бѣгу правѣе на гору, чтобы сравнить мѣстность съ картой и намѣтить направленіе. Слетаю съ горы вгизъ для нахождения мѣста обхода оврага, который вижу передъ собой, бѣгу куда-то влѣво и сталкиваюсь съ караваномъ. Сажусь на своего верблюда. Направленіе съ малыми уклоненіями—прямо на западъ.

Съ утра уже началась духота. Замѣчаемъ, какъ ѣхавшіе къ намъ навстрѣчу всадники скрываются при видѣ каравана въ холмахъ.

Черезъ часъ движенія, найдя кое-какой кормъ, караванъ останавливается. Каждому взводу дается районъ для покормки, чтобы не вызывать путаницы въ верблюдахъ. Сзади были услышаны два—три выстрѣла.

— Пристрѣливаютъ, черти, винтовки!—машинально говорю я,—быть, значить, дѣлу!

На этомъ привалѣ я знакомлюсь лучше съ картой, высчитываю всевозможныя разстоянія. По моему опредѣленію отъ этой стоянки до Атрека 13—14 верстъ, въ переводѣ на время—3¹/₂ часа хода.

Послѣ этого занятія, собираю взводныхъ командировъ, напоминаю о необходимости лучшаго наблюденія вокругъ и за тѣмъ, чтобы взводы не растягивались, для чего ими, командирами взводовъ, должны приниматься мѣры для большаго сокращенія глубины своихъ колоннъ, въ зависимости отъ мѣстности. Я ставилъ при этомъ необходимымъ условіемъ, чтобы люди при всѣхъ перестроеніяхъ знали—что каждому изъ нихъ надлежитъ дѣлать въ случаѣ боя: кому наблюдать за верблюдами, а кому идти въ бой. Женщины, семьи, обозные верблюды должны идти въ средней ниткѣ каравана.

Выступили съ покормки въ 9 часовъ. Я иду впереди съ головнымъ пѣшимъ дозоромъ отъ 3-го взвода.

Непрерывающіяся линіи кибитокъ съ правой стороны указываютъ на направленіе рѣки Сумбаръ. Кибитокъ видна тамъ масса, и ихъ приходится считать сотнями. Широкой дороги по этому берегу нѣтъ, но есть хорошо набитыя тропы, идущія въ нашемъ направленіи. За кибитками вдали—холмы; слѣва, недалеко отъ насъ—тоже холмы, довольно высокіе.

Въ 10 час. 5 мин. дѣлаю остановку для замѣны пѣшихъ дозорныхъ. Времени на это употребляется пять минутъ, и въ 10 час. 10 мин. тѣмъ же порядкомъ идемъ дальше. Съ такой же цѣлью останавливаемся въ 11 час. 10 мин. и выступаемъ въ 11 час. 15 мин.

Около 12 часовъ холмы справа сходятъ на нѣтъ, слѣва же—готовятся къ этому. За лѣвыми холмами становится видна какая-то цѣпь горъ; она очень далека и замѣтно постепенно понижается къ западу.

Еще два часа движенія съ тѣми же короткими остановками, и мы къ 13 час. 40 мин. упираемся въ страшно глубокой, широкой, съ отвѣсными берегами, оврагъ. Для розыскиванія проходовъ черезъ него и отысканія брода черезъ Атрекъ, высылаются подхор. Ставкинъ. Онъ летаетъ полнымъ махомъ взадъ и впередъ на своемъ «Туркменѣ» и къ 14 ч. 45 м. находитъ то и другое и прискакиваетъ къ намъ.

Сѣтъ мелкихъ овражковъ и проваловъ, куда мы уже успѣли залѣзть, произвели достаточную путаницу въ порядкѣ движенія взводовъ. На ходу безпорядокъ этотъ исправляется. Къ 15 час. Ставкинъ подводитъ насъ къ Атреку.

Спуски къ броду очень круты; подъемъ тоже не изъ легкихъ, но дѣлать нечего,—и мы начинаемъ переправляться, подталкивая сзади болѣе трусливыхъ верблюдовъ.

Переправа закончена. Я купаюсь самъ, купаю и своихъ ребяташекъ. Они, бѣдные, такъ боялись моего вида, что не рѣшались плакать, принимая въ первый разъ довольно прохладную ванну. Послѣ купанья на-

дѣваемъ на себя все мокрое, чтобы черезъ три минуты быть совершенно сухими. Купаясь, я обратилъ вниманіе на барахтающуюся около меня фигуру ген. Еремина: я былъ до чрезвычайности худъ, съ ясно обозначенными усохшими мышцами, но онъ изображалъ изъ себя совершенный скелетъ, обтянутый кожей. Это было и вполнѣ объяснимо: онъ вышелъ изъ Форты, еще не оправившись отъ тифа.

Послѣ переправы остановились у разрушенныхъ хибарокъ персидскаго поста. Противъ нихъ, на томъ берегу Атрека, видны бѣлыя сожженные стѣны зданій русскаго пограничнаго поста. Трава здѣсь была, и верблюды разбрелись по ней. Съ нами былъ туркменъ пастухъ, захваченный какимъ-то образомъ Ив. Ивановичемъ, прибывшимъ на переправу ранѣе каравана.

Люди принялись за чай и печеніе кумпешей. Влѣво отъ насъ виднѣлось крупное стадо барановъ. Мы видимъ, какъ къ этому стаду подъѣзжаютъ туркмены. Одни изъ нихъ принимаютъ отгонять его, другіе залѣзли подъ какіе-то навѣсы, должно быть, караулки на воздѣланномъ участкѣ земли. Никакихъ злобныхъ намѣреній они не проявляютъ, и я сдерживаю желаніе, выраженное мною словами: — «хорошо бы пугнуть ихъ пулеметомъ».

Мирная обстановка позволяетъ женщинамъ идти купаться. Вотъ онѣ возвращаются. Я отдаю приказаніе подогнать верблюдовъ. Казаки пошли.

Какъ только туркмены увидѣли, что мы собираемъ верблюдовъ, то открыли по насъ частую стрѣльбу, сразу поранивъ у насъ троихъ и убивъ одного малолѣтка, сына старика Болдырева. Одинъ изъ раненыхъ, ст. ур. Никита Марковъ, скоро скончался. Поплатились жизнью и три верблюда.

Быстро выполненныя приказанія: второму взводу съ пулеметомъ продвигаться впередъ къ хибаркѣ, первому — продѣлать то же противъ туркменъ, стрѣлявшихъ въ насъ со стороны барановъ, и отвѣтный огонь съ нашей стороны заставили этихъ шакаловъ быстро отодвинуться отъ насъ на приличную дистан-

Быстро выполненныя приказанія: второму взводу съ пулеметомъ продвигаться впередъ къ хибаркѣ, первому—продѣлать то же противъ туркменъ, стрѣлявшихъ въ насъ со стороны барановъ, и отвѣтный огонь съ нашей стороны—заставили этихъ шакаловъ быстро отодвинуться отъ насъ на приличную дистанцію. Пули ихъ частенько жужжали надъ лагеремъ или, шлепаясь на пустомъ пространствѣ, не вырывали болѣе жертвъ.

Пули ихъ частенько жужжали надъ лагеремъ, или, шлепаясь на пустомъ пространствѣ, не вырывали болѣе жертвъ.

Назначенные люди быстро вьючатъ животныхъ подъ неумолкающее жужжаніе свинцовыхъ пчелъ. Повьючены и раненые, и убитые. Такое отношеніе казачковъ къ необходимому дѣлу, какъ-то помимо всей тяжести давало увѣренность въ благополучномъ выходѣ.

Верблюды поднимаются на ноги, и караванъ въ общепринятомъ порядкѣ двигается впередъ. Въ караванѣ остаются только люди, наблюдающіе за верблюдами, вьюками и ранеными, по одному казаку на каждыхъ пять верблюдовъ; остальные люди пѣшими были разсыпаны въ цѣпи.

Съ половиной людей перваго взвода я иду впереди каравана. Остальной полувзводъ подѣ командой ес. Митрясова остается назади для прикрытія тыла; справа идетъ второй взводъ Ив. Ив., слѣва—третій взводъ хор. И. Ф. Карамышева. Второй и третій взводъ идутъ гуськомъ въ общемъ направленіи, имѣя задачей прикрывать всю глубину каравана. Третьему взводу въ это время былъ переданъ пулеметъ, т. к. совершенно открытая мѣстность не исключала возможности со стороны разбойниковъ ударить на насъ конной массой.

Движеніе, носившее строго организованный, спокойный характеръ, видимо, смущало азіатовъ, и они не знали—какъ приступить къ намъ, и полагались только на свои винтовки.

* * *

Наступаетъ ночь. Луна ярко свѣтитъ. Люди, верблюды, беззвучно слѣдуютъ куда-то впередъ. Общее управленіе всѣмъ становится невозможнымъ, т. к. второго и третьяго взвода не вижу: приходится отъ нихъ брать себѣ по казаку для посылки, въ случаѣ необходимости, приказанія.

Туркмены бросили стрѣлять, и мы спокойно, вотъ уже часъ, идемъ, ожидая каждую минуту возобновленія перестрѣлки. Неожиданно натыкаемся на глубокой и широкой оврагъ, какими, видимо, изобилуетъ здѣсь мѣстность, спускаемся по крутому и довольно широкому спуску на дно. Организованность сразу нарушается: верблюдамъ во взводахъ пришлось сомкнуться поплотнѣе и вытягиваться по одному; это ведетъ къ разрыву и перемѣшиванію. Разрывается къ этому времени окончательно и связь съ боковыми взводами, которые искали для себя переправъ въ другихъ мѣстахъ.

Половина перваго взвода вынеслась верхомъ на подъемъ изъ оврага. Самъ я остаюсь при караванѣ, чтобы принять мѣры противъ возможныхъ случайностей. Выстрѣловъ, попрежнему, все нѣтъ. Это немного тяжело, т. к. объясняешь такое молчаніе какой-нибудь очередной пакостью со стороны туркменъ.

Переходъ черезъ оврагъ сошелъ благополучно. Я вылетаю самъ изъ оврага и бѣгу въ головную цѣпь. Не будучи въ состояніи ее догнать, посылаю туда приказаніе остановиться; останавливаю голову каравана, чтобы дать возможность установиться прежнему порядку.

Вдали, слѣва, стали слышны голоса, но не наши, а туркменскіе, какъ будто перекликавшіеся между собою. Переходы черезъ овраги и у нихъ ввели путаницу, и туркмены, повидимому, разбросались во всѣ стороны и теперь только начинаютъ вновь собираться.

Гдѣ наши боковые взводы? — мнѣ пока неизвѣстно. Но въ скоромъ времени отъ 3-го взвода приходитъ казакъ, молча пальцемъ показываетъ мѣстонахождение своихъ переправившихся людей и докладываетъ, что слѣва слышно здоровое «балалаканіе».

— Намъ лучше! — отвѣчаю я, — по крайней мѣрѣ, знаемъ — откуда они поведутъ атаку или стрѣльбу,

Кругомъ совершенно ровная, какъ кажется при лунѣ, мѣстность, которая могла бы дать этимъ разбойникамъ полную увѣренность въ успѣхѣ удара на насъ скопомъ. Проскочить къ каравану, нечаянно даже наткнувшись на нашу цѣпь, имъ ничего не стоило, но произведенный тамъ среди верблюдовъ переполохъ стрѣльбой и крикомъ, особенно, если они добьются такимъ налетомъ штукъ 5—10 верблюдовъ, — долженъ былъ сулить имъ многое: задержку насъ на неопредѣленно долгое время, во всякомъ случаѣ, до восхода солнца, а потомъ и не допускъ насъ къ водѣ. Винтовка испортила этихъ степныхъ орловъ, полагавшихся ранѣе на одинъ только свой клычъ, и превратила ихъ въ шакаловъ, старающихся тявкнуть по насъ издали.

Наконецъ, порядокъ вновь водворенъ, и каравану отдается приказаніе трогаться. Къ этому времени я не знаю только о мѣстонахожденіи 2-го взвода, но болѣе, чѣмъ увѣренъ, что Ив. Ив. не заплутается.

Не прошли и ста сажень, какъ справа, шагахъ въ 150—200 понеслись щелчки частыхъ выстрѣловъ;

огоньки отъ нихъ блещутъ совсѣмъ близко. Кричу въ караванъ: „чокнуть верблюдовъ“, дабы уменьшить высоту цѣли. Самъ съ винтовкой бѣгу на огоньки, пославъ сказать 3-му взводу о присылкѣ, сколько можно, людей, и крикнувъ о томъ же каравану.

Пули летятъ сначала высоко, но вотъ стрѣлявшіе замѣтили бѣгуція на нихъ тѣни, и переносятъ огонь уже на насъ. Со стороны туркменъ сразу обозначилась торопливость: пули то рикошетируютъ, то летятъ куда-то въ воздухъ. Чтобы еще больше нагнать на нихъ страху, и въ то же время подождать бѣгущихъ за мной, я ложусь, тщательно придаю горизонтальное положеніе стволу винтовки и, лежа, съ руки, выпускаю пачку по огонькамъ мелькавшимъ прямо предо мною.

Настильность выстрѣловъ, необходимая при ночной стрѣльбѣ, достигаетъ своей цѣли. Стрѣлявшіе умолкли. Я поднимаюсь, и съ крикомъ: „ура“, поддержаннымъ тремя голосами вправо отъ меня, бѣгу впередъ.

Передъ нами обрывъ оврага. Никого уже нѣтъ, кромѣ какой-то одной темной фигуры, щелкнувшей при моемъ приближеніи затворомъ винтовки. Я бѣгу на нее и останавливаюсь, чтобъ прицѣлиться и выстрѣлить и, досада!—выстрѣла нѣтъ. Я двигаю затворомъ, фигура продѣлываетъ то же и тутъ же проваливается куда-то внизъ. Ни у меня, ни у азіата патронъ въ магазинной коробкѣ не было. Я остановился надъ обрывомъ, инстинктивно не рискуя прыгать внизъ. Ко мнѣ подбѣгаетъ прап. Пономаревъ съ двумя казаками, и мы вмѣстѣ открываемъ бѣглый огонь по раздавшимся шагамъ на днѣ оврага, затѣмъ —и по конскому топоту.

Въ это время откуда-то выныриваетъ и взводъ Ив. Ив., спѣшившій на выстрѣлы и, благодаря оврагамъ, пересѣкавшимъ ему путь, во время не поспѣвшій. Туркмены пробрались, какъ было уже выяснено, между его взводомъ и караваномъ.

Отдавъ приказаніе Ив. Ив. слѣдовать берегомъ этого оврага параллельно нашему движенію, я иду къ

каравану. Стрѣльба туркменъ не пропала даромъ: оказались ранеными двѣ женщины: одна дѣвица—дочь прап. Таршилова, другая—жена сотн. Пастухова, и убито два или три верблюда.

Послѣ сдѣланныхъ кое-какъ перевязокъ раненымъ и перегрузки вьюковъ съ убитыхъ верблюдовъ на здоровыхъ, караванъ тронулся. Я бѣгомъ догоняю головной полувзводъ.

Ночная прохлада не даетъ чувствовать усталости; этому помогаетъ и происшедшій инцидентъ, отбивающій вполнѣ законное желаніе хотя бы только вздремнуть, взобравшись на верблюда.

Немного прошло времени, какъ опять началась стрѣльба сзади у ес. Б. П. Митрясова. Маловато тамъ у него людей, но я вполнѣ надѣюсь, что онъ съ ними заставитъ разбойниковъ держаться подальше отъ каравана. По пулькамъ, пускаемымъ туркменами издалека, я уже заключаю, что туркмены осѣкаются въ своемъ желаніи подойти ближе, хотя балалаканіе ихъ было довольно ясно слышно. Ни отъ того, ни отъ другого намъ пока вреда не было.

*
* * *

Была глубокая ночь, когда пришедшій отъ Ив. Ив. казакъ сообщаетъ, что справа маячатъ какіе-то всадники и дѣлаютъ, повидимому, все, чтобы показать свое миролюбіе. Я черезъ посланнаго передаю Ив. Ив., чтобы онъ постарался съ ними договориться, т. к. они могутъ быть болѣе доброжелательными къ намъ.

Долго В. ст. Климову это сдѣлать не удастся. Наше движеніе продолжается. Вотъ въ голову ко мнѣ приходитъ самъ Ив. Ив. и сообщаетъ, что туркмены, наконецъ, подѣхали. Всѣ они немолодые, а есть и старики. Они говорятъ, что выѣхали навстрѣчу—узнать—въ чемъ дѣло.

Мы цѣлой компаніей, и съ подошедшимъ Борисомъ П. отправляемся къ этимъ господамъ. Заводится разговоръ. Отъ этихъ лисицъ узнаемъ совершенно непонятную для насъ новость: будто стрѣлявшіе по

насъ должны быть разбойниками, спустившимся съ горъ, отъ которыхъ и они страдаютъ.

Имъ предложили, вмѣсто сказокъ, слѣзть съ лошадей и отдать винтовки. Они сначала отпѣкиваются, но быстро это выполняютъ. Казаки поняли винтовки и вынесли убѣжденіе, что туркмены эти стрѣльбой не занимались.

Пульки сзади продолжаютъ посвистывать, и я обращаюсь черезъ Ив. Ив. къ этимъ сѣдоватымъ лицамъ, чтобы они посодѣйствовали намъ въ прекращеніи со стороны ихъ собратій этого безобразія, т. е. стрѣльбы. Какъ бы для выполненія нашей просьбы, двое изъ нихъ начали что-то кричать, не изъясняя ни малѣйшаго желанія идти съ нами въ хвостъ каравана, откуда это можно было сдѣлать съ меньшимъ напряженіемъ для глотки и съ большимъ успѣхомъ.

Б. П. беретъ одного за шиворотъ и ведетъ его въ хвостъ. Я провожаю ихъ и наблюдаю веселую картинку, какъ туркменьъ начинаетъ метаться отъ свиста пуль то вправо, то влѣво, сгибаясь при этомъ всѣмъ своимъ туловищемъ. Бор. Петр. его выпускаетъ, но, видя, что туркменьъ больше болтается изъ стороны въ сторону, чѣмъ идетъ впередъ, вновь беретъ его за шиворотъ и ведетъ дальше. Туркменьъ пробуетъ вертѣться и подъ рукой у него, но замѣтивъ въ рукѣ у есаула необыкновенное спокойствіе и увѣренность,—прибавляетъ шагу. Скоро стали долетать до насъ и крики этого туркмена, приглашавшіе стрѣлявшихъ бросить забаву. Пульки свистятъ рѣже и рѣже, наконецъ, прекратили и совершенно полетъ. Балалаканіе окружавшихъ насъ туркменьъ слышится, благодаря этому, еще яснѣе.

Караванъ и цѣли продолжаютъ свое движеніе. Въ головномъ взводѣ теперь много народу. Туркмены ѣдутъ на своихъ аргамакахъ попеременно. Особенно красивъ былъ изъ коней темно-сѣрый аргамакъ, на которомъ ѣхалъ старикъ. Этому старику мы изъ уваженія къ его возрасту (какъ и были передано туркменамъ) одному только и разрѣшили ѣхать все время верхомъ. Здѣсь же идетъ и Ив. Ив., старающійся до-

говориться съ туркменами и относительно мѣста остановки, и относительно барановъ, и чурековъ.

Они обѣщаютъ все сдѣлать, и одинъ изъ нихъ тутъ же повелъ рѣчь о томъ, что, къ сожалѣнію, онъ, пожалуй, не сможетъ выполнить во время обѣщаніе относительно барановъ, т. к. уже и теперь его аулъ остается вправо и назадъ: если мы его отпустимъ, то вполнѣ можемъ быть увѣрены, что онъ все пришлетъ ко времени нашего подхода на стоянку.

Обсудивъ это предложеніе, рѣшили, что отпускъ его намъ абсолютно не грозитъ большими осложненіями въ случаѣ даже и драки съ туркменами, т. к. о насъ уже извѣстно по всей степи. Выдали ему винтовку и отпустили. Туркмены просятъ насъ теперь развязать руки захваченному на переправѣ пастуху и говорятъ, что стрѣльба теперь кончилась, и онъ все равно, никуда не можетъ убѣжать. Находимъ и этотъ доводъ основательнымъ и развязываемъ руки пастуху.

Въ концѣ концовъ, усталость беретъ свое: остановками каравана приходится пользоваться и для дачи отдыха своимъ тѣламъ. Я обыкновенно ложусь пластомъ на спину, напрягаю всю силу воли для того, чтобы не заснуть и черезъ 5-10 мин., нисколько не чувствуя облегченія, вновь подняться на ноги. Нѣкоторыхъ же при такихъ остановкахъ приходится съ силой и довольно крѣпкими ударами подъ бока и между лопатками поднимать съ земли и заставить сдѣлать первый шагъ.

16 - 29 Мая. Наступающій разсвѣтъ еще больше тянетъ ко сну, и приходится много тратить времени сохранившимъ еще кое-какія силы казакамъ, чтобы ставить своихъ товарищей на ноги и не дать имъ тутъ же упасть вновь.

Въ бѣлесоватомъ воздухѣ, слѣва и постепенно впереди, начинаютъ вырисовываться кибитки.

Къ этому времени отпущены, послѣ основательныхъ завѣреній о поставкѣ барановъ, и еще два нашихъ плѣнныхъ, одинъ изъ которыхъ былъ и старикъ на сѣромъ аргамакѣ. Оставшимся двумъ туркменамъ обѣщается свобода только по приводѣ ими

насъ на мѣсто и указанія расположенія колодцевъ. Т. к., по заявленію туркменъ, до мѣста остается не меньше часа, дѣлаемъ послѣднюю маленькую остановку.

Вотъ пошли и вновь. Все ближе и ближе подходимъ къ огромнѣйшему полукругу кибитокъ. Насъ ведутъ дальше, но я, какъ-то вполнѣ машинально, выбираю площадку съ хорошимъ кормомъ для верблюдовъ и приказываю остановиться. Немногіе изъ казаковъ по приѣздѣ тутъ же поѣхали за водой.

Мы давно уже шли боевымъ порядкомъ: справа въ цѣпи 3 взвода: слѣва—второй, а первый впереди.

Глава XIII.

**Шельма-комиссаръ, — Пропавшій безъ вѣсти.
— Безъ сна—впередъ. — Перемѣна направле-
нія. — Преслѣдуютъ. — Бой за колодцы.**

Расположились на привалъ очень скученно. Тутъ же были вырыты казаками двѣ могилы, гдѣ и похоронены малолѣтокъ Болдыревъ и урядникъ Марковъ.

Скоро къ намъ въ лагерь явился какой то туркмень, заявившій, что онъ—«главный надъ всѣми аулами». Приведенный нами пастухъ оказался его сыномъ и былъ ему переданъ. Надобности въ заложникахъ не было и, выдавъ имъ обратно берданы, отпустили послѣднихъ.

«Хозяинъ надъ всѣми аулами» укрѣпляетъ въ насъ надежду на выполненіе словъ, сказанныхъ ночными посѣтителеми каравана относительно барановъ, чурековъ и тому подобной роскоши, и добавляетъ, что и отъ него вездѣ посланы люди, и надо ожидать скоро присылки продуктовъ отовсюду.?

Мною собираются взводные командиры для рѣшенія вопроса—какое намъ принять направленіе. Знакомимся по картѣ и по мѣстности съ обстановкой.

До Чикишляра остается верстъ 70-80. По свѣдѣніямъ отъ туркменъ тамъ красная кавалерія—силою до полка. Есть два пути, по которымъ можно идти безъ проводниковъ: одинъ—идти на западъ верстъ сорокъ, и затѣмъ, свернувъ круто на югъ, переходить, быть можетъ, съ боемъ мостъ черезъ Атрекъ и выходить на Астрабадъ; другой—возвратиться назадъ верстъ на двадцать, найти дорогу на югъ и горами безъ колодцевъ идти 60 верстъ; въ этомъ случаѣ предстоитъ восьмидесяти верстный безводный путь, по всей вѣроятности, опять подъ обстрѣломъ оставшихся сзади туркменъ.

Принимается первый путь. На обязанности Ивана Ивановича опять лежитъ дипломатическая миссія: узнать каково расположеніе туркменъ къ краснымъ и красныхъ къ туркменамъ.

Немного прошло времени, какъ узнаемъ, что стоящій передъ нами „главный надъ всѣми аулами“—ни кто иной, какъ что то въ родѣ туркменскаго комиссара. Мнѣніе же о насъ, и за кого насъ принимаютъ туркмены, узнать не удастся.

Пробуемъ хитрить. Я подхожу къ „здѣшнему владыкѣ“ и черезъ Ивана Ивановича спрашиваю: не найдется ли у него человѣка, съ которымъ я могу послать письмо къ русскому главному комиссару въ

Чикишляръ, дабы предупредить его о своемъ движеніи и о высылкѣ намъ денегъ для уплаты за барановъ и чуреки? Онъ отвѣчаетъ, что это можно сдѣлать, но только не сегодня, а завтра, рано утромъ, т. к. сейчасъ здѣсь нѣтъ хорошихъ лошадей: онѣ всѣ въ разгонѣ. Мы говоримъ ему, что это поздно,—намъ необходимо сегодня. Онъ что то обѣщаетъ сдѣлать по этому вопросу и уходитъ.

* * *

Подошедшіе ко мнѣ казаки заявляютъ, что въ отрядѣ нѣтъ урядника Юркова.

— Передъ послѣднимъ приваломъ его всѣ видѣли,—говорятъ они,—заснулъ, должно быть на послѣдней остановкѣ, гдѣ нибудь въ сторонкѣ, и его никто не замѣтилъ.

— Что же дѣлать?—обращаюсь къ нимъ я, созная полную возможность при такой обстановкѣ не только не подняться съ земли, а вставъ, упасть вновь, чтобы проснуться на другое утро, или совсѣмъ не просыпаться.

Были выбраны казаки и посланы на розыски Юркова. Черезъ часъ они вернулись и доложили, что на мѣстѣ стоянки его не нашли, но они видѣли далеко отъ себя двухъ конныхъ и, какъ будто, между ними одного пѣшаго; компанія эта направлялась вправо отъ пути нашего движенія къ дальнимъ кибиткамъ. Являлось полной вѣроятностью, что слѣдовавшіе за нами по пятамъ туркмены наткнулись на спящаго Юркова и поволокли его въ свои кибитки.

— Печально, но что же дѣлать; попробуемъ и попытаемъ поговорить объ этомъ со здѣшними туркменами. Этимъ закончился разговоръ объ Юрковѣ.

Въ это время въ нашъ лагерь жалуется цѣлая компанія гостей. Нѣкоторые изъ нихъ прибыли на ишачкахъ. „Хозяинъ всѣхъ ауловъ“ вновь вернулся, принесъ 10 чурековъ и одного еле живого, чахоточнаго барашенка и отдалъ его въ мое распоряженіе. Барашекъ тотчасъ же былъ лишенъ жизни и подѣленъ между взводными командирами и моей семьей.

Шельма комиссаръ увѣрялъ, что это даръ только отъ ближайшихъ кибитокъ, но скоро будутъ и бараны и чуреки и оттуда, и отсюда. При этомъ слѣдовалъ жестъ, показывающій—откуда все это явится къ намъ. Туркмены приходятъ въ лагерь, уходятъ, и это становится какимъ-то обычнымъ дѣломъ.

Я, закусивши чурекомъ, рѣшилъ прилечь, чтобы до обѣда передохнуть, но не смогъ это выполнить: былъ приглашенъ однимъ изъ офицеровъ посмотреть на кавалькаду всадниковъ, которые ѣхали по пройденному нами пути, верстахъ въ трехъ. Въ бинокль было видно, какъ всадники спустились въ лощину, потомъ выѣхали оттуда, разбившись уже на двѣ партіи, и направились—одна въ аулы вправо, другая—въ аулы влѣво. За этой партіей минутъ черезъ 20 появилась вторая, потомъ—третья, и всѣ онѣ продѣлывали одинъ и тотъ же маневръ. Были видны поблескивающие при всадникахъ какіе-то предметы.

Подтаскиваю къ себѣ «хозяина ауловъ» и прошу объяснить причину появленія такихъ кавалькадъ. Онъ намъ отвѣчаетъ, что это ѣдутъ косить общими силами ячмень.

— Подумаешь, какая богатая страна!—обращаюсь я къ присутствующимъ, изъ которыхъ одинъ задаетъ этой шельмѣ новый вопросъ: «зачѣмъ же всѣ верхомъ?»

— Ёдутъ издалека!—отвѣчаетъ эта продувная bestia.

— Что же это у нихъ блеситъ?—задается вновь вопросъ.

Шельма посматриваетъ на мой бинокль и, вѣроятно, подумавъ «разсмотрѣли, собаки», замѣтно смущенно отвѣчаетъ:

— Косы и серпы.

Съ момента появленія этихъ кавалькадъ бывшіе туркмены стали понемногу покидать лагерь, и нашъ «хозяинъ», пользуясь какимъ-то случаемъ, также улизнулъ отъ насъ.

* * *

Дипломатія не помогаетъ. Въ скоромъ времени не съ кѣмъ изъ туркменъ и говорить. Выручаетъ изъ

бѣды неожиданное появленіе двухъ верховыхъ стариковъ. Они оба задерживаются нами силой.

Остаться на мѣстѣ становится опаснымъ. Приказываю выючить верблюдовъ и готовиться къ выступленію. Стояли на мѣстѣ всего два часа и къ утомленнымъ тѣламъ прибавился еще утомленный мозгъ.

Караванъ выступаетъ. Впереди ѣдетъ одинъ старичекъ туркмень верхомъ, рядомъ съ нимъ нѣсколько пѣшихъ казаковъ, сзади и слѣва шествую я и Борисъ Петровичъ. Идемъ по пути на западъ.

Вдругъ мы замѣчаемъ, что старикъ выдѣлился немногъ впередъ отъ пѣшихъ людей. Всѣ были въ такомъ состояніи сонливости и безразличія, что только сильный окрикъ могъ заставить людей очнуться. Я довольно громко крикнулъ, какъ мнѣ казалось, — «Осадить старика назадъ и смотрѣть за нимъ лучше» и тутъ же, вѣроятно, и самъ клюнулъ носомъ.

Сильный крикъ: «держи, держи, его!» заставляетъ меня стряхнуть съ себя апатію и осмотрѣться. Я какъ-то сразу увидѣлъ старика уже отдѣлившимся шаговъ на пятнадцать отъ казаковъ, подбѣгающаго къ нему отъ крика Б. П. какого-то казака, потомъ взмахъ нагайки туркмена и пыль, поднявшуюся вслѣдъ за мчавшимся впередъ старикомъ.

* * *

Не думаю, чтобы этотъ побѣгъ произвелъ какое-нибудь сильное впечатлѣніе на остальныхъ людей каравана: до того были всѣ утомлены и, казалось, не могло быть ничего, что заставило бы ихъ придти въ себя. Я тоже былъ въ такомъ же состояніи и сдѣлалъ только то, что остановился и недоумѣвая смотрѣлъ вслѣдъ ускокавшему туркмену.

Возвращаетъ къ дѣйствительности голосъ Бор. Петровича.

— Идемте, Ваше Пр., въ аулы назадъ, и тамъ что-нибудь придумаемъ. Впереди должна быть засада.

Я, какъ-то безучастно, приказываю каравану слѣдовать за мной.

Вотъ и аулъ. Въ немъ паника. Туркмены, женщины, подростки, старики, не ожидавшіе нашего воз-

вращенія обратно, бросаются бѣжать куда-то въ направленіи дальнихъ кибитокъ.

Приказаніе—ловить туркменъ и не пускать ихъ выполняется неразмявшимися отъ безсонья и усталости людьми крайне медленно. Бор. Петр. бѣжитъ самъ впередъ и прицѣливаніемъ останавливаетъ двухъ туркменъ и одну полную туркменку.

Аулъ опустѣлъ. Промачиваемъ глотки найденнымъ айрянкомъ и идемъ говорить какъ съ этой женщиной, такъ и прихваченнымъ на стоянкѣ старикомъ, товарищъ котораго ускакалъ, да и этотъ, по примѣру его, пытался продѣлать здѣсь то же самое, но во время былъ снятъ съ лошади. Этотъ старикъ съ туркменской дамой приглашены были въ одну изъ кибитокъ, и Ив. Ив. вступилъ съ ними въ переговоры.

Онъ говорилъ имъ о нашемъ миролюбіи, о ихъ, непонятной для насъ, враждѣ. Женщина сомнѣвается въ нашихъ хорошихъ намѣреніяхъ и указываетъ на то, какъ одинъ изъ нашихъ офицеровъ прицѣливался въ нее и въ другихъ туркменъ изъ винтовки.

— И ты хочешь насъ увѣрить въ своей дружбѣ, —возражаетъ она Ив. Ив.

В. ст. Климовъ пытается ей доказать неправильность такого взгляда, но принужденъ былъ бросить это.

Старикашка, видя, что положеніе наше незавидное, принимаетъ гордый видъ. Такое высокомерное его состояніе продолжается недолго. Считая разговоры законченными, мы просимъ его выходить изъ кибитки къ каравану. Онъ этого не хочетъ дѣлать. Вошедшіе казаки силою выводятъ его и силою сажаютъ на верблюда, какъ и двухъ, прихваченныхъ здѣсь его собратій. Вся эта группа отдается подъ надзоръ наиболѣе бодрыхъ казаковъ.

Выступаемъ изъ этого аула въ 10 ч. 45 м. Предположеніе о засадѣ, приготовленной туркменами по пути на западъ, который былъ нами сначала принятъ, оправдывается. Тѣ кавалькады, которыя мы видѣли, объѣзжали насъ незамѣтно по дугамъ кибитокъ, расположенныхъ справа и слѣва отъ насъ, группирова-

лись гдѣ-то на западѣ, и, какъ можно было заключить, въ порядочномъ разстояніи отъ нашей стоянки.

*
* *
*

День сталъ жаркимъ, но люди, уже размявшись, идутъ въ цѣпяхъ бодро.

Черезъ два часа начинаютъ показываться сзади насъ точками сначала отдѣльные всадники, а потомъ и группы.

Перемена нами направленія разстроила ихъ планы, и имъ, видимо, требовалось пообмозговать вновь создавшееся положеніе и попытаться отгадать нашъ истинный путь. Издали видно, какъ точки сѣзжаются и потомъ пропадаютъ, черезъ часъ вновь выплываютъ на горизонтѣ.

Къ этому времени мы проходимъ пересѣкающую наше направленіе дорогу. Отъ старика узнаемъ, что эта дорога, идя на югъ, выходитъ на Атрекъ; сообщилъ это онъ въ полной увѣренности, какъ было видно, соблазнить насъ водой и думалъ, что мы сейчасъ же свернемъ туда. Теперь мнѣ стало яснымъ—почему туркмены замедлили: они ожидали нашего сворота по этой дорогѣ.

Я приказалъ каравану двигаться дальше въ восточномъ направленіи, несмотря на заявленія старика объ отсутствіи колодцевъ по этому маршруту. Проѣзжаемъ неглубокіе, но широкіе овраги съ приспособленіями для задержки въ нихъ дождевой и весенней воды.

Черезъ часъ туркмены были назади отъ насъ въ верстѣ и принялись обскакивать нашъ правый флангъ. Мы давно уже шли боевымъ порядкомъ: справа въ цѣпи 3-й взводъ, слѣва—второй, а первый впереди. Сонъ какъ рукой сняло, но жара тяготитъ до невозможности.

Неумѣніе ли туркменъ рѣшить простую задачу—замотать караванъ и взять его совершенно обезсиленнымъ, или ихъ трусость передъ людьми, не останавливающимися въ движеніи, ведетъ къ тому, что караванъ спокойно идетъ куда надо, а цѣпи рѣдкими спокойными выстрѣлами осаживаютъ и не даютъ при-

ближаться къ намъ азіатамъ, оказавшимися очень чувствительными къ свисту нашихъ пуль. Это было хорошо и какъ-то успокоительно, когда мы шли по совершенно ровному мѣсту, но не то было, когда караванъ втянулся въ холмы.

Такъ какъ туркмены, по своей глупости, стараются обратить больше вниманія на нашъ тылъ, 2-му и 3-му взводамъ приходится оттягиваться назадъ и идти одной, почти сплошной, длинной цѣпью. Холмы позволяютъ азіатамъ подскакивать къ намъ болѣе незамѣтно и цѣлыми группами. Пули чаще и чаще начинаютъ свистѣть около.

3-ій взводъ держится выше всякой похвалы: самъ командиръ и люди у него идутъ спокойно подъ свистомъ и рикошетами пуль, только изрѣдка кто-нибудь отходить шагомъ вправо или влево, когда азіаты слишкомъ ужъ кучно начинаютъ класть свои пули около избранной мишени. Отлично ведетъ себя войск. ст. Климовъ со своимъ взводомъ. Тамъ и здѣсь стрѣльба ведется только по хорошо виднымъ туркменамъ, огромныя папахи которыхъ послѣ нашихъ выстрѣловъ, какъ будто, пропадаютъ въ землю. Такая наша стрѣльба не даетъ возможности туркменамъ хладнокровно пристрѣливаться въ насъ изъ своихъ винтовокъ на рожкахъ.

Караванъ ныряетъ въ холмахъ, идя тропинкой между ними. Верблюды то показываются, переходя какую-нибудь горку, то исчезаютъ. Движеніе каравана часто останавливается изъ за происходящихъ разрывовъ, вызываемыхъ погрузкой новыхъ раненыхъ, или перегрузкой съ убитыхъ верблюдовъ. Эти задержки заставляютъ меня часто изъ цѣпи ходить въ караванъ узнавать причину и понукать людей скорѣй справляться со своимъ дѣломъ.

При одномъ изъ такихъ посѣщеній узнаю отъ проводника, что въ виднѣющихся передъ нами горахъ есть колодцы, и надо туда спѣшить, дабы попасть ранѣе его сородичей. Немедленно отдаю приказаніе подъес. Шапошникову—занять колодцы». Даю ему 10 человекъ и пулеметъ. Отхожу вправо отъ каравана,

чтобы подождать цѣпи. Я видѣлъ, какъ туркмены, понявшіе цѣль отдѣленія отъ насъ группы, кучкой человѣкъ въ 15 понеслись обгонять нашъ караванъ.

Невыразимо трудно стало движеніе въ цѣпяхъ. Нестерпимый зной, сбитыя у многихъ ноги заставляютъ людей уже не идти, а какъ-то, по временамъ, судорожно дергаться.

Вотъ, замѣчаю, что люди влѣво отъ меня начинаютъ сбиваться въ кучку. Оказывается, ранили Ивана Ивановича Климова. Его ведутъ подъ руки къ каравану.

Бойцы, потерявъ своего смѣлаго начальника, замѣтно начинаютъ нервничать и сбиваться плотнѣе другъ къ другу. Я стараюсь крикнуть на нихъ, но въ горлѣ пересохло, и звукъ не выходитъ. Дѣлать нечего, иду по цѣпи ко второму взводу и еле волочу ноги. Съ пути еще разъ кричу—и опять никакого результата, кромѣ того, что я самъ—вотъ, вотъ упаду.

Сбравъ силы, отдаю командиру лѣвофланговаго звена, третьяго взвода, поручику Николаю Іосифовичу Сидоренко приказаніе—взять подъ свою команду весь второй взводъ и особенно наблюдать за стыкомъ взводовъ,—и иду къ остановившемуся хвосту каравана, чтобы получить отъ кого-нибудь ілстокъ воды, а тамъ пробраться впередъ въ голову, т. к. это требовалось отъ меня нашимъ приближеніемъ къ колодцамъ. Глотокъ совсѣмъ теплой воды придаетъ мнѣ силы, и я, приказавъ привести мнѣ лошадь, прошелъ немного впередъ и сѣлъ въ ожиданіи подачи ея.

Лошадь, туркмень Ставкина, подана. Я сажусь и ѣду шагомъ, обгоняя верблюдовъ.

Въ это время противникъ, обскакавъ съ фланга наши цѣпи, начинаетъ стрѣлять прямо въ караванъ. Положеніе серьезное. Выѣзжаю на гребень вправо отъ каравана, ѣду по нему, чтобы показать, что у насъ и здѣсь есть охрана, и желая въ душѣ одного, чтобы кончились скорѣе страданія для самого. Пульки жужжатъ ближе и ближе. Обезсилѣвшее отъ жажды бѣдное животное начинаетъ волноваться отъ ихъ пѣнія и, чувствуя управляющую имъ руку, желаетъ освобод-

диться отъ меня и дѣлаетъ что-то въ родѣ слабого козла. Я длиннымъ концомъ повода наказываю его и поднимаюсь на прежнюю линію.

Глухой ударъ, какъ будто, во что-то пустое, сзади правой моей ноги, и сразу пошатнувшееся тѣло лошади съ быстротой молніи прорѣзываютъ мое сознаніе о глупости затѣяннаго: я спускаюсь за гребень, слѣзаю и смотрю, гдѣ раненъ конь. По алой струйкѣ крови добираюсь до раны, заключаю, что съ этой раной конь много не пойдетъ, и, чтобы не мучить, отдаю его обратно въ караванъ. Самъ иду пѣшкомъ и собираю около себя людей изъ каравана, чтобы обезопасить его отъ слишкомъ близкихъ выстрѣловъ.

Холмы дѣлаются все выше и выше; впереди настоящія горы.

Туркменъ, показывая куда-то въ направленіи бѣлѣющагося въ горахъ карниза, говоритъ о колодцахъ. По прямой линіи до нихъ не дальше двухъ верстъ, но предстоящіе спуски, подъемы, повороты, безусловно, въ три раза, если не больше, увеличатъ это разстояніе.

Вмѣстѣ съ Иваномъ Ивановичемъ, оказавшимся раненымъ, благодареніе судьбѣ, въ кисть руки, и снова проявляющимъ свою энергію, останавливаемъ караванъ и, приказавъ ставить верблюдовъ въ котловину, образуемую расходящимися отсюда цѣпями холмовъ, приводимъ его въ порядокъ. Котловинка эта была достаточно глубока, чтобы караванъ можно было замѣтить и по нему стрѣлять съ какой-нибудь горы, ближе полуверсты.

Жара начала спадать, но духота, какъ будто бы, не хотѣла покидать складки мѣстности, въ которыхъ мы находились. Пить нечего. У всѣхъ одна мысль — брать колодцы. Командиры взводовъ для ориентировки со мной вмѣстѣ взлазятъ на вершинку одной изъ горъ. При насъ находится и старикъ туркменъ, отчаянно извивающійся при близкомъ чмоканіи пуль.

Впереди, тамъ, гдѣ по опредѣленію туркмена — колодцы, видна цѣпь*папахъ. Въ бинокль я насчитываю ихъ не болѣе двухъ десятковъ.

* * *

Вечерѣть. Тѣло безумно устало, и на предложеніе Ивана Ивановича—атаковать колодцы сейчасъ же, отвѣчаю, что черезъ полчаса, т. к. чувствую невозможность подняться отъ боли въ сухожиліяхъ. Онъ настаиваетъ. Подползшіе близко къ каравану туркмены сшибаютъ съ горки казака. Я сознаю правоту его словъ и, стараясь шутить, говорю: «Быть по сему».

Усталые ноги еле доносятъ меня до семьи. Вызываю въ сторону жену и, вынимая изъ кармана большую дозу яда, всегда возимаго съ собой, передаю его ей со словами:

— Не знаю, что можетъ быть. Будь готова ко всему. Если туркмены отобьютъ насъ, то прими и дай дѣтямъ вотъ это: легче будетъ, чѣмъ помирать отъ жажды, или быть у туркменъ. Цѣлую наскоро всѣхъ и отворачиваюсь.

— Володя, лучше прикажи казакамъ пристрѣлить насъ!—слышу сзади себя.

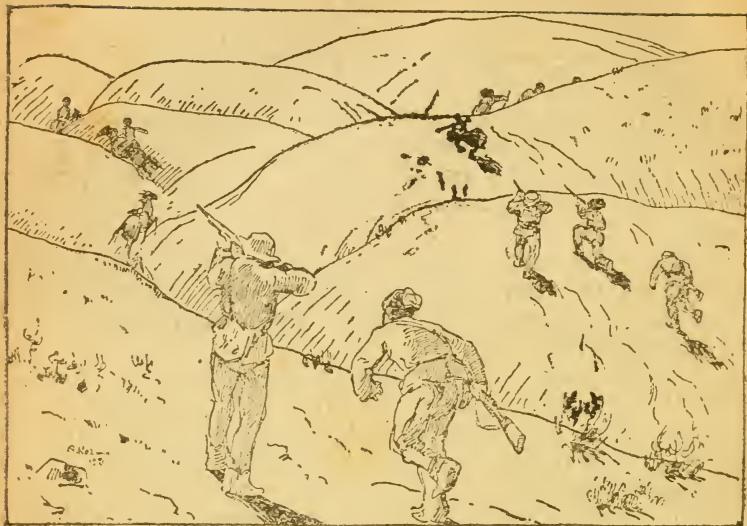
Что я могъ отвѣтить? Боль въ ногахъ забыта и, сжимая винтовку, бѣгу догонять ушедшихъ.

Вотъ уже недалеко впереди идущіе. Ихъ человекъ 5—6. Вдругъ, слѣва раздалось «ура». То Ив. Ив. спугнулъ совсѣмъ подкрававшихся къ нашему расположенію туркменъ.

Ни усталости, ни чувства жажды нѣтъ. Бѣгомъ поднимаюсь на лѣвый склонъ. Мимо меня, въ голову идущихъ впереди, мчится туркменскій конь со смѣшно подпрыгивающимъ сбоку у него всадникомъ, который старается впрыгнуть на своего четвероногого товарища. Увидя русскихъ, онъ обрывается и подъ нашими выстрѣлами скрывается въ какой-то складкѣ.

Чувствуется, что побѣда на нашей сторонѣ.

Туркмены, находящіеся въ положеніи для стрѣльбы со своихъ треножекъ,—держали на всякій случай лошадей при себѣ. Увидя бѣгущихъ на нихъ казаковъ, забывъ главное условіе стрѣлковаго боя—«хладнокровіе», они выпускаютъ поскорѣе пульки и тутъ же бросаются къ лошадямъ. Нѣкоторымъ удается сѣсть

Увидя бѣгущихъ на нихъ казаковъ, забывъ главное условіе стрѣльковаго боя—„хладнокровіе“,—они выпускаютъ поскорѣе пульки и тутъ же бросаются къ лошадямъ. Нѣкоторымъ удается сѣсть и полнымъ махомъ удрать отъ казаковъ; нѣкоторые спасаются, распустивъ лошадей, бѣгомъ на собственныхъ ногахъ.

и полнымъ махомъ удрать отъ казаковъ; нѣкоторые спасаются, распустивъ лошадей, бѣгомъ на собственныхъ ногахъ. Разбѣжавшіяся лошади производятъ панику и въ туркменахъ, далеко находящихся отъ насъ, но также приготовившихся стрѣлять. Невозможность быстрой посадки на лошадей, какъ благодаря туркменскому обыкновенію ѣздить со слабыми подпругами, такъ и короткой гривѣ у лошадей, за которую нельзя схватиться, чтобы облегчить упоръ на стремя, заставляютъ дальнихъ, не видя даже насъ, и слыша только „ура“, садиться на лошадей.

„И сразу счастье боевое служить ужъ начинается намъ“. Стрѣльба, крики „ура“ раздаются повсюду. Казаки 3-го взвода, оставленные въ прикрытіе кара-

вану, въ свою очередь, быстро осаживаютъ орду, напиравшую сзади на нихъ.

Правильнаго направленія движенію людей дать нельзя, и я ношусь самъ, какъ простой стрѣлокъ. Руководитъ каждымъ боевой инстинктъ. Про шагъ забыто, все дѣлается бѣгомъ. Мнѣ, идущему, вѣрнѣе, бѣгущему, какъ будто въ правильномъ направленіи на колодцы, приходится встрѣчаться съ вынырывающими то справа, то слѣва изъ подъ холмовъ, съ холмовъ, то одиночными людьми, то группами, то съ цѣлой цѣпью.

Туркмены оставляютъ своихъ убитыхъ, не пробуя даже задержаться, чтобы затащить ихъ куда-нибудь въ щель горъ. Мѣстами, нѣкоторые изъ нихъ, должно быть, засидѣвшіеся, или болѣе храбрые, принимаются утекать пѣшими.

Какъ сейчасъ, помню одну группу въ 3—4 человека, поспѣшно убѣгающихъ вверхъ на гору и отдѣленныхъ отъ насъ широкой долиной. Они буквально, были засыпаны пулями, и два изъ нихъ остались лежать на мѣстѣ.

Не забудется мною и картинная сценка: внизу подъ нами ущелье, по дорогѣ мчится во весь опоръ туркмень. Насъ надъ ущельемъ цѣлая шеренга. Начинается стрѣльба по немъ, какъ по зайцу. Пули наши всѣ бьютъ подъ морду лошади у самыхъ ея ногъ. Я какъ-то машинально вспоминаю правило стрѣльбы съ горы и кричу по цѣпи: «цѣлить выше головы всадника». И въ это время туркмень грузно шлепается и пускается удирать въ какое-то боковое ущелье. За нимъ съ крутизны бѣгомъ мчатся казаки. Я не отстаю отъ нихъ, но видя впереди себя удирающихъ пѣшихъ туркменъ, пересѣкаю дорогу и опять поднимаюсь въ гору.

Что-то засинѣлось. Подхожу. Молодой туркмень въ синихъ шароварахъ и такой же курткѣ лежитъ съ разметанными руками, и со снятымъ пулей черепомъ. Глаза у него закрыты, изъ губъ вылетаютъ жалобные звуки. Винтовки нѣтъ. «По всей вѣроятности, кто-нибудь изъ отряда былъ здѣсь», — мелькаетъ въ го-

ловѣ, и я уже былъ готовъ идти далѣе въ направле-
ніи скрывшихся туркменъ, какъ чей то голосъ зоветъ
меня спуститься на дорогу.

Возвращаюсь. Группа своихъ и съ ними старикъ
проводникъ, и еще какой-то незнакомый туркменъ. Мнѣ
докладываютъ, что это упавшій, котораго изловили.
У туркмена оборвалось стремя, почему онъ мѣшкомъ
и свалился на землю.

Здѣсь узнаю, что надо слѣдовать по дорогѣ
вверхъ. Старикъ и вновь попавшемуся туркмену при-
казываю связать руки, заставивъ ихъ идти впереди
насъ и предупреждать, что, въ случаѣ стрѣльбы турк-
менъ, и имъ, и стрѣляющимъ будетъ плохо. Старикъ
сначала упирается, но видя, что это не шутка, начи-
наетъ говорить что-то лъстивое, употребляя часто
слово „батыри“. Я его подталкиваю между лопатками
легкими ударами приклада, и онъ скоро принялся
орать что-то дикое, заунывное и непрерывное.

Глава XIV.

У колодцевъ. — На правахъ побѣдителей. — Куметь.

Не замѣтилъ я перехода сумерекъ въ ночь; это-
му способствовала луна. Отъ ночной прохлады уста-
лости не чувствовалось, но испытывалась теперь бе-
зумная жажда.

Каравану приказаніе „двигаться скорѣе“ давно
уже послано, но я вновь кого-то посылаю верхомъ на
взятой у упавшаго туркмена лошади и тороплю уда-
ромъ приклада орущаго что-то туркмена, который
убавляетъ шаги, чтобы не быть впереди насъ. Тотъ
же способъ воздѣйствія примѣняется и къ другому,
вновь взятому туркмену, отъ котораго узнаемъ цѣлую
исторію его невинности. Она сводилась къ слѣду-
ющему: онъ, какъ и его аулъ, къ которому мы идемъ,
—не большевики; къ нимъ днемъ сегодня прискаки-
ваютъ туркмены съ приглашеніемъ присоединиться и
дѣйствовать вмѣстѣ противъ большевиковъ (т. е. насъ),

которые разбиты и утомленными отступаютъ въ горы. Самъ онъ—мулла, и, не смотря на свой санъ, долженъ былъ ѣхать съ нѣсколькими всадниками на помощь своимъ равниннымъ братьямъ. Плохо вѣрили мы ему и держали себя еще осторожнѣй.

Скоро подъемъ дѣлается круче и, пройдя, какъ бы въ ворота, между двумя горными массивами, видимъ во вновь начинающемся ущельи кибитки. Онѣ, видимо, пустыя.

Кто-то изъ казаковъ приноситъ мнѣ огромную деревянную чашку айрына. Что за прелестный напитокъ! Пью и не могу оторваться. Чувствуется уже покалываніе въ желудкѣ отъ массы выпитаго, вотъ становится тяжело и дышать, но вкусъ напитка и пріятное охлажденіе горла и пищевода заставляютъ меня остановиться только передъ пустой чашкой. Казакъ готовъ летѣть за новой порціей, но я останавливаю его и говорю: «сколько ни пей, а все равно, не напьешься».

Пришедшіе бойцы времени даромъ не теряютъ. При лунномъ свѣтѣ, среди ущелья у кибитокъ видны маленькія группы съ наслажденіемъ потягивающія этотъ нектаръ; пьютъ въ круговую, передавая чашки другъ другу. Нѣкоторые изъ казаковъ уже успѣли поставить надъ огнемъ и чайнички.

Озабоченный тѣмъ, чтобъ прибывшіе не выпили и не уничтожили всѣ запасы, я, проходя мимо нихъ, предупреждаю объ оставшихся въ караванѣ и при караванѣ.

— Всѣмъ хватитъ!—отвѣчаютъ довольные голоса.

* * *

Туркмены разбѣжались только передъ нашимъ приходомъ, оставивъ въ кибиткахъ почти все нетронутымъ. Намъ манило все съѣдобное и питьеое, все остальное только разбрасывалось при поискахъ муки, изюма, кишмиша и молока всевозможныхъ сортовъ отъ прѣснаго до кислаго, разбавленнаго, густого, или совсѣмъ консервированнаго въ твердыхъ комьяхъ.

Скоро начали сходиться и туркмены, большей частью старики. Ихъ приказано собрать въ одну ки-

битку, а двухъ—послать сказать туркменамъ, чтобы они возвращались въ аулъ, конечно, только тѣ, которые не виноваты передъ нами. Не лишнимъ считаемъ дополнить къ этому и предупрежденіе, что въ случаѣ стрѣльбы и, вообще, непріязненныхъ дѣйствій, всѣ находящіеся въ кибиткѣ будутъ уничтожены.

Было уже около 24 часовъ, когда мнѣ сказали о приближеніи каравана. Я отдаю распоряженіе о томъ, чтобы его вели на ранѣе указанное мѣсто около колодцевъ и готовлюсь еще что-то сказать, но чувствую, что меня кто-то дергаетъ сзади за винтовку, умолкаю и оборачиваюсь назадъ.

Передо мной киргизъ Сарманъ, прикомандированный къ моей семьѣ, какъ хорошо знающій выючку верблюдовъ. Широкая рожа улыбается и весело произноситъ слово: „ашать“. Изъ его веселаго бормотанія я заключаю, что онъ собирается угостить на славу семью и всю нашу артель. Киргизъ не можетъ удержаться, чтобы не показать всего, что имъ добыто; ношу свою съ плечъ кладетъ на землю и начинаетъ по порядку знакомить меня съ ея содержимымъ. Вотъ довольно большой бурдючекъ съ кислымъ молокомъ, вотъ мѣшокъ, гдѣ у него помѣщена и живая курица и какой-то поджаренный горошекъ, перемѣшанный съ кишмишемъ и съ кусками сарсу. Въ другомъ мѣшкѣ у Сармана оказались принадлежности для кулинарнаго искусства въ степи.

Вотъ группы людей зашевелились. Слышу говоръ, что „слава Богу, и караванъ пришелъ“.

Верблюды, какъ призраки, огромными шагами безшумно несутся впередъ по ущелью къ колодцу. Семью свою не замѣтилъ, но, зная, что они живы, не беспокоюсь и, сказавъ нѣсколько словъ казакамъ относительно охраненія на ночь, иду вмѣстѣ съ Сарманомъ къ мѣсту расположенія каравана.

При мнѣ бѣдныхъ ребятокъ жена и теща берутъ изъ рукъ казаковъ, съ которыми они ѣхали. Дѣти спятъ крѣпко. Я сообщаю женѣ о благополучномъ и скоромъ дѣлѣ съ туркменами, радую тѣмъ, что у насъ уже есть чѣмъ поразнообразить свое питаніе благо-

даря Сарману, рожа котораго стоитъ около моего плеча и широко улыбается.

Жена дѣлится впечатлѣніями дня и говоритъ про дѣтей, что они держали себя очень покойно, несмотря на визгъ пуль, и только Олегъ все время плакалъ, прося проводить его къ отцу въ цѣпь. Я нагнулся, перецѣловалъ дѣтей и скорѣй отошелъ въ сторону, чтобы скрыть наворачнувшіяся на глазахъ слезы.

Люди въ караванѣ были настолько утомлены, что за ѣдой не теряли времени, — и весь отрядъ, выставивъ посты, какъ у входа въ ущелье и у кибитки, гдѣ были заложники, такъ и въ сторону нашего движенія, погрузился въ глубокой сонъ.

17-30 мая. Утромъ—обычная картина жизни: водопой верблюдовъ и приготовленіе ѣды.

Два дня боя стоили намъ, помимо всѣхъ трудностей, не мало жертвъ. Кромѣ бывшихъ реченыхъ, въ отрядѣ прибавилось убитыми трое: подх. Заваловъ, ст. ур. Сергѣевъ Иванъ и прапор. Горшковъ, и ранеными также трое: казакъ Фадинъ, пор. Н. І. Сидоренко и казакъ Зѣвакинъ Павелъ.

Утромъ у колодцевъ съ общей молитвой похоронили трѣхъ, павшихъ смертью храбрыхъ.

О томъ, сколько потеряли своихъ походныхъ друзей—верблюдовъ,—нигдѣ не могъ найти замѣтки: не до этого тогда было. Думаю, во всякомъ случаѣ,—пропорціонально количеству потери въ людяхъ, т. к. мнѣ помнится, до Роміана, гдѣ мы почувствовали себя внѣ опасности, верблюдовъ хватало на всѣхъ.

Въ эти двое сутокъ, безъ сна, при невозможной жарѣ, пѣшкомъ со стертыми ногами, мы прошли сто съ хвостикомъ верстъ. Это говоритъ карта, говоритъ время хода и... все же сейчасъ, когда я это пишу, мнѣ не вѣрится: это сверхъ человѣческихъ силъ, несмотря на всю нашу втянутость въ походъ.

Свѣжіе люди, какъ туркмены, гнавшіеся за нами 40 верстъ безъ воды, чувствовали себя неважно, и занятіе нами колодцевъ уже не манило ихъ завязывать съ нами вновь бой. Сохрани же они хоть сколько-нибудь энергіи, то и при своей бараньей тактикѣ,

они могли бы не дать намъ возможности выйти изъ ущелья. Вѣрно говоритъ нашъ Великій Полководецъ Суворовъ: «Помни — тебѣ трудно, но и врагу не легче».

Дневать здѣсь и въ мысляхъ нѣтъ: дальше, какъ можно дальше, отъ этого гостепріимнаго народа. Выступаемъ въ десять часовъ. Веролоудовъ разсчитываемъ покормить дорогой на ходу.

Сначала идемъ ущельемъ, по берегу оврага. Встрѣчаются брошенные аулы; подбираются двѣ-три берданки, съ цѣлью изломанная и заброшенная то-дальше отъ кибитокъ. Порча оружія показывала панику туркменъ и нежеланіе ихъ быть пойманными нами съ оружіемъ въ рукахъ. Въ нѣкоторыхъ кибиткахъ, хозяева побывали, повидимому, ночью, когда у насъ все покоилось глубокимъ сномъ: объ этомъ свидѣтельствовали растерянные вещи по направленіямъ къ подъемамъ въ горы, а также плохо замаскированные мѣста, гдѣ они закапывали скарбъ.

Проводниковъ у насъ теперь было много. Кромѣ трехъ туркменъ Акъ-Атабайцевъ, прихваченъ и воинственный мулла, и еще одинъ старикъ изъ аула, гдѣ мы ночевали. Этому старику разрѣшено ѣхать на верблюженкѣ, а другихъ поочередно сажаютъ къ себѣ головные казаки въ караванъ.

Кто въ „Джорджъ-Жандъ“ — большевики, меньшевики ли? — изъ разговора съ этими молодцами проводниками — не поймешь. Старикъ Акъ-Атабаецъ“ все время говоритъ, что ему тамъ горло перерѣжутъ. Туркмены, взятые съ нимъ же въ аулѣ, увѣряютъ что-то въ томъ родѣ: тамъ туркмены, и имъ бояться нечего; мулла ѣдетъ охотно и говоритъ, что тамъ у него родной братъ, племянникъ и дядя. Такія свѣдѣнія заставляютъ насъ подумать о томъ, какъ бы пройти этотъ „Джорджъ-Жандъ“ или „Куметь-Хаусъ“ (туркменское названіе) ночью, а въ крайнемъ случаѣ, и рано утромъ.

Старикъ, прихваченный у колодезѣвъ, заинтересовываетъ тѣмъ, что гдѣ-то, верстахъ въ ста отсюда, за сѣвѣнными горами, есть англичане. По моей картѣ,

кромѣ горъ „Гекча-Дагъ“, хребта „Кыръ-Дагъ“, начинающагося въ 20-ти верстахъ отъ Джорджъ-Жанда и идущаго на сѣверо-востокъ, никакихъ горъ въ окрестности болѣе не помѣчено.

Широкимъ полемъ для догадокъ служить это сообщеніе: я высказываю предположеніе — не стягиваются ли англійскія войска гдѣ-либо противъ Асхабада. Въ этомъ случаѣ, до нихъ по прямой линіи не менѣе 300 верстъ.

Остановились на большой привалъ въ 15 час., сдѣлавъ за 6 час. ходу не болѣе 15 верстъ. Такое малое разстояніе объясняется не только малымъ шагомъ съ цѣлью покормить верблюдовъ на ходу, но и слишкомъ частыми остановками для поправки положенія завязоченныхъ раненыхъ. У казаковъ было мало практики въ отношеніи погрузки больныхъ и тяжело раненыхъ на верблюдовъ. Инструкторомъ по этому дѣлу на привалѣ является киргизъ Сарманъ.

Съ горы, на которую я поднялся, былъ видѣнъ на востокъ большой дымъ. Это было похоже на степной пожаръ, и невольно подумалось: не желаютъ ли туркмены покончить съ нами огонькомъ.

Выступили въ 19 час., имѣя цѣлью пройти Куметъ рано утромъ. Верблюды нахватались, и насъ не страшилъ большой переходъ.

Ясно видно, какъ горы постепенно понижаются, перейдя, въ концѣ концовъ, въ какіе-то закругленные холмы.

Съ закатомъ солнца сталъ накрапывать маленькій дождичекъ. Верблюды идутъ ходко, и мы не обращаемъ на него никакого вниманія. Но вотъ дождичекъ начинаетъ становиться сильнѣе, и въ 23 часа частое паденіе верблюдовъ заставляетъ насъ остановиться. Темно, звѣздъ не видно. Набитыя глинистыя тропинки страшно скользки: располагаемся спать каждый на томъ мѣстѣ, гдѣ застала команда «стой»; ложимся на мокрую землю и прикрываемся кошами

* * *

18-31 Мая. Разсвѣтъ застаётъ насъ на ногахъ совершенно мокрыми. Когда стало посвѣтлѣе, на ог-

ромной равнинѣ, разстилающейся передъ нами, завиднѣлась какая-то башня. Мечеть ли это, или на самомъ дѣлѣ—башня?—разобрать нельзя. Туркмены говорятъ, что это—только не мечеть, а что именно?—отъ нихъ допытаться трудно: не переводится ихъ слово нами.

Немедленное выступленіе пришлось отложить: умеръ казакъ Фадинъ. Его похоронили, сдѣлали маленькую насыпь поверхъ могилы, перекрестились и пошли по своимъ мѣстамъ.

Выступили въ 7½ час. Воздухъ насыщенъ водяными парами. Впереди надъ башней проносятся обрывки дождевыхъ тучъ. Въ 10 ч. видимъ вполне уже отчетливо и башню, и городъ, а вправо—линію кибитокъ и мѣстами кучки пасущихся верблюдовъ. Итакъ, рано утромъ пройти черезъ Куметь не удалось.

Впереди замелькали одиночные всадники. Посылаю разъѣздъ на сохранившихся лошадяхъ въ числѣ трехъ казаковъ. Въ скоромъ времени пріѣхавшій отъ нихъ доложилъ, что это вызвали туркмены узнать—что за народъ движется по дорогѣ. Когда имъ растолковали, то они обѣщали пріѣхать къ каравану. Дѣйствительно, черезъ часъ или полтора мы видимъ приближающуюся къ намъ группу вооруженныхъ до зубовъ туркменъ. На спинахъ, на поясахъ, на груди понадѣланы у нихъ цѣлыя башни изъ патронъ.

Предводитель, тучный брюнетъ съ густой короткой бородой и такими же бровями сидѣлъ на такомъ же, какъ и самъ, отъѣвшемся аргмакѣ. У двухъ или у трехъ изъ нихъ лошади также поражали насъ своей высотой, откормленностью и невтянутостью. Видно было, что передъ нами уже не степняки. Около этихъ молодцевъ вилась цѣлая шайка на лошадяхъ, значительно худшихъ, въ потрепанномъ одѣяніи и на такихъ же сѣдлахъ.

Видя такихъ блестящихъ воиновъ, я устыдился своего костюма: кальсонъ, рубашки и невозможно стоптанныхъ дырявыхъ сапогъ, которыхъ я не снялъ послѣ дождя, чтобы поправить что-то въ родѣ портянокъ, оставшихся на моихъ ногахъ, т. к. могъ ли-

шиться при невозможности вновь надѣть на ноги и этой обуви, и съ этой цѣлью давалъ имъ сохнуть у себя на ногахъ. Прошу Ивана Ивановича поговорить съ ними безъ меня, а самъ отхожу въ хвостъ каравана, куда приказываю тащить — «у кого что есть лучшее».

Хорунжій Кораблевъ снабжаетъ меня шароварами, подхорунжій Піуновъ—сапогами, и я на себѣ оставляю только свою рубашку. Преображенный, появляюсь передъ этими азіатскими рыцарями. Заводится разговоръ. Оказывается, что они все время держатъ наблюденіе въ сторону Акъ-Атабайцевъ, боясь наѣзда ихъ воровскихъ шаекъ. Это пріятно было слушать, и въ одно и то же время вѣрилось и не вѣрилось этимъ словамъ.

— Какъ эти туркмены попали къ вамъ?—задаетъ мнѣ вопросъ изъ кавалькады, причемъ показываетъ на нашихъ плѣнныхъ.

— Дрались противъ насъ,—отвѣчаю я.—Вы сами же видите, что это Акъ-Атабайцы — наши и ваши враги.

Ив. Ив. передаетъ мой отвѣтъ. Черный туркмень смотритъ на меня и на плохомъ русскомъ языкѣ, но достаточно понятномъ, разувѣряетъ:

— Вотъ этотъ старикъ, с. с., одинъ только Акъ-Атабаецъ, а другіе нѣтъ. И съ этими словами онъ злобно трясетъ нагайкой передъ носомъ старика Акъ-Атабайца и обѣщаетъ расправиться съ нимъ.

— Что тутъ долго думать и махать нагайкой,—взялъ бы ихъ всѣхъ, да и растрѣлялъ,—обращаюсь я къ толстому туркмену,—это бы послужило и доказательствомъ вашего миролюбія къ намъ.

На это мною получается отвѣтъ, что у нихъ въ Джорджъ-Жандѣ есть военный совѣтъ, который все разберетъ и сдѣлаетъ что надо.

Я тутъ же узналъ всю исторію этой катастрофы. Дѣти были посажены на плотикъ а жена и бабушка были уже въ водѣ и, держась за веревки у плотика, готовились плыть на ту сторону, какъ попавшій подъ плотъ конецъ верблюжьяго аркана перевернулъ его. Жена успѣла схватить младшую дочь и какимъ-то чудомъ остаться на этомъ берегу; сынишка при паденіи ухватился за веревку и вмѣстѣ съ плотикомъ былъ перетянутъ на тотъ берегъ.

Глава XV.

Новые друзья. — Туременскій совѣтъ. — Среди горячихъ головъ. — Выходъ изъ положенія. — Переправа.

По картѣ значилось, что мы находимся у туркменъ Джафъ-Арбайцевъ. Откормленные фizioноміи заправили, сытые тѣла ихъ лошадей, слова черномазаго предводителя—указывали на то, что передъ нами, дѣйствительно, враги нашихъ бывшихъ противниковъ Акъ-Атабайцевъ.

Я усёлся на своего коня, любезно предложеннаго мнѣ однимъ изъ предводителей и во главѣ этой шайки тронулся въ городъ. Караванъ пошелъ за нами. Туркмены стали разъезжать между верблюдами, видимо, считая, сколько насъ и какое у насъ оружіе. Мы не противились этому. Переезжаемъ по мосту черезъ рѣчку, и мнѣ указывается районъ, гдѣ мы должны расположиться. Мѣсто, указанное для нашей стоянки, изображаетъ изъ себя площадку, окруженную съ трехъ сторонъ какимъ-то притономъ рѣчки, Бурчень. Правый берегъ, оставленный нами, значительно выше того, на которомъ мы теперь находимся. Удобство было одно: она была покрыта густой хорошей травой. Приказано каравану располагаться на отдыхъ, не разбрасываться и быть готовымъ къ скорому сбору на случай выступления дальше.

День былъ очень прохладный, и многіе дрожали отъ пронизывающей сырости, которая насыщала воздухъ.

* * *

Туркмены пригласили меня на свой военный советъ. Это было для насъ очень интересно, и мы: я, Иванъ Ивановичъ, Борисъ Петровичъ, прихвативъ съ собой, на всякій случай, десять вооруженныхъ казаковъ, отправились туда.

Путь нашъ лежалъ по широкой улицѣ, идущей съ запада на востокъ. Съ правой стороны ея—сады за высокими, глиняными стѣнами, слѣва—дома, изъ которыхъ многіе имѣли какой-то запустѣлый, нежилой видъ. Надъ крышами домовъ выдѣляется гребень холма, постепенно поднимающійся съ запада на востокъ. На лѣвомъ своемъ концѣ онъ имѣлъ разрушенную постройку, какъ будто бы деревянную, на правомъ—хорошій деревянный, одноэтажный домъ въ русскомъ стилѣ и каменную башню, которую мы и видѣли сегодня утромъ. Отъ всего было впечатленіе какой-то необитаемости и запущенности.

Съ главной улицы свертываемъ въ какой-то переулокъ и останавливаемся у небольшого двухэтаж-

наго домика. Показавшійся мальчикъ-туркменъ отворилъ калитку, черезъ которую мы вошли во дворъ, поразившій насъ своей необычайной грязью. По скрипучей деревянной лѣсенкѣ поднялись наверхъ сначала въ какой-то корридорчикъ, а потомъ прошли и въ комнаты. Люди наши оставались на дворѣ.

Въ этой комнатѣ, на кошмѣ, разостланной на широкой кровати, лежала какая-то толстая фигура. Она поднялась при нашемъ входѣ, но ограничилась тѣмъ, что, оставаясь на кровати, поджала подъ себя ножки и что-то закричала по направленію къ двери.

Вновь появившійся мальчикъ подалъ намъ стулья. Мы поставили ихъ у окна и сѣли рядкомъ, помѣстивъ свои винтовки сзади себя. Наступило молчаніе.

Раздавшійся необыкновенный скрипъ лѣстницы заставилъ насъ обратить вниманіе на входную дверь, какъ бы съ нѣмымъ вопросомъ: кого это несетъ Богъ? Разгадка не замедлила: передъ нами очутился черный Маметъ (имя туркмена, который встрѣтилъ насъ за Куметомъ и хотѣлъ расправиться съ Акъ-Атабайцемъ).

Маметъ старается быть очень любезнымъ и сообщаетъ, что намъ приготовлено угощеніе, которое скоро и подадутъ. За словами слѣдуетъ и дѣло. Мальчишка съ помощью какого-то туркмена втаскиваетъ столъ и пододвигаетъ къ нему стулья.

Въ глаза невольно бросается то обстоятельство, что какъ домъ, такъ и стулъ и кровать — не туркменскіе и достались туркменамъ отъ кого-то въ наслѣдство. Туркмены, будь то даже и осѣдлые, въ этихъ предметахъ не имѣютъ нужды. Послѣднее доказывается цѣлой гурьбой явившихся откуда-то въ комнату туркменъ, которые разсѣлись прямо на полъ, поджавъ подъ себя ноги.

Вотъ и угощеніе: на подносѣ мальчишкой приносятся чай, молоко, чебуреки, сабза и свѣжая зернистая икра. Я заинтересовался—откуда могла быть здѣсь икра отъ красной рыбы. Маметъ и еще кто-то изъ туркменъ, повидимому, такъ же изъ торговцевъ, объяснили, что рыба эта здѣшняя и ловится въ Гюр-

чени, куда заходить изъ Каспійскаго моря. Я удивился, т. к. не предполагалъ ничего подобнаго. Голодъ заставляетъ насъ оставить въ сторонѣ дальнѣйшіе вопросы и приняться за ѣду.

Вся пришедшая ватага туркменъ молчала и наблюдала нашу трапезу, не мало, должно быть, удивляясь быстрому исчезновенію поставленныхъ передъ нами явствъ.

Казначей отряда, котораго мы захватили на всякій случай съ собой, купилъ нѣсколько пачекъ различныхъ русскихъ папиросъ, Богъ вѣсть какъ сохранившихся у здѣшнихъ торговцевъ.

Мы насытились во всю, и, кейфуя, покуривали, и начали разсматривать въ свою очередь собравшихся въ комнатѣ. Отъ нихъ шелъ какой-то сальный запахъ, свойственный всѣмъ кочевникамъ. Говорить какъ то не располагало, и въ такомъ пріятномъ состояніи мы были до прихода туркмена въ жилетѣ и рубашкѣ съ широкими рукавами, съ весьма узкими глазками и утинымъ носомъ,

По шепоту и старанію туркменъ дать ему дорогу къ намъ, мы заключаемъ, что это ни кто иной, какъ глава военнаго совѣта. Предстояло говорить. Я положился во всемъ на Ив. Ив., уже не разъ выполнявшего всѣ дипломатическіе шаги.

Главное, съ чѣмъ мы обращались, это то, чтобы туркмены дали намъ проводниковъ. Передъ платой мы рѣшили не останавливаться, хотя бы пришлось сверхъ выданныхъ проводникамъ винтовокъ, дать нашимъ «союзникамъ» и пулеметъ, правда, достаточно попорченный, но объ этомъ мы умалчивали.

Ив. Ив., желая придать нашей бесѣдѣ секретный характеръ, обращается къ туркмену съ утинымъ носомъ и проситъ его удалить всю лишнюю публику.

«Утиный носъ» принимаетъ это къ сердцу и что-то горячо и громко началъ говорить своимъ собратьямъ, но это не имѣло успѣха. Присутствующіе, вмѣсто того, что бы смотрѣть на него, уткнулись въ землю глазами и не только не уходятъ, но, угѣсняясь, даютъ возможность прибывать новымъ посѣтителемъ.

Не добившись своей цели, председатель приглашает насъ пройти въ рядомъ находящуюся комнату, отдѣленную отъ этой досчатой стѣны съ большими щелями. Мы прошли туда и сѣли рядомъ другъ съ другомъ у стѣны.

Попытка председателя захлопнуть дверь передъ носомъ повалившихся сзади насъ туркменъ, не увѣдалась также никакимъ успѣхомъ и комната до невозможности переполнилась любопытными азатами. Черезъ отворенную дверь и щели въ стѣнѣ видны глаза, съ любопытствомъ устремленные на насъ, такъ и на своего главара. Рты у всѣхъ полуоткрыты, лбы влажные отъ нестерпимой духоты.

Горячо говоритъ Ив. Ив., видимо, торгуясь въ условіяхъ. Вертящійся передъ нами, какъ разгоготовившійся гусь, глава совѣта съ жаромъ остаиваетъ свои слова, изрѣдка поглядывая на сидящихъ противъ насъ и съ нами туркменъ, какъ будто ожидая отъ нихъ поощренія своему краснорѣчію. Собище это, въ свою очередь, наблюдаетъ за его движеніями и даже за губами.

Въ самыхъ интересныхъ мѣстахъ своей рѣчи «утиный носъ» смотритъ нѣкоторое время неподвижно на присутствующихъ, и тѣ моментально опускаютъ свои глаза внизъ и что-то скопомъ мычатъ въ отвѣтъ. «Утиный носъ» начинаетъ вновь вертѣться и усиленно жестикулировать, видимо, ободренный сочувствіемъ своихъ соотечественниковъ.

Каковъ, с. с., вырывается у кого-то изъ насъ. Я, добавляя къ этому, что Керенскіе даже и въ Азіи имѣютъ, обращаюсь къ Ив. Ив., съ просьбой, хотя бы въ общихъ чертахъ, познакомить меня съ темой интереснаго дебата, но видя, что моя просьба можетъ помѣшать нашему дипломату вслушиваться въ слова бритаго «Керенскаго», довольствуюсь словомъ Ив. Ивановича «послѣ» и продолжаю заниматься наблюденіемъ за присутствующими туркменскими типами.

Когда уже сама обстановка потребовала паузы, и туркмены къ этому времени были всѣ со слишкомъ влажными лбами, а ихъ ораторъ, кромѣ того, и съ

хриплымъ голосомъ, — Ив. Ив. знакомить насъ съ результатомъ разговора.

Туркмены соглашаются дать намъ проводниковъ, но не до самого Романа, а до какой то горы, находящейся въ трехъ верстахъ отъ этого городка. Мы должны за это отпустить туркменъ — нашихъ заложниковъ и какое то слишкомъ большое количество винтовокъ.

Я обращаюсь къ Ив. Ив. и прошу выругать за это туркменъ и передать, что мы обойдемся и безъ нихъ. Ив. Ив. что то сказалъ, послѣ чего мы встаемъ и уходимъ.

Идемъ тѣми же улицами обратно въ лагерь; идемъ молча. Погодка вполне содѣйствовала нашему настроенію. По небу продолжали летѣть обрывки какихъ то грязныхъ облаковъ. Снѣжныя горы изрѣдка блещутъ своей бѣлизной сквозь рѣдкіе просвѣты собравшихся около нихъ тучъ.

Первая забота была обезопасить себя отъ могущаго быть со стороны туркменъ нападенія, т. к. для насъ было совершенно ясно, что туркмены настроились противъ насъ враждебно. Я обхожу кругомъ лагерь и нахожу, что расположеніе его не представляетъ для насъ никакихъ выгодъ: высота противоположнаго берега можетъ позволить туркменамъ какъ угодно обстрѣливать насъ; близость окраины города также позволяетъ подобраться любой шайкѣ и заставить насъ если не бросаться въ воду, то идти долгое время совершенно открыто. Одно показывало нѣкоторую согласованность нашу съ туркменами по охранѣ отъ общаго врага — Акъ-Атабайцевъ, — это то, что у пройденнаго нами моста былъ караулъ — и нашъ и туркменскій.

Въ скоромъ времени пріѣхалъ Маметъ, вызвалъ меня и Ив. Ив. Онъ проситъ, чтобы мы отпустили нашихъ заложниковъ, увѣряя насъ, что они всѣ — не Акъ-Атабайцы. На нашъ вопросъ — развѣ онъ считаетъ и нашего старика туркмена не Акъ-Атабайцемъ? — Маметъ отвѣчаетъ, что о немъ онъ и не проситъ, и мы можемъ держать его сколько угодно. Въ это вре-

мя наши заложники сидѣли на землѣ и разговаривали съ принесшими имъ различное угощеніе туркменами. Долго я не соглашался выполнить просьбу Мамета, но, въ концѣ концовъ, считаясь съ мнѣніемъ Ив. Ив., рѣшилъ отпустить сначала одного муллу, а потомъ, что бы быть послѣдовательнымъ, далъ свободу и другимъ, кромѣ старика.

Чѣмъ я тогда руководствовался при этомъ, — сейчасъ не помню. Конечно, дѣлалъ это я не по требованію совѣта, а по просьбѣ туркмена, видимо, къ намъ расположеннаго и нѣсколько разъ даже пытавагося передать мнѣ что-то наединѣ. Это ему абсолютно не удавалось: кругомъ бродили туркмены, и онъ боялся вызвать съ ихъ стороны подозрительность. При отпускѣ туркменъ, нашихъ плѣнниковъ, мною могли руководить мысли о переутомленіи людей, могущихъ при несовѣмъ обыкновенныхъ условіяхъ зазѣваться, и этимъ дать возможность убѣждать заложникамъ, а также и соображенія о невозможности строгаго примѣненія всѣхъ правилъ устава при разгонѣ подходящихъ любопытствующихъ туркменъ. Могло играть роль и сознаніе, что, какъ ни вертись, а драки не избѣжишь: плѣнные, именно въ это время, должны будутъ оттянуть большое количество людей.

Стараемся разспросить Мамета и его спутниковъ о состояніи рѣки, про которую мы слыхали, что она отъ дождей стала и глубокой и такой быстрой, что переправа вбродъ будетъ невозможна. Отъ насъ былъ посланъ для развѣдки брода уже давно казакъ, но онъ до сихъ поръ не возвращался. ■

Сообщеніе Мамета было для насъ неутешительно: переправиться черезъ Гюрчень едва ли будетъ можно ранѣе двухъ дней. Это подтвердилъ и казакъ, пришедшій немного позднѣе разговора.

Маметъ уѣхалъ. Мнѣ казаки передаютъ, что туркмены начинаютъ какъ-то особенно зло посматривать на насъ, и одинъ изъ нихъ даже говорилъ, что за всѣ обиды, причиненныя туркменамъ, они съ нами

разсчитаются. Создавшіяся условія не облегчали само-чувствія.

Вечеромъ, подошедшій Сарманъ отводитъ меня въ сторону, прихватываетъ по пути Ив. И. и, оглянувшись вокругъ, таинственнымъ шепотомъ сообщаетъ что на насъ ночью готовится нападеніе. Мы закидали его вопросами—откуда онъ узналъ это: отъ туркменъ, или самъ догадывается? Оказывается, ему передалъ объ этомъ старикъ адаевецъ, живущій здѣсь среди туркменъ уже 15—20 лѣтъ. Въ скоромъ времени видимъ и этого азіата, сородича Сармана, подѣхавшаго къ намъ верхомъ на жиденькомъ конькѣ и заговорившаго рѣшительно о всемъ, кромѣ интересовавшаго насъ. Сарманъ, какимъ-то только ему извѣстнымъ знакомъ, сообщилъ этому старичку, что мы уже знаемъ о его предупрежденіи. Старичокъ сразу какъ-то повеселѣлъ, заговорилъ о томъ, что его ждутъ дома, потомъ простился съ нами и куда-то умчался.

Положеніе требовало отъ насъ рѣшительныхъ мѣръ. Я собираю казаковъ, говорю имъ, чтобы они не суетяся, но быстро въючили верблюдовъ; коротко объясняю—въ чемъ дѣло, назначаю боевой порядокъ какъ при подходѣ къ городу, такъ и по улицамъ, и вновь ихъ распускаю.

Не прошло и 10 минутъ, какъ впереди показался цѣпь, а сзади нея караванъ. Туркмены пробуютъ разговаривать съ казаками по поводу такого страннаго нашего поведенія, но на ихъ вопросы никто не отвѣчаетъ. Пробѣжавшіе мимо каравана старики туркмены нѣсколько разъ повторяли фразу: „Умъ есть, умъ есть“.

Входимъ въ городъ по знакомой уже широкой улицѣ, доходимъ до какого-то переулка и вытягиваемъ караванъ по узкой и длинной улочкѣ. Проходъ по ней дѣлается совершенно невозможнымъ. Это нервируетъ туркменъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и заставляетъ ихъ подыскать для насъ мѣсто.

Они предложили намъ занять широкій четырехъ угольный дворъ, обнесенный съ трехъ сторонъ полуразвалившимися стѣнами, а съ четвертой—сплошной

линіей лавченокъ, съ главными входами на широкую улицу. По серединѣ двора находятся какія-то каменные постройки, совершенно не азіатскаго издѣлія, двѣ — три кибитки и что-то вродѣ мѣстъ для базарныхъ торгашей. Кибитки принадлежатъ нашему знакомцу — Мамету. Кругомъ двора идутъ улицы съ каменными двухэтажными домами, окна у которыхъ всѣ powyбиты, стѣны попорчены. Это намъ говоритъ, что здѣсь жили русскіе. Почему ихъ теперь нѣтъ, и какая произошла здѣсь драма? — остается неизвѣстнымъ. Только въ Роміанѣ, на персидской землѣ, я узналъ, что здѣсь была рѣзня туркменами всѣхъ русскихъ жителей. Случилось это во время германской войны, въ 16 или 17-омъ году.

Появившійся изъ кибитокъ Маметъ приглашаетъ меня, Ив. Ив., комадира 1-го взвода и ес. Б. П. Митрясова къ себѣ на угощеніе. Мы были всѣ вмѣстѣ и обсуждали въ это время все случившееся, и, принявъ рѣшеніе — завтра чуть свѣтъ начать переправу, разошлись — они въ гости, а я къ себѣ въ артель.

На дворѣ успокоившимися туркменами былъ открытъ цѣлый базаръ. Туркмены принесли чуреки, яйца, молоко и сушеную рыбу. Берутъ за все страшно дорого. Жена, при помощи Сармана, закупаетъ на походъ все необходимое. Казначею приносятъ счетъ за угощеніе насъ въ военномъ совѣтѣ на 2.000 рублей. Это вызываетъ оживленный обмѣнъ мыслей въ лагерѣ.

— Азіаты свою единственную добродѣтель — гостепріимство, и ту продали, — говорю я казначею и приказываю уплатить деньги.

Посты у насъ выставлены на всѣхъ углахъ двора. по улицамъ посылаются изрѣдка патрули.

На дворѣ была ночь, когда я, напившись чаю, залегъ подъ навѣсъ съ винтовкой въ рукахъ, готовый по первому подозрительному шуму вскочить на ноги. Сонъ былъ нехорошій, прерывчатый. Шедшій ночью дождь наводилъ на грустные размышленія о завтрашнемъ днѣ, переправѣ и т. д.

19 мая: 1 июня. Проснулись все ни свѣтъ ни зоря. Караванъ подъ прикрытіемъ 1-го взвода пошелъ къ переправѣ. Туда направился вмѣстѣ съ нимъ и Ив. Ив. Два остальныхъ взвода остаются въ городѣ, чтобы не позволить туркменамъ напасть на караванъ при проходѣ его какъ по улочкамъ города, такъ и по степи до мѣста брода. Я съ Борисомъ Петр. остаюсь здѣсь съ этими взводами.

Къ 9 часамъ утра положеніе всѣхъ насъ было таково: тамъ на переправѣ люди изыскиваютъ способъ преодолѣть вздувшуюся отъ дождей рѣчку „Гюрченъ“; на мосту продолжаетъ стоять смѣшанный караулъ изъ насъ и туркменъ, свободно пропускающій въ городъ горячій элементъ изъ степныхъ ауловъ; мы всѣ находимся во дворѣ и принуждены видѣть, слышать и чувствовать все болѣе и болѣе возбуждающееся воинственное настроеніе туркменской массы.

Къ намъ то и дѣло подходитъ Маметь, вытираетъ потъ и говоритъ о томъ, — съ какимъ усиліемъ ему приходится разгонять толпы. Онъ боится, что толпа не сдержится, и стрѣльба съ побоищемъ произойдетъ во дворѣ, гдѣ у него семья. Часовые докладываютъ, что возбужденіе передается съ какой-то поразительной быстротой отъ однихъ туркменъ къ другимъ, и они видятъ, какъ туркмены съ разнымъ дрекольемъ бѣгутъ къ южной окраинѣ города. Туркмены набрались и къ намъ, во дворъ, и столпились около нашего пулемета. Я приказалъ, на всякій случай, заложить ленту и быть готовымъ. Толпа старается быть сдержанной и поражается, видимо, нашимъ спокойствіемъ. Мы всѣ при винтовкахъ и пьемъ чай у лавченокъ.

Повидимому, въ толпѣ есть наши сторонники. Изъ разговоровъ, сейчасъ не помню съ кѣмъ, я услышалъ, какъ одинъ изъ нашихъ часовыхъ, задремавшій ночью, былъ разбуженъ туркменомъ, сказавшимъ буквально такіа слова: «Что ты дѣлаешь! Тебя поставили стеречь товарищей, а ты спишь!». И въ толпѣ,

окружившей пулеметъ, все время раздаются предостерегающіе голоса нѣкоторыхъ туркменъ: «Смотрите куда лѣзете», говорятъ они болѣе горячимъ, — «сейчасъ откроютъ огонь и отъ васъ никого не останется». Это охлаждаетъ жаръ въ бритыхъ головахъ, и толпа продолжаетъ быть нерѣшительной.

Мы всецѣло во власти обстановки, и, того гляди, вынуждены будемъ драться здѣсь, совершенно уже въ невыгодныхъ для насъ условіяхъ и съ боемъ находить себѣ выходъ изъ города къ каравану.

При помощи Мамета мы пускаемся на всякія хитрости. То обстоятельство, что мы не могли говорить съ Маметомъ наединѣ, отдѣлившись куда-нибудь въ сторону, не позволяетъ намъ какъ слѣдуетъ договориться, отчего мы другъ друга плохо понимали. Всѣ эти переговоры носили характеръ неопредѣленности, нерѣшительности, и, безусловно, могли зарождалъ въ душѣ у казаковъ тревожное чувство. Начинались они обыкновенно самимъ Маметомъ, который чуть не со слезами на глазахъ упрасивалъ насъ покинуть дворъ, чтобы не заставить свою семью терпѣть ужасъ.

Мы ясно понимали, что въ случаѣ ухода своего отсюда лишимся и послѣдняго невольнаго нашего защитника, и оттягиваемъ выходъ. Мы говоримъ о своемъ желаніи снестись письменно съ какимъ-то туркменомъ Николаемъ, противникомъ большевиковъ; спрашиваемъ, сколько дней потребуется на это; просимъ его сходить въ совѣтъ, чтобы намъ помогли отсюда.

Маметъ испаряется, скоро опять приходитъ и опять начинаетъ охать и вздыхать. Мы его удерживаемъ при себѣ разспросами, чтобы черезъ нѣкоторое время вновь послать его куда-нибудь.

Въ одинъ изъ свсихъ приходовъ онъ, обливаясь потомъ, началъ умолять насъ какъ можно скорѣй покинуть это мѣсто, т. к. страсти все больше и больше разгораются: идетъ рѣзня уже между самими туркменами. Онъ сообщилъ намъ фактъ, какъ два брата туркмена порѣзались между собой изъ за несходства

взглядовъ: одинъ дышалъ на насъ непонятной злобой, а другой, наоборотъ, защищалъ.

Намъ ничего не оставалось дѣлать больше, какъ сказать ему, что мы сейчасъ окончательно подумаемъ — куда намъ идти, и послѣ этого выйдемъ.

Толпа, собравшаяся во дворѣ, начинаетъ больше и больше возбуждаться отъ словъ нашихъ приверженцевъ:

— Куда вы суетесь, казаки все равно васъ побьютъ, — они опытнѣе васъ и лучше знакомы съ войной.

Мы принуждены чувствовать, какъ подобныя фразы достигаютъ совершенно обратнаго результата. Сбывалась пословица: услужливый дуракъ — опаснѣе врага. Желая утѣшить Мамета и охладить расходившихся туркменъ, я ему говорю, что получилъ свѣдѣнія о невозможности переправы, а поэтому думаю караванъ вернуть и занять мѣсто, которое онъ укажетъ. Онъ указалъ ихъ два: одно на горѣ съ башней, другое въ какой то старой школѣ, на западной окраинѣ.

Я съ офицерами, прихвативъ и Мамета, отправились на гору. Прошли по совершенно пустымъ улицамъ. Съ горы, на глазахъ Мамета, отправляю съ казакѣмъ приказаніе — каравану вернуться». Маметъ успокоенный уходитъ отъ насъ. Мы поднимаемся къ дому, входимъ во внутрь его, осматриваемъ; вновь выходимъ, смотримъ внизъ на окрестности, выдумываемъ планы выхода изъ положенія и не можемъ принять никакого рѣшенія.

Сообщеніе толпѣ Маметомъ о нашемъ желаніи остаться въ Куметѣ охладило головы немногимъ. Съ горы намъ было видно, какъ съ южной окраины городка отдѣльные люди стали расходиться по совершенно пустымъ до этого улицамъ, на которыхъ черезъ нѣкоторое время мы замѣтили и привязанныхъ къ столбикамъ осѣдланныхъ лошадей.

Отъ нечего дѣлать осмотрѣлъ высокую башню, построенную какимъ-то персидскимъ принцемъ въ очень отдаленныя времена и до сихъ поръ крѣпкую.

* *

Состояніе было ужасное. Угнетало сознаніе полной невозможности додуматься до чего-нибудь цѣлѣ-

сообразнаго. Желаетъ даже прихода красныхъ, какъ выручки отъ рукъ азіатовъ и утѣшаетъ себя при этомъ тѣмъ, что большевики все же не звѣри и не всѣхъ перерѣжутъ. Самъ какъ-то уже спокойно мирился съ послѣднимъ выходомъ для себя—пулей. Пытаюсь заснуть, надѣясь хоть этимъ немного освѣжить мозгъ. Проходитъ полчаса и никакого облегченія.

Уныло сходимъ съ горы и, о, радость!—передъ нами казакъ съ извѣстіемъ, что переправа началась, и 14 верблюдовъ уже при немъ были на той сторонѣ.

Куда дѣвалось все: и тяжесть, и сонливость. Выходъ изъ положенія сталъ ясенъ для меня, какъ Божій день. Немедленно, въ отмѣну прежняго приказанія, съ этимъ казакомъ отправляется новое—«продолжать переправу во что бы то ни стало». Всѣ мы возвращаемся къ казакамъ во дворъ; здѣсь встрѣчаетъ насъ Маметъ нетерпѣливымъ вопросомъ: гдѣ мы рѣшили расположиться?

— «Въ школѣ,—отвѣчаю я,—на горѣ намъ располагаться неудобно: верблюды будутъ далеко отъ насъ, и за водой придется бѣгать, чортъ знаетъ, куда.

Дѣлюсь своимъ планомъ выхода со взводными командирами. Рѣшено было немедленно выводить людей по той улицѣ, по которой караванъ пришелъ вчера сюда; идти гуськомъ по обѣимъ сторонамъ ея, дойти до западной окраины, тамъ поворотомъ налево образовать цѣпь и смѣло шагать черезъ засѣянные поля съ поспѣвающими уже высокими густыми колосьями прямо на переправу, попутно захвативъ съ собою съ моста и нашъ караулъ. Такъ и поступаемъ.

Радостно вздохнулось, когда мы покинули дворъ. Туркмень на улицахъ не видно. При подходѣ къ мосту встрѣчаемъ цѣлую партію, проскочившихъ черезъ него, вооруженныхъ азіатовъ. Одинъ изъ нихъ былъ намъ знакомъ. Онъ приостанавливается, здоровается со мной за руку. На его вопросъ—куда это мы идемъ? я отвѣчаю съ улыбкой: «На вчерашнее мѣсто», и качаю головой вправо. Онъ вѣритъ мнѣ и старается еще о чемъ-то поговорить. Какого было его изумленіе, когда шествующіе другъ за другомъ люди поворо-

томъ налѣво образовали боевой порядокъ и спокойно пошли въ совершенно противоположную сторону, чѣмъ та, на которую я ему указалъ. Онъ что-то взвизгнулъ, стегнулъ своего коня нагайкой и понесся въ городъ. За нимъ понеслась и вся ватага. Отъ стрѣльбы по нимъ мы воздержались.

Воображаю—какую сумятицу онъ внесъ въ среду своихъ сородичей, которые хотѣли напасть на насъ на южной окраинѣ города, и отъ которыхъ мы проходимъ теперь не менѣе, чѣмъ въ полтора верстахъ, и вполне спокойно. Это случилось въ 13^{1/2} час.

Туркмены открыли по насъ огонь по прошествіи не менѣе 10-15 мин., когда мы были уже въ чистомъ полѣ.

Цѣпи отходятъ молча, скорымъ шагомъ. Вотъ вправо завиднѣлось какое-то бѣлое зданіе, возлѣ котораго гдѣ-то, какъ мы знали, и должна происходить переправа. Дошли до него. Оно оказалось небольшимъ двухэтажнымъ, толстостѣннымъ и расположеннымъ на холмикѣ, у подошвы котораго стояли двѣ или три туркменскихъ кибитки, жители которыхъ сбѣжали. Какъ опорный пунктъ,—зданіе было великолѣпно, лучшаго и придумать нельзя: кругомъ великолѣпный обстрѣлъ и подъ защитой его черезъ рѣку хоть сейчасъ переправляйся.

Здѣсь была расположена большая часть 3-го взвода, которая и обозначала нашъ лѣвый флангъ. Правый флангъ помѣщался также на возвышенности, похожей на могильную насыпь; тамъ была часть 2-го взвода. Остальные люди отряда были разсыпаны между этими двумя пунктами, находящимися другъ отъ друга въ 400-500 шагахъ. Цѣпь эта была очень рѣдка, но это меня не беспокоило: я отлично сознавалъ, что туркмены не осмѣлятся атаковать насъ въ лобъ.

Послѣднимъ обстоятельствомъ я воспользовался, чтобы отыскать переправу и посмотреть что уже тамъ сдѣлано. Прошелъ къ ней посреди какихъ-то густыхъ зарослей, довольно колючихъ; вышелъ на берегъ и оказался какъ разъ надъ переправой. Спускъ и подъемъ къ рѣчкѣ были очень круты. Имѣющіяся

подъ крутыми берегами какъ съ этой, такъ и съ той стороны площадки, довольно широкія и длинныя, дѣлають возможнымъ совершать переправу незамѣтно отъ глазъ азіатовъ, въ мертвомъ пространствѣ.

* * *

Пули летятъ высоко. Жизнь на переправѣ кипитъ. Верблюды привязываются по два, по три къ аркану, перетянутому черезъ рѣчку и усиліями казаковъ перетягиваются вплавъ на ту сторону. На другомъ арканѣ ходитъ плотикъ изъ бочатъ; на немъ перевозятъ раненыхъ и весь тотъ скарбъ, который боится быть подмоченнымъ.

Казаки, приставленные къ этому дѣлу, работаютъ сверхъ силъ и обливаются потомъ: замѣнить ихъ нельзя, т. к. всѣ остальные казаки 1-го взвода находятся въ цѣпи на томъ берегу рѣченки и не даютъ туркменамъ забраться въ тылъ нашей переправы. Переправой руководить Ив. Ив. Климовъ.

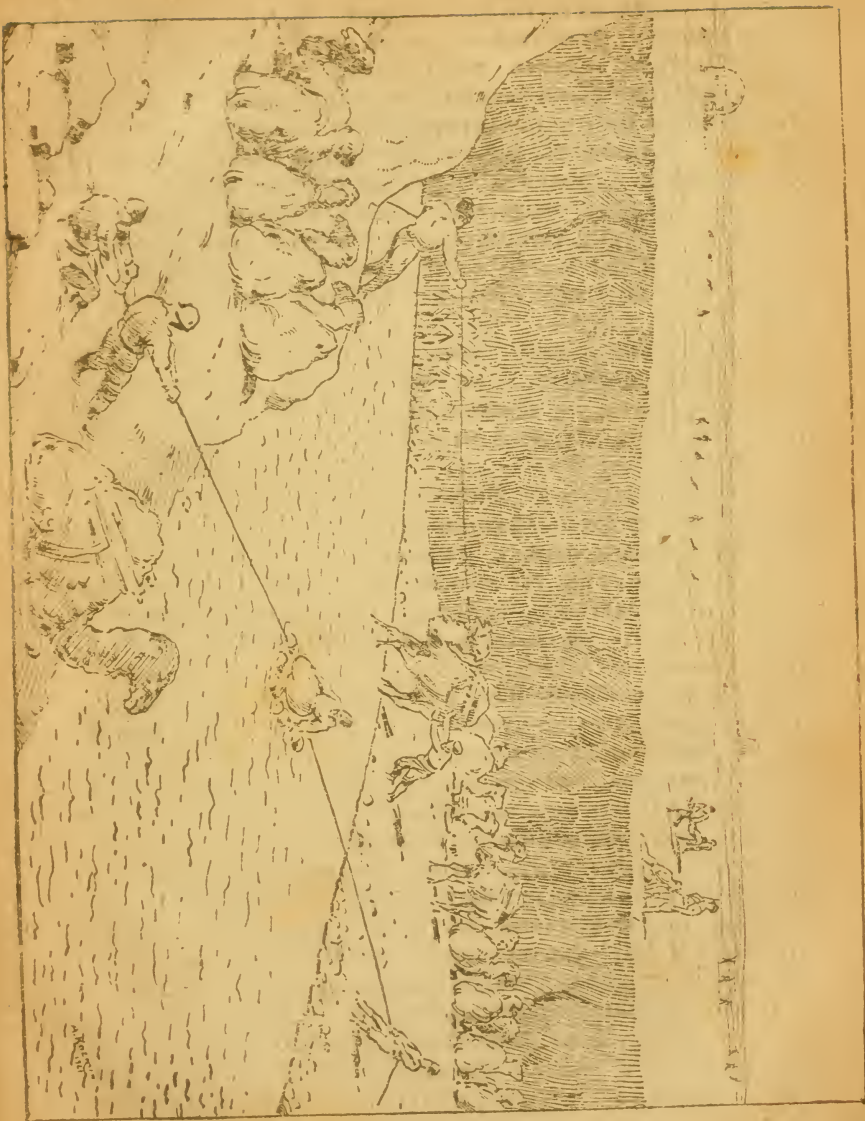
Внизу подъ собой вижу жену. Она чѣмъ-то взволнована. Спрашиваю—что такое случилось?

— Чуть было не потонули!—отвѣчаетъ она.

Только теперь я обратилъ вниманіе на то, какъ на лѣвомъ берегу два казака что-то усиленно качаютъ. Это была моя старшая дочь, которая находилась въ безсознательномъ состояніи послѣ того, какъ ее вытащили изъ воды. Я тутъ же узналъ всю исторію этой катастрофы.

Дѣти были посажены на плотикъ, а жена и бабушка были уже въ водѣ и, держась за веревки у плотика, готовились плыть на ту сторону, какъ попавшій подъ плотъ конецъ верблюжьяго аркана, перевернулъ его. Жена успѣла схватить младшую дочь и какимъ-то чудомъ остаться на этомъ берегу; сынишка при паденіи ухватился за веревку и вмѣстѣ съ плотикомъ былъ перетянутъ на тотъ берегъ. Старшая дочь свалилась прямо въ руки бабушки, окунулась вмѣстѣ съ ней, потомъ онѣ опять показались изъ воды и стали быстро относиться теченіемъ.

Переправившіеся въ это время на тотъ берегъ раненые при видѣ этой картины ошолбенѣли: другіе

Пули летят высоко. Жизнь на переправѣ кипитъ. Верблюды привязываются по два, по три къ аркану, перетянутому черезъ рѣчку и усиліями казаковъ перетягиваются вплавь на ту сторону. На другомъ арканѣ ходитъ плотикъ изъ бочатъ; на немъ перевозятъ скотъ, который боится быть подмоченнымъ.

же казаки были заняты въ это время перевозкой. Одинъ изъ присутствующихъ на томъ берегу, казакъ Зиновій Ковалевъ, не растерялся, въ мигъ сорвалъ съ себя одежду, бросился въ воду и схватилъ ихъ. Страшно быстрое теченіе, какъ будто не желая отдавать свою жертву, выматывало послѣднія силы у Ковалева. Нѣкоторые изъ присутствующихъ на томъ берегу казаковъ пришли въ себя и бросились на помощь къ спасающему. Цѣпляясь другъ за друга, они, какъ въ старой сказкѣ, вытянули бабку и внучку изъ воды. Бѣдную дочурку пришлось откачивать: она много наглоталась воды и отъ всего пережитого была въ безпамятствѣ. Эту картинку я и увидалъ, подойдя къ берегу.

Успокоивъ жену тѣмъ, что все, Богъ дастъ, сойдетъ благополучно, я ее попросилъ, чтобы цѣнные мои документы не подверглись той же участи, какая постигла дѣтей. Послѣ этихъ словъ я пошелъ обратно къ цѣпямъ.

Подошедшій ко мнѣ Б. П. Митрясовъ обратилъ мое вниманіе на необходимость взять гору, находящуюся на нашемъ берегу, назади и лѣвѣе опорнаго пункта: съ этой горы по цѣпямъ въ тылъ стрѣляли туркмены. Я согласился съ нимъ. Онъ ушелъ. Скоро задалъ нашъ пулеметъ, и я получилъ свѣдѣніе, что гора взята.

Прошелъ сначала въ 3-ій взводъ, на опорный пунктъ, затѣмъ по цѣпи на свой правый флангъ. Здѣсь меня предупредили, что стоять открыто нельзя, т. к. туркмены, находившіеся приблизительно на дистанціи 1000 шаговъ на какомъ-то увалѣ, довольно хорошо пристрѣлялись по этому мѣсту. Попадшія двѣ три пули разомъ въ бугоръ показали правдивость словъ казаковъ. Я тотчасъ же легъ и изобразилъ изъ себя головную мишень, которую, безусловно, съ разстоянія въ 1000 шаговъ было трудно замѣтить. Послѣ нашихъ выстрѣловъ находящіеся на томъ курганѣ папахи моментально скрываются за гребень. Лежа на своемъ бугрѣ, я въ бинокль наблюдаю за туркменами.

Вотъ въ глаза бросается далеко, далеко отъ насъ какая-то пѣшая толпа, предводительствуемая

всадниками. Колонна эта идетъ, какъ будто, въ Ку-метъ, временами скрываясь въ долинахъ и лощинахъ. Черезъ нѣкоторое время, поравнявшись съ нашимъ правымъ флангомъ, эта толпа, какъ будто, поворачивается въ нашу сторону и вновь куда-то исчезаетъ; еще немного, и надъ травой заколыхались черными букашками туркменскія папахы. Теперь они уже идутъ разсыпано, цѣпями. Вотъ первая цѣпь ихъ за уваломъ, откуда и ранѣе пострѣливали въ насъ туркмены. Пули начинаютъ чаще и чаще свистѣть и жалобно выть послѣ рикошета. Черныхъ гочекъ на увалѣ значительно больше, но онѣ чувствуютъ почтеніе къ нашимъ пулямъ такое же, какъ предыдущія, и частенько скрываются совершенно, разомъ всѣ, за гребнемъ. На всякій случай усиливаю 2-ой взводъ, обнажая для этого центръ, охраняемый и до этого времени черезчуръ жидкой цѣпью.

Такое расположеніе туркменъ на нашемъ правомъ флангѣ показывало мнѣ нежеланіе съ ихъ стороны допустить отрядъ идти какъ вверхъ по рѣчкѣ, такъ и не дать возможность ему безнаказанно вернуться въ городъ: туркмены, при движеніи насъ къ гореду, могли скорѣе попасть туда и встрѣтить насъ градомъ пуль.

Меня заинтересовалъ такой ихъ планъ. Я начинаю внимательнѣе смотрѣть вдаль въ свой бинокль: на томъ берегу рѣки, къ синѣющимъ горамъ, у еле замѣтныхъ кибитокъ, замѣчаю другое сборище, повидимому, конное. Я стараюсь обдумать—что это значить. Подошедшій ко мнѣ кто-то изъ казаковъ, которому я передалъ бинокль, подтверждаетъ мою догадку относительно конницы, и при этомъ говоритъ, что онъ отъ кого-то слыхалъ о существованіи моста именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится пѣшая масса азіатовъ.

Мнѣ стала ясна причина накапливанія туркменъ на нашемъ правомъ флангѣ: они должны были не допустить насъ, въ случаѣ неудачи переправы здѣсь, къ мосту. Также было ясно, что конная масса имѣла назначеніемъ сбить нашъ отрядъ съ главной дороги

на Роміанъ, и окончательно вымотать его до подхода другихъ туркменскихъ ордъ.

Планъ былъ у нихъ простъ, и я бы сказалъ, довольно цѣлесообразенъ, но они не приняли во вниманіе одно обстоятельство, что нашъ верблюдъ такъ же ходитъ по дорогамъ, какъ и безъ дорогъ. Пслѣднее я и принялъ въ соображеніе и рѣшилъ идти не туда, гдѣ меня ожидаютъ, а своимъ путемъ—по компасу.

Ободренный этими мыслями, я пошелъ вновь къ переправѣ, чтобы еще разъ удостовѣриться, какъ идетъ тамъ дѣло.

Переправа шла болѣе, чѣмъ блестяще: на этомъ берегу оставалось всего-на-всего три верблюда, на переправу которыхъ уйдетъ не болѣе 6 минутъ.

Бѣгу порадовать такимъ извѣстіемъ 3-й взводъ и говорю ему, что черезъ 10 минутъ люди могутъ одиночнымъ порядкомъ, подъ прикрытіемъ зданія, незамѣтно подходить къ переправѣ и переправляться на тотъ берегъ; предупреждаю о томъ, чтобы не было суеты и сообщаю, что переправа будетъ защищаться огнемъ съ того берега. Затѣмъ по цѣпи передаю это же приказаніе во 2-ой взводъ и самъ ухожу на переправу.

Здѣсь узнаю, что туркмены успѣли сшибить нашихъ молодцовъ съ горы сзади нашего лѣваго фланга и стали вновь пускать пули въ тылъ нашей цѣпи. Теперь это уже значенія не имѣло, и я, поинтересовавшись этой исторіей, раздѣлся, сложилъ одѣяніе и винтовку на бочата, и пустился вплавь на тотъ берегъ. Не успѣлъ я одѣться, какъ казаки всѣ были уже на лѣвомъ берегу.

При разсказѣ казаковъ о томъ, какъ ихъ сбили туркмены, я сначала былъ возмущенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что казаки бросили своего убитаго товарища. Ознакомившись вполнѣ со всѣми подробностями, я уже не могъ обвинять ихъ за это. Гору брали всего семь человѣкъ подъ прикрытіемъ пулеметнаго огня. Туркмены успѣли двухъ ранить. Раненыхъ понесли казаки обратно къ 3-му взводу, оставалось тамъ всего-на-всего три человѣка, изъ которыхъ былъ одинъ убитъ и одинъ раненъ.

Сспразился относительно пулемета—не подмочили ли его? И тутъ оказалось, что все обстояло благополучно у него, что называется, не замочили и колеса. Другой пулеметъ, неисправный, который мы предлагали туркменамъ въ награду, если они намъ дадутъ проводниковъ, былъ на глазахъ у меня разобранъ и по частямъ брошенъ въ воду.

Глава XVI.

Ночь. — Ушли. — Въ дѣсу. — Новый проводникъ. — Прибытіе въ Роміанъ. — Переводчица. — Ровно два мѣсяца.

Пока въючили верблюдовъ, наступила ночь.

Такой свѣтлой ночи я не забуду. Луна льетъ свой нѣжный свѣтъ, какъ будто ей нѣтъ дѣла до жестокости людей. Странно, но и намъ въ душу она вливаетъ спокойствіе и увѣренность.

Я приказываю каравану вытягиваться изъ подъ горы сразу тремя колоннами и двигаться за мной. Впереди меня идетъ пѣшая застава съ неутомимымъ Ив. Ив. во главѣ и держитъ путь прямо на югъ.

Верлюды вытянулись въ линіи и отошли отъ берега. Въ это время мы услышали вправо отъ насъ надрывающій душу крикъ и проклятіе. Засвистѣвшія пули, то надъ караваномъ, то впереди, то гдѣ-то позади,—показывали, что мѣткая стрѣльба ночью,

хотя и очень свѣтлой, очень трудна. Скоро и она прекратилась.

Верблюды послѣ купанья, рѣшивъ, вѣроятно, согрѣться движеніемъ, дѣлають необычайно большіе и быстрые шаги. Приходится сдерживать ихъ порывъ, т. к. отъ цѣпей справа и слѣва идетъ все время мольба о тихомъ ходѣ: трава была слишкомъ высока и густа, и казаки, идя по ней гуськомъ, и то выбивались изъ силъ, мѣняя чуть ли не черезъ минуту головной номеръ. Временами приходится каравану останавливаться, чтобы дать передохнуть стрѣлкамъ.

На одной изъ такихъ остановокъ получаю отъ Ив. Ив. донесеніе, что впереди опять рѣка, но почти тотчасъ же пришедшій другой казакъ сообщилъ, что рѣка проходима въ бродъ, и глубина ея по горло. Это было значительно лучше.

Для меня теперь стало совершенно ясно,—почему конная масса группировалась лѣвѣе насъ. Переправившись удачно черезъ Гюрчень часа три тому назадъ и наткнувшись опять на непроходимую рѣку, мы, волею-неволею, должны были бы идти влѣво въ обходъ, т. е. именно туда, гдѣ насъ ожидали. Теперь же вода сбывла, и мы свободно, не задерживаясь, перешли и эту рѣчку. Послѣ нея проходимъ лощины разной ширины и глубины, съ бѣгущими ручьями по дну ихъ, съ богатой растительностью. Выбираемъ только тѣ тропинки, которыя ведутъ на югъ. или, даже, придерживаются запада.

Идемъ и удивляемся: ни одной засады, ни одного выстрѣла. Тутъ же находимъ и объясненіе этому: туркмены, не ожидая нашего движенія безъ дорогъ, потеряли съ нами всякую связь. И только тогда, когда мы поднимались изъ послѣдняго, встрѣтившагося намъ оврага, послѣ 2½—3 часовъ хода, въ головной заставѣ, у Ив. Ив. раздался первый залпъ.

Я спѣшу туда: оказывается, стрѣляли по туркменскимъ папахамъ, мелькавшимъ надъ густой, высокой травой. Это означало, что туркмены насъ разыскивали. Тотчасъ же слѣва отъ меня раздался еще залпъ: это стрѣлялъ лѣвофланговый взводъ. Залпы

были чистые и дѣйствовали на туркменъ въ высшей степени охлаждающе. Приближавшіяся, на сколько позволяла луна, къ цѣлямъ папахи послѣ такихъ залповъ разлетались, какъ призраки, и мы еле успѣвали улавливать топотъ по сырой землѣ копытъ ихъ лошадей.

Послѣ одного залпа казаки принесли туркменскую папаху. Они видѣли какъ упалъ туркменъ съ лошади, понесли на то мѣсто, но въ густой травѣ нашли только одну папаху.

Такіе пустяки не задерживали движенія каравана. Мы уже были далеко отъ этого мѣста, какъ вновь раздались частые одиночныя выстрѣлы, и одна шальная пуля вынесла у насъ еще одну жертву—ур. Рыгина. Караванъ пришлось остановить, чтобы завязочить вновь раненаго. Казаки почему-то рѣшили, что стрѣлялъ туркменъ, упавшій съ лошади.

Вотъ передъ нами сплошной стѣной, какъ намъ казалось, лѣсъ. Невольно мелькаетъ въ головѣ, что намъ надо именно здѣсь ожидать засады. Караванъ остановленъ, 2-ой взводъ съ Ив. Ив. во главѣ производитъ развѣдку.

Въ скоромъ времени отъ него приходитъ извѣстіе, что въ лѣсу все тихо, признаковъ человѣка нѣтъ; самъ онъ находится на полянкѣ, гдѣ масса кибитокъ, но безъ туркменъ. Кругомъ непроходимый лѣсъ. Мы продвигаемся на поляну къ кибиткамъ, гдѣ меня встрѣчаетъ Ив. Ив. и радуется тѣмъ, что имъ удалось поймать около кибитокъ старика туркмена съ берданкой и съ однимъ патрономъ. Ив. Ив. надѣется узнать отъ него о направленіи дальнѣйшаго нашего пути. Для разговора съ этимъ старикомъ онъ ушелъ въ какую-то кибитку. Караванъ, не дожидаясь результата его переговоровъ, былъ вытянутъ изъ аула и остановился на полянѣ.

Большое стадо, невиданнаго до сихъ поръ нами рогатаго скота, отъ насъ, какъ отъ чужихъ, бросается въ сторону и старается спастись бѣгствомъ. Всѣ животныя были съ крутыми высокими горбами на спинѣ.

Сама ночь съ яркой луной въ глубокой синей дали неба, этотъ окружающій насъ лѣсъ, поляна съ кибитками, караванъ, въ своемъ молчаніи похожій на рядъ фантастическихъ тѣней, хлынувшее во всѣ стороны стадо, заставившее переливаться брилліантами брызги воды подъ своими копытами,—все, казалось бы, и мертваго могло заставить любоваться собой, а не только людей, обоженныхъ, высушенныхъ до послѣдней степени однимъ и тѣмъ же для всего и всѣхъ солнцемъ, видѣвшихъ въ продолженіе безъ двухъ дней два мѣсяца одну, обиженную Богомъ, азіатскую степь и часто думавшихъ только объ одномъ глоткѣ воды: меня захватила эта сказочная красота, и я самъ удивлялся, какъ могло это быть послѣ такого большого перехода и всѣхъ заботъ, связанныхъ съ нимъ. Тутъ же мнѣ припомнилось полное равнодушіе мое, какъ охотника, при видѣ цѣлой стайки дикихъ кабановъ, выбѣжавшихъ изъ густой заросли на берегъ рѣки Гюрченя, когда къ ней подходила наша цѣпь для защиты переправы. Охотничій инстинктъ не пожелалъ во мнѣ проснуться при видѣ этихъ вкусныхъ четвероногихъ тварей. Видимо, въ то время намъ, похожимъ самимъ на красную дичь для туркменъ, было отъ души противно стрѣлять въ беззащитныхъ животныхъ. Многіе тогда ихъ видѣли, но никому не пришла въ голову мысль убить пулей хотя бы одного. Чувство же красоты и умиленія охватило не только меня одного: всѣ въ той или иной степени были подвержены ему. Странно только одно, что это случилось послѣ всего пережитаго, когда, казалось бы, уже ничто не могло насъ удивить.

Ив. Ивановичу, наконецъ, удалось договориться съ туркменомъ, притворявшимся то глухимъ, то нѣмымъ, то отказывающимся по старости сопровождать насъ. Посадили его на верблюда, приставили караулъ и тронулись въ путь.

Впереди опять со своимъ взводомъ Ив. Ив. Идемъ тропинками; ни вправо, ни влѣво ничего не видно, кромѣ сплошной стѣны лѣса. Подъ ногами вода; мѣстами сплошныя стѣны уступаютъ мѣсто какимъ-то

зарослямъ и отдѣльными деревьямъ. Часто спотыкаемся о широкіе узловатые корни. Мѣстами луна отражается въ водѣ и заставляетъ отражаться въ ней изломанными линіями огромные высокіе стебли, очевидно, бамбука.

Растительность была, если не тропическая, то полутропическая. На полянкахъ попадаются какіе-то необычайно высокіе широкіе кусты съ длинными толстыми листьями. Отъ листьевъ нѣкоторыхъ деревьевъ пахнетъ не то апельсиномъ, не то лимономъ. Одиночные деревья, стоящія на полянахъ, поражаютъ своей величиной и необычайно широкой кроной.

Проходимъ цѣлые туннели, то образующіеся изъ сплетшихся верхушекъ деревьевъ, то изъ какихъ-то длинныхъ высокихъ стеблей, переплетенныхъ между собой сплошной массой ползучихъ растений, породу которыхъ не можемъ разобрать. Здѣсь, должно быть и днемъ царствуетъ полумракъ.

Одно мнѣ становится непріятнымъ, это то, что я давно уже началъ замѣчать поворотъ нашъ на юго-востокъ. Нѣсколько разъ изъ-за этого вступаемъ въ пререканія съ туркменомъ и выводимъ его изъ себя. Онъ сначала твердитъ одно—«Роміанъ, Роміанъ»,—стараясь этимъ доказать вѣрность своего направленія, а потомъ бросаетъ и это, и на всѣ дальнѣйшіе разспросы изображаетъ изъ себя ничего не понимающую согнутую фигуру. Намъ оставалось только одно,—слѣдовать, куда онъ насъ ведетъ, т. к. свернуть здѣсь считали дѣломъ болѣе, чѣмъ опаснымъ.

Какъ ни хороша природа вокругъ, но силы Человѣческія подбадриваться могутъ до извѣстнаго предѣла,—усталость преодолеваетъ и новыя впечатлѣнія, и желаніе выбраться изъ этой сплошной заросли. Всѣ идутъ и дремлютъ, и я, «покорный общему закону», иду за проводникомъ и клюю носомъ.

Выведенъ былъ изъ состоянія полудремоты какимъ-то, раздавшимся вправо отъ меня, шорохомъ. Мнѣ показалось, что растительность какъ-то странно заколыхалась. Мелькнуло подслѣженіе—не сбѣжалъ ли нашъ проводникъ: бѣгомъ догоняю карауль и, о

ужасъ, казаки ведутъ пустого верблюда и не замѣчаютъ этого. Мой окрикъ: «Гдѣ туркменъ?», заставляеть людей караула остановиться и изобразить изъ себя онѣмѣвшія глыбы при лунномъ свѣтѣ. Кричу назадъ въ караванъ: «взводамъ въ цѣпь и искать туркмена». Это разбудило всѣхъ, и скоро туркменъ со своей берданой былъ найденъ лежащимъ пластомъ подъ какимъ-то кустарникомъ. Онъ былъ преданъ вновь въ наши руки своей свѣтлой рубахой и штанами, на его бѣду показавшимися при лунѣ слишкомъ бѣлыми пятнами на темномъ фонѣ и привлечшими вниманіе казаковъ. Бѣдному старику пришлось за такую прыть испытать легкіе удары по затылку.

Послѣ этого туркменъ пустился на другую уловку: онъ началъ стучать зубами и трястись, какъ бы въ сильной лихорадкѣ, говоря при этомъ, что къ нему пришла сама смерть, и онъ никакъ не можетъ идти далѣе. Казаки согрѣли его легкими ударами, накиннули на него шинелку посадили на верблюда и потащили дальше.

Такое событіе не на долго отрезвило людей. Всѣ шли и опять клевали носомъ. Хорошимъ способомъ для приведенія въ сознаніе дремлющихъ оказался шакалій вой, услышанный многими впервые.

Во время прохожденія какой-то фантастической заросли, наши уши были поражены необыкновенно рѣзкимъ воемъ, визгомъ, завываніемъ, поднявшимися со всѣхъ сторонъ. На минуту какъ-то всѣ остолбѣнѣли, и караванъ пріостановился. До знакомыхъ въ этомъ хаосѣ звуковъ дѣтскаго плача я готовъ былъ принять его за вой туркменъ, подбадривающихъ другъ друга изъ своихъ засадъ для схватки съ нами. Дѣтскій плачъ сразу заставилъ меня вспомнить Самаркандъ, озеро Кульмагенъ, гдѣ я часто бывалъ на охотѣ, и небольшихъ хищныхъ звѣрковъ, довольно безобидныхъ-шакаловъ. Это были они, и ихъ было великое множество, т. к. до сего дня я никогда не слыхалъ подобной по мощности души раздирающей симфоніи. Объяснивъ казакамъ причину поразившихъ ихъ звуковъ и, видя, что они достаточно стряхнули съ себя сонъ, быстрѣе двинулъ квразанъ.

20 мая - 2 июня. Лунный свѣтъ какъ-то незамѣтно перешелъ въ утренній. Сильнѣе несется аромат лѣса, болѣе прянно запахла влажная трава. Стали замѣчаться исполинскія жилы корней, о которыя мы ночью не разъ спотыкались, разбивая себѣ ноги.

Разсвѣтъ принесъ съ собою и залпы. Начала стрѣлять наша тыловая застава по туркменской шайкѣ, поставившей себѣ цѣлью хотя бы чѣмъ-нибудь попользоваться отъ насъ: брошеннымъ верблюдомъ или лошадыю.

Вотъ выбрались, наконецъ, и на сухое мѣсто. Посерединѣ полянки — огромныя деревья, и вездѣ высокая, густая, всевозможныхъ сортовъ, трава. За полянкой идетъ нескончаемый сводъ лѣса. Впечатлѣніе создается такое, что и солнце рѣдко заглядываетъ въ эту чащу: до того плотно смыкаются въ ней верхушки лѣсныхъ исполиновъ.

Неглубокіе съ крутыми берегами овраги, по которымъ весело бѣгутъ ручьи съ прозрачной, прохладной водой, доставляютъ намъ немало хлопотъ. Ими вызываются неожиданныя остановки, замедленность хода, а иногда даже и работа лопатой, чтобы сдѣлать спуски и подъемы проходимыми для верблюдовъ. Чувствуешь, что гдѣ-то тамъ, на открытомъ мѣстѣ, совсѣмъ свѣтло, но здѣсь солнца не видно и стоитъ полумракъ. Неожиданно выходимъ на широкую дорогу. Провѣряю ея направленіе по компасу: она идетъ съ востока на западъ.

Находящееся уже довольно высоко солнце освѣтило чудную панораму: влѣво тянутся горы, сплошь покрытыя лиственными деревьями, ярко блестящими своей темно-зеленой окраской, по которой играли лучи солнца, заставляя ее временами, какъ бы, терять свой цвѣтъ и отливать бѣлымъ, сверкающимъ металломъ. На вершинѣ одной изъ горъ необычайно красиво расположена какая-то бѣлая постройка въ европейскомъ стилѣ.

Быть долго на дорогѣ внушало опасеніе: здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, подоспѣвшая шайка туркменъ могла надѣлать намъ вреда, открывъ стрѣльбу вдоль

дороги. Мы перестаемъ любоваться окрестностями и поднимаемся куда-то въ гору по еле замѣтной тропинкѣ. Роміанъ находится за той горой, на которую мы взбирались.

Залпы сзади не умолкаютъ: туркмены не хотятъ насъ бросать. Мы выходимъ на дорогу, расположенную между какими-то колючими изгородами. Временами тутъ пролетаютъ съ трескомъ фазаны, но охотничій инстинктъ у меня попрежнему дремлетъ, и я только ограничиваюсь словами: «не дурно бы закусить фазанчикомъ».

Поднялись на гору, — опять чудное зрѣлище: далеко внизу, въ огромнѣйшей долинѣ, видны квадратики земли со всевозможнѣйшими оттѣнками зелени; бездѣ вода, вода и вода. Впереди далеко — горы, значительно выше тѣхъ, которыя были передъ нами у дороги; на нихъ все тотъ же лѣсъ, такъ пріятно ласкающій наши глаза. Посылаются впередъ отъ насъ верховые, чтобы предупредить жителей о нашихъ мирныхъ намѣреніяхъ.

Караванъ спускается. Все та же дорога съ колючими изгородами и съ малыми зигзагами, на одномъ изъ которыхъ мы встрѣтили случайно перса; послали его влѣво на гору предупредить своихъ, что идутъ друзья, а сзади насъ идутъ туркмены.

Чѣмъ глубже спускаемся внизъ, тѣмъ болѣе видимъ ѣдущихъ къ намъ верхами навстрѣчу персовъ съ головами, повязанными красными платками. Всѣ они ѣдутъ съ земледѣльческими орудіями — кирками, мотыгами, лопатами. У многихъ изъ нихъ, кромѣ этихъ предметовъ, за плечами и ружья. Привычка этихъ пограничныхъ съ туркменами персовъ носить красные платки на головѣ послужила со стороны туркменъ причиной называть ихъ «кизиль-башами» — красно-головыми.

Мы почти уже спустились съ перевала, какъ взбравшіеся на него туркмены принялись насъ провожать выстрѣлами, но совершенно безрезультатно. Голоса туркменъ были намъ отчетливо слышны; они кричали персамъ о насъ, какъ о врагахъ для нихъ.

Было 9 часовъ утра, когда мы остановились у сѣверной окраины Роміана. Кругомъ ручейки; верблюды не знаютъ, гдѣ найти сухое мѣсто. Нѣкоторые казаки, которые прошли все разстояніе пѣшкомъ, падаютъ на землю отъ усталости. Я нахожусь съ караваномъ и жду пріѣзда губернатора, къ которому съ извѣстіемъ о нашемъ приходѣ уже послано.

Многіе находятъ силы пойти въ городъ, закупить тамъ всевозможныхъ явствъ, переплачивая за нихъ безумныя деньги, и вернуться обратно. Последнее обстоятельство повысило цѣну на всѣ продукты на 100, если не больше, процентовъ, и вызывало недоразумѣнія между казаками.

Я съ вершины горы до подножія ея проѣхалъ на верблюдѣ и могъ бороться съ одолѣвающимъ сномъ, но двигаться, кажется, абсолютно былъ не въ состояніи, почему прилегъ на землю въ ожиданіи пріѣзда или губернатора, или кого-либо изъ властей. Въ скоромъ времени мнѣ пришлось подняться, т. к. увидѣлъ приближающуюся къ каравану кавалькаду. Впереди на сивомъ конькѣ ѣхалъ какой-то молодой персъ, около него цѣлая гурьба вооруженныхъ на подобіе придворной свиты; тутъ же видны были и наши два казака.

Изъ распросовъ, я узналъ, что пріѣхавшій молодой человекъ—сынъ здѣшняго губернатора и вмѣсто отца выполняетъ его обязанности. Самъ губернаторъ, онъ же и мѣстный помѣщикъ, былъ въ это время гдѣ-то за Астрабадомъ.

Волей—неволей, всѣ разговоры какъ о житьѣ здѣсь, такъ и о дальнѣйшемъ пути, приходится вести съ его сыномъ. Мальчикъ оказался достаточно смысленымъ: сразу же понялъ необходимость дать намъ скорѣе мѣсто для стоянки; самъ насъ туда проводилъ и на наши вопросы—гдѣ пасты верблюдовъ, обѣщалъ устроить ихъ, указавъ мѣсто для пастыбы. Онъ разрѣшилъ намъ собирать дрова «безданно и безпошлинно»; предоставилъ для могилъ хорошее мѣстечко и присутствовалъ до тѣхъ поръ, пока мы не расположились на бивуакъ.

Мѣсто, отведенное подъ нашъ станъ, было отличное. Рядомъ бѣжала горная рѣчушка съ великолѣпной, какъ хрусталь, водой, кругомъ—гранатовыя деревья, всѣ въ красныхъ цвѣтахъ. Мы, такъ сказать, расположились на задахъ Роміана. Это было очень удобно,—базаръ совсѣмъ подъ рукой.

Старика, взятаго въ послѣднемъ, встрѣченномъ на пути аулѣ, по просьбѣ сына губернатора,—отпустили. Тотъ же старикъ Акъ-атабаевецъ, котораго мы не согласились отпустить на волю въ Куметѣ, какъ остальныхъ своихъ заложниковъ, сумѣлъ отъ насъ сбѣжать во время переправы черезъ Гюрчень. Воспользовавшись произошедшей суматохой изъ-за перевернутаго плотика, онъ незамѣтно отъ казаковъ нырнулъ подъ яръ и пропалъ въ густыхъ камышахъ. Когда замѣтили его отсутствіе, то было уже поздно.

Наступилъ вечеръ, мы отправились цѣлой компаніей къ сыну губернатора, поручивъ разводить дипломатію все тому же Ив. Ивановичу. Онъ долженъ былъ разрѣшить много вопросовъ, изъ которыхъ первый былъ связанъ съ продажей части верблюдовъ для пріобрѣтенія средствъ на наше пропитаніе. Мы не теряли надежду, что дойдемъ когда-нибудь до англичанъ, въ казнѣ же нашей не оставалось ни копейки, вѣрнѣе сказать, ни сторублеваго билета, какъ сибирскаго, такъ добровольческаго и донскаго. До переправы таковыхъ билетовъ у насъ было болѣе, чѣмъ на полмилліона. Обмѣнявъ ихъ здѣсь, мы бы могли имѣть 200 крановъ, которые равнялись бы нашимъ 40 серебрянымъ рублямъ, конечно, все это при условіи, если бъ персы согласились мѣнять. Денежные куржумы, накинутые прямо на верблюда во время переправы, были сбиты при погрузкѣ животнаго въ воду теченіемъ. Послѣ переправы никто не догадался провѣрить вьюка. Когда же это сдѣлали, то изъ-за розыска куржумъ не стоило терять времени. Такъ, не крикнувъ намъ послѣдняго прости, уплыли наши денежки: донскія, добровольческія, сибирскія. Туркмены, повидимому, потомъ ихъ выловили. Въ одной красной газеткѣ, полученной въ Шахрудѣ, было такое сооб-

щеніе: «туркменами разбита шайка бѣлогвардейцевъ; добычи взято поразительно много: масса золота, серебра, пулеметовъ, патронъ, винтовокъ, бомбъ. Взято много плѣнныхъ и пр. и пр. и пр.

Послѣ вопроса о продажѣ верблюдовъ Ив. Ив. долженъ былъ разрѣшить и врачебный,—гдѣ возможно достать марли, іода, хинина и другихъ, самыхъ необходимыхъ лѣкарствъ. Самая же главная его забота была—добиться бумаги на пропускъ насъ въ Астрабадъ или Шахрудъ, въ зависимости отъ политическаго положенія.

Я въ дорогѣ отъ Кумета сюда слыхалъ, сейчасъ не помню отъ кого,—разсказъ турецкаго офицера, находящагося у туркменъ, о положеніи въ Персіи. Въ самой Персіи—неразбериха: туркмены противъ туркменъ, персы противъ персовъ, туркмены на персовъ и персы на туркменъ. Всюду и вездѣ здѣсь масса разбойничьихъ шаекъ. Послѣднее свѣдѣніе было совсѣмъ неутѣшительно для насъ, но какое-то чувство подсказывало, что разбойники остались уже позади. Остальныя свѣдѣнія о томъ, что Ашуръ-Ада, Инзели взяты красными, англійскія войска отозваны въ Англію, могли безусловно внушать опасенія за дальнѣйшую нашу участь. Немного радуется изъ разговора, что въ Бастамѣ и Шахрудѣ они (англичане) еще есть.

На обязанности Ив. Ивановича лежало еще ознакомленіе съ цѣнами на различные продукты, какъ-то: муку, чуреки, мясо, керосинъ, Послѣдній былъ намъ необходимъ для чистки винтовокъ и пулеметовъ.

Сидѣли у гостепріимнаго молодого правителя недолго, т. к. онъ не бралъ на себя рѣшенія нашихъ вопросовъ. Указалъ только лавченку, гдѣ мы можемъ купить марли на бинты и лѣкарство. На все остальное у него былъ одинъ отвѣтъ: «Отецъ пріѣдетъ и сдѣлаетъ все для васъ». Оставаться намъ уже не хотѣлось и мы вернулись къ себѣ на бивуакъ.

* * *

Среди массы персовъ, наводнившихъ лагерь, была и женщина, которая подошла къ намъ, со всѣми поздоровалась и довольно хорошо по русски объяс-

нила, что она долгое время служила прислугой у разныхъ русскихъ господъ и предложила свое посредничество между нами и торговцами. Она здѣсь же указала цѣны на все необходимое намъ, переведя вѣсь и мѣру на русскіе образцы. Мы тутъ же убѣдились, какъ дорого переплачивали казаки, набросившись съ голода на съѣстные припасы при прїѣздѣ: за маленькій чурекъ, величиною не больше тарелки, они платили цѣлый кранъ, (т. е. 20 коп. серебромъ), тогда какъ за эти деньги можно было купить цѣлыхъ три огромныхъ, величиною съ тазъ, лепешки.

Отъ этой персіянки мы узнали и про Куметъ, — какъ туркмены покончили тамъ со всѣмъ русскимъ элементомъ, и о томъ, что они съ тѣхъ поръ не признаютъ никого: ни русскихъ, ни персовъ, хотя считаются персидскими подданными. Она рассказала намъ, какъ персидское правительство осклосъ въ своемъ желаніи подчинить и умиротворить туркменъ, какъ цѣлые персидскіе полки, потерявъ двухъ-трехъ убитыхъ въ бояхъ съ туркменами, постыдно возвращались въ свои предѣлы.

Отъ нея узнали, что то зданіе, которое обратило наше вниманіе по дорогѣ на горѣ, принадлежало одному русскому офицеру, задумавшему здѣсь разводить какія-то плантаціи. Одновременно съ разгромомъ русскихъ домовъ въ Куметѣ, были сведены на нѣтъ всѣ его работы, помнится, и самъ хозяинъ.

Про сына губернатора она выражалась не иначе, какъ: «Маленькій еще, глупый, но хорошій человѣкъ».

Она сочла необходимымъ посвятить насъ въ то, что молодымъ человѣкомъ посланъ къ отцу гонецъ, какъ только онъ узналъ, что пришли русскіе и благожелательно настроенные. Мы не мало подивились дѣтской торопливости. Зналъ ли онъ — кто мы, зачѣмъ пришли, что вытерпѣли, задаемъ ей этотъ рядъ вопросовъ и получаемъ въ отвѣтъ: «Конечно, не зналъ, какъ и мы всѣ не знали».

Предупредительность молодого сына губернатора превзошла наши ожиданія: къ вечеру онъ къ нашимъ постамъ прибазилъ вооруженныхъ персовъ. Это было

очень кстати: мы были слишком переутомлены, и чувство безопасности привело бы къ тому, что караульные покойно спали бы, а персы воровали что только могли. И при такой усиленной охранѣ туземцы насъ здорово обкрадывали, что бы было при однихъ нашихъ караулахъ?

Надо отдать полную справедливость и азіатскому любопытству и барышничеству. Не смотря на всѣ пинки, тычки, подзатыльники, удары вѣтокъ или хлыстовъ, щедро расточаемыхъ по персамъ, какъ самимъ сыномъ губернатора, такъ и приставленными къ намъ охранителями, «кизиль-баши» по уходѣ послѣднихъ вновь появляются въ лагерѣ, какъ будто выныривая для этой цѣли изъ земли.

21 Мая - 3 Іюня. Жизнь вошла сразу въ колею. Верблюдовъ угнали въ горы пастись. Всѣ больше лежали, чѣмъ ходили, заботились объ ѣдѣ и чаѣ, понадѣлали себѣ какіе-то шалаши для защиты отъ дождичка и занимались въ нихъ избіеніемъ насѣкомыхъ на своихъ единственныхъ рубашкахъ. Часто купались.

* * *

22 Мая - 4 Іюня. Два мѣсяца тому назадъ, преданные въ руки красныхъ 1.500 бойцовъ-казаковъ, остатокъ Уральской Арміи, въ большинствѣ не оправившихся отъ тѣхъ бѣдъ, которыя, какъ изъ рога изобилія сыпались на нихъ и на родной землѣ, и во время зимняго похода на Фортъ, рѣшаютъ сдаться, не чинивъ при этомъ никакихъ препятствій выходу своего Атамана съ единомыслящими съ нимъ людьми.

Два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы рѣшили куда-то идти; выходили всѣ пѣшими съ незначительнымъ количествомъ провіанта.

Всѣ слабые отъ насъ отстали. Такъ, покинулъ насъ отрядъ партизанъ кап. Рѣшетникова въ составѣ 17 человекъ; 18-го Апрѣля покидаетъ нашъ отрядъ еще одна группа, на берегу моря раздѣлившаяся на двѣ партіи: рискнувшихъ ѣхать къ Персіи моремъ и рѣшившихся догнать меня.

Эта значительная группа покидаетъ отрядъ, когда у меня зародилась надежда пробраться въ Персію:

верблюдовъ къ этому времени было достаточно—по одному на каждаго. Одни изъ нея покинули отрядъ, откровенно сознавшись въ потерѣ вѣры въ благополучный нашъ выходъ. Они ясно говорили мнѣ о невозможности борьбы съ могущими встрѣтиться на пути препятствіями: пространствомъ, туркменами и, быть можетъ, красными. Другіе, покидая добавляють къ вышесказанному и недовольство мною, обвиняя меня въ томъ, что я имѣю дѣло только со взводными командирами и не считаюсь съ мнѣніями старыхъ офицеровъ. Третьи главнымъ мотивомъ оправданія своего ухода ставили возможность преданія ихъ казаками въ руки красныхъ.

Во второй группѣ отдѣлившихся было 34 человекъ. Въ ней были всѣ офицеры бывшего штаба Арміи и корпусовъ. Спаслись же изъ нея только казаки въ числѣ 10 человекъ, во главѣ съ полк. Сладковымъ. Они претерпѣли не мало злоключеній, вплоть до персидской тюрьмы въ Тегеранѣ и значительно ранѣ насъ прибыли въ мѣста бывшего земного «рая».

Не могу не сказать нѣсколько словъ относительно обвиненія меня нѣкоторыми изъ офицеровъ группы полк. Сладкова въ томъ, что я ихъ бросилъ на голодную смерть и что только, благодаря какому-то чуду они спаслись и имѣли возможность прибыть въ «рай».

Имъ было приказано во время откола выдать провіанта всего на 10 дней, а на свой отрядъ я имѣлъ его на цѣлыхъ 20. Это правда, но правда и то, что они шли къ берегу моря, отстоявшаго отъ мѣста нашего раздѣленія всего-на-всего на 18 верстъ; шли они туда съ желаніемъ—какъ можно скорѣе куда-то ѣхать, —или въ Фортъ или въ Персію.

«Если они поѣдутъ въ Фортъ»,—думалъ я,—«то при попутномъ вѣтеркѣ они могутъ сдѣлать 300 верстъ въ два дня; если же поѣдутъ въ Персію,—могутъ быть въ ожиданіи на берегу моря и цѣлый мѣсяцъ, но опять же, возможно, что прождутъ тамъ только три дня».—и мнѣ, безусловно, было очень трудно догадаться, когда они могутъ сѣсть на судно.

До нѣкоторой степени, предвидя случайность ихъ долгаго времяпрепровожденія на берегу моря, я выдалъ ген. Вл. Ив. Моторнову не малую сумму—200.000 руб. Мнѣ достовѣрно было извѣстно, что уходящіе отъ насъ, кромѣ огромныхъ при себѣ у нѣкоторыхъ суммъ денегъ, имѣли и драгоцѣнности въ золотѣ и вещахъ.

Моему же отряду по картѣ надо было пройти не менѣе 1500 верстъ, имѣя запасъ провіанта всего-навсего на 20 дней, тогда какъ пути было не менѣе, чѣмъ на 40. На остальное время его, значить, надо было доставать, что мы и дѣлали, не останавливаясь передъ возможностью драться какъ съ киргизами, такъ и съ туркменами, чего часть изъ нихъ, уходя отъ насъ, сознательно избѣгала.

Я считаю себя совершенно правымъ и вижу со стороны лицъ, обвинявшихъ меня въ бросаніи кого-то на голодную смерть въ лучшемъ случаѣ недомысліе, которое стараюсь уничтожить приведенными выше соображеніями.

Послѣ того, какъ отрядъ былъ безъ всякаго бу-дирующаго элемента, онъ необыкновенно дружно пошелъ впередъ и сократилъ время перехода съ 40 сутокъ до 33.

Свой путь мы запечатлѣли могилками сраженныхъ бойцевъ, какъ отъ пуль кочевниковъ, отъ тяжести похода, такъ и отъ шахрудской маляріи.

И здѣсь въ Роміанѣ мы схоронили честнаго и храбраго поручика Н. І. Сидоренко, сумѣвшаго казакъ заставить полюбить и уважать себя.

Ни одного слова ропота, ни жалобы на ужасныя условія, когда ему, раненому въ животъ, цѣлыхъ пять переходовъ пришлось ѣхать привязаннымъ къ верблюду, какъ будто, только для того, чтобъ здѣсь въ Роміанѣ лежать на кошемкѣ, не быть переодѣтымъ въ чистое и спокойно, хладнокровно умирать, вполне сознавая это. Такъ умирать могутъ только герои.

«Ты не казакъ родомъ, дорогой Николай Іосифовичъ, но какъ-ты высокъ духомъ! Вѣрь, что твой образъ запечатлѣлся навсегда въ моемъ сердцѣ. Если

Богъ приведетъ говорить о тебѣ, разрѣши причислить тебя къ намъ, чтобы будущее поколѣніе ясно сознавало величину и значеніе человѣческаго духа. Миръ праху твоему, свѣтлый рыцарь, нашъ казакъ!»

Могилки пришлось оставить и въ Шахрудѣ: похоронили тамъ ген.-м. Еремина и казака; оба умерли отъ истощенія персидской маляріей. Могилка наша есть и на пути отъ Шахруда въ Тегеранъ: въ Семганѣ похоронили казака, раненаго киргизомъ на колодищѣ Кошъ-Кую. Безъ похоронъ не обошлось и во время пребыванія нашего въ Тегеранѣ: здѣсь умерла отъ раны жена сотника Пастухова. Она была ранена съ 15 на 16 Мая. Умеръ отъ всего перенесеннаго вахи. Карташевъ; умерла маленькая дочь у прап. Таршилова; умеръ прап. Пономаревъ, рискнувшій въ свое время ѣхать мнѣ навстрѣчу во время зимняго похода; умеръ старикъ Истоминъ, при своемъ преклонномъ возрастѣ не справившійся съ тѣми напастями, которыя пришлось ему переживать. Въ Хамаданѣ, на пути нашемъ изъ Тегерана въ земной «рай», померъ старикъ Болдыревъ, на котораго, кромѣ общихъ напастей, повліяла и смерть сына и, наконецъ, въ «земномъ раю» скончался казакъ Скачковъ.

Не хочется вѣрить, что мы всѣ поумираемъ гдѣ-то на чужбинѣ. Будемъ надѣяться на Бога, чтобы Онъ привелъ кому-нибудь изъ насъ снова быть на Уралѣ.

Еще разъ прошу дорогихъ бойцовъ смѣлѣе голову держать и помнить: мы казаки съ Урала и унывать намъ не къ лицу.

ДУМЫ ВЪ „РАЮ“.

Говорятъ, что въ раю занимаются, казнясь или радуясь, воспоминаніями своихъ земныхъ дѣлъ. Масса свободнаго времени невольно заставила меня оглянуться на прошлое, не безъ задней мысли, какъ это часто бываетъ у русскихъ людей, подготовиться уроками былого къ новой земной жизни.

Годъ тому назадъ кто могъ думать и предугадать, что въ своихъ странствіяхъ по бѣлому свѣту, мы не минуемъ и мѣстъ бывшаго «земного рая».

Всѣ гадалщики, къ которымъ обращались суевѣрные люди, предсказывали появленіе въ Россіи царя и возвращеніе насъ къ себѣ на Родину. Промежутокъ времени, по минованіи котораго должно это случиться, у каждаго гадалщика былъ свой. Изъ разговоровъ на «земныхъ этапахъ», я вывелъ заключеніе, что это будетъ никакъ не ранѣе недѣли и не позднѣе семи лѣтъ.

Опредѣлившіе недѣльный срокъ для такого важнаго событія, ясное дѣло—прорицатели низшаго порядка. Не такъ обстоитъ дѣло съ назначившими семилѣтній срокъ: ихъ можно уличить въ обманъ только черезъ шесть лѣтъ.

Что намъ предстоитъ довольно долго мыкаться по разнымъ странамъ, видно изъ нижеслѣдующаго: не можетъ быть, чтобы наше многодневное сидѣніе на берегу райской рѣки Тигра, абсолютно безъ всякаго дѣла, было бы безконечнымъ.

Не должно быть, что сцѣпившіяся такъ обстоятельства держали бы насъ въ невозможности выяснить свою прошлую и будущую роль въ судьбѣ многострадальной Россіи, а также и роль сухопутно-морского паразита въ союзѣ со всей тыловой нечистью, свалившаго начавшее защищаться отъ коммунистическихъ грязныхъ лапъ огромное тѣло Россіи, за которое мы какъ и многіе честные люди, бились, лили кровь свою и противниковъ, въ большинствѣ также честныхъ людей.

Одна какъ будто судьба, судьба русскаго обывателя, загнала насъ сюда, какъ и нашихъ предателей, но это не можетъ быть для насъ поводомъ къ приреченію.

Не должна быть забыта гнусная дѣятельность ихъ въ то время, когда мы и другія русскія арміи изнемогали въ борьбѣ, казалось, съ общимъ государственнымъ врагомъ, а они занимались въ это время интригами, провокаторствомъ, барышничествомъ; всѣ

ляли недовѣріе главамъ армій, борющихся за одно дѣло, другъ къ другу; возстановливали своимъ вѣчнымъ шлянїемъ въ тылахъ и грязными дѣлами недовѣріе среди населенія, какъ къ рядовымъ бойцамъ, такъ и къ командному составу; самое же главное—лишали общаго языка людей, стоящихъ въ одномъ мѣстѣ и при одномъ и томъ же дѣлѣ—защиты Родины.

Не можетъ быть забыта и прощена нами ихъ захханалія въ то время, когда мы, брошенные ими, вынуждены были выходить изъ Форта и идти долгое время по берегу моря, тратя скудные свои запасы и ожидая въ нихъ пробужденія совѣсти. Они же въ это время торговали всѣмъ, чѣмъ только можно было, начиная съ государственнаго и войскового имущества и кончая нашимъ личнымъ жалкимъ, но необходимымъ для насъ, скарбомъ.

Правда, они въ «раю» нашли оправданіе заглушить свою совѣсть и попытаться втереть очки другимъ: суда были неисправны. Не оправданіе ли это мошенниковъ изъ сословія шофферовъ, когда имъ невыгодно куда-либо ѣхать!

Глубоко вѣрю, что въ будущей Великой Россіи, если не они будутъ краснѣть отъ стыда, то родившіеся отъ нихъ.

Опечатки.

Страница:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
1	5 сверху	Облигающихъ	Облегающихъ
1	3 снизу	Мангишлагскаго	Мангишлакскаго
3	11 сверху	Имѣвій	Имѣвшій
4	8 сверху	подумаль, я	подумаль я,
5	10 сверху	въ верстахъ	верстахъ въ
6	16 снизу	Мангишлагскаго	Мангишлакскаго
9	8 снизу	кошмарнаго	Кошарнаго
12	3 снизу	быль	быль-бы
14	1 снизу	видя, вашу	видя вашу
27	1 снизу	различно	отлично
29	4 сверху	дровянной	дровяной
33	17 снизу	линіи	линію
43	1 сверху	трепья	тряпья
45	13 сверху	обходнаго	обходнаго
45	19 сверху	меня меня	меня
46	16 сверху	чая, по	чая по
46	17 сверху	пошелъ во дворъ по- шелъ во дворъ	пошелъ во дворъ
49	15 сверху	и на Прорвѣ, гнали	и на Прорвѣ гнали
55	9 снизу	только потому	потому
66	6 снизу	на третій послѣ	на третій день послѣ
69	5 сверху	на караулъ!	на караулъ!
85	8 снизу	краисъ	крысь
86	2 сверху	нами эвакуаціей	ими эвакуаціи
99	4 снизу	Ник. Ив.	Ник. Гавр.
101	10 снизу	Такъ вотъ недавно	Такъ вотъ, недавно
101	8 снизу	И намъ киргизамъ	И намъ, киргизамъ,
105	20 сверху	Челабова	Челабовой
107	10 сверху	присутствующіе, устремляемъ	присутствующіе устремляемъ
108	14 сверху	арестова	арестована

Стр- ица:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
127	5 снизу	офицеромъ	офицерами
129	17 сверху	плохо удеру	плохо, удеру
131	9 сверху	отрядъ отрядъ	отрядъ
137	10 снизу	партизана	партизанъ
142	3 снизу	дасть	даетъ
144	5 сверху	изъ глубокихъ	изъ неглубокихъ
157	12 сверху	и даже	Идаже
192	8 снизу	но, спустившись	но не спустившись
208	6 сверху	пожелъ	пошелъ
212	5 снизу	въ лагерное	за лагерное
242	9 сверху	отстановку	остановку
247	6 снизу	верхомъ	бѣгомъ
251	3 снизу	были	было
252	5 сверху	объщаніе	обѣщаніе